

Берда
1936.

ГЕНЕРАЛЪ
Н. Н. ГОЛОВИНЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ КАМПАНІИ
1914 ГОДА
НА РУССКОМЪ ФРОНТѢ

ПЛАНЪ ВОЙНЫ

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

1936.

Paris — 1936

Складъ изданія: Fédération des Invalides Russes.
3-bis, rue Adolphe Cherioux. Issy-les-Moulineaux (Seine).

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ представляетъ собою первый томъ задуманнаго мною шеститомнаго труда по исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ Фронтѣ. Два послѣдующихъ тома уже вышли. Одинъ — подъ заглавіемъ: «Начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи»*). Другой изъ нихъ озаглавленъ: «Галиційская Битва (первый періодъ)**).

Болѣе поздній выходъ въ свѣтъ перваго тома, по сравненію съ вышепоименованными двумя, обуславливается болѣе позднимъ появленіемъ въ печати нужныхъ для изслѣдованія источниковъ.

Составленіе плана войны представляетъ собою самую трудную и сложную часть работы Генеральнаго Штаба. Вслѣдствіе этого вполнѣ естественны многочисленные промахи и крупныя ошибки. Въ этомъ легко убѣдиться, изучая не только нашъ планъ войны, но и планы нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ. Я считаю необходимымъ обратить вниманіе на это читателя, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ чтенію самого текста моей книги. Очень печальна та правда, которая въ ней вскрыта. И не «въ судъ и не въ осужденіе», а лишь для того, чтобы будущія поколѣнія нашего Генеральнаго Штаба смогли бы избѣгнуть повторенія хотя бы нѣкоторыхъ изъ содѣланныхъ ошибокъ. Война становится все болѣе и болѣе научной. За ошибки же приходится расплачиваться кровью своихъ войскъ, а иногда и пораженіями. Съ надеждой, что вѣра въ науку окрѣпнетъ въ нашихъ новыхъ поколѣніяхъ Генеральнаго Штаба, я и посвящаю эту книгу моимъ многочисленнымъ ученикамъ.

Настоящій трудъ выходитъ въ свѣтъ въ изданіи Главнаго Правленія Зарубежнаго Союза Русскихъ военныхъ инвалидовъ и я приношу глубокую благодарность Предсѣдателю Зарубежнаго Союза ген.-лейт. М. Н. Кальницкому и всѣмъ членамъ Главнаго Правленія за вниманіе, оказанное моей работѣ.

---

*) Напечатанъ въ 1926 году издательствомъ «Пламя» въ Прагѣ.

**) Напечатанъ въ 1930 году издательствомъ «Родникъ» въ Парижѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

От автора V

Глава I-ая: ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ

Численность и боевая сила Рус. Арміи 1
Мобилизація 4
Сосредоточеніе 9
Военно-Инженерная подготовка 14
Международная политическая обстановка 19

Глава II-ая: РАЗРАБОТКА ПЛАНА ВОЙНЫ

Планъ 1910 года 24
Записка ген. М. В. Алексѣева отъ 17-го февр. 1912 г. 32
Вопросъ о прямомъ и непрямомъ стратегическомъ воздѣйствіи на Германію въ первоначальную операцію 36

Глава III-ья: РАЗРАБОТКА ПЛАНА ВОЙНЫ (продолженіе)

Комиссія ген. П. И. Постовскаго 43
Московское Совѣщаніе Начальниковъ Штабовъ Округовъ и ихъ генералъ - квартирмейстеровъ 48
Проектъ отъ 1-го марта 1912 г. 51
Записки генераловъ Клюева и Алексѣева 57

Глава IV-ая: ПЛАНЪ 1912 ГОДА

Стратегическія заданія 62
Развертываніе и распредѣленіе силъ 71
Сроки сосредоточенія 79

Глава V-ая: ПЛАНЪ 1912 ГОДА (продолженіе)

Планъ операціи въ Вост. Пруссіи 86
Планъ операціи въ Галиціи 93

Глава VI-ая: ДАЛЬНѢЙШАЯ РАЗРАБОТКА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ОПЕРАЦІЙ ПО ПЛАНУ ОТЪ 1-го МАЯ 1912 Г.

Работа ген. Клюева 108
Работа ген. М. В. Алексѣева 114
Докладъ ген. Жилинскаго отъ 19-го янв. 1913 г. 119
Военная игра старшихъ начальниковъ въ апр. 1914 г. 124

Глава VII-ая: ПОДГОТОВКА Г. У. Г. Ш НОВАГО ПЛАНА ВОЙНЫ
Основныя соображенія 191 г.; докладъ Нач. Ген. Штаба 129
Основныя идеи развертыванія 1913 г. 134
Раіоны сосредоточенія и стратегическія заданія по проекту 1913 г. 139
Составъ армій по проекту 1913 г. 144

Глава VIII-ая УСТРОЙСТВО СНАБЖЕНІЯ И ТЫЛОВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ ПО ПЛАНУ 1912 ГОДА
Состояніе неприкосновенныхъ запасовъ 150
Армейскіе и фронтовые тылы, и вопросъ о базисныхъ магазинахъ. 155
Обезпеченіе Армій и Фронтовъ мѣстными арт. парками, хлѣбопекарнями и госпиталями 160
Обезпеченіе Армій и Фронтовъ транспортами 168

Глава IX-ая: БОЛЬШАЯ ПРОГРАММА 1914 ГОДА
Предпосылки «большой программы 1914 г.» 174
Изъ воспоминаній члена Государственной Думы Н. В. Савича 178
Въ чемъ заключалась «большая программа 1914 г.» 182
Оцѣнка «большой программы 1914 г.» 186
Изъ воспоминаній гр. В. Н. Коковцева 192

Глава X-ая: ПОСЛѢДНІЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ
Совѣщаніе Русскаго и Французскаго Начальниковъ Генер. Штабовъ въ 1910 и 1911 г. г. 202
Совѣщаніе Русскаго и Французскаго Начальниковъ Ген. Штабовъ въ 1912 г.; заключеніе военно-морской конвенціи 206
Совѣщаніе Русскаго и Французскаго Начальниковъ Ген. Штабовъ въ 1913 г. 211
Изъ воспоминаній гр. В. Н. Коковцева 215
Заключеніе желѣзнодорожнаго займа въ 1913 г. 224

Глава XI-я: ПРОВѢРКА, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ЖИЗНЬЮ
Первые дни мобилизаціи и назначеніе Вел. Кн. Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ 227
Періодъ господства въ Верхов. Управленіи Дѣйствующей Арміи идей составителей плана войны 233
Выправленіе плана войны Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ.. 240
Общее заключеніе 247

ПРИЛОЖЕНІЕ: **Предположительный проектъ операціи въ Галиціи, составленный авторомъ въ духѣ «Милютинской стратегіи».** 257

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Общія Основанія

ЧИСЛЕННОСТЬ И БОЕВАЯ СИЛА РУССКОЙ АРМІИ.

Въ 1914 году Русская Армія мирнаго времени насчитывала 1.400.000. Съ объявленіемъ общей мобилизаціи призывались всѣ раньше служившіе въ арміи мирнаго времени. Они предназначались для доведенія перволинейныхъ войскъ, существовавшихъ въ мирное время, до штатовъ военнаго времени, для формированія второлинейныхъ войскъ, для формированія частей и учрежденій тыла а также запасныхъ батальоновъ, для пополненія потерь Дѣйствующей Арміи.

Все это доводило численность Русской вооруженной силы до 4.900.000. Возрастъ солдатскаго состава арміи колебался между 21 и 43 годами.

Но кромѣ этихъ 4.900.000 военно-обученныхъ людей въ Россіи существовало еще такъ называемое «ополченіе». Послѣднее состояло изъ лицъ тѣхъ же возрастныхъ классовъ (отъ 21 до 43 лѣтъ), но не прошедшихъ черезъ ряды арміи мирнаго времени. Блюдя интересы крестьянскаго хозяйства русскій законъ о всеобщей воинской повинности очень широко освобождалъ отъ военной службы сыновей малодѣтныхъ семей. Численность ополченія измѣрялась 6.000.000. Изъ него предполагалось формировать спеціальныя ополченскія части (дружины) для несенія охранной службы въ глубокомъ тылу, а также употреблять его, какъ рабочую силу. Состоя изъ людей совершенно военно необученныхъ, вооруженныхъ совершенно устарѣлой винтовкой образца 1877 года, ополченскія части *никакой* боевой силы не представляли. Въ виду этого, нашъ планъ войны предполагалъ призвать при общей мобилизаціи для формированія ополченскихъ частей только 400.000; остальная же часть ополченія разсматривалась какъ резервуаръ людей, изъ котораго, по мѣрѣ надобности, въ продолженіе войны можно было черпать дальнѣйшія пополненія для запасныхъ батальоновъ.

Такимъ образомъ, нашъ планъ войны считалъ возможнымъ начать войну, имѣя въ своемъ распоряженіи 5.300.000 людей.

Интересно сравнить эту цифру съ числомъ призванныхъ людей во время войны:

Въ теченіи	1914 г.	было	призвано	6.553.000
»	1915 г.	»	»	5.047.000
»	1916 г.	»	»	3.048.000
»	1917 г.	»	»	730.000
			Итого	*15.378.000*

5.300.000, съ которыми мы начинали войну, представляли собой 3,5% общей численности населенія Россійской Имперіи. 4.000.000 съ которыми начинала войну Германія, составляли 6% ея населенія.

Процентъ призванныхъ заслуживаетъ особаго вниманія, ибо многолюдіе Россіи настолько импонировало воображенію широкой публики, что въ общественномъ мнѣніи союзниковъ Россіи создалось преувеличенное представленіе о дѣйствительной мощи Россіи. Въ этомъ легко убѣдиться просмотрѣвъ статьи, напечатанныя во время войны, въ англійской газ. «Таймсъ». Россія уподобляется паровому катку (steam-roller); считалось, что Германія не въ состояніи будетъ устоять передъ тяжестью этого «стимъ-роллеръ», накатывающагося съ востока. Подобныя разсужденія находили мѣсто не только въ обывательской средѣ, но и въ Генеральныхъ Штабахъ какъ нашихъ союзниковъ, такъ и нашихъ враговъ. Ошибка всѣхъ подобнаго рода разсужденій была основана на томъ, что упускался изъ виду техническій характеръ современной войны. Подобно тому, какъ и на современной фабрикѣ полезное количество людей опредѣляется числомъ людей, необходимыхъ для обслуживанія машинъ, подобно этому и въ современной Арміи существуетъ предѣлъ полезной численности людей, устанавливаемый количествомъ имѣющихся на вооруженіе боевыхъ машинъ. И какъ на современной фабрикѣ превышеніе этого предѣла не ведетъ къ увеличенію производительности ея работы, такъ же точно излишнее количество людей не увеличиваетъ боевой силы Дѣйствующей Арміи; оно даже можетъ понизить ее, такъ какъ вызываетъ вредную тенденцію начальниковъ пытаться лишними потоками человѣческой крови замѣнить недостающую технику.

Для того, чтобы Россія могла бы при своей мобилизаціи проявить такое же напряженіе людьми, какъ Франція и Германія, требовался столь большой военный бюджетъ, который ей былъ не по силамъ. Но даже призывая около 5.300.000 людей, нашъ планъ войны уже перешелъ предѣлъ полезнаго насыщенія арміи людьми. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать на слѣдующее.

Боевая сила современныхъ армій измѣряется числомъ пѣхотныхъ дивизій. Такъ вотъ, при 5.300.000 людей, русскій планъ войны разворачивалъ боевую силу, равную 114 пѣхотныхъ дивизіямъ. Германія же при 4-хъ милліонахъ людей разворачивала боевую силу въ 123 пѣхотныхъ дивизіи. Иначе говоря — нашъ планъ войны использовалъ свой людской матеріалъ на 35% менѣе продуктивно, нежели германскій.

Но эта меньшая «продуктивность» выразится еще болѣе ярко, если мы сравнимъ боевую силу Русской и Германской пѣхотной дивизіи.

Въ Русской Арміи пѣхотная дивизія состояла изъ 16 батальоновъ и 6 батарей легкихъ 3" пушекъ. Въ Германіи же полевая дивизія состояла изъ 12 батальоновъ и 12 батарей (изъ которыхъ 3 батареи были 4" гаубицы). Въ условіяхъ 1914 года лишніе 4 батальона не увеличивали боевой силы пѣхотной ди-

Таблица показывающая боевую силу полевыхъ дивизій различныхъ государствъ въ 1914 г.

Держава	Составъ полев. пѣхотн. дивизіи.				Части, входящія въ составъ корпуса и служащія для усиленія дивизій.				
	Пѣх.	Кав.	Артиллерія		Пѣх.	Кав.	Артиллерія		
			75-80 мм.	100-105 мм.			75-80 мм.	120 мм.	150-155 мм.
Россія	16 бтл.	1 эск.	6 бтр.	0	0	6 эск. каз.	0	бтр.	0
Франція *) .	12 бтл.	1 эск.	бтр.		0	эск.	12 бтр.		0
Германія ...	12 бтл.	4 эск.	9 бтр.	3 бтр.	1 стр. бтл.	0	0	0	4 бтр.
Австро - Венгрія	13-14 бтл.	2 эск.	5 бтр.	2 бтр.	0	1 эск.	0		2 бат.

*) **Примѣчаніе.** Если принять во вниманіе наличіе во французскомъ двухдивизіонномъ корпусѣ 12 батарей корпусной артиллеріи, мы увидимъ, что французская полевая дивизія имѣла огневую силу также равную 12-ти батареямъ.

визіи. Въ теченіе войны Россія перешла съ 16-ти батальоновъ въ дивизіи на 12, и боевая сила ея пѣхотной дивизіи отъ этого не уменьшилась. За то вдвое меньшее число батарей дѣлало Русскую дивизію значительно слабѣе нѣмецкой полевой пѣхотной дивизіи. Правда, нѣмецкія второлинейныя пѣхотныя дивизіи не были столь же богато снабжены артиллеріей, но если принять во вниманіе, что Германская армія имѣла въ корпусахъ и арміяхъ полевую тяжелую артиллерію а мы ея почти не имѣли, то все таки различіе въ смыслѣ артиллерійскаго огня между Русской и Германской дивизіями было столь велико, что можно считать, что въ среднемъ боевая сила одной нѣмецкой пѣхотной дивизіи равнялась боевой силѣ полутора русскихъ пѣхотныхъ дивизій. Вѣрность этого коэфиціента подтверждается всѣмъ боевымъ опытомъ послѣдовавшей трехъ-лѣтней борьбы Русской и Германской армій.

Это различіе въ боевой силѣ русскихъ и германскихъ пѣхотныхъ дивизій является существенно важнымъ для всѣхъ дальнѣйшихъ оперативныхъ расчетовъ. Здѣсь же мы используемъ этотъ выводъ для того, чтобы указать на то, что Русская Армія 1914 года, съ общей численностью въ 5.300.000, вслѣдствіе более слабаго артиллерійскаго вооруженія, должна была почитаться по крайней

мѣрѣ въ полтора раза, въ боевомъ отношеніи, слабѣе германской, общая численность которой была 4 милліона.

Русскій генеральный штабъ, послѣ опыта войны съ Японіей въ 1904-05 г.г., конечно, не могъ не оцѣнить возросшее значеніе артиллерійскаго огня въ современномъ бою. Но доведеніе, въ этомъ отношеніи, нашей Арміи до германскаго уровня требовало большихъ денежныхъ затратъ. Возстановленіе же нашей вооруженной мощи, послѣ неудачной для насъ Японской войны, потребовало столь большихъ ассигнацій, что, къ усиленію артиллерійскаго вооруженія нашей арміи рѣшено было приступить только въ 1915 г. Это и предвидѣла наша большая программа 1914 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что опасеніе увидѣть Русскую Армію въ 1915 г., если и не съ равнымъ нѣмецкому артиллерійскимъ вооруженіемъ то, во всякомъ случаѣ, значительно возросшимъ послужило одной изъ причинъ того, что нѣмцы начали свою, такъ называемую «предупредительную войну», осенью 1914 года.

Союзникъ Германіи — Австро-Венгрія въ артиллерійскомъ отношеніи лишь немного превосходила Россію. Ея пѣхотная дивизія имѣла при 13-14 батальонахъ 5 батарей легкихъ пушекъ и 2 батареи легкихъ гаубицъ. Поэтому, въ нашихъ дальнѣйшихъ стратегическихъ расчетахъ мы будемъ принимать боевую силу русской и австро-венгерской пѣхотной дивизіи, какъ равную.

МОБИЛИЗАЦІЯ.

Изъ выставляемыхъ послѣ объявленія общей мобилизаціи 114 пѣхотныхъ дивизій, только двѣ трети существовали въ мирное время*). Если прибавить къ этому кавалерію, силой въ 28 кавалерійскихъ и казачьихъ дивизіи**), мы получимъ полное количество русскихъ перволинейныхъ войскъ.

Остальныя 35 пѣхотныхъ дивизій (такъ называемыя «второочередныя»), нѣсколько казачьихъ дивизій, а также казачьи части, предназначавшіяся на роль «*войсковой*» конницы, начинали свое формированіе только съ началомъ общей мобилизаціи. Они являлись войсками второлинейными не только въ отношеніи своей болѣе поздней готовности, но также и въ качественномъ отношеніи.

Перволинейныя войска въ мирное время были распредѣлены между 37 корпусами. Большинство корпусовъ состояло изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій. Кавалерійскія (казачьи) дивизіи и отдѣльныя конныя бригады были распредѣлены въ мирное время между корпусами, но съ началомъ мобилизаціи образовывали армейскія конницы. Корпусныя управленія являлись инстанціей строевого командованія. Въ Германіи и Франціи корпусныя управленія являлись также и мобилизаціонной инстанціей, вѣдавшей производствомъ мобилизаціи въ своемъ корпусномъ раіонѣ.

У насъ такой мобилизаціонной инстанціей являлись военные округа.

---

*) 70 пѣх. дивизій и 18 стрѣлк. бригадъ.

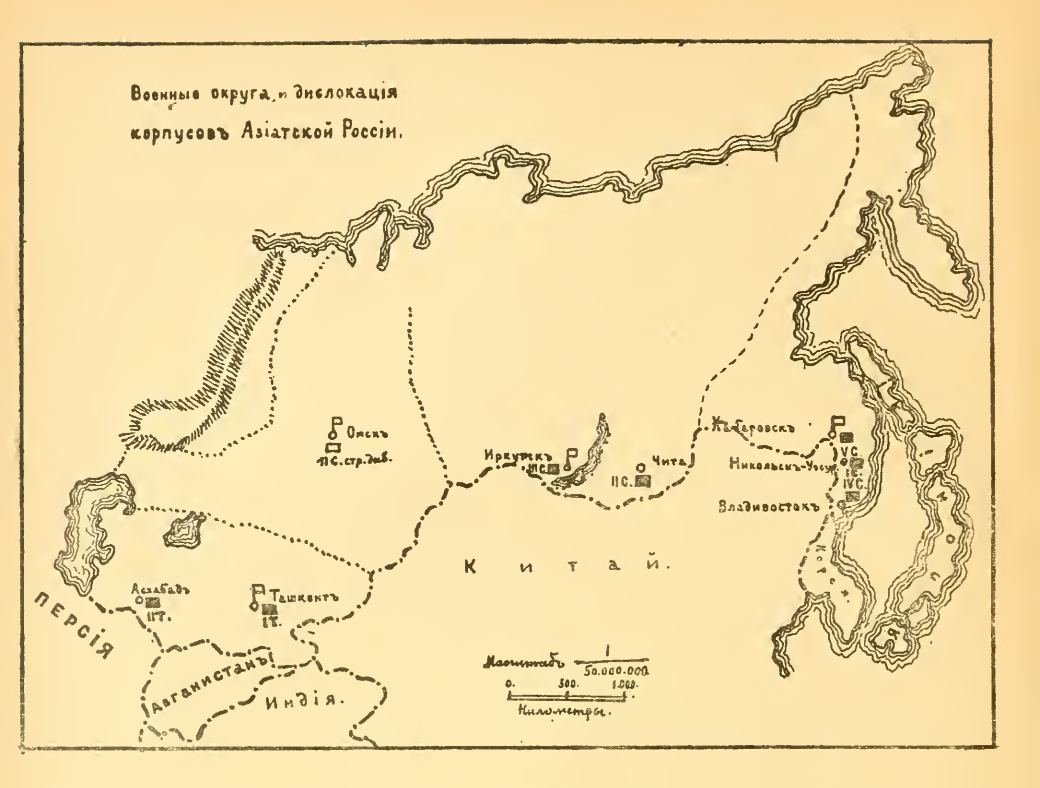
**) 24 кон. дивизіи и 8 отдѣльныхъ конныхъ бригадъ.

Во главѣ каждаго изъ военныхъ округовъ стоялъ Командующій войсками, которому подчинялись всѣ войска и «мѣстныя» военныя учрежденія, находящіяся на территоріи его округа.

Всего въ Россіи имѣлось 12-ть военныхъ округовъ. Изъ нихъ — 8 въ Европѣ и 4 въ Азіи (см. схемы № 1 и № 2).

На корпуса, расположенные въ пограничныхъ округахъ, съ началомъ войны выпадала роль войскъ, прикрывающихъ стратегическое развертываніе. Эти

войска, въ особенности въ округахъ, граничащихъ съ Германіей (Виленскій и Варшавскій), находились въ повышенной мобилизаціонной готовности.

Вслѣдствіе этого сроки мобилизаціи частей Русской Арміи были весьма различны въ зависимости отъ удаленія ихъ стоянокъ мирнаго времени отъ границы.

Эти сроки варіировали:

а) для перволинейныхъ войскъ:	
кавалерія	отъ 1 до 19 дней;
пѣхота и артиллерія	отъ 3 до 39 дней;
б) для второлинейныхъ войскъ	отъ 7 до 43 дней;
в) для тыловыхъ учрежденій	отъ 7 до 45 дней.

Такая большая вилка въ срокахъ мобилизаціи существовала изъ за медленности ея въ Азіатскихъ военныхъ округахъ. Для Европейскихъ военныхъ округовъ предѣлъ наиболѣе длительной мобилизаціи значительно сокращался, и общая картина скорости мобилизаціи выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

а) для перволинейныхъ войскъ:	
кавалерія	отъ 1 до 5 дней
пѣхота и артиллерія	отъ 3 до 13 дней
б) для второлинейныхъ войскъ	отъ 7 до 18 дней
в) для тыловыхъ учрежденій	отъ 7 до 14 дней

Но и эти сроки мобилизаціи были велики по сравненію съ таковыми въ Германіи и Австро-Венгріи, гдѣ они колебались между 1 и 5 днями.

Для того, чтобы представить себѣ, насколько условія мобилизаціи были труднѣе въ Россіи, чѣмъ у ея западныхъ сосѣдей, мы приводимъ слѣдующія общія данныя:

Средняя величина переѣзда по жел. дор. призванныхъ по мобилизаціи не превышала въ Германіи и Австро-Венгріи 200-300 километровъ; въ Россіи же она достигала 750 клм. Густота жел. дорожной сѣти измѣрялась въ первыхъ двухъ государствахъ 11 и 7 клм. на 100 кв. клм., въ Россіи же, если считать только Европейскую Россію, она достигала всего 1 километра на 100 кв. клм., а если откинуть крайнія сѣверныя губерніи Европейской Россіи, то она едва поднималась до полутора километра.

Такимъ образомъ въ отношеніи ускоренія нашей мобилизаціи было сдѣлано все, что только возможно.

Недостатки нашего мобилизаціоннаго плана лежали въ области высшаго порядка.

У насъ не былъ проведенъ принципъ территоріальнаго укомплектованія. Хотя генералъ Сухомлиновъ и утверждаетъ. что таковая реформа имъ была произведена, но какъ большинство мѣропріятій этого военнаго министра, такъ и эта «реформа» носила чисто внѣшній характеръ, не затрагивая существа дѣла. Съ объявленіемъ мобилизаціи наши запасные не возвращались въ свои эскадроны, роты и батареи, а, какъ правило, попадали въ чужія части. Непониманіе существа территоріальной системы укомплектованія было столь сильно, что даже въ 1916 году эвакуированные раненые и больные не возвращались въ свои части, а направлялись въ чужія.

Отсутствіе территоріальной системы укомплектованія особенно вредно отразилось на боеспособности 35-ти второочередныхъ дивизій. При слабыхъ кадрахъ*) послѣднихъ требовался очень большой промежутокъ времени для того, чтобы «сколотить» массы «чуждыхъ» другъ другу людей въ единый боевой организмъ.

Существовавшее дѣленіе на военные округа дѣлало невозможнымъ подготовку на случай войны на нашемъ Западномъ фронтѣ, кромѣ общей, также и «частныхъ» мобилизацій. Варшавскій военный округъ граничилъ одновременно и съ Германіей, и съ Австро-Венгріей. При такихъ условіяхъ организовывать мобилизацію только противъ Германіи или только противъ Австро-Венгріи не представлялось возможнымъ.

А между тѣмъ, несмотря на несомнѣнность, въ случаѣ войны, совмѣстнаго выступленія этихъ двухъ державъ, политическая обстановка могла потребовать отъ насъ неодновременной мобилизаціи противъ нихъ.

Такая гибкость нашего мобилизаціоннаго плана могла быть достигнута въ томъ случаѣ, если вмѣсто существовавшихъ военныхъ округовъ, носившихъ смѣшанный характеръ войсковой и мѣстной военной власти, были бы созданы спеціальные мобилизаціонные округа. При подобномъ рѣшеніи возможно было имѣть значительно большее число округовъ, а, слѣдовательно, меньшихъ по размѣрамъ. Послѣднее и являлось главной причиной того, что во всѣхъ Великихъ Государствахъ Западной Европы высшей мобилизаціонно-территоріальной единицей являлись корпуса. При посредствѣ комбинацій мобилизаціи этихъ спе-

*) Эти кадры существовали въ мирное время въ скрытомъ видѣ въ перволинейныхъ дивизіяхъ.

ціально мобилизаціонно-территоріальныхъ округовъ получалась бы полная возможность подготовить всѣ нужныя для насъ «частныя» мобилизаціи. Такъ и была разработана мобилизація Австро-Венгріи, въ которой общая мобилизація составлялась изъ частныхъ мобилизацій А, В и С, которыя могли быть произведены одновременно или разновременно.

Объединеніе въ рукахъ Командующихъ войсками, то есть высшихъ военачальниковъ, строевой и «мѣстной» власти, не позволяло вполнѣ избѣгнуть «импровизаціи» въ формирующихся съ мобилизаціей арміяхъ. Это привело къ тому, что обѣ важнѣйшія въ стратегическомъ отношеніи арміи — армія № 2, лѣво-фланговая на противо-германскомъ фронтѣ, и армія № 4 — право-фланговая на противо-австрійскомъ фронтѣ, были надерганы изъ корпусовъ различныхъ округовъ. Армія № 2 состояла изъ корпусовъ Варшавскаго, Московскаго и Виленскаго военныхъ округовъ; командующій же этой арміей — генералъ Самсоновъ, пріѣхалъ изъ Туркестанскаго военнаго округа. Армія № 4 образовывалась изъ корпусовъ Варшавскаго, Московскаго и Казанскаго округовъ, въ первоначальномъ же предположеніи — еще и изъ Виленскаго военнаго округа.

Несомнѣнно, что Германская система «Инспекцій», при которой будущіе Командующіе Арміями не были связаны мѣстной территоріальной властью, а являлись лишь высшими строевыми начальниками войскъ, составлявшихъ ихъ арміи, была несравненно выше.

Представляя себѣ современную мобилизацію только какъ одинъ короткій и очень напряженный актъ, нашъ планъ войны не предвидѣлъ необходимости производства послѣдующихъ мобилизацій. Вслѣдствіе этого организація запасныхъ войскъ была разработана у насъ болѣе, чѣмъ примитивно. Разразившаяся въ 1917 году революція одной изъ своихъ причинъ имѣетъ совершенно неудовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса.

Ошибочная увѣренность въ краткосрочности предстоящей войны приводила къ ошибочному выводу, что эту войну можно вести на запасахъ мирнаго времени.

Вслѣдствіе этого нашъ планъ войны совершенно не затрагивалъ вопросовъ мобилизаціи промышленности. Нужно впрочемъ помнить, что подобная крупная ошибка была свойственна не только нашему плану войны, но и планамъ войны всѣхъ прочихъ великихъ Державъ.

Размѣры, которое приняло вспыхнувшее въ августѣ 1914 года вооруженное столкновеніе народовъ, превзошло всѣ наши ожиданія. Нижеприведенныя цифры могутъ послужить яркой иллюстраціей:

Мы вступили въ войну съ 4.500.000 винтовокъ и съ подготовленнымъ ежегоднымъ производствомъ въ 700.000 штукъ. Потребовалось 17.000.000. Мы выступили съ 5.000 пулеметовъ, съ ежегоднымъ производствомъ въ 500 штукъ. Потребовалось 133.000.

Вмѣсто годового производства въ 550.000.000 ружейныхъ патроновъ — потребовалось 4.000.000.000. Потребность въ артиллеріи превзошла расчеты: для полевыхъ 3" пушекъ въ 16 разъ, для 4,8" полевыхъ гаубицъ — въ 33 раза, для 6" гаубицъ и 4,2" дальнобойныхъ пушекъ — въ 47 разъ; для артиллерійскихъ снарядовъ въ 73 раза.

Кромѣ того потребовались въ артиллеріи высшіе калибры, что не было предвидѣно вовсе.

Въ послѣвоенной литературѣ можно встрѣтить указанія на несостоятельность военной науки и, въ частности, стратегіи, не сумѣвшей предвидѣть размѣры и продолжительность ожидавшейся войны.

Насколько справедливо подобное обвиненіе, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ.

14 мая 1890 года, съ трибуны Германскаго Рейхстага, раздался голосъ девяносто-лѣтняго фельдмаршала графа Мольтке:

«Если война, которая уже свыше десяти лѣтъ, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ нашей головой, — если эта война разразится, то никто не сможетъ предугадать ея продолжительность и ея конецъ. Въ борьбу другъ съ другомъ вступятъ величайшія Государства Европы, вооруженныя какъ никогда еще никто не былъ вооруженъ. Ни одно изъ нихъ не можетъ быть въ теченіе одной или двухъ кампаній сокрушено такъ, чтобы оно себя признало побѣжденнымъ; чтобы оно вынуждено было бы заключить миръ на столь суровыхъ условіяхъ, при которыхъ оно не могло бы вновь быстро подняться и хотя бы даже черезъ годичный срокъ возобновить войну. Ожидаемая война будетъ, можетъ быть, семилѣтней, а можетъ быть и тридцати-лѣтней».

Такъ говорилъ величайшій военный ученый второй половины XIX вѣка, покрытый лаврами побѣдъ въ трехъ «короткихъ» войнахъ, которыя онъ самъ велъ.

То, что его голосъ прозвучалъ въ пустую, не вина военной науки, а вина тѣхъ, кто не вѣрилъ въ должной мѣрѣ въ эту науку.

СОСРЕДОТОЧЕНІЕ

Начинаясь на второй день, мобилизаціонныя перевозки заканчивались въ своей главной массѣ въ теченіе первой недѣли мобилизаціи. Хотя перевозки «по сосредоточенію» начинались тоже на 2-й день, но это были незначительныя передвиженія мѣстнаго характера, имѣвшія своимъ назначеніемъ надлежащее прикрытіе нашей границы. Только на второй недѣлѣ мобилизаціи перевозки «по сосредоточенію» достигали наибольшаго напряженія и въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ двухъ недѣль заполняли на главныхъ направленіяхъ весь военный графикъ.

Перевозки производились эшелонами, на основаніи «расчетовъ штатныхъ частей войскъ на поѣзда желѣзнодорожной сѣти нормальной колеи». Воинскій поѣздъ состоялъ, кромѣ вагоновъ-прикрытія, изъ 44 единицъ (двухъ-осныхъ вагоновъ и платформъ). Согласно упомянутымъ «Расчетамъ на поѣзда», пѣхотный полкъ составлялъ 5½ эшелоновъ, кавалерійскій — 5 эшелоновъ, артиллерійская бригада — 9 эшелоновъ, пѣхотная дивизія — 43 эшелона, армейскій корпусъ изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи — до 135 эшелоновъ.

Средній суточный пробѣгъ воинскаго поѣзда не превышалъ 300 верстъ; это было вдвое медленнѣе, чѣмъ движеніе воинскихъ поѣздовъ во Франціи. Медленность движенія нашихъ воинскихъ поѣздовъ происходила изъ-за необорудованности Россійскаго товарнаго вагоннаго парка автоматическими тормазами.

Растягивались наши перевозки по сосредоточенію также вслѣдствіе громадныхъ разстояній, которыя должны были покрыть воинскіе эшелоны. Напримѣръ, перевозка IV Сибирскаго корпуса, расположеннаго во Владивостокѣ, достигала 8.000 верстъ (около 9.000 километровъ). Чтобы понять, какого техническаго напряженія требовала подобная перевозка, укажемъ, что для одной пары поѣздовъ требовалось 120 паровозовъ.

На прилагаемой схемѣ показана часть нашей желѣзнодорожной сѣти къ западу отъ меридіана Петербургъ-Кіевъ-Одесса. Это та часть сѣти, по которой долж-

ны были пройти всѣ эшелоны «по сосредоточенію». Цифры, поставленныя у магистралей, обозначают количество сквозныхъ воинскихъ эшелоновъ къ тому моменту, когда желѣзнодорожная магистраль оканчивала «свою собственную мобилизацію»*) и могла работать полнымъ воинскимъ графикомъ.

Изъ этой схемы мы видимъ, что для переброски войскъ къ границамъ съ Германіей и Австро-Венгріей мы имѣли 6 двухъ-колейныхъ и 2 одно-колейныхъ

*) Срокъ окончанія этой мобилизаціи варіировалъ для различныхъ желѣзныхъ дорогъ между 4-8 днями.

жел. дор. линіи. По этимъ 14 колеямъ въ сутки могло подаваться около 250 эшелоновъ.

Всматриваясь болѣе внимательно въ эту схему, мы замѣтимъ, что около 200 эшелоновъ въ сутки могли быть поданы на фронтъ въ 225 километровъ: Бѣлостокъ-Брестъ-Холмъ. Это отвѣчало сосредоточенію главной массы нашихъ войскъ на такъ называемомъ «Передовомъ театрѣ».

Идея сосредоточенія наибольшихъ силъ и возможно ближе къ р. Вислѣ принадлежитъ гр. Милютину. Она вытекала изъ желанія активно использовать вдающійся въ территорію нашихъ западныхъ сосѣдей выступъ, образуемый Привислинскимъ краемъ. При дѣйствіяхъ противъ Германіи, Русскія главныя силы, наступающія внизъ по Вислѣ, ставили нѣмецкія войска, собранныя въ Восточной Пруссіи, въ невыгодное стратегичесоке положеніе. Въ еще болѣе трудномъ положеніи оказывалась бы Австро-Венгрія при наступленіи нашихъ главныхъ силъ вверхъ по Вислѣ. Въ случаѣ побѣды Русскихъ войскъ въ Галиціи, соединенной съ ихъ выходомъ на коммуникаціонныя пути А.-В. Арміи съ Краковымъ, эта Армія оказалась бы прижатой къ Карпатамъ. Первая же русская побѣда могла превратиться въ сокрушеніе всей вооруженной мощи Имперіи Габсбурговъ.

«Передовой театръ» представлялъ собою еще одно важное стратегическое удобство. Войска, въ немъ сосредоточенныя, оказывались во «внутреннемъ» положеніи по отношенію къ Германцамъ и Австро-Венгерцамъ. Это позволяло избрать для нанесенія нашего главнаго удара одного изъ этихъ враговъ, сосредоточить противъ него подавляющую часть силъ, оставивъ для защиты противъ другого минимумъ войскъ. Говоря техническимъ языкомъ, Русскія войска, сосредоточенныя на Передовомъ театрѣ, получали возможность использовать преимущества дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Это не укрылось отъ такого вдумчиваго стратега, какъ гр. Милютинъ, и его ближайшій сотрудникъ генералъ Обручевъ, руководившій стратегическимъ развитіемъ нашей желѣзнодорожной сѣти, послѣ ухода въ отставку перваго, обратилъ вниманіе на оборудованіе Передового театра рокадными ж. д. линіями. Таковыхъ линій было построено три: 2 двухъ-колейныхъ и 1 — одноколейная.

Пролегающій въ тылу Передового театра лѣсисто-болотистый бассейнъ р. Припяти — Полѣсье затруднялъ созданіе рокадныхъ желѣзныхъ дорогъ къ востоку отъ меридіана Брестъ-Литовска. Здѣсь, вплоть до р. Днѣпра, на протяженіи 500 километровъ въ меридіональномъ направленіи, проходила только одна одноколейная «Полѣсская желѣзная дорога» (Вильно-Ровно). Подобная бѣдность въ «рокадныхъ линіяхъ» увеличивала для насъ и безъ того громадное стратегическое значеніе Передового театра.

Дабы уменьшить длительность сосредоточенія нашихъ главныхъ силъ на Передовомъ театрѣ, въ Варшавскомъ военномъ округѣ была расквартирована значительная часть нашихъ войскъ.

Но со вступленіемъ въ 1908 году на постъ Военнаго Министра генерала Сухомлинова, наша дислокація подверглась существенному измѣненію, и изъ Варшавскаго округа были уведены внутрь Россіи 91 батальонъ*).

---

*) Указываемъ число батальоновъ, а не дивизій, потому что источникъ, которымъ мы пользуемся (ген. Зайончковскій, «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)» стр. 107) примѣняетъ этотъ устарѣлый методъ. По этой же причинѣ намъ придется и дальше, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣли возможности точно установить число дивизій, брать изъ труда ген. Зайончковскаго его исчисленіе въ батальонахъ,

Уводъ войскъ изъ Варшавскаго военнаго округа ген. Сухомлиновъ объяснялъ тѣмъ, что это «отвѣчаетъ принятому рѣшенію отодвинуть нѣсколько къ востоку районы сосредоточенія...»

Согласно идеѣ Сухомлинова, развертываніе нашихъ главныхъ силъ отрывалось отъ Вислы и осаживалось на линію Бѣлостокъ-Брестъ-Холмъ.

«Было ли это рѣшеніе отодвинуть сосредоточеніе слѣдствіемъ измѣненія дислокаціи», пишетъ генералъ Зайончковскій°), «или же измѣненіе этой послѣдней было слѣдствіемъ рѣшенія отодвинуть наше стратегическое развертываніе — рѣшить трудно. Архивные документы отвѣта на этотъ вопросъ не даютъ, но одинъ изъ нихъ, а именно повседневная запись въ календарѣ помощника военнаго Министра, генерала Поливанова, свидѣтельствуетъ о той паникѣ, которую произвела въ высшихъ военныхъ кругахъ вѣсть о неожиданной для всѣхъ и по секрету отъ членовъ Правительства проведенной мѣры перемѣны дислокаціи и уничтоженія крѣпостей, въ корнѣ мѣнявшей цѣль и характеръ нашей войны съ Тройственнымъ Союзомъ».

Подъ вліяніемъ возраженій, которыя встрѣтилъ со стороны командующихъ войсками всѣхъ военныхъ округовъ Сухомлиновскій планъ войны 1910 года, послѣдній былъ въ 1912 году замѣненъ новымъ. Теперь мы опять выдвигали наше сосредоточеніе на Передовомъ театрѣ. Но дѣлали это, по сравненію съ планами войны, составленными до появленія ген. Сухомлинова на посту Военнаго Министра, очень робко.

Чтобы охарактеризовать эту робость цифрами, укажемъ на слѣдующее: въ 1912 году на Передовомъ театрѣ сосредотачивалось 537 батальоновъ*) или 40% всѣхъ силъ, назначенныхъ на нашъ западный фронтъ борьбы. Въ 1900 году, послѣдній изъ плановъ войны, базировавшихся на Милютинскихъ идеяхъ, сосредоточивалъ въ Передовомъ театрѣ 698 батальоновъ**), или 46% всѣхъ силъ, разворачивающихся на западѣ.

Но и это ограниченное, по сравненію съ прежнимъ, возвращеніе силъ на Передовой театръ, сопровождалось, благодаря ломкѣ дислокаціи, потерей времени. Несмотря на расширеніе и усовершенствованіе нашей желѣзнодорожной сѣти послѣ 1900 года, время сосредоточенія нашихъ армій увеличилось.

«Въ 1900 году на западномъ театрѣ выставлялась армія въ 1524 батальона, 1078 эскадроновъ и сотенъ и 4802 орудія», пишетъ генералъ Зайончковскій***). «Въ 1912 году — въ 1456 батальоновъ, 1094 эскадр. и сотенъ и 5294 орудія. Въ 1900 году общее сосредоточеніе, выдвинутое къ Вислѣ, считалось законченнымъ на *32-й* день мобилизаціи, а въ 1912 — на *40-й*».

«За 12 лѣтъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего подробнаго труда****), «Россія въ смыслѣ быстроты сосредоточенія пошла назадъ».

эскадронахъ и орудіяхъ. Въ данномъ случаѣ, мы знаемъ, что въ числѣ уведенныхъ изъ Варшавскаго военнаго округа войскъ былъ V-й арм. корпусъ (7 и 10 пѣх. и 5-я кавал. дивизіи), переведенный въ Воронежъ. Затѣмъ уведены были 46-я, 47-я, 48-я и 49-я резервныя бригады; онѣ были развернуты въ полевыя дивизіи тѣхъ же номеровъ и вошли въ составъ корпусовъ: 46-я — XXV а. к. (Москва), 47-я — XVI а. к. (Казань), 48-я и 49-я — XXIV (Самара).

°) Вышеуказанная книга ген. Зайончковскаго, стр. 107.

*) Книга ген. Зайончковскаго, стр. 322.

**) Тамъ-же.

***) Стр. 322.

****) Стр. 266.

Говоря объ «окончаніи сосредоточенія», нашъ планъ войны подразумѣвалъ окончаніе перевозокъ корпусовъ (и второочередныхъ пѣх. дивизій), назначенныхъ въ составъ различныхъ армій, разворачивавшихся противъ Центральныхъ Державъ.

Однако, была еще другая категорія силъ. Это были корпуса, расположенные въ Азіатской Россіи и на Кавказѣ. Число первыхъ, послѣ войны съ Японіей въ 1904-5 г. г., почти удвоилось.

Возможность использовать эти корпуса для борьбы противъ Центральныхъ Державъ зависѣла отъ политической обстановки на нашихъ границахъ съ Японіей и Турціей. При увѣренности въ ихъ нейтралитетѣ, мы могли ограничиться оставленіемъ на Дальнемъ Востокѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ*) по одному арм. корпусу, усиленные формируемыми съ мобилизаціей второлинейными войсками. Въ этомъ случаѣ, силы, предназначенныя для дѣйствій противъ Центральныхъ Державъ, увеличивались очень значительно, а именно: на два Кавказскихъ, одинъ Туркестанскій и четыре Сибирскихъ корпуса. Итого, на 7 корпусовъ.

Необходимость нѣкотораго срока для выясненія политической обстановки, а также удаленіе Азіатскихъ корпусовъ, приводили къ тому, что прибытіе всѣхъ этихъ силъ на нашъ западный фронтъ не могло начаться ранѣе второго мѣсяца мобилизаціи. Само сосредоточеніе ихъ происходило бы въ двухъ эшелонахъ:

а) Два Кавказскихъ, одинъ Туркестанскій и два Сибирскихъ корпуса (расквартированные въ Иркутскомъ военномъ округѣ) прибывали въ теченіе второго мѣсяца мобилизаціи;

б) два Сибирскихъ корпуса, расквартированные на Дальнемъ Востокѣ, прибывали въ теченіе третьяго мѣсяца мобилизаціи.

Условная возможность использованія этихъ корпусовъ для борьбы на Западномъ фронтѣ не позволяла составителямъ плана войны ввести ихъ при своихъ расчетахъ въ составъ армій (это было сдѣлано лишь для III Кавказскаго). Поэтому, эти корпуса составляли «стратегическій резервъ» въ рукахъ Верховнаго Главнокомандованія. Подобному назначенію отвѣчало и ихъ запаздываніе въ прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій. Наличіе подневольнаго сильнаго стратегическаго резерва составляло особенность русскаго сосредоточенія и придавало ему слѣдующій стратегическій обликъ:

А. Силы перваго стратегическаго удара:

I-й эшелонъ сосредоточенія, состоящій изъ:
а) перволинейныхъ войскъ Европейской Россіи, оканчивающихъ сосредоточеніе *около 30-го* дня мобилизаціи;
б) второлинейныхъ войскъ Европейской Россіи, оканчивающихъ сосредоточеніе *около 40-го* дня мобилизаціи.

Б. Стратегическій резервъ:

II-й эшелонъ сосредоточенія, состоящій изъ Кавказскихъ, Туркестанскихъ, Западно и Средне-Сибирскихъ войскъ, оканчивающихъ сосредоточеніе *около 60-го* дня мобилизаціи.

III-й эшелонъ сосредоточенія состоящій изъ Дальневосточныхъ войскъ, оканчивающихъ сосредоточеніе *около 80-го* дня мобилизаціи.

*) Оставленный въ Туркестанѣ корпусъ могъ быть притянутъ, въ случаѣ необходимости, на Кавказъ.

Такимъ образомъ, общая продолжительность нашего сосредоточенія измѣрялась *80 днями.*

По расчетамъ нашего Генеральнаго Штаба*), Германія оканчивала свое сосредоточеніе на *12-й* день, а Австро-Венгрія — на *15-й.*

ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА.

Выдвинутое положеніе нашего Передового театра, одновременно съ громадными стратегическими выгодами, таило и опасности. Используя наше запаздываніе въ сосредоточеніи, Германія и Австро-Венгрія могли одновременнымъ наступленіемъ захватить въ клещи собирающіяся на Передовомъ театрѣ наши войска. Особенно опаснымъ являлось бы наступленіе, направленное изъ Восточной Пруссіи на Бѣлостокъ - Брестъ-Литовскъ и изъ Галиціи на Холмъ - Брестъ-Литовскъ. Въ этомъ случаѣ Передовой театръ обращался въ стратегическій мѣшокъ.

То же выдвинутое положеніе Передового театра вызвало необходимость принятія мѣръ для прикрытія фланговъ и тыла нашихъ главныхъ силъ, перешедшихъ, по окончаніи сосредоточенія. въ наступленіе противъ Германіи или противъ Австро-Венгріи.

Эти стратегическія свойства Передового театра предопредѣляли его военно-инженерную подготовку.

Основная идея этой подготовки восходитъ къ царствованію Императора Николая I. Онъ задумалъ постройку трехъ крѣпостей:

1) Новогеоргіевска, при впаденіи въ р. Вислу рѣки Буга.
2) Ивангорода, при впаденіи въ р. Вислу р. Вепржа.
3) Брестъ-Литовска, на р. Бугѣ.

Если мы посмотримъ на карту, то мы увидимъ, что крѣпости Новогеоргіевскъ и Ивангородъ представляли собою устои для средняго участка р. Вислы, верховья и низовья которой находились на территоріи нашихъ враговъ. Защищенный на обоихъ флангахъ крѣпостями, этотъ средній участокъ Вислы образовывалъ своего рода щитъ, прикрывающій съ запада отъ вторженія непріятеля Передовой театръ. Вмѣстѣ съ этимъ, крѣпости Новогеоргіевскъ и Ивангородъ обезпечивали наружные фланги нашихъ армій, развертывающихся для наступленія въ Восточную Пруссію или въ Галицію. Эти крѣпости обезпечивали также въ нашихъ рукахъ мосты черезъ Вислу. Благодаря этому, мы сохраняли въ своихъ рукахъ свободу маневрированія на обоихъ берегахъ р. Вислы, что, какъ я уже указывалъ въ прошломъ очеркѣ, имѣло исключительно важное значеніе.

Третьей крѣпостью, построенной Императоромъ Николаемъ I, являлся Брестъ-Литовскъ, поставленный въ тылу Передового театра на переправахъ черезъ р. Бугъ. Эта крѣпость обезпечивала глубокую связь Передового театра съ прочей территоріей Россіи.

Въ эпоху великихъ реформъ Александра II, когда въ корнѣ перестраивалась вся вооруженная мощь Россіи, затронутъ былъ и вопросъ объ ея военно-инженерной оборонѣ. Однако, основная идея военно-инженерной подготовки Пе-

*) Книга ген. Зайончковскаго, стр. 305.

редового театра оставлена была не нарушенной. Три крѣпости: Новогеоргіевскъ, Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, попрежнему, считались устоями этой подготовки.

Въ 1873 году графъ Д. А. Милютинъ, въ качествѣ военнаго министра, представилъ Особому Совѣщанію подъ предсѣдательствомъ Императора Александра II докладъ о военно-инженерной оборонѣ Россіи. Этотъ докладъ-программа

можетъ почитаться классическимъ образцомъ стратегическаго использованія военно-географическаго элемента театра войны*).

До 1908 года «Милютинская» система военно-инженернаго оборудованія

---

*) Гр. Д. А. Милютинъ съ 1845 по 1856 г. состоялъ профессоромъ Военной Академіи, работая на кафедрѣ «Военной Географіи». Одновременно онъ работалъ и по Военной Исторіи. Въ 1852-53 г. г. было напечатано его классическое изслѣдованіе объ Итальянскомъ походѣ Суворова («Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году» въ пяти томахъ). Въ 1857 году Академія Наукъ присудила за этотъ трудъ полную Демидовскую премію гр. Д. А. Милютину и избрала его затѣмъ своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1866 году СПБ. университетъ поднесъ графу Д. А. Милютину званіе доктора Русской Исторіи «honoris causa».

нашихъ вѣроятныхъ театровъ войны считалась отвѣчающей государственнымъ интересамъ. Слѣдовавшіе за графомъ Милютинымъ военные министры: Ванновскій, Куропаткинъ, Сахаровъ, Редигеръ, руководствовались его идеями.

Согласно «Системы» графа Милютина, оборона р. Вислы была усилена созданіемъ крѣпости вокругъ Варшавы, дабы обезпечить въ нашихъ рукахъ сохраненіе въ началѣ войны столицы Польши и находившихся тамъ мостовъ черезъ р. Вислу.

Вниманіе графа Милютина было направлено также на защиту сѣвернаго фаса нашего Передового театра и на укрѣпленіе связи этого театра съ театрами, лежащими къ сѣверу (С.-З. театръ) и къ югу (Ю.-З. театръ) отъ Полѣсья. Принятіе мѣръ перваго порядка вызывалось ростомъ военнаго могущества Германіи, объединившейся въ 1871 году вокругъ крайне воинственно настроенной Пруссіи.

При организаціи защиты сѣвернаго фаса Передового театра использовался сильный оборонительный рубежъ, образуемый частями рѣкъ Бобръ, Наревъ и Бугъ. Лѣвый флангъ этой оборонительной линіи упирался въ крѣпость Новогеоргіевскъ. При сліяніи р. Буга и р. Нарева была построена крѣпостца Зегржъ. По проекту графа Милютина укрѣпленія Новогеоргіевска и Зегржа должны были образовать въ углу между Вислой и низовьями Буго-Нарева плацдармъ для укрытія и свободнаго маневрированія во всѣ стороны значительной арміи. Впослѣдствіи эта идея была нѣсколько видоизмѣнена. Значеніе такого укрѣпленнаго плацдарма стали приписывать треугольнику Варшава, Новогеоргіевскъ, Зегржъ, который старались обратить въ одинъ обширный, укрѣпленный раіонъ.

На правомъ флангѣ оборонительной линіи Бугъ-Наревъ-Бобръ была создана крѣпость Осовецъ. Въ центрѣ же, для обезпеченія переправъ черезъ Наревъ были укрѣплены Ломжа, Остроленка, Рожаны и Пултускъ. Водная и болотистая преграда Бобра, Нарева и Буга обращалась, такимъ образомъ, для нѣмцевъ въ трудно преодолимое препятствіе, не стѣсняя маневрированія по обоимъ ея берегамъ Русскихъ войскъ.

Къ сѣверу отъ Передового театра, прикрывая кратчайшіе пути нѣмцевъ на Петербургъ, находилась оборонительная линія р. Нѣманъ. Эта линія обезпечивалась на правомъ флангѣ крѣпостью Ковна. У Олиты и Гродна имѣлись укрѣпленія временнаго характера. Графъ Милютинъ намѣтилъ обращеніе Гродна въ крѣпость. Это связало бы оборонительную линію Нѣмана съ оборонительной линіей Бобръ-Наревъ-Бугъ.

Для упорядоченія связи Передового театра съ театромъ, лежащимъ къ югу отъ Полѣсья, графъ Милютинъ предполагалъ фортификаціонное усиленіе Дубно-Ровенскаго раіона.

Въ теченіе 35 лѣтъ военно-инженерная подготовка нашего Западнаго фронта развивалась согласно идеямъ Милютинской системы.

Но въ 1909 году этой продуманной системѣ былъ нанесенъ оглушительный ударъ: 23 февраля 1909 года генералъ Сухомлиновъ сообщилъ Высочайшее Повелѣніе объ упраздненіи крѣпостей Варшава, Ивангородъ, Новогеоргіевскъ, Зегржъ и укрѣпленій по Нареву (Пултускъ, Рожаны, Остроленка и Ломжа). На Передовомъ театрѣ сохранялась лишь крѣпость Брестъ-Литовскъ и возводилась новая крѣпость Гродна.

«Такое рѣшительное, проведенное къ тому же совершенно неожиданно и тайно, безъ какого либо обмѣна мнѣній и совѣщаній, измѣненіе всѣхъ основъ обороны страны произвело сильное впечатлѣніе не только въ военной средѣ Петербурга, но и въ общественномъ мнѣніи Россіи и ея союзницы. Даже ближайшіе помощники Сухомлинова, въ лицѣ помощника военнаго министра и генералъ-инспек-

тора по инженерной части, были поражены неожиданностью и тайной такого рѣшенія. Досужія же петербургскія головы готовы были видѣть въ этомъ рѣшеніи выплату долга Вильгельму II за его благожелательное отношеніе во время Японской войны*)».

Военно-инженерная «реформа» генерала Сухомлинова встрѣтила возраженія со стороны всѣхъ командующихъ войсками. Въ своей запискѣ въ декабрѣ 1909 года, написанной для оправданія вводимой имъ «реформы», генералъ Сухомлиновъ заявлялъ, что наши крѣпости представляли собою «недостаточно стройную систему, сложившуюся до извѣстной степени подъ вліяніемъ причинъ чисто случайныхъ...» Это было какъ разъ то, въ чемъ никакъ нельзя было обвинить Милютинскую систему!

Въ дѣйствительности вопросъ заключался не въ томъ, что Милютинская система военно-инженерной подготовки была «безыдейной», а въ томъ, что она не отвѣчала новымъ стратегическимъ идеямъ генерала Сухомлинова и его сотрудниковъ. Какъ я говорилъ въ прошломъ очеркѣ, согласно плану войны 1910 года, развертываніе нашихъ главныхъ силъ отрывалось отъ Вислы и осаживалось на линію Бѣлостокъ-Брестъ-Холмъ.

Подобная стратегическая робость могла бы быть оправдана въ томъ случаѣ, если бы Россія оказалась въ единоборствѣ противъ соединенныхъ силъ Германіи и Австро-Венгріи. Но съ 1892 года Россія находилась въ военномъ союзѣ съ Франціей и можно было предвидѣть случай, что Германія направитъ для перваго удара свои главныя силы противъ Франціи. Отказъ отъ использованія въ этомъ случаѣ стратегическаго преимущества сосредоточенія нашихъ главныхъ силъ на Передовомъ театрѣ ничѣмъ уже не оправдывался.

Изъ предыдущаго очерка видно, что активныя дѣйствія противъ Центральныхъ Державъ мы могли начать по истеченіи перваго мѣсяца мобилизаціи. Это позволяло установить тотъ минимальный срокъ, въ теченіе котораго наши Привислинскія крѣпости должны были защитить наше сосредоточеніе на Передовомъ театрѣ.

При подобныхъ ограниченныхъ рамкахъ во времени, поддержаніе Новогеоргіевска и Ивангорода не требовало непосильныхъ для русскаго бюджета ассигнованій. Современное военно-инженерное искусство обладаетъ весьма обширной гаммой средствъ.

Прошло немного болѣе года, послѣ Повелѣнія отъ 23-го февраля 1909 года, и Новогеоргіевску была опять дарована жизнь. Но это «отступленіе» генерала Сухомлинова не являлось слѣдствіемъ осознанія сильныхъ сторонъ Милютинской стратегіи. Оно было только уступкой напору со стороны Командующихъ войсками округовъ. По прежнему Сухомлиновъ и его сотрудники боялись выдвинутаго положенія на Вислѣ. При этомъ боялись они его настолько, что испрашивали кредиты для разрушенія упраздненныхъ укрѣпленій. Послѣднія, считаясь негодными для насъ, почитались опасными въ томъ случаѣ, если бы непріятель овладѣлъ ими.

Къ счастью, для Ивангорода отпускъ 4.000.000 рублей для взрыва его фортовъ запоздалъ. А въ 1913 году, подъ давленіемъ большинства командующихъ войсками округовъ, крѣпость Ивангородъ тоже была возстановлена. Но это возстановленіе было сдѣлано пока только «на бумагѣ», и война застала Ивангородъ въ совершенно небоеспособномъ положеніи. Время оказало свое разрушающее вліяніе на его укрѣпленія, а изъ вооруженія было на лицо только 8 крѣпостныхъ

*) Заіончковскій, «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 142, 143

пушекъ, изъ которыхъ 4 не стрѣляло. Наконецъ, за четыре года отсутствія въ Ивангородѣ крѣпостной жандармской полиціи, нѣмецкіе и австро-венгерскіе шпіоны имѣли возможность въ совершенствѣ изучить его состояніе и составить его точный планъ.

Было и нѣчто худшее: Ставка, сформированная изъ главныхъ сотрудниковъ генерала Сухомлинова, упорствовала въ своемъ непониманіи стратегическаго значенія Ивангорода. 4 августа (22 іюля) 1914 года въ Ивангородѣ было получено распоряженіе снять на фортахъ во всѣхъ капонирахъ и казематахъ броневыя двери и вмѣстѣ съ однимъ батальономъ (изъ двухъ) крѣпостныхъ артиллеристовъ отправить немедленно въ Брестъ-Литовскъ. Такимъ образомъ, на четвертый день уже начатой Германіей войны, Ставка продолжала фактическое разоруженіе Ивангорода*). Это распоряженіе приводилось въ исполненіе 6 августа (24 іюля), какъ разъ въ день и часъ пріѣзда въ Ивангородъ генерала Шварца (тогда полковника). Прибытіе въ Ивангородъ этого выдающагося военнаго инженера означало радикальное измѣненіе во взглядахъ на стратегическое значеніе Ивангорода, происшедшее подъ вліяніемъ назначенія 2-го августа Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича. Съ прибытіемъ въ Ивангородъ полк. Шварца началось спѣшное возстановленіе крѣпости; сложившаяся стратегическая обстановка повелительно этого требовала.

Съ разрушеніемъ Варшавской крѣпости произошелъ случай другого рода. Форты ея взрывались во второй половинѣ августа 1914 года. Нынѣ покойный генералъ Лечицкій, армія котораго собиралась въ это время у Варшавы, лично разсказывалъ мнѣ о своемъ недоумѣніи, когда онъ въ одно прекрасное утро услыхалъ рядъ сильныхъ взрывовъ въ окрестностяхъ Варшавы. Это взрывали бетонныя сооруженія Варшавскихъ фортовъ лѣваго берега Вислы**). Прошло около мѣсяца, и подъ угрозой германскаго наступленія на Варшаву пришлось наскоро создавать ея фортификаціонную защиту. Старые форты были бы очень полезны для опоры тыловой оборонительной позиціи. Но возстановить взорванный бетонъ, конечно, не было возможно.

Защищая «упраздненіе» Привислинскихъ крѣпостей, генералъ Сухомлиновъ и его сотрудники часто повторяли общую фразу: лучше имѣть нѣсколько хорошихъ крѣпостей, чѣмъ много устарѣлыхъ. Но въ 1915 году намъ пришлось потерять или бросить не только крѣпости, упраздненныя повелѣніемъ отъ 23 февраля 1909 года, но и тѣ, которыя генералъ Сухомлиновъ собирался сдѣлать хорошими. Всѣ онѣ оказались стратегически ненужными. Въ періодъ же первой операціи 1914 года оказались бы полезными и устарѣлыя укрѣпленія Ивангорода и Варшавы.

Жизнь властно напомнила, что на войнѣ важно *не лучшее,* а въ данныхъ условіяхъ *нужное,* хотя бы и плохенькое.

Несомнѣнно, что чѣмъ современнѣе оборудована крѣпость, тѣмъ лучше, но полезность ея опредѣляется прежде всего ея стратегическимъ значеніемъ. Поэтому, въ основѣ военно-инженерной подготовки театра войны должна лежать вѣрная и отчетливая стратегическая идея. Это и было свойственно Милютинской системѣ, и какъ разъ этого и не было въ Сухомлиновской. Планъ войны 1910 года былъ построенъ на невѣрной идеѣ отрыва въ началѣ войны отъ Вислы. Планъ же 1912

---

*) Всѣ приведенныя данныя объ Ивангородѣ заимствованы изъ рукописи ген. Шварца «Оборона Ивангорода въ 1914-1915 г. Воспоминанія коменданта крѣпости».

**) Капониры и кофры; «Наши крѣпости», литографированныя записки генерала Величко, Москва, 1926 года.

года, какъ мы увидимъ далѣе, являвшійся компромиссомъ между Милютинскими и Сухомлиновскими идеями, потерялъ отчетливость стратегической мысли.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА.

Въ 1889 году Бисмаркъ образовалъ Тройственный Союзъ. Аггрессивный характеръ этого Союза не оставлялъ никакого сомнѣнія.

Угрожаемыя этимъ Союзомъ Россія и Франція заключили въ 1892 году военную конвенцію. Эта конвенція была подписана за Россію генераломъ Обручевымъ, а за Францію генераломъ Буадеффромъ.

Ниже приводится русскій переводъ полнаго текста этой конвенціи, составленной на французскомъ языкѣ:

«Франція и Россія, воодушевленныя одинаковымъ желаніемъ сохранить миръ и не имѣя иной цѣли, какъ удовлетворить нуждамъ оборонительной войны, вызванной нападеніемъ силъ Тройственнаго Союза на одну изъ нихъ, заключили соглашеніе на слѣдующихъ основаніяхъ:

«§ 1. Если Франція подвергнется нападенію Германіи или Италіи, поддержанной Германіей, Россія используетъ всѣ находящіяся въ ея распоряженіи силы (toutes les forces disponibles) для нападенія на Германію.

«Если Россія подвергнется нападенію Германіи или Австріи, поддержанной Германіей, Франція использует всѣ находящіяся въ ея распоряженіи силы для борьбы съ Германіей.

«§ 2. Въ случаѣ, если силы Тройственнаго Союза или одной изъ державъ, въ него входящихъ, приступятъ къ мобилизаціи, Франція и Россія по первому освѣдомленію о семъ событіи и безъ необходимаго предварительнаго о семъ соглашенія мобилизуютъ, немедленно и одновременно, всю совокупность своихъ силъ и сосредотачиваютъ ихъ возможно ближе къ границамъ.

«§ 3. Силы, которыя должны быть использованы противъ Германіи, опредѣляются для Франціи въ 1.300.000 человѣкъ, для Россіи отъ 700.000 до 800.000 человѣкъ.

«Эти силы предпримутъ рѣшительныя дѣйствія возможно скорѣе (s'engagent à fond en toute diligeance), дабы Германія вынуждена была одновременно бороться на востокѣ и на западѣ.

«§ 4. Генеральные Штабы (les Etats-Majors des Armées) обоихъ государствъ должны быть въ постоянной связи между собой, чтобы подготовить и облегчить выполненіе вышеприведенныхъ мѣръ.

«Они сообщаютъ другъ другу еще въ мирное время всѣ свѣдѣнія объ арміяхъ Тройственнаго Союза, которыя имъ извѣстны.

«Пути и способы сношеній во время войны должны быть заблаговременно изучены и намѣчены.

«§ 5. Франція и Россія не заключатъ мира отдѣльно другъ отъ друга.

«§ 6. Настоящая конвенція имѣетъ ту же продолжительность, какъ и Тройственный Союзъ.

«§ 7. Всѣ вышеперечисленные пункты признаются строго секретными».

Переведя изложенное въ § 3-мъ Конвенціи на современный стратегическій языкъ, мы обязывались выставить для непосредственныхъ дѣйствій противъ Германіи силы, измѣряющіяся 35-40 пѣхотными дивизіями*).

---

*) Боевая численность русской пѣхотной дивизіи равняется 18.000.

Въ условіяхъ 1892 года это составляло около половины нашей вооруженной силы.

Предрѣшало ли это направленіе нашего главнаго удара въ первую же операцію противъ Германіи въ томъ случаѣ, если Австро-Венгрія останется вѣрной Тройственному Союзу и тоже нападетъ на насъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ большой интересъ представляетъ взглядъ на него самого генерала Обручева, подписавшаго вмѣстѣ съ генераломъ Буадеффромъ заключенную конвенцію.

«Мы должны», говорится въ запискѣ, написанной генераломъ Обручевымъ въ томъ же 1892 году, когда была заключена конвенція, «сохранить за собой свободу распредѣлять такъ свои войска, чтобы нанести рѣшительный ударъ арміямъ Тройственнаго Союза. Можетъ быть, для достиженія сей цѣли намъ, прежде всего, придется направить главныя силы противъ Германіи, какъ опаснѣйшаго и сильнѣйшаго противника, но можетъ быть, представится еще болѣе выгоднымъ сокрушить какъ можно скорѣе Австрію, чтобы затѣмъ легче справиться съ изолированной Германіей. Намъ надо сохранить за собой безусловную свободу дѣйствій и потому, въ вопросѣ о совмѣстныхъ съ Франціей операціяхъ, кажется наилучшимъ ограничиться лишь обязательствомъ, въ случаѣ нападенія одной изъ державъ Тройственнаго Союза на Францію, тотчасъ же мобилизовать свою армію и начать военныя дѣйствія противъ ближайшихъ къ намъ державъ сего союза — Германіи и Австріи, требуя съ французской стороны соотвѣтственнаго же обязательства».

Если мы обратимся теперь къ тексту конвенціи, то увидимъ, что § 4 возвращалъ нашимъ первымъ операціямъ ту стратегическую гибкость, къ которой стремился генералъ Обручевъ. Не устанавливая срока, къ которому мы должны направить непосредственно противъ Германіи наши главныя силы, § 4 возлагалъ рѣшеніе всѣхъ стратегическихъ вопросовъ на соглашенія Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ обѣихъ Державъ. Вслѣдствіе этого нашъ планъ войны обуславливался тѣми постановленіями, которыя выносились на совѣщаніяхъ Начальниковъ Штабовъ. Эти совѣщанія пріобрѣтали поэтому первостепенное значеніе: на нихъ стратегическія обязательства союзниковъ получали конкретную форму.

Увольненіе генерала Обручева съ должности Начальника Главнаго Штаба (тогда и Генеральнаго Штаба) отразилось очень неблагопріятно для Россіи. На Совѣщаніи Начальниковъ Штабовъ, состоявшихся въ 1900 году, замѣститель ген. Обручева, ген. Сахаровъ, согласился на постановленіе, предложенное французскимъ представителемъ, въ корнѣ противорѣчащее § 2 Конвенціи. Согласно этому постановленію только мобилизація Германской Арміи обязываетъ Россію и Францію мобилизовать свои силы, безъ предварительнаго сговора. Отдѣльныя же мобилизаціи Австро-Венгріи или Италіи требуютъ предварительнаго по этому вопросу соглашенія. На этомъ же совѣщаніи ген. Сахаровъ сдѣлалъ неудачное заявленіе о томъ, что мы будемъ готовы атаковать нѣмцевъ съ достаточными силами на 18-й день мобилизаціи.

Циничное нарушеніе Берлинскаго трактата Имперіей Габсбурговъ, аннексировавшей осенью 1908 года Боснію и Герцеговину, нанесло жестскій ударъ моральному престижу Россіи. Грубый же ультиматумъ, которымъ поддержала Германія свою союзницу, ясно показалъ, что въ своей заносчивой политикѣ Австро-Венгрія является лишь авангардомъ Германіи.

Нужно отдать справедливость Французскому Правительству: въ эпоху крайне напряженнаго положенія, создавшагося на Балканскомъ полуостровѣ, начи-

ная съ осени 1908 года, оно поняло, кто является истиннымъ, хотя и скрытымъ режиссеромъ агрессивной политики Имперіи Габсбурговъ.

Чтобы не быть голословнымъ я приведу разговоръ Русскаго военнаго агента въ Парижѣ гр. Игнатьева съ военнымъ министромъ Мильераномъ, имѣвшій мѣсто 5/18 декабря 1912 года и изложенный въ письмѣ нашего военнаго агента Начальнику Генеральнаго Штаба*):

«**Мильеранъ:** Какая же, по вашему, полковникъ, цѣль австрійской мобилизаціи?

«**Игнатьевъ:** Трудно предрѣшить этотъ вопросъ, но несомнѣнно, что австрійскія приготовленія противъ Россіи носятъ пока оборонительный характеръ.

«**Мильеранъ:** Хорошо, но оккупацію Сербіи вы, слѣдовательно, не считаете прямымъ для васъ вызовомъ на войну?

«**Игнатьевъ:** На этотъ вопросъ я не могу отвѣтить, но знаю, что мы не желаемъ вызывать европейской войны и принимать мѣры, могущія произвести европейскій пожаръ.

«**Мильеранъ:** Слѣдовательно, вамъ придется предоставить Сербію своей участи. Это, конечно, дѣло ваше, но надо только знать, что это не по нашей винѣ; мы готовы, и необходимо это учесть. А не можете, по крайней мѣрѣ, мнѣ объяснить, что вообще думаютъ въ Россіи о Балканахъ?

«**Игнатьевъ:** Славянскій вопросъ остается близкимъ нашему сердцу, но исторія выучила, конечно, насъ прежде всего думать о собственныхъ государственныхъ интересахъ, не жертвуя ими въ пользу отвлеченныхъ идей.

«**Мильеранъ:** Но вы же, полковникъ, понимаете, что здѣсь вопросъ не Албаніи, не Сербовъ, не Дураццо, а гегемоніи Австріи на всемъ Балканскомъ полуостровѣ... Но вы все таки кое что дѣлаете по военной части?

«Я съ увѣренностью могу предположить, продолжаетъ свой докладъ Игнатьевъ, — что Мильеранъ имѣлъ, между прочимъ, слѣдующую заднюю мысль, — а именно, Австрія, расправившись съ Сербіей, успѣетъ, въ случаѣ нашего запоздалаго вмѣшательства, перекинуть всѣ свои силы на нашу границу. Если въ эту минуту мы не будемъ еще вполнѣ готовыми къ активнымъ военнымъ дѣйствіямъ, то австрійскихъ армій будетъ достаточно, чтобы приковать насъ къ юго-западной границѣ, что облегчитъ для Германіи рѣшительное сосредоточеніе всѣхъ ея армій противъ Франціи.

«Если, — продолжаетъ дальше русскій военный агентъ, — отсутствіе съ нашей стороны какихъ бы то ни было военныхъ мѣропріятій крайне важно не только для сохраненія европейскаго мира, но и для отношенія къ намъ французскаго и, въ особенности, англійскаго общественнаго мнѣнія, то, съ другой стороны, правительство республики могло, казалось бы, хоть отчасти знать, какія дѣйствія противъ насъ Австро-Германіи мы примемъ, при создавшемся положеніи, за casus belli».

Такимъ образомъ, становилось несомнѣннымъ, что нашъ Союзникъ оставилъ ту точку зрѣнія, которая повела къ указанному выше измѣненію, внесенному въ 1906 году въ военную Конвенцію, и не будетъ разсматривать возможное столкновеніе Австро-Венгріи и Россіи, какъ изолированное отъ политики по отношенію къ Германіи событіе.

Общее политическое положеніе Россіи улучшилось еще болѣе, послѣ того,

---

*) Письмо отъ 6/19 декабря 1912 г., № 505. В. уч. Арх. д. № 130328, — цитировано по книгѣ Зайончковскаго «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 179-180.

какъ измѣнился курсъ нашей политики по отношенію къ Великобританіи. Новая политическая программа была ясно формулирована тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Извольскимъ, во время Совѣщанія, имѣвшаго мѣсто 11/24 августа 1907 года:

«Надо обезпечить Россіи миръ отъ Камчатки до Гибралтара лѣтъ на 10; соглашеніе съ Японіей не имѣетъ устойчивости, если нѣтъ соглашенія съ Англіей; въ Европѣ произойдутъ осложненія, и намъ надо быть готовыми подать свой голосъ, иначе мы окажемся въ положеніи полузабытой Азіатской державы*)».

Несомнѣнно, измѣненіе нашей политики по отношенію къ Великобританіи стало возможнымъ потому, что сама Великобританія стала искать сближенія съ нами. Шовинистическая политика Вильгельма II, въ связи съ чрезвычайнымъ ростомъ Германскаго флота, не оставляла въ средѣ большинства британскихъ политическихъ дѣятелей никакихъ сомнѣній въ томъ, что остріе военной подготовки Кайзера направлено не только противъ Россіи.

Къ 1912 году политическій небосклонъ Европы былъ настолько насыщенъ грозовыми тучами, что столкновеніе какихъ либо двухъ Державъ неминуемо должно было привести къ общему Европейскому пожару.

Къ этому же времени окончательно выкристаллизовываются двѣ враждебно настроенныя коалиціи.

Съ одной стороны мы видимъ Антанту. Это наименованіе (Entente Cordiale) было принято потому, что Великобританія, сблизившись съ Франціей, а потомъ и съ Россіей, не хотѣла связывать себя союзными обязательствами.

Оффиціально, въ составъ Антанты, кромѣ Россіи, Франціи и Великобританіи, никто не входилъ, но примыкающей къ ней слѣдовало считать Японію, а сочувствующими Италію и, отчасти, Румынію.

Японія была связана политическимъ и военнымъ соглашеніемъ съ Великобританіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, участіе въ Европейской войнѣ на сторонѣ Великобританіи и Россіи давало ей возможность, посредствомъ вытѣсненія Германіи изъ Китая, самой обосноваться въ Шантунгѣ, одной изъ богатѣйшихъ прибрежныхъ провинцій Небесной Имперіи.

Италія, хотя, формально, и входила еще въ составъ Тройственнаго Союза, но фактически тѣсно сблизилась съ Великобританіей и Франціей, Ея вожделѣнія по отношенію къ Австрійскимъ землямъ съ итальянскимъ населеніемъ не оставляли сомнѣній въ доброжелательномъ нейтралитетѣ и позволяли даже надѣяться на выступленіе на сторонѣ Антанты.

Румынія тоже формально примыкала къ Державамъ Тройственнаго Союза. Она даже была связана съ Австро-Венгріей конвенціей противъ Россіи. Но, получивъ изъ рукъ Антанты, послѣ своей безкровной войны съ Болгаріей, значительный кусокъ Добруджи, она расчитывала получить такой же кусокъ Трансильваніи, въ случаѣ побѣды Россіи надъ Австро-Венгріей.

Въ противномъ Антантѣ лагерѣ оставались, такимъ образомъ, два члена Тройственнаго Союза — Германія и Австро-Венгрія.

Примыкающей къ этому Союзу нужно было считать Турцію, которая находилась въ полной политической и экономической зависимости отъ Германіи. Послѣдняя, предпринявъ постройку Багдадской желѣзной дороги, стремилась превратить Малую Азію въ свою колонію. Но на пути этой колоніальной операціонной линіи: Берлинъ-Константинополь-Багдадъ, лежали Сербія и Болгарія. По-

---

*) А. А. Поливановъ: «Мемуары», Выс. Рев. Совѣтъ, Москва, 1924 годъ. — Стр. 32.

слѣдняя, хотя и связанная съ Россіей военнымъ договоромъ*), съ 1913 года стала опредѣленно переходить въ орбиту Австро-Германскаго вліянія. Оставалось только одно препятствіе въ видѣ Сербіи. Покончить съ независимостью этой Славянской Державы и превратить ее въ покорнаго вассала германизма и стало основной задачей Германо-Австрійской политики.

Такова была политическая обстановка въ Европѣ въ 1910-14 г. г., когда составлялся тотъ планъ войны, который пришлось выполнять Россіи въ Міровую войну и къ разсмотрѣнію котораго мы и приступимъ въ слѣдующей группѣ моихъ очерковъ.

---

*) В. уч. арх., д. № 174776; цитировано у Зайончковскаго, «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 182.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Разработка плана войны

ПЛАНЪ 1910 Г.

26-го іюня 1910 года были Высочайше утверждены «Указанія командующимъ войсками на случай войны съ державами Тройственнаго Союза», составленныя примѣнительно къ мобилизаціонному расписанію 1910 года*). Указанія эти вступили въ силу 1-го сентября 1910 года.

Согласно этимъ «Указаніямъ» формировалось *семь* армій**):

три изъ нихъ — арміи, формируемыя Виленскимъ (№ 1), Московскимъ (№ 5), Казанскимъ (№ 4) военными округами, собирались къ сѣверу отъ Полѣсья; только *одна* изъ нихъ (Виленская) развертывалась въ первой линіи; прочія двѣ собирались въ тылу за ней;

одна армія, формируемая изъ войскъ Варшавскаго военнаго округа (№ 2), собиралась, осаживая на линію Бѣлостокъ-Брестъ Литовскъ-Ковель;

одна армія, формируемая Кіевскимъ военнымъ округомъ (№ 3), собиралась къ югу отъ Полѣсья;

двѣ арміи предназначались для прикрытія фланговъ: онѣ формировались Петербургскимъ (№ 6) и Одесскимъ (№ 7) военными округами.

Задачи арміямъ, поставленныя Высочайше утвержденными «Указаніями» отъ 26-го іюня 1910 года, были таковы:

Арміи № 1 (Виленской) — прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія, упорно отстаивая пограничный раіонъ отъ вторженій противника, **подготовка къ рѣшительному наступленію въ зависимости отъ обстановки.**

Арміи № 2 (Варшавской) — прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія, удержаніе въ нашихъ рукахъ раіона Бѣлостока и Брестъ-Литовска и **подготовка къ переходу въ рѣшительное наступленіе въ зависимости отъ обстановки.**

Арміи № 3 (Кіевской) — рѣшительными дѣйствіями приковать къ себѣ возможно большія силы австрійцевъ.

---

*) Воен.-Учен. Архивъ, дѣло № 175953; цитировано въ книгѣ Зайончковскаго «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ» (планы войны, стр. 211).

**) Раіоны сосредоточенія первыхъ пяти армій указаны на прилагаемой схемѣ.

Арміямъ №№ 4 и 5 (Казанской и Московской) — быть готовыми къ наступленію для поддержки перволинейныхъ армій.

Арміи № 6 (Петербургской) — обезпеченіе столицы.

Арміи № 7 (Одесской) — прикрытіе со стороны Румыніи*) и защита побережья Чернаго моря.

Составъ армій указанъ въ нижеприводимой таблицѣ:

Армій Номера	Номера корпусовъ	Число дивизій.		
		перволин. пѣхотн.	второлин. пѣхотн.	кавалерійскія
1-я	I, II, III, IV, XX	10½	8	5½
2-я	VI, XIII, XIV, XV XIX, XXIII	12	3	8½
3-я	VII, VIII, IX, X, XI, XII, XXI, III Кавказскій	17	3	9
4-я	XVI XXIV	5	4	2½
5-я	Грен., V, XVII, XXV	8	4	2½
6-я	Гв., XVIII, XXII	7	3	1½
7-я		—	6	1½
	28 корпусовъ	59½	31	31

Первое, что бросается въ глаза при изученіи стратегическаго развертыванія по плану 1910 года, это то, что только *три* арміи (№№ 1, 2, 3) изъ *семи*, намѣчаются сразу для дѣйствій; изъ остальныхъ четырехъ *двѣ* (№№ 6 и 7) обезпечиваютъ фланги, а *двѣ* (№№ 4 и 5) задерживаются въ стратегическомъ резервѣ.

Въ очеркѣ III-мъ, посвященномъ изслѣдованію условій нашего сосредоточенія, мы указывали, что больнымъ мѣстомъ нашего развертыванія являлась сравнительная слабость силъ перваго стратегическаго удара и вынужденная многочисленность стратегическаго резерва, который представляли собой корпуса Азіатской Россіи и Кавказа, могущіе начать прибывать на театръ военныхъ дѣйствій лишь по истеченіи перваго мѣсяца мобилизаціи. На составителей нашего плана войны и ложилась задача: принять мѣры для уменьшенія нашего подневольнаго стратегическаго резерва, ускоривъ прибытіе дальнихъ корпусовъ. Послѣднее, при обрисовавшейся въ 1910 году политической обстановкѣ, было вполнѣ возможнымъ. Соглашеніе съ Великобританіей и Японіей позволяло совершенно опредѣленно расчитывать на возможность перевозки на нашъ западный театръ Сибирскихъ и Туркестанскихъ корпусовъ. Нужно было только подготовить въ нашемъ мобилизаціонномъ планѣ частныя мобилизаціи наиболѣе удаленныхъ корпусовъ, начавъ ихъ ранѣе общей. Такое рѣшеніе было настолько стратегически естественымъ, что многіе нѣмецкіе военные писатели и до сихъ поръ увѣрены, что мы такъ поступили въ 1914 году.

Какъ мы подсчитывали въ очеркѣ III-мъ, сила нашего подневольнаго стратегическаго резерва достигала семи корпусовъ.

Что же дѣлалъ планъ 1910 года?

Онъ еще увеличивалъ стратегическій резервъ на *шесть* корпусовъ.

Въ результатѣ: изъ *37 корпусовъ* только *19* развертывались въ первой ли-

*) Главныя силы 7-й арміи собирались на Днѣстрѣ у Бендеръ.

ніи, остальные же *18* представляли собою резервы или расходились на прикрытіе.

Какъ объяснить подобный вопіющій дефектъ плана?

Причину нужно искать въ ложности того основного оперативнаго метода, который получилъ у насъ широкое примѣненіе и, къ сожалѣнію, очень прочно вкоренился.

Въ основѣ этого метода лежало неправильное пониманіе идеи Наполеона, высказанной въ слѣдующей фразѣ: «on s'engage partout et puis l'on voit», а также словъ Петра о дѣйствіяхъ «по обращеніямъ непріятельскимъ». Это привело къ тому, что въ Полевомъ Уставѣ, съ которымъ Русская Армія выступила на войну съ Японіей, рекомендовалось свое оперативное рѣшеніе начинать съ рѣшенія задачи за противника. И вотъ какова была картина, которую обыкновенно представляли наши дѣйствія на поляхъ Манчжурскихъ сраженій: каждый изъ начальниковъ, начиная съ высшихъ, завязывая сраженіе, оставлялъ значительную часть своихъ силъ въ резервѣ, «въ ожиданіи выясненія обстановки». Послѣ того, какъ такое обильное выдѣленіе «въ резервъ» было произведено на ступеняхъ всей іерархической командной лѣстницы, оказывалось, что въ начальный періодъ сраженія, въ теченіе котораго, при современной огневой тактикѣ рѣшается важнѣйшій вопросъ о томъ, которая изъ дерущихся сторонъ навяжетъ другой свою волю, на нашей сторонѣ активно дѣйствовала только четвертая, а часто только пятая часть войскъ; остальныя силы выжидали, въ различнаго наименованія резервахъ, времени, когда начальники рѣшатся на что нибудь. Японцы, послушные ученики школы Мольтке, вступали въ бой, зная, «чего они хотятъ», и поэтому сразу же назначали большую часть своихъ силъ въ боевую часть — и будучи въ большинствѣ сраженій слабѣе въ общей численности, оказывались значительно болѣе сильными количествомъ дерущихся войскъ въ начальномъ періодѣ сраженія. Первый актъ рѣшался въ ихъ пользу; они становились господами положенія на полѣ боя, и всѣ наши многочисленные резервы шли затѣмъ на парированіе ихъ ударовъ и затыканіе дыръ.

По окончаніи неудачной для насъ войны съ Японіей, наша Военная Академія приложила всѣ свои усилія для того, чтобы искоренить изъ обихода нашей арміи этотъ ложный оперативный методъ и внѣдрить болѣе современный оперативный методъ, который заключался въ томъ, чтобы:

а) сначала рѣшить вопросъ *«чего я хочу»*,

б) а затѣмъ уже рѣшать за непріятеля вопросъ, *«какъ непріятель можетъ помѣшать тому, чего я хочу»*.

Эта проповѣдь встрѣтила упорное сопротивленіе, въ особенности со стороны самого генерала Сухомлинова. По прежнему, его сотрудники продолжали рѣшать оперативныя задачи, ставя вопросы въ обратномъ порядкѣ, а именно:

а) сначала рѣшить вопросъ, что можетъ сдѣлать противникъ,

б) а потомъ, что буду дѣлать я самъ.

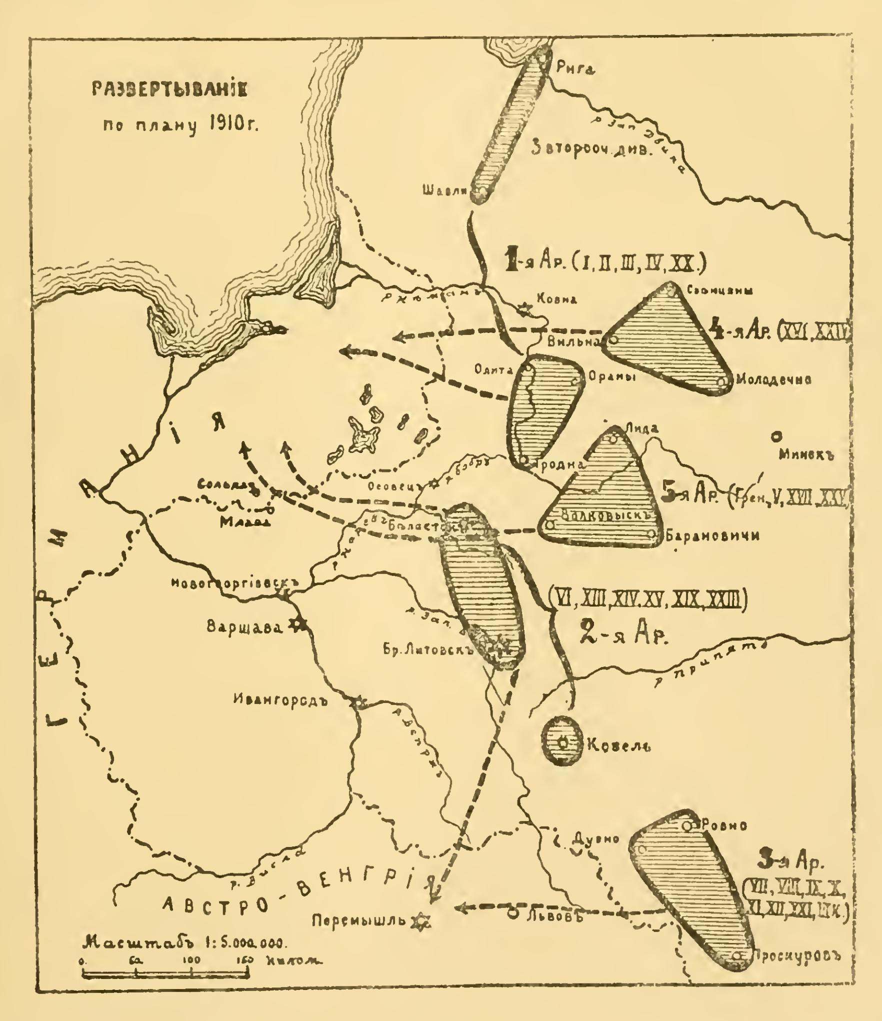
«Чѣмъ то затхлымъ», пишетъ генералъ Зайончковскій*), подробно разбирающій въ своей книгѣ планъ 1910 года, «напоминающимъ мнѣ, какъ историку Крымской войны, эту памятную эпоху, отдаетъ отъ первоначальныхъ директивъ семи русскимъ арміямъ. Арміи эшелонируются въ глубину, что обрекаетъ ихъ на безысходную пассивность, при наличіи слабо развитой желѣзнодорожной сѣти. Задачи, мало пригодныя для батальонныхъ командировъ, безъ указанія цѣли,

*) «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 205.

безъ какой нибудь нотки активности... Поставьте себя, читатель, въ положеніе командующаго арміей, который долженъ вести подготовительныя работы къ переходу въ наступленіе, не зная, куда и съ какой цѣлью...»

Полная безыдейность преподнесенныхъ 26-го іюня 1910 года, подъ Высочайшую подпись, «Указаній» не укрылась и отъ самихъ составителей плана. Они пытались восполнить ее «директивными указаніями» Начальника Генеральнаго Штаба, посланными командующимъ войсками округовъ 7-го іюля 1910 г.*).

Эти директивныя указанія представляли собою типичный продуктъ «канцелярскаго творчества», полный длинныхъ разсужденій. Но эта длиннота не могла замѣнить отсутствія самаго главнаго: принятаго опредѣленнаго оперативнаго рѣшенія. Какъ на примѣръ, характеризующій эти документы, мы можемъ указать на то, какъ формулируется та благопріятная обстановка, при наличіи которой

*) Воен.-Учен. Архивъ, дѣло № 175953, приведено у Зайончковскаго. стр. 211-224.

предполагается начать наступленіе. «Въ послѣднее время получены свѣдѣнія», говорится въ директивныхъ указаніяхъ I-й арміи, «что при нѣкоторыхъ комбинаціяхъ не только Германія, но и Австро-Венгрія будутъ принуждены въ началѣ войны направить большую часть своихъ силъ — первая противъ Франціи, а вторая противъ Италіи (?!) и южно-славянскихъ государствъ...».

Предположеніе выступленія Италіи сразу же въ составѣ Антанты является настолько неожиданнымъ, что генералъ Зайончковскій предпринялъ спеціальное изслѣдованіе въ архивахъ бывшаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ для того, чтобы найти въ перепискѣ этого Министерства съ нашимъ Г. У. Г. Ш. хотя бы намекъ на подобную возможность и не пашелъ. Несомнѣнно, что эта формулировка «наиболѣе благопріятной обстановки» была принята составителями плана 1910 года съ цѣлью бумажнымъ способомъ застраховать себя на случай неудачи предуказанной наступательной операціи.

Однако, и эти «Указанія» выражены въ мало опредѣленной формѣ. «*Наиболѣе вѣроятной задачей* для I-й арміи» явится наступленіе въ Восточную Пруссію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, но не очищая своего фронта впереди Нѣмана. Это наступленіе *можетъ быть* поддержано корпусами 4-й арміи, для которыхъ разрабатываются планы перевозокъ изъ основного раіона ихъ сосредоточенія на линію Ковно-Радзивилишки. *Весьма вѣроятно* также, что въ такомъ случаѣ сѣверная группа 2-й арміи будетъ наступать, въ связи съ 1-й арміей и не очищая своего фронта впереди Бобра и Нарева, на Сольдау, въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Въ этомъ наступленіи она *можетъ быть* поддержана 5-й арміей, для чего подготовляются соотвѣтствующіе планы перевозки*)».

Другой части 2-й арміи, а именно ея южной группѣ, указывалось «наступать въ предѣлы Галиціи, *примѣрно,* въ направленіи на Перемышль**)», а наступательныя дѣйствія 3-й арміи «должны *получить болѣе широкое развитіе съ вѣроятнымъ* направленіемъ на Львовъ и далѣе на Перемышль***)».

Многочисленные дефекты этого плана первой наступательной операціи настолько очевидны, что мы и не будемъ останавливаться на ихъ разсмотрѣніи. Укажемъ лишь на несчастную идею гулянья вокругъ Мазурскихъ озеръ, которая удержалась и въ послѣдующихъ планахъ войны и за которую мы заплатили такъ дорого разгромомъ Самсоновской Арміи и пораженіемъ Ренненкампфа, а также на разведеніе 2-й арміи по двумъ расходящимся оперативнымъ направленіямъ, одно изъ которыхъ вело на Сольдау, другое на Перемышль. Въ этомъ «эксцентрическомъ» направленіи нельзя не видѣть зародышъ той «вѣерной» стратегіи, которая разведетъ въ 1914 году наши арміи вѣеромъ, направивъ одну группу армій на С.-З., другую — на Ю.-З., и будетъ пытаться создать 3-ю группу армій, чтобы направить ее прямо на Западъ.

Здѣсь мы остановимъ наше вниманіе лишь на слѣдующемъ: къ какому сроку могло быть произведено стратегическое развертываніе армій для намѣченной въ директивныхъ указаніяхъ Начальника Генеральнаго Штаба наступательной операціи противъ Германіи?

Въ приводимой ниже таблицѣ указаны времена окончаній прибытія, въ основные раіоны сосредоточенія армій, корпусовъ, т. е. полевыхъ войскъ, также сроки полнаго окончанія сосредоточенія каждой изъ армій.

---

*) Цитировано у Зайончковскаго, стр. 215.

**) Цитировано тамъ же, стр. 217.

***) Цитировано тамъ же, на стр. 219.

Обозначеніе Арміи:	Сроки (въ дняхъ):	
	Прибытія корпусовъ (полевыхъ войскъ)	Полнаго сосредоточенія арміи
1-я армія	31	35
2-я армія	16	27
3-я армія	36	40
4-я армія	32	41
5-я армія	37	37
6-я армія	14	35
7-я армія	—	29

Начинать рѣшительную наступательную операцію до окончанія сосредоточенія армій — это своего рода стратегическое преступленіе. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, 1-я и 2-я арміи, развернутыя въ первой линіи, не могли начать наступленія, не дожидаясь прибытія своихъ второлинейныхъ дивизій, ибо директивныя указанія Начальника Генеральнаго Штаба указывали 1-й арміи, наступая въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, «не очищать своего фронта впереди Нѣмана», а 2-й — наступая на Сольдау въ обходъ Мазурскихъ Озеръ съ запада, «не очищать своего фронта впереди Бобра и Нарева».

Для выполненія этихъ оборонительныхъ задачъ должны были быть использованы второлинейныя пѣхотныя дивизіи, иначе пришлось бы на это расходовать полевыя пѣхотныя дивизіи, предназначенныя для активной операціи. Послѣднихъ же было далеко не достаточно. Какъ указано въ очеркѣ V, согласно Конвенціи, мы должны были выставить для активныхъ дѣйствій (à fond en toute diligeance) силы въ 35-40 пѣх. дивизій. Число полевыхъ пѣхотныхъ дивизій въ 1-й и 2-й арміяхъ равнялось всего 22½, но т. к. южная группа 2-й арміи (XIX корпусъ) направлялась, какъ мы знаемъ, въ походъ на Перемышль, то противъ нѣмцевъ наступало всего 20½ полевыхъ пѣх. дивизій.

Прибывающія въ эти арміи второлинейныя пѣх. дивизіи (11-ть) не могли довести общее число пѣх. дивизій до обѣщанныхъ нами Франціи размѣровъ. Пять изъ этихъ дивизій расходовались на гарнизоны крѣпостей (Ковно, Новогеоргіевскъ, Осовецъ, Брестъ), три пѣх. дивизіи — на образованіе оборонительнаго уступа въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ и, наконецъ, 2-3 — на занятіе оборонительнаго расположенія впереди Нѣмана и Буго-Нарева, какъ это было предположено «директивными указаніями Начальника Генеральнаго Штаба».

Такимъ образомъ, рѣшительное наступленіе, формально отвѣчающее § 3 Конвенціи, мы могли вести, лишь усиливая 1-ю и 2-ю арміи — 3-й и 4-й арміями. Какъ мы знаемъ, это и дѣлали «директивныя указанія Начальника Генеральнаго Штаба». Въ этомъ случаѣ общее число полевыхъ пѣхотныхъ дивизій, участвующихъ въ наступленіи, достигало 33½, а вмѣстѣ съ второлинейными, вычтя гарнизоны крѣпостей и силы, употребленныя для чисто оборонительныхъ задачъ, на территоріи Россіи — общая численность достигала 35-40 пѣхотныхъ дивизій.

Однако, для выполненія операціи нужно было, чтобы 4-я и 5-я арміи выдвинулись изъ того глубокаго тыла, въ которомъ онѣ собирались. Раіонъ сосредоточенія 4-й арміи отстоялъ отъ границы Восточной Пруссіи у Вержболова по воздушной линіи на 225 километровъ, а раіонъ 5-й арміи отъ такой же границы у Сольдау отстоялъ по воздушной линіи на 400 километровъ. Такимъ образомъ,

развертываніе войскъ четырехъ армій для рѣшительной операціи противъ Восточной Пруссіи требовало не менѣе двухъ мѣсяцевъ*).

Желая ускорить начало операціи, «директивныя указанія Начальника Генеральнаго Штаба» упоминали о томъ, что разрабатываются планы для желѣзнодорожныхъ перевозокъ 4-й и 5-й армій изъ ихъ основныхъ раіоновъ сосредоточенія къ границамъ Восточной Пруссіи.

Для выполненія этихъ перевозокъ въ 4-й арміи имѣлась только одна желѣзно-дорожная магистраль — Вильна-Ковно. Перевозки же 5-й арміи, хотя и могли быть совершены по нѣсколькимъ магистралямъ, но на конечномъ участкѣ, Варшава-Млава (далѣе на Сольдау), имѣлась лишь одна однопутная жел. дорога. Такимъ образомъ, ж. д. перевозки могли дать лишь нѣкоторое ускореніе, но сравнительно небольшое.

Однако, существовала серьезная помѣха, чтобы твердо разсчитывать на это ускореніе. Директива Начальника Генеральнаго Штаба для 2-й арміи (Варшавскаго округа) начиналась слѣдующаго рода указаніемъ:

Рѣшеніе оставить съ первыхъ дней мобилизаціи большую часть территоріи Варшавскаго военнаго округа возлагаетъ на 2-ю армію тяжелую задачу по выводу и уничтоженію всего, что можетъ принести пользу противнику**).

Вслѣдствіе этого, нужно было принять въ разсчетъ, что массовыя перевозки (5-й арміи) въ раіонѣ подготовленномъ къ очищенію, а, можетъ быть, даже временно очищенномъ нашими войсками, не могутъ производиться съ той же интенсивностью, какъ по сѣти ж. д., проходящей по территоріи, находящейся въ нашемъ обладаніи. Это обстоятельство должно было быть учтено въ тѣмъ большей степени, что наши враги, получивъ свѣдѣнія объ основныхъ идеяхъ Сухомлиновскаго плана, рѣшили поставить задачей своей первой операціи на Русскомъ фронтѣ захватъ очищаемаго Сухомлиновымъ Передового театра. Съ этой цѣлью изъ Галиціи, въ общемъ направленіи на Брестъ Литовскъ, должны были вторгнуться четыре А.-В. Арміи. Нѣмцы же обѣщали, даже въ случаѣ направленія своего перваго удара противъ Франціи, двинуть изъ Восточной Пруссіи на Сѣдлецъ силы, равныя, по крайней мѣрѣ, 12 пѣхотнымъ дивизіямъ***).

Все это вмѣстѣ взятое заставляло съ увѣренностью сказать, что задуманная планомъ 1910 года активная операція противъ Германіи могла начать осуществляться только въ самомъ концѣ второго мѣсяца мобилизаціи.

Таковъ былъ Сухомлиновскій планъ 1910 года, во имя котораго разрушалась Милютинская военно-инженерная подготовка и была уже нарушена Милютинская дислокація войскъ.

Французы были чрезвычайно обезпокоены Сухомлиновской реформой. Отодвиженіе фронта развертыванія нашихъ армій далеко на востокъ нарушало заключенную съ ними Конвенцію *по существу,* ибо отдаляло начало нашихъ активныхъ дѣйствій и противъ Германіи и противъ Австро-Венгріи. Наше *формальное* выполненіе § 3 Конвенціи, а именно: предрѣшеніе въ первую же операцію наносить главный ударъ по Германіи силами въ 35-40 дивизій, не могло ихъ удовлетворить, такъ какъ эта операція не могла начаться ранѣе самаго конца 2-го мѣсяца мобилизаціи.

Тѣмъ не менѣе, на Совѣщаніи Начальниковъ Штабовъ въ сентябрѣ 1910 го-

---

*) Мы беремъ время, необходимое для 5-й арміи: 37 дней для окончательнаго сосредоточенія и 28 дней для похода въ районъ Сольдау.

**) Зайончковскій, стр. 216.

***) Feldmarschall Conrad: «Aus meiner Dienstzeit 1906-1918», т. IV, стр. 563.

да французы ярко продемонстрировали свое нежеланіе стѣснять нашу стратегію. Пожеланія, формулированныя на этомъ Совѣщаніи представителемъ Французскаго Генеральнаго Штаба, были чрезвычайно скромными; они сводились къ выполненію Россіей только двухъ условій:

1) мѣры мирнаго времени должны были создать для Германіи впечатлѣніе возможности серьезнаго русскаго наступленія на польской границѣ съ 15-го по 30 день и

2) положеніе, занятое въ первые дни войны, должно было подтвердить это впечатлѣніе и не дать возможности нѣмцамъ использовать противъ Франціи корпуса, которые назначены для дѣйствій противъ Россіи*).

Число этихъ корпусовъ Французскій Генеральный Штабъ опредѣлялъ всего въ 3-5 съ резервными дивизіями**).

При выполненіи этихъ условій Французскій Генеральный Штабъ гарантировалъ: «*немедленное и рѣшительное наступленіе противъ Германской арміи со всѣми силами****)*».

Исполнить эти пожеланія французовъ было чрезвычайно легко: *нужно было вернуться къ стратегіи Милютина и Обручева.*

Но русскій представитель, генералъ Гернгроссъ, только что назначенный Начальникомъ Генеральнаго Штаба, отстаивая идеи Сухомлиновской стратегіи, заявилъ, что новый планъ Русскаго сосредоточенія даетъ возможность:

1) направить 2/3 всѣхъ Русскихъ силъ, въ количествѣ 19 корпусовъ, противъ Германіи, тогда какъ противъ Австро-Венгріи будутъ дѣйствовать только девять корпусовъ;

2) перейти границу на 20-й день съ достаточными силами, чтобы побѣдоносно сразиться съ германскими войсками, оставленными на Восточномъ фронтѣ****).

Такимъ образомъ, печальной памяти планъ войны 1910 года отстаивался нами такою цѣною:

а) обѣщаніемъ главный ударъ въ первую же операцію направить противъ нѣмцевъ. Это была очень дорогая цѣна, ибо это связывало нашу стратегическую свободу дѣйствій, какъ разъ то, что такъ отстаивалъ въ свое время генералъ Обручевъ;

б) обѣщаніемъ начать рѣшительныя активныя дѣйствія противъ Германіи до окончанія сосредоточенія нашихъ войскъ.

При этомъ заявленіе нашего представителя грѣшило большою туманностью. Формула — «перейти границу съ достаточными силами, чтобы побѣдоносно сразиться съ германскими войсками, оставленными на Восточномъ фронтѣ» — могла пониматься чрезвычайно различно. Она вводила въ заблужденіе нашего союзника, который собирался самъ совершить величайшую стратегическую ошибку, — перейти въ «*немедленное и рѣшительное наступленіе противъ Германскихъ армій со всѣми силами*».

При разницѣ болѣе, чѣмъ въ полтора мѣсяца между полными окончаніями

---

*) Истор.-Рев. Арх.; Франко-Русскій Союзъ, папка 1910 г. Цитировано у Зайончковскаго, стр. 198.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

****) Истор.-Рев. Арх.; Франко-Русскій Союзъ, папка 1910 г. Цитировано у Зайончковскаго, стр. 199.

французскаго и нашего сосредоточенія*), такое рѣшеніе было чревато тяжелыми послѣдствіями: или французы подвергались риску быть разбитыми до оказанія нами поомщи или же мы вынуждались къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ *не будучи* еще *готовыми.*

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА ОТЪ 17-ГО ФЕВРАЛЯ 1912 ГОДА.

1910-1911 годы прошли въ обильной перепискѣ между Г. У. Г. Ш. и штабами округовъ, а также въ рядѣ совѣщаній, вызванныхъ разногласіями въ возможностяхъ выполненія плана 1910 года.

Начало же 1912 года ознаменовалось большимъ сюрпризомъ: Австро-Венгрія, ведя захватную политику на Балканахъ, сумѣла секретно мобилизовать свою армію противъ Россіи**). Сухомлиновскій планъ войны 1910 года поставилъ Россію по отношенію къ Австріи въ безпомощное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли изъ прошлаго очерка, этотъ планъ войны собиралъ противъ монархіи Габсбурговъ всего 9 корпусовъ. Остальные 16-ть сосредотачивались къ сѣверу отъ Полѣсья, въ раіонѣ Олита-Бѣлостокъ-Барановичи-Молодечно-Свѣнцяны. Переброска этихъ корпусовъ на нашъ Юго-Западный фронтъ затруднялась, ибо съ очищеніемъ нами Передового театра мы теряли рокадныя линіи. А между тѣмъ центръ (у Лиды) вышеупомянутаго раіона сосредоточенія нашихъ главныхъ силъ къ сѣверу отъ Полѣсья отстоялъ отъ границы Галиціи по воздушной линіи на 400 километровъ.

Явная несостоятельность плана войны 1910 года понудила ген. Сухомлинова собрать въ февралѣ 1912 года въ Москвѣ съѣздъ начальниковъ Штабовъ Округовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ. Къ этому съѣзду начальникъ штаба Кіевскаго военнаго округа — генералъ М. В. Алексѣевъ***) подалъ записку, озаглавленную «Общій планъ дѣйствій»****).

По нынѣ существующимъ предположеніямъ, писалъ ген. Алексѣевъ, главныя усилія нашихъ вооруженныхъ силъ должны быть обращены противъ Германіи. На Германскомъ фронтѣ сосредотачиваются войска какъ пограничныхъ, такъ и внутреннихъ округовъ. Противъ Австріи обращены корпуса Кіевскаго и Одесскаго округовъ, а изъ Варшавскаго только одинъ XIV-й корпусъ. Послѣдній, бу-

---

*) См. стр. 14.

**) Воен. Учен. Архивъ, дѣло № 169275, цитировано у ген. Зайончковскаго, стр. 231.

***) Съ 1894 по 1904 г. г. М. В. Алексѣевъ былъ однимъ изъ главныхъ работниковъ по составленію нашихъ плановъ войны. Въ теченіе этого же періода онъ былъ профессоромъ въ Военной академіи, работая на кафедрѣ Исторіи Русскаго военнаго искусства. М. В. Алексѣевъ, въ концѣ 1904 года, былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Штаба 3-й Манчжурской Арміи. По окончаніи войны съ Японіей, М. В. Алексѣевъ возвратился къ разработкѣ плановъ войны на отвѣтственной должности 1-го оберъ-квартирмейстера Г. У. Г. Ш. Въ 1908 г. онъ былъ назначенъ Начальникомъ Штаба Кіевскаго военнаго округа. Такимъ образомъ, М. В. Алексѣевъ, обладая громаднымъ опытомъ стратегической работы и въ тоже время ученымъ стажемъ, представлялъ собою наиболѣе квалифицированнаго работника Большого Генеральнаго Штаба. Потому мы и остановили наше вниманіе на разсмотрѣніи его «Записки».

****) Воен. Учен. Архивъ, дѣло № 128182; цитировано въ книгѣ генерала Зайончковскаго, стр. 236-237.

дучи развернутъ на широкомъ фронтѣ — Люблинъ-Ковель, образуетъ къ югу отъ Бреста только завѣсу, не могущую ни оказать противнику серьезнаго сопротивленія, ни ввести его на болѣе или менѣе продолжительное время въ заблужденіе относительно количества силъ, выставляемыхъ Россіей противъ Австріи со стороны Варшавскаго округа.

При такой обстановкѣ переходъ въ наступленіе Кіевской арміи является операціей изолированной, не находящейся, повидимому, въ связи съ дѣятельностью прочихъ армій.

Современная политическая и военная обстановка, казалось бы, подсказываетъ необходимость принятія иной основной идеи плана войны.

Италія втянулась въ колоніальную войну, которая отвлекаетъ въ Африку ея силы и средства. Расчитывать по одному этому, что она останется дѣятельнымъ членомъ Тройственнаго Союза и серьезной угрозой для Франціи, нельзя. Характеръ отношеній между Австріей и Италіей таковъ, что расчитывать на очищеніе

итальянцами своей австрійской границы отъ войскъ съ цѣлью сосредоточить ихъ противъ Франціи, не приходится.

Отношенія между Германіей и Англіей таковы, что Германія должна серьезно учитывать вѣроятность вступленія Англіи въ активную борьбу.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ никакихъ основаній считать, что въ начальный

періодъ войны Германія выставитъ свои главныя силы противъ насъ, оставивъ на Западной границѣ только заслонъ.

Подготовка Восточно-Прусскаго театра военныхъ дѣйствій дастъ возможность нѣмцамъ втянуть наши превосходныя силы въ упорную борьбу, ограничивъ ее именно этимъ театромъ, въ виду его флангового положенія по отношенію къ операціоннымъ направленіямъ на Берлинъ.

Все это указываетъ, что благовременно было бы подвергнуть тщательному пересмотру идею плана войны и разрѣшить ее въ томъ смыслѣ, что Россія нанеситъ въ первый періодъ войны главный ударъ Австро-Венгріи, назначая для выполненія этой задачи возможно большія силы. На Германскомъ фронтѣ генералъ Алексѣевъ рекомендовалъ оставить около шести корпусовъ, сосредоточенныхъ въ раіонѣ Гродна-Бѣлостокъ, для прикрытія границы и для дѣйствія противъ Германскихъ войскъ, оставленныхъ въ Восточной Пруссіи.

Записка ген. М. В. Алексѣева вновь выдвигаетъ вопросъ о необходимости обладанія Россіей свободы выбора противника для нанесенія главнаго удара въ первую операцію, то есть тотъ вопросъ, который отстаивалъ Обручевъ и который упустили изъ виду его преемники.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы подробно разсмотримъ, насколько отвѣчало интересамъ Русско-Французскаго союза направленіе нашего перваго главнаго удара противъ Австро-Венгріи, а не противъ Германіи. Здѣсь же мы остановимъ наше вниманіе на другомъ крайне интересномъ стратегическомъ фактѣ.

Создателемъ Австро-Венгерскаго плана войны противъ Россіи являлся генералъ Конрадъ фонъ Гетцендорфъ. Онъ представлялъ собою крупный авторитетъ въ области оперативной работы Большого Генеральнаго Штаба, на посту начальника котораго онъ пребывалъ долгое время.

Первоначальной стратегической задачей, въ случаѣ войны съ Россіей, ген. Конрадъ поставилъ вторженіе главной массы Австро-Венгерскихъ армій въ нашъ Передовой театръ въ раіонѣ, ограниченномъ съ запада р. Вислой, съ востока р. Бугомъ, съ цѣлью разбить собирающіяся тамъ Русскія вооруженныя силы. Рѣшая вопросъ — какъ Русскіе могутъ помѣшать выполненію вышеуказанной задачи, генералъ Конрадъ въ своихъ оперативныхъ расчетахъ принялъ самый трудный для себя варіантъ, а именно: нѣмцы направятъ свой главный ударъ противъ Франціи, а Русскіе примутъ наиболѣе опасную для Австро-Венгріи стратегическую группировку.

Приводимая ниже схема воспроизведена съ чертежа, приложеннаго къ воспоминаніямъ генерала Конрада*).

Мы видимъ изъ нея, что изъ 23-26 корпусовъ Европейской Россіи, которые русскіе смогутъ сосредоточить на своей западной границѣ, ген. Конрадъ оставлялъ лишь 7-8 корпусовъ противъ Германіи, всѣ же остальные 15-18 корпусовъ развернуты противъ Галиціи. Изъ этого мы видимъ, что два чрезвычайно авторитетныхъ стратега — генералы Алексѣевъ и Конрадъ, которымъ жизнь судила въ 1914 году выступить другъ противъ друга, совершенно идентично разрѣшали задачу русскаго стратегическаго развертыванія. Ген. Алексѣевъ рѣшалъ эту задачу нѣсколько смѣлѣе: оставляя противъ Германіи 6 корпусовъ, онъ давалъ возможность сосредоточить противъ Австро-Венгріи 19-ть**).

Схема предположеннаго ген. Конрадомъ наиболѣе опаснаго для Австро-

*) Feldmarschall Conrad: «Aus meiner Dienstzeit 1906-1918». Приложеніе 14-ое къ тому IV-му.

**) Исходя изъ числа корпусовъ, сосредотачиваемыхъ на нашемъ Западномъ театрѣ планомъ войны 1910 года.

Венгерскихъ армій русскаго стратегическаго развертыванія крайне поучительна и въ другомъ отношеніи: изъ нея ярко видно, насколько вѣрна была Милютинская стратегія, придававшая громадное значеніе сосредоточенію нашихъ силъ на Передовомъ театрѣ.

Нашъ противникъ это хорошо понималъ.

ВОПРОСЪ О ПРЯМОМЪ И НЕПРЯМОМЪ СТРАТЕГИЧЕСКОМЪ ВОЗДѢЙСТВІИ НА ГЕРМАНІЮ ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ОПЕРАЦІЮ.

Классическимъ примѣромъ непрямого стратегическаго воздѣйствія является походъ Александра Македонскаго. Разбивъ на голову въ маѣ 334 г. до Р. Х. армію Персовъ на р. Граникѣ, онъ еще не считаетъ себя въ силахъ воспользоваться открытыми путями въ сердце Персіи, а направляется вдоль западнаго и южнаго побережья Малой Азіи для отторженія его отъ Персіи. Лѣтомъ слѣдующаго года (333 годъ до Р. Х.) въ сраженіи у Иссъ, онъ опять бьетъ на голову армію Персовъ, вышедшую съ цѣлью помѣшать ему завоевывать побережье Средиземнаго моря, и опять не считаетъ себя еще въ силахъ перейти къ прямымъ дѣйствіямъ противъ Персіи. Только закончивъ покореніе всего побережья Средиземнаго моря, включая и устья Нила, и создавъ, благодаря этому, обширную стратегическую и политическую базу, онъ направляетъ свой ударъ прямо по Персіи. Глубоко вторгнувшись въ долину Ефрата и Тигра, Александръ Македонскій въ третій разъ разбиваетъ въ октябрѣ 331 года персидскія полчища у Гавгамеллъ. Созданная Александромъ Македонскимъ политическая и стратегическая обстановка такова, что проигрышъ Даріемъ Гистаспомъ сраженія у Гавгамеллъ рѣшилъ судьбу всего Персидскаго государства.

Экскурсія въ древнюю военную исторію нужна была для того, чтобы сразу же получить конкретный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ: направленіе русскаго перваго удара по Австро-Венгерской арміи, а не по Германской, нисколько не противорѣчило основному положенію русско-французскаго военнаго союза, что главнымъ противникомъ должна почитаться Германія, и основной цѣлью войны должна считаться побѣда надъ Германіей. Изъ приведеннаго выше примѣра мы видѣли, что одинъ изъ трехъ величайшихъ полководцевъ древности три года примѣняетъ противъ Персіи — своего главнаго врага, стратегію не прямого воздѣйствія, и только для заключительнаго удара примѣняетъ стратегію прямого дѣйствія.

Такой отвѣтъ даетъ стратегія — наука, когда мы ставимъ нашъ вопросъ въ самыхъ широкихъ рамкахъ, въ рамкахъ основной цѣли войны. Но достиженіе этой основной цѣли идетъ по этапамъ; каждый этапъ — операція. Согласованность дѣйствій коалиціи требуетъ не только единства точки зрѣнія на конечную цѣль войны, но также и согласованія въ каждомъ этапѣ, т. е. въ каждой операціи.

Разсмотримъ теперь, отвѣчало ли, въ суженныхъ рамкахъ первой операціи, интересамъ русско-французскаго союза направленіе русскаго главнаго удара въ первую очередь по Австро-Венгріи.

Для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны, прежде всего, учесть то, что Германія, находясь въ центральномъ положеніи, вынуждена была дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. То есть, она должна была стремиться разбить Францію и Россію, по очереди.

Мы опять сдѣлаемъ экскурсію въ военную исторію. Интереснымъ примѣромъ является осенняя кампанія 1813 г. Во внутреннемъ положеніи, на Эльбѣ, находился Наполеонъ, противъ котораго, съ трехъ сторонъ, наступали русско-австро-прусскія арміи: Сѣверная, Силезская и Богемская.

Рѣшеніе Императора Александра I-го можетъ почитаться классическимъ примѣромъ противодѣйствія сильному (а въ данномъ случаѣ, геніальному) противнику, дѣйствующему по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. Это рѣшеніе вылилось въ такъ называемый Трахтенбергскій планъ. Идея этого плана заключалась въ слѣдующемъ: та армія, противъ которой оказался бы Наполеонъ (т. е. главныя силы) должна была уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія, другія же должны были переходить въ рѣшительное наступленіе противъ французскихъ заслоновъ. Правильность этой стратегической мысли привела къ побѣдѣ подъ Лейпцигомъ, на полѣ сраженія котораго соединившіяся Богемская, Силезская и Сѣверная арміи смогли использовать свое большое численное превосходство.

Идея, аналогичная Трахтенбергскому плану, и должна была лежать въ основѣ всѣхъ дѣйствій Антанты въ Міровую войну. Когда Германія направляла свои главныя силы противъ Франціи, наши союзники должны были оттягивать розыгрышъ рѣшительнаго сраженія, а Русскія арміи — вести рѣшительную операцію, и обратно: когда Германія заносила свой главный ударъ по Россіи, наши союзники должны были переходить въ рѣшительное наступленіе.

Вопросъ о томъ, какую изъ Армій, германскую или ав.-венгерскую, выбирать главнымъ объектомъ дѣйствій, возникалъ для насъ только въ томъ случаѣ, когда съ началомъ войны Германія набрасывалась своими главными силами на Францію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ разсматривать только этотъ случай.

Каковы были тѣ непріятельскія силы, которыя могла встрѣтить наша армія, перейдя въ рѣшительное наступленіе по окончаніи сосредоточенія войскъ, расквартированныхъ въ Европейской Россіи?

Въ нижеприводимой таблицѣ указаны предположенія русскаго и французскаго генеральныхъ штабовъ:

	Германскія силы		Австро-Венг. силы	
	число корпусовъ	число пѣх. дивизій	число корпусовъ	число пѣх. дивизій
Предположенія рус. ген. штаба въ 1910 г. (1)	6	25	13	46½
Предположенія франц. ген. штаба въ 1911 г. (2)	3	16	?	30
Предположенія рус. ген. штаба въ 1913 г. (3)	3-6	16-25	12-13	42-47

(1) В.-Уч. арх. дѣло № 174627, цитировано въ книгѣ ген. Зайончковскаго, стр. 192 - 195.

(2) Книга ген. Зайончковскаго, стр. 234.

(3) «Стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.», ч. I, сост. ген. Циховичемъ. стр. 7-9.

При сопоставленіи цифръ первыхъ двухъ строчекъ этой таблицы бросается въ глаза огромная разница въ оцѣнкѣ непріятельскихъ силъ русскимъ и французскимъ генеральными штабами. Происходила она по той причинѣ, что нашъ генеральный штабъ, изъ осторожности, имѣлъ тенденцію считать нѣсколько больше, а французы, желая понудить насъ къ быстрѣйшему началу дѣйствій, преуменьшали эти силы. Въ особенности поступали они такъ по отношенію къ Австро-Венгерскимъ силамъ, стараясь внушить намъ мысль о томъ, что эти силы представляютъ собою «quantité négligeable».

Некомпетентность французовъ въ оцѣнкѣ Австро-Венгерскихъ силъ была совершенно ясна нашему Генеральному Штабу, такъ какъ въ теченіе 1909-1912 годовъ нашей тайной развѣдкѣ удалось добыть самыя точныя и подробныя данныя о намѣченномъ Австро-Венгерскимъ генеральнымъ штабомъ развертываніи силъ въ Галиціи. Вотъ почему нашъ генеральный штабъ, введя въ видѣ поправки въ оцѣнку количества оставшихся противъ Россіи германскихъ силъ французскія данныя, оставилъ свои предположенія о количествѣ Австро-Венгерскихъ силъ почти безъ измѣненія.

Въ результатѣ были приняты цифры, помѣщенныя въ третьей строкѣ нашей таблицы, которыя и были приведены въ «Запискѣ о силахъ и вѣроятныхъ планахъ западныхъ противниковъ», составленной въ 1913 году.

Для нашихъ расчетовъ мы и примемъ эти цифры, т. е. 16-25 германскихъ и 42-47 Австро-Венгерскихъ пѣхотныхъ дивизій. Всего — отъ 58 до 72 пѣхотныхъ дивизій. Но какъ мы говорили въ первомъ очеркѣ, боевая сила германской пѣхотной дивизіи въ среднемъ была въ полтора раза больше русской. Поэтому боевая сила 16-25 герм. пѣх. дивизій равнялась 24-37½ русскихъ пѣх. дивизій, а, слѣдовательно, общая боевая сила разворачивающихся противъ Россіи Германскихъ и Австро-Венгерскихъ армій равнялась боевой силѣ 66-84½ русскихъ пѣхотныхъ дивизій.

По плану 1910 года, Русскій Ген. Штабъ считалъ возможнымъ сразу развернуть на своемъ западномъ театрѣ 52½ перволинейныхъ и 22 второлинейныхъ пѣх. дивизіи, итого — 74½ пѣхотныхъ дивизіи.

Отсюда видно, что соотношеніе силъ между нами и нашими врагами было близко къ равенству.

Каковы же были тѣ операціонныя направленія, по которымъ могли развиваться рѣшительныя дѣйствія русскихъ армій?

Начнемъ съ операціонныхъ направленій, ведущихъ къ прямому стратегическому воздѣйствію на Германію.

Кратчайшая операціонная линія такого способа дѣйствій шла черезъ Познань на Берлинъ.

Несомнѣнно, что эта операціонная линія могла привести къ наиболѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Германіи. Но такое наступленіе было Россіи не по силамъ. Само исходное положеніе ея на Передовомъ театрѣ находилось подъ ударами изъ Восточной Пруссіи и изъ Галиціи. Чѣмъ болѣе удалялась бы русская армія на западъ, тѣмъ болѣе увеличивался бы расходъ силъ для обезпеченія обоихъ фланговъ операціонной линіи. Этотъ расходъ увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что противникъ, обладая несравненно болѣе развитой желѣзнодорожной сѣтью, чѣмъ мы, имѣлъ возможность быстро перебрасывать свои силы съ одного направленія на другое. При отсутствіи превосходства въ численности нашихъ силъ надъ противникомъ, наше наступленіе въ Познанскомъ направленіи представило бы собою то, что нашъ маститый стратегъ — генералъ Лееръ, назвалъ «авантюристической» стратегіей.

Отсюда мы видимъ, что операціонная линія на Познань должна была быть исключена для прямого воздѣйствія на Германію. Оставалось наступленіе въ Восточную Пруссію. Такое наступленіе имѣло преимущества. Оно позволяло участвовать въ немъ всѣмъ нашимъ силамъ, развернутымъ противъ Германіи. Исходя изъ расчетовъ плана 1910 года, это составляло 16 корпусовъ. Однако оно таило въ себѣ крупный стратегическій порокъ: нѣмцы могли, въ отвѣтъ на это наступленіе, не притягивать со своего французскаго фронта помощи войскамъ, обороняющимъ Восточную Пруссію, а просто отойти за Вислу. Подобная воз-

можность учитывалась такимъ высоко авторитетнымъ начальникомъ Германскаго Генеральнаго Штаба, какъ графъ Шлиффенъ*).

Взглядъ на прилагаемую схему показываетъ, насколько стратегически «неудобнымъ» оказалось бы положеніе Русскихъ войскъ, вторгшихся въ Вост. Пруссію и дошедшихъ до Вислы. Передъ ихъ фронтомъ находилась бы преграда въ видѣ р. Вислы, усиленной крѣпостями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняли въ рукахъ нѣмцевъ свободу перехода черезъ эту рѣку. Въ то же время, глубоко за правымъ флангомъ подошедшихъ къ Вислѣ русскихъ армій, германская крѣпость Кенигсбергъ обезпечивала удобный плацдармъ, изъ котораго подвезенная моремъ нѣмецкая армія могла ударить намъ въ тылъ.

Только въ томъ случаѣ, если мы вели бы наступленіе въ С.-З. направленіи по обоимъ берегамъ Вислы, наша угроза Восточной Пруссіи могла вынудить германское командованіе къ переброскѣ силъ съ французскаго театра. Предназначенныхъ для дѣйствій противъ Германіи 16-ти корпусовъ (въ составѣ 33½ перволинейныхъ пѣхотныхъ дивизій, съ придачей 10 второлинейныхъ пѣхотныхъ дивизій**), что составило бы силу къ 43½ пѣхотныхъ дивизій) было достаточно, чтобы успѣшно дѣйствовать противъ оставленныхъ Германіей па ея восточномъ фронтѣ войскъ (сила которыхъ, какъ мы видѣли выше, могла быть равноцѣнна 24-37½ русскимъ пѣхотнымъ дивизіямъ). Но для того, чтобы эта операція пріобрѣла рѣшительный характеръ, требовалось наличіе не только сильной полевой тяжелой артиллеріи, но и осадной, для ускоренной атаки Торна и Грауденца***). Безъ этого намъ пришлось бы топтаться передъ этими крѣпостями; это дало бы выигрышъ времени нѣмцамъ, а, слѣдовательно, и возможность, даже въ случаѣ нашего наступленія по обоимъ берегамъ Вислы, долго не снимать со своего французскаго фронта войскъ на помощь своему Восточному фронту.

Теперь разсмотримъ, какое стратегичесоке воздѣйствіе могло оказать на Германію наше наступленіе въ Галицію.

Опять бѣглый взглядъ на карту покажетъ намъ одну существенную стратегическую особенность, присущую этому театру. Галиція, представлявшая собою единственное мѣсто, гдѣ Австро-Венгрія могла развернуть свои арміи противъ Россіи, была отрѣзана отъ прочей территоріи Имперіи Габсбурговъ Карпатами. При этомъ главные коммуникаціонные пути Австро-Венгерскихъ армій, развернутыхъ въ Галиціи, проходили вдоль ихъ лѣваго фланга, по узкой полосѣ мѣстности, стѣсненной сблизившимися здѣсь Карпатами и р. Вислой. Русскій главный ударъ, направляемый въ этотъ перешеекъ, ставилъ Австро-Венгерскія арміи въ критическое положеніе. Въ такихъ условіяхъ, выигрышъ русскими сраженія неминуемо долженъ былъ принять сокрушающій для вооруженной мощи Австро-Венгріи характеръ. Собираемыя въ Галиціи А.-В. силы измѣрялись по расчетамъ нашего Г.У.Г.Ш., — 42-47 пѣхотными (перво и второлинейныя) дивизіями; мы же могли сосредоточить, согласно приведенной въ прошломъ очеркѣ Запискѣ генерала Алексѣева, не менѣе 19-ти корпу-

*) См. одну изъ ежегодныхъ задачъ Большого ген. штаба, данныхъ графомъ Шлиффеномъ (1898 года); приведена въ книгѣ теперешняго германскаго военнаго министра Гренера (Das Testament des Grafen Schlieffen.)

**) Считая, что остальныя 12 второочередныхъ пѣх. див. (всего планъ 1910 г. сосредотачивалъ 22 второоч. пѣх. див.) должны были быть оставлены на усиленіе 9 корпусовъ (въ составѣ 19 пол. пѣх. див.), оставленныхъ противъ 42-47 А. — В. пѣх. д., наступавшихъ изъ Галиціи

***) А также сильной боевой рѣчной флотиліи.

совъ (40 перволинейныхъ и 12 второлинейныхъ пѣхотныхъ дивизій), что составляло 52 пѣх. дивизіи. Такихъ силъ было достаточно для одержанія рѣшительной побѣды въ Галиціи.

Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣмцы не допустятъ полнаго сокрушенія вооруженной мощи своего союзника. Для быстрѣйшаго оказанія ему непосредственной помощи они вынуждены были бы перебросить не только часть своихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи, но и изъ Франціи. И эта помощь не могла быть малой, такъ какъ одновременно съ необходимостью выручать Австро-Венгерскія арміи, нѣмцы должны были прикрыть отъ вторженія русскихъ армій верхнюю Силезію, уголь которой былъ жизненно необходимъ для веденія войны.

Изъ этого мы видимъ, что направленіе русскаго главнаго удара въ первоначальную операцію противъ Австро-Венгерскихъ армій, сосредоточенныхъ въ Галиціи, являлось наиболѣе вѣрнымъ способомъ оттянуть часть германскихъ войскъ изъ Франціи. Однако этотъ способъ представлялъ собою медленнѣе дѣйствующее средство, нежели наше наступленіе непосредственно на Германію. Какъ всякое непосредственное давленіе, также и стратегическое прямое дѣйствіе заставляетъ противника реагировать скорѣе, нежели косвенное воздѣйствіе.

Но эта отрицательная сторона не могла имѣть рѣшающаго значенія. Какъ мы говорили въ началѣ очерка, въ основѣ коалиціонныхъ дѣйствій Россіи и Франціи должна была быть положена стратегическая идея, аналогичная основной идеѣ Трахтенбергскаго плана, а именно: та сторона, на которую набрасываются главныя германскія силы, должна была переходить къ стратегическому выжиданію. Современныя вооруженія и техническія средства настолько усилили оборону, что какъ ярко показалъ опытъ войны, стратегическое выжиданіе можетъ продолжаться мѣсяцами и даже годами. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, вопросъ шелъ о промежуткѣ времени, нужномъ для того, чтобы сокрушительный характеръ Русской побѣды въ Галиціи началъ уже выясняться. Этотъ срокъ измѣрялся днями и недѣлями. Точное указаніе этого срока даетъ Исторія минувшей войны. Эта же Исторія указываетъ также, на сколько дней наша побѣда въ Галиціи отразилась на дѣйствіяхъ Германіи позже, нежели наше вторженіе въ Восточную Пруссію. Въ одномъ изъ тѣхъ очерковъ, гдѣ мы будемъ разсматривать выполненіе нашего плана войны, мы подробно остановимся на этомъ вопросѣ.

Въ заключеніе этого очерка мы подчеркнемъ то коренное стратегическое условіе, безъ соблюденія котораго наше наступленіе въ Галицію противорѣчило интересамъ русско-французскаго союза.

Это наступленіе могло оказать воздѣйствіе на Германію только въ томъ случаѣ, если разыгрывающееся въ Галиціи сраженіе приняло бы сокрушающій для Австро-Венгерской военной мощи характеръ. Это требовало отъ насъ назначенія наибольшаго числа войскъ на нашъ Юго-Западный фронтъ, а также приводило къ тому, что не всякая стратегическая форма намѣченнаго нами Галиційскаго сраженія отвѣчала интересамъ Русско-Французскаго союза. Сосредоточеніе главныхъ силъ нашего Юго-Западнаго фронта на линіи Бр.-Литовскъ — Ковель — Дубно — Проскуровъ, какъ это дѣлалъ планъ 1910 г., совершенно не отвѣчало этимъ интересамъ, ибо въ случаѣ выигрыша нами сраженія Австро-Венгерскія арміи не ставились въ критическое положеніе, а лишь осаживались на свои коммуникаціи. Только сосредоточеніе главныхъ силъ юго-западнаго фронта на нашемъ Передовомъ Театрѣ и нанесеніе нами главнаго удара по обоимъ берегамъ р. Вислы, превращало наше наступленіе въ Галицію въ наи-

лучшій способъ стратегическаго воздѣйствія на Германію, хотя и не прямо, но за то наиболѣе вѣрно.

Такова и была точка зрѣнія генерала Обручева, когда онъ отстаивалъ стратегическую свободу Россіи для выбора перваго объекта дѣйствій. Что это было такъ, легко убѣдиться, сравнивая на прилагаемой схемѣ начертаніе созданной по идеямъ Обручева нашей желѣзнодорожной сѣти съ сохраняемой имъ Милютинской системой военно-инженерной подготовки Передового театра. Сильные оборонительные рубежи р.р. Нѣмана, Бобра, Нарева, Буга, съ крѣпостями и укрѣпленіями въ Ковнѣ, Олитѣ, Осовцѣ, Ломжѣ, Остроленкѣ, Рожанахъ, Пултускѣ, Зегржѣ, Новогеоргіевскѣ, образовывали какъ бы щитъ для прикрытія съ наименьшимъ числомъ войскъ нашего перваго удара по Австро-Венгріи. Желѣзно-дорожная же сѣть позволяла подвезти наши войска къ границѣ съ Галиціею по 19-ти колеямъ*); десять изъ нихъ выводили на Передовой театръ, а четыре переходили Вислу и могли служить для глубокаго охвата лѣваго Австро-Венгерскаго фланга.

Заслуга генерала М. В. Алексѣева и заключалась въ томъ, что запиской отъ 17-го февраля 1912 года, о которой мы подробно говорили въ прошломъ очеркѣ, онъ пытался вернуть нашу стратегическую мысль въ русло Обручевскихъ идей.

---

*) Къ Границѣ — 4 колеи, къ Ивангороду — 3, къ Люблину — 2, къ Холму — 2, къ Ковелю — 3, къ Дубно — 2, къ Волочиску — 2, къ Новоселицѣ — 1.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Разработка плана войны

(Продолженіе)

КОМИССІЯ ГЕНЕРАЛА П. И. ПОСТОВСКАГО

Записка ген. М. В. Алексѣева отъ 17-го февраля 1912 года не оказалась напрасной. Совѣщаніе начальниковъ штабовъ Округовъ и генералъ-квартирмейстеровъ, собранное въ Москвѣ, хотя и не стало полностью на точку зрѣнія ген. М. В. Алексѣева, но, все таки, пересмотрѣло и въ корнѣ измѣнило идею развертыванія 1910 года.

Первоначальная работа была сдѣлана комиссіей Окружныхъ генералъ-квартирмейстеровъ, подъ предсѣдательствомъ ген.-м. П. И. Постовскаго*). Этой комиссіи была поставлена задача — перераспредѣлить между арміями войска и тыловыя учрежденія, въ случаѣ направленія противъ Австро-Венгріи, кромѣ 3-й арміи, еще 4-й и 5-й**).

Такъ родился тотъ варіантъ, который и пришлось выполнять въ 1914 году.

Въ рапортѣ Предсѣдателя комиссіи, генералъ-маіора П. И. Постовскаго, изложены основныя стратегическія соображенія, положенныя имъ въ основу порученной ему работы***).

«Мнѣ было указано», начинаетъ генералъ Постовскій свой рапортъ, «что развертываніе этихъ армій имѣетъ цѣлью наступленіе въ предѣлы Австро-Венгріи и никакихъ подробностей вновь принятаго плана кампаніи дано не было».

Это заявленіе очень показательно. Характерною особенностью Г. У. Г. Ш., временъ Сухомлинова, дѣйствительно, являлось стремленіе уклониться отъ опре-

---

*) Генералъ-Квартирмейстеръ Варшавскаго военнаго округа.

**) По плану 1910 года эти арміи сосредотачивались къ сѣверу отъ Полѣсья, во второй линіи, противъ Германіи.

***) Его рапортъ Начальнику ген. штаба, отъ 22-го февраля 1912 года, № 3. — Воен.-Учен. Арх., дѣло № 128182.

дѣленной формулировки оперативной мысли. Яркимъ выраженіемъ этого отрицательнаго свойства являлся планъ 1910 года, гдѣ наступательныя задачи армій (№ 1 и № 2), долженствовавшихъ нанести главный ударъ, были формулированы словами: переходъ въ рѣшительное наступленіе въ зависимости отъ обстановки. Работа комиссіи ген. Постовскаго была затруднена, въ виду отсутствія указаній свыше на ту руководящую стратегическую идею, которая должна была быть положена въ основу предполагаемаго рѣшительнаго наступленія въ Галицію.

Не получивъ этой самой существенной части заданія, ген. П. И. Постовскій направилъ вниманіе ввѣренной ему комиссіи на разработку перваго періода операціи, когда, вслѣдствіе болѣе ранней готовности Австро-Венгровъ, русскія арміи вынуждались къ стратегической оборонѣ. Этотъ періодъ занималъ, въ круглыхъ цифрахъ, первые 40 дней мобилизаціи.

Нужно отдать справедливость ген. П. И. Постовскому, что въ этой разработкѣ онъ проявилъ большую прозорливость, и его рапортъ представляетъ собой, въ этомъ отношеніи, рѣдкій примѣръ; мы думаемъ, что въ архивахъ всѣхъ генеральныхъ штабовъ мало документовъ, предвидѣнія которыхъ сбылись бы въ столь же значительной мѣрѣ, какъ предположенія рапорта ген. Постовскаго.

За отправную точку своихъ разсужденій ген. П. И. Постовскій взялъ предположеніе объ активномъ образѣ дѣйствій Австро-Венгровъ. Дѣйствительно, какъ мы обращали вниманіе въ предыдущихъ очеркахъ, А.-В. арміи, сосредоточенныя въ Галиціи, находились въ опасномъ стратегическомъ положеніи, такъ какъ имѣли свои главные коммуникаціонные пути отходящими вдоль лѣваго фланга.

Правильно оцѣнивая это положеніе, ген. П. И. Постовскій считаетъ, что наивыгоднѣйшимъ направленіемъ для наступленія главныхъ А.-В. силъ является пространство между р. р. Вислою и Бугомъ. Такое наступленіе выводило лѣвый флангъ А.-В. изъ критическаго положенія, облнжая ихъ съ нѣмцами, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзывало Варшавскій военный округъ отъ сообщеній съ внутренними областями Россіи. Наступательная операція А.-В. въ сѣверномъ направленіи должна была быть обезпечена со стороны нашего Дубно-Ровенскаго раіона, причемъ, согласно предположеніямъ ген. П. И. Постовскаго, предназначенная для этой цѣли А.-В. армія будетъ дѣйствовать тоже наступательно, чтобы выиграть пространство.

Оба эти предположенія ген. П. И. Постовскаго въ точности сбылись въ августѣ 1914 года и привели къ Люблинскому и Золочевскому сраженіямъ.

Подходъ главныхъ силъ Австро-Венгровъ къ линіи развертыванія 4-й и 5-й русскихъ армій на фронтѣ Люблинъ-Холмъ-Ковель могъ произойти на 23-25 дни мобилизаціи, когда къ нашимъ арміямъ еще далеко не прибудутъ всѣ войска и тыловыя учрежденія, необходимыя для начала серьезныхъ наступательныхъ операцій.

Поэтому ген. П. И. Постовскій считалъ, что первой задачей 4-й и 5-й русскимъ арміямъ должно быть поставлено отраженіе Австро-Венгровъ съ нанесеніемъ имъ удара въ предѣлахъ раіона сосредоточенія. Линія предположеннаго развертыванія 4-й и 5-й русскихъ армій — Люблинъ-Холмъ-Ковель, по мнѣнію ген. П. И. Постовскаго, чрезвычайно благопріятствуетъ будущимъ наступательнымъ операціямъ. Выгодные же для обороны участки мѣстности должны быть подготовлены въ инженерномъ отношеніи; занимая эти участки слабыми силами, мы получали бы возможность сгруппировать какъ можно большія массы на участкахъ, удобныхъ для маневрированія. Нѣкоторые корпуса должны быть оставлены во второй линіи, въ видѣ резерва, уступомъ за флангомъ.

На правомъ флангѣ 4-й арміи необходимо занять Ивангородъ, какъ узелъ путей и переправу черезъ Вислу, и Варшаву, какъ важный политическій центръ въ ближайшемъ тылу.

Далѣе, ген. П. И. Постовскій переходилъ къ оцѣнкѣ значенія и силы 5-й арміи, на долю которой, по его предположеніямъ, выпадетъ задача — сдерживать серьезнѣйшій ударъ армій противника. Дѣйствительно, въ августѣ 1914 г. нашей 5-й арміи пришлось вступить въ бой въ Томашевскомъ сраженіи съ значительно превосходящимъ въ силахъ противникомъ. Генералъ П. И. Постовскій указывалъ, что, въ случаѣ неуспѣха нашей 5-й арміи и необходимости для нея отступить къ Бр.-Литовску, положеніе 4-й арміи можетъ стать критическимъ, т. к. ея отходъ будетъ сильно затрудненъ. Необходимо поэтому, чтобы 5-я армія имѣла вполнѣ достаточныя силы для прочнаго удержанія позицій на правомъ берегу Буга.

«Такова была суть пророческой записки генерала Постовскаго», пишетъ ген. Заіончковскій*), «... невыполненіе которой дало себя сильно почувствовать въ первый періодъ Галиційской Битвы».

Исходя изъ изложенныхъ выше стратегическихъ положеній, комиссія ген. П. И. Постовскаго и выработала слѣдующій проектъ измѣненія плана 1910 года**).

Для дѣйствій противъ Германіи назначаются 1-я и 2-я арміи и противъ Австріи 3-я (которая, въ свою очередь, можетъ быть раздѣлена на двѣ), 4-я и 5-я.

Послѣднія три арміи имѣютъ задачей наступать въ предѣлы Галиціи съ цѣлью нанести ударъ развертывающимся тамъ Австро-Венгерскимъ арміямъ. При этомъ 3-я армія развертывается въ Кіевскомъ военномъ округѣ, а 4-я и 5-я въ Варшавскомъ, имѣя 4-ю въ раіонѣ Ивангорода, Люблина, Лукова и 5-ю въ раіонѣ Холма, Ковеля и Бреста.

Составъ армій: 1-я армія — 4 корпуса, 7 второочередныхъ дивизій и 5½ кавалерійскихъ дивизій; *2-я армія* — 5 корпусовъ, 2 второочередныхъ дивизіи, 5 кавалерійскихъ дивизій, Новогеоргіевскъ съ гарнизономъ въ 1½ полевыхъ дивизіи и Осовецъ съ гарнизономъ въ ½ полевой дивизіи; *4-я армія* — 4 корпуса, 1 полевая дивизія, 1 стрѣлковая бригада, 4 второочередныхъ дивизіи и 4 кавалерійскихъ дивизіи и *5-я армія* — 4 корпуса, 4 второочередныхъ и 4½ кавалерійскихъ дивизіи и крѣпость Брестъ съ ея гарнизономъ въ 2 второочередныхъ дивизіи.

Остальныхъ армій Комиссія не касалась, такъ какъ ихъ сосредоточеніе и задачи оставались безъ перемѣнъ.

Фронтъ развертыванія для 4-й и 5-й армій опредѣлялся для первоочередныхъ дивизій линіей: Люблинъ, Холмъ, Ковель, если быстрое наступленіе австрійцевъ не заставитъ отнести высадку прибывающихъ корпусовъ къ линіи Луковъ-Брестъ. При этомъ 5-я армія развертывается къ востоку отъ Реіовца, а 4-я къ западу отъ него.

Разсматривая приведенныя схему и таблицу, нельзя не увидѣть, что намѣченныя комиссіей ген. П. И. Постовскаго измѣненія нашего стратегическаго развертыванія на случай рѣшительной операціи противъ А.-В. представляли большой шагъ впередъ, по сравненію съ планомъ 1910 года. Но по сравненію съ предположеніями, высказанными въ запискѣ ген. М. В. Алексѣева (отъ 17-го февраля 1912 года), это былъ шагъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, ген. М. В. Алексѣевъ пред-

*) Стр. 239 — «Подготовка Россіи къ Міровой войнѣ» (Планы войны).

**) Протоколъ отъ 22-го февраля 1912 года, Воен.-Учен. Арх., дѣло 128182.

ТАБЛИЦА

СРАВНЕНІЕ СОСТАВА АРМІЙ

Номера армій	По плану 1910 года				Согласно комиссіи генерала П. И. Постовскаго			
	число а. корпусовъ	число пѣх. див.		число кавал. дивизій	число а. корпусовъ	число пѣх. див.		число кавал. дивизій
		перво-лин.	второ-лин.			перво-лин.	второ-лин.	
1-я	5	10½	8	5½	4	8	7	5½
2-я	6	12	3	8½	5	11	2	5
3-я	8	17	3	9	8	17	3	9
4-я	2	5	4	2½	4	8½	4	4
5-я	4	8	4	2½	4	8	6	4½
	25	52½	22	28	25	52½	22	28

лагалъ оставить противъ Германіи только 6 корпусовъ, что давало возможность направить противъ А.-В. 19-ть корпусовъ, комиссія же ген. П. И. Постовскаго сосредотачивала для этой цѣли только 16-ть.

Эта меньшая стратегическая рѣшимость объясняется, прежде всего, тѣмъ, на что мы указали въ началѣ очерка: въ заданіи, поставленномъ комиссіи, отсутствовало указаніе на руководящую стратегическую идею предполагаемаго наступленія въ Галицію.

Изъ всего изложеннаго въ предыдущихъ очеркахъ читатель могъ убѣдиться, что условія военно-политическія и военно-географическія ставили очень опредѣленныя требованія для разыгрыванія въ Галиціи битвы. Эти требованія были: мы должны были наносить свой главный ударъ вдоль Вислы и при этомъ наибольшими силами, дабы достигнуть сокрушающей побѣды надъ А.-В. арміями. Если бы эти указанія были даны, прозорливость, проявленная ген. П. И. Постовскимъ и его комиссіей при разработкѣ перваго періода операціи (стратегическое выжиданіе до окончанія нашего сосредоточенія), нашла бы свое приложеніе и въ разработкѣ второго періода операціи (нашъ переходъ въ наступленіе послѣ окончанія сосредоточенія). Несомнѣнно, что тогда эта комиссія обратила бы вниманіе не только на необходимость *достаточно сильной* 5-й русской арміи, но и на необходимость *наиболѣе сильной* 4-й русской арміи. А это въ свою очередь, во первыхъ, заставило бы комиссію болѣе полно осуществить мысль ген. Алексѣева, то есть, сосредоточить противъ А.-В. не 16-ть, а 19-ть корпусовъ, и, во вторыхъ, привело бы къ ослабленію 3-й арміи для того, чтобы еще болѣе усилить правое крыло Юго-Западнаго фронта, не только дотянувъ его до Вислы, но и помѣстивъ флангъ его à cheval на этой рѣкѣ.

Не имѣя передъ собой опредѣленно формулированнаго отвѣта на основной вопросъ для всякой стратегической операціи: «Чего я хочу», Комиссія ген. П. И. Постовскаго не смогла наиболѣе ярко провести въ планѣ операціи ту руководящую стратегическую идею, которая должна была быть положена въ основу на-

шей наступательной операціи въ Галиціи. Нужно ли напоминать читателю, что эта идея принадлежитъ къ циклу Милютинскихъ стратегическихъ идей?

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ

(въ февралѣ 1912 года)

Комиссія ген. П. И. Постовскаго, какъ мы писали въ прошломъ очеркѣ, разрабатывала лишь одинъ изъ возможныхъ частныхъ случаевъ, который долженъ былъ предвидѣть нашъ планъ войны.

Само же Совѣщаніе Начальниковъ Штабовъ Округовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ въ полномъ составѣ обсуждало какъ общіе вопросы, такъ и многія подробности.

Предсѣдателемъ Совѣщанія былъ Начальникъ Генеральнаго Штаба, генералъ Жилинскій.

Большинству участниковъ этого Совѣщанія суждено было черезъ два года проводить на отвѣтственныхъ должностяхъ тѣ идеи, которыя высказывались на этомъ Совѣщаніи. Ген. Жилинскій оказался въ 1914 г. Главнокомандующимъ арміями С.-З. фронта, ген. Ю. Даниловъ — генералъ-квартирмейстеромъ Ставки, ген. М. В. Алексѣевъ — Начальникомъ Штаба армій Ю. З. фронта, ген. Клюевъ (начальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа) — командиромъ XIII-го корпуса, ген. баронъ А. Бринкенъ (начальникъ штаба Петербургскаго военнаго округа) — командиромъ XXII корпуса, генералъ Преженцовъ (начальникъ штаба Виленскаго военнаго округа) — начальникомъ 36-й пѣх. дивизіи, ген. П. И. Постовскій (генералъ-квартирмейстеръ Варшавскаго военнаго округа) — начальникомъ штаба 2-й арміи; изъ нихъ три лица оказались, такимъ образомъ, въ злополучной арміи ген. Самсонова.

Мы перечислимъ наиболѣе интересные вопросы, которые обсуждало это Совѣщаніе, причемъ въ нашемъ изложеніи мнѣній Совѣщанія придержимся возможно ближе текста протоколовъ.

1. О сосредоточеніи войскъ на Передовомъ театрѣ.

По мнѣнію Совѣщанія наступленіе въ Восточную Пруссію очень большими силами, въ томъ случаѣ, если нѣмцы оставляли тамъ всего три полевыхъ корпуса, являлось ударомъ по воздуху. Съ другой стороны, легкій успѣхъ Австро-Венгровъ на южномъ фасѣ Передового театра (Ивангородъ-Ковель) могъ привести всю Польшу во враждебное русскимъ состояніе. Совѣщаніе полагало, поэтому, необходимымъ перерѣшить вопросъ о наступленіи въ томъ смыслѣ, что, оставивъ для наступленія противъ Германіи вполнѣ достаточныя для этого силы, направить всѣ остальныя войска противъ А.-В. Предполагалось, что подобное рѣшеніе, давая намъ солидное превосходство въ силахъ надъ нѣмцами, позволитъ намъ, при благопріятной обстановкѣ, одержать надъ Австро-Венграми крупный успѣхъ. Этотъ успѣхъ разомъ рѣшитъ въ благопріятномъ смыслѣ вопросъ о Польшѣ, отзовется на состояніи всей Австро-Венгерской арміи, да и помощь Франціи пораженіемъ Австро-Венгерской арміи будетъ оказана болѣе значительная, чѣмъ безпрепятственнымъ занятіемъ германской территоріи.

Главный ударъ противъ Австро-Венгровъ рекомендовалось вести въ самомъ опасномъ для нихъ направленіи, т. е. съ фронта Ивангорода-Ковель.

Эти постановленія Совѣщанія указывали на преимущества нанесенія нами главнаго удара по А.-В., но заключали въ себѣ и зародышъ невѣрной идеи о возможности для насъ вести въ первоначальную операцію рѣшительное наступленіе по двумъ расходящимся операціоннымъ направленіямъ: въ Галиціи и въ Восточной Пруссіи. Въ основѣ этой ошибки лежали двѣ невѣрныя предпосылки.

Одна изъ нихъ заключалась въ невѣрности способа исчисленія силъ. Это исчисленіе производилось подсчетомъ числа батальоновъ, вслѣдствіе чего русская пѣхотная дивизія получалась на 25% сильнѣе германской, въ то время, въ дѣйствительности, какъ мы отмѣтили это въ первомъ очеркѣ, боевая сила германской пѣхотной дивизіи превосходила таковую русской въ полтора раза. При такомъ взаимоотношеніи наши силы были далеко недостаточны для того, чтобы мы могли позволить себѣ такую роскошь, какъ одновременное веденіе двухъ рѣшительныхъ операцій по расходящимся направленіямъ.

Другой невѣрной предпосылкой являлось увлеченіе стратегическимъ наступленіемъ. Руководящіе круги русскаго и французскаго ген. штабовъ переживали въ это время своего рода «моду»; стратегическая оборона считалась негоднымъ методомъ веденія войны. Это особенно рѣзко вылилось въ двухъ лекціяхъ, прочитанныхъ въ 1911 году. въ Парижѣ высокоталантливымъ, но увлекающимся полк. французскаго ген. штаба Гранмэзонъ*). Эти лекціи были переведены на русскій языкъ и произвели на верхахъ нашего генеральнаго штаба такое же сильное впечатлѣніе, какъ и на верхахъ французскаго большого ген. штаба. Панацею всей современной стратегіи Гранмэзонъ видѣлъ въ одномъ: въ рѣшительномъ наступленіи. Онъ совершенно упустилъ изъ виду, что, въ то время, когда рѣшительное наступленіе ускоряетъ приближеніе кризиса, стратегическая оборона оттягиваетъ его; а потому, въ тѣхъ случаяхъ, когда нуженъ выигрышъ времени, отказъ отъ стратегической обороны равнозначенъ отказу отъ принципа «экономіи силъ», нераздѣльно связаннаго съ принципомъ «сосредоточенія силъ въ рѣшающій моментъ, въ рѣшающее время».

2. О сохраненіи Ивангорода.

Совѣщаніе признало важность сохраненія этой упраздненной крѣпости при предполагаемомъ Совѣщаніемъ выдвиженіи вновь значительныхъ силъ на Передовой театръ; на основаніи этого оно указало на необходимость вернуться къ созданію у Ивангорода такихъ долговременныхъ укрѣпленій, которыя позволили бы сохранить за собой мосты на Вислѣ и Веприжѣ въ теченіе 1-1½ мѣсяцевъ.

3. О Риго-Шавельскомъ раіонѣ.

Незадолго передъ разсматриваемымъ нами здѣсь Московскимъ Совѣщаніемъ, Г. У. Г. Ш. внесъ измѣненія въ сосредоточеніе 4-й арміи. Эта армія, какъ мы знаемъ, должна была, по плану 1910 года, собираться въ раіонѣ Вильна-Свѣнцяны-Молодечно, т. е. въ тылу I-й арміи. Согласно измѣненіямъ начала 1912 года, правый флангъ I-й арміи ограничивался крѣпостью Ковна, а 4-я армія выдвигалась изъ второй линіи на уступъ I-й въ Риго-Шавельскій раіонъ. Московское Совѣщаніе считало недопустимымъ, обсуждая это измѣненіе, въ томъ случаѣ, если германцы оставятъ противъ Россіи только три корпуса, держать

*) Полковникъ Гранмэзонъ геройски погибъ въ кампаніи 1914 г. во главѣ командуемаго имъ пѣхотнаго полка.

4-ю армію уступомъ назадъ на крайнемъ правомъ флангѣ. Совѣщаніе рекомендовало, въ этомъ случаѣ, перенести сосредоточеніе 4-й арміи въ предѣлы Передового театра.

4. О необходимости составленія двухъ плановъ кампаній.

Совѣщаніе нашло, что, рѣшая вопросъ о перенесеніи центра тяжести наступательныхъ дѣйствій съ Германіи на Австро-Венгрію, не слѣдуетъ отказываться и отъ существующаго плана (1910 года) какъ въ виду полной его разработки, такъ и неизвѣстности, какъ можетъ сложиться обстановка къ началу боевыхъ дѣйствій.

Въ будущемъ же необходимо параллельно разрабатывать два плана войны на западѣ:

а) на случай наступленія большей части нашихъ силъ противъ Германіи;

б) на случай наступленія большей части нашихъ силъ противъ А.-В.

Кромѣ того, необходимо готовиться, хотя и къ мало вѣроятному, но все таки возможному случаю сосредоточенія германцами противъ Россіи сразу же въ началѣ войны главной массы своихъ войскъ.

Въ этомъ постановленіи можно увидѣть признаки того, что Московское Совѣщаніе подходило къ правильной идеѣ о разработкѣ трехъ варіантовъ для первой операціи: варіантъ 1-й — (главный ударъ по А.-В.) — 4 армія на правомъ флангѣ Ю.-З. фронта; варіантъ 2-й (главный ударъ по Германіи) — 4-я армія на лѣвомъ флангѣ С.-З. фронта; варіантъ 3-й (оборонительный) — 4-я армія на правомъ флангѣ С.-З. фронта.

5. О раздѣленіи 3-й арміи на двѣ.

Совѣщаніе отмѣтило громоздкость 3-й арміи. Сосредоточеніе ея въ двухъ группахъ (Дубно-Ровненской и Проскуровской) облегчаетъ раздѣленіе ея на двѣ арміи № 3-й и № 8-й.

6. Объ организаціи группъ армій.

Совѣщаніе указало, что большое число армій (съ раздѣленіемъ 3-й арміи на двѣ, получалось восемь армій) дѣлаетъ труднымъ непосредственное управленіе ихъ однимъ лицомъ. Поэтому, Совѣщаніе ходатайствовало о сведеніи армій, дѣйствующихъ противъ Германіи и Австро-Венгріи, въ двѣ группы армій (фронты), подчиненныя каждая особому Главнокомандующему (Главнокомандующій арміями германскаго фронта и Главнокомандующій арміями австрійскаго фронта). Высшее же Главнокомандованіе надъ всѣми русскими вооруженными силами должно быть осуществлено Верховнымъ Главнокомандующимъ, ближайшими подчиненными котораго и являлись бы Главнокомандующіе фронтами и Командующіе отдѣльными арміями (фланговыя, № 6 и 7).

Генералъ Заіончковскій, книгой котораго*) мы широко пользуемся для изученія интересующихъ насъ вопросовъ, такъ заключаетъ свое непосредственное изученіе протоколовъ Московскаго Совѣщанія и комиссіи ген. П. И. Постовскаго:

«Два приведенные выше документа имѣютъ глубокое значеніе и большой

---

*) «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (Планы войны)», Гос. воен. изд., 1926 годъ. — Стр. 241.

интересъ. Фактически, это полный отказъ отъ всей Сухомлиновской системы стратегическаго развертыванія и инженерной подготовки и новое обращеніе къ Милютинской системѣ съ придачей первенствующаго значенія Передовому театру и крѣпостямъ на Вислѣ, но, все таки, еще переходъ къ Милютинской системѣ въ нѣсколько извращенномъ видѣ, благодаря той пертурбаціи, которую произвелъ во всей системѣ обороны страны единолично проведенный проектъ 1910 года. Замѣчательно то, что полный отказъ отъ предположеній 1910 года произошелъ черезъ 1½ года на Совѣщаніи, на которомъ присутствовалъ самъ Сухомлиновъ, а подписалъ его, кромѣ всѣхъ Начальниковъ Окружныхъ Штабовъ, и Начальникъ Генеральнаго Штаба Жилинскій и его генералъ-квартирмейстеръ Даниловъ, авторъ проекта 1910 года».

ПРОЕКТЪ ОТЪ 1-го МАРТА 1912 ГОДА

Окончательныя рѣшенія Московскаго Совѣщанія вылились въ ниже приводимый проектъ плана войны (отъ 1-го марта 1912 года).

Указанія командующимъ войсками на случай войны съ державами Тройственнаго Союза были редактированы въ этомъ проектѣ слѣдующимъ образомъ:

Германія, Австро - Венгрія и Румынія, превосходя насъ въ скорости мобилизаціи и сосредоточенія, могутъ начать войну быстрымъ вторженіемъ въ предѣлы Россіи, при чемъ Германія неминуемо должна раздѣлить свои силы, направивъ значительно большую ихъ часть въ началѣ войны, по всей вѣроятности, противъ Франціи.

Въ зависимости отъ числа корпусовъ, сосредотачиваемыхъ нѣмцами на ихъ восточной границѣ, разработано два плана развертыванія нашихъ силъ:

А. (Австрія). Для направленія большей части нашихъ корпусовъ противъ Австро-Венгріи и

Г. (Германія). Для направленія большей части нашихъ корпусовъ противъ Германіи.

Общее количество силъ нѣмцевъ, оставляемыхъ на востокѣ, выяснится, вѣроятно, не позднѣе начала массовыхъ перевозокъ по сосредоточенію, т. е. около 7-8 дня мобилизаціи.

Раіоны сосредоточенія и распредѣленія силъ по варіанту «А» и «Г» проектомъ отъ 1-го марта 1912 года указаны на прилагаемыхъ схемѣ и таблицѣ.

НАШИ ЗАДАЧИ:

I. ВАРІАНТЪ «А».

Общая: Обезпеченіе сосредоточенія всѣхъ армій въ избранныхъ раіонахъ, замедляя наступленіе противника; затѣмъ переходъ въ наступленіе и вторженіе въ предѣлы противника.

Арміи германскаго фронта: Уничтоженіе Германской арміи, оставленной въ Восточной Пруссіи, и овладѣніе Восточной Пруссіей съ цѣлью создать выгодное для насъ исходное положеніе для дальнѣйшихъ дѣйствій. Наблюденіе за германской

*) Воен.-Уч. Архивъ, дѣло № 173432.

границей на лѣвомъ берегу Вислы въ предѣлахъ раіона армій фронта. За крѣпостями противника на Вислѣ должно быть установлено наблюденіе; Кенигсбергъ долженъ быть обложенъ.

Частная задача 1-ой арміи: Развѣдка противника отъ Полангена до Лыка включительно и наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера.

Частная задача 2-й арміи: Развѣдка противника въ Восточной Пруссіи къ западу отъ Лыка и наблюденіе за германской границей въ раіонѣ арміи на лѣвомъ берегу Вислы; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ юга.

Арміи австрійскаго фронта: Пораженіе австрійскихъ армій къ востоку отъ Карпатъ, наблюденіе германской и австрійской границъ на лѣвомъ берегу Вислы въ предѣлахъ раіона армій фронта.

Частная задача 3-й арміи: Развѣдка противника въ Галиціи къ Юго-Востоку отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова) и Львовъ включительно; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію съ общимъ направленіемъ на Львовъ.

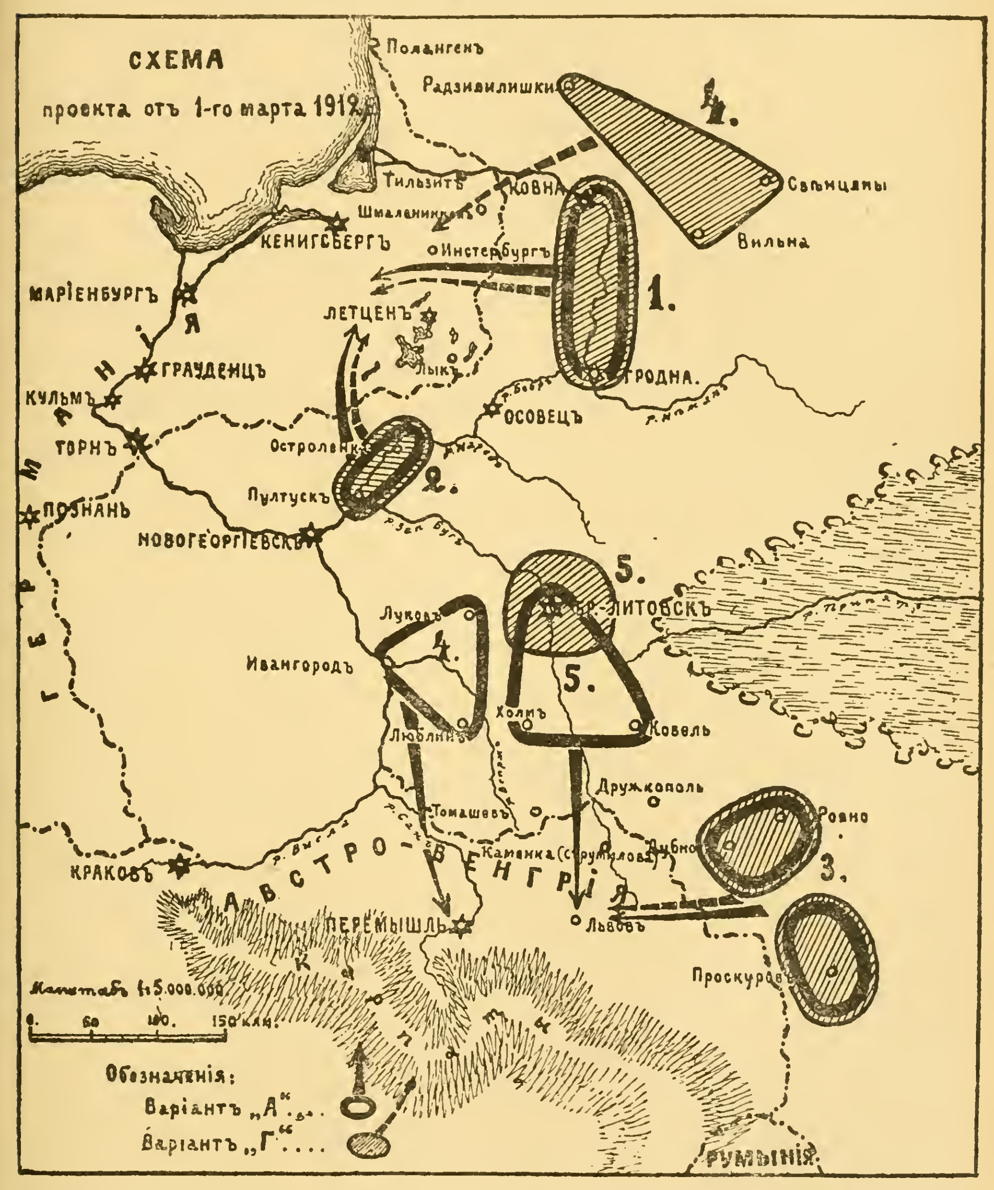
Частная задача 4-й арміи: Развѣдка противника въ Галиціи къ западу отъ линіи Томашевъ, Перемышль и наблюденіе за австрійской и германской границами въ раіонѣ арміи, прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію съ общимъ направленіемъ на Перемышль.

ТАБЛИЦА

Распредѣленія войскъ по проекту отъ 1-го марта 1912 г.

Арміи	Варіантъ «А»				Варіантъ «Г»			
	Корпуса	Число пѣх. д. первол. лин.	Число пѣх. д. второл. лин.	число кавал. див.	Корпуса	Число пѣх. д. первол. лин.	Число пѣх. д. второл. лин.	число кавал. див.
1-я	Гвард., I, III, IV	8½	7	5½	Гвард., I, III, IV	8½	7	5
2-я	II. VI, XV, XVII XXIII	10½	3	4	Гренад., II, VI, XIII, XV, XVII, XXIII	14½	3	5
3-я	VII, IX, X, XI, XII, XXI, III Кавк.	15	3	9	То же, что и въ варіантѣ «А»			
4-я	Гренад., XIV, XVI, XX, XXIV	10½	4	4½	XVI, XX, XXIV	7	4	2½
5-я	V, XIII, XXV, XIX	8	5	5	V, XIV, XXV, XIX	7½	5	6½
6-я	XVIII, XXII,	5	3	1½	То же, что и въ варіантѣ «А»			
7-я	VIII	2	6	1½	То же, что и въ варіантѣ «А»			
	28	59½	31	31	28	59½	31	31

Частная задача 5-й арміи: Развѣдка противника въ Галиціи къ сѣверо-востоку*) отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова) и Львовъ до линіи Томашевъ, Перемышль включительно; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; удержаніе въ нашихъ рукахъ фронта Ковель — Холмъ имѣетъ рѣшающее значеніе для операціи не

только 5-й, но и 4-й и 3-й армій; подготовка къ наступленію въ общемъ направленіи на Львовъ.

---

*) Вѣроятно въ подлинномъ документѣ ошибка. Слѣдуетъ читать — къ сѣверо-западу.

Задачи фланговымъ арміямъ: Отдѣльная армія № 6. Обезпеченіе столицы Имперіи и наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи.

Отдѣльная армія № 7. Прикрытіе лѣваго фланга 3-й арміи со стороны Румыніи; наблюденіе за морскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи и содѣйствіе флоту въ оборонѣ побережья.

II. ВАРІАНТЪ «Г».

Общая задача: Обезпеченіе сосредоточенія всѣхъ армій въ избранныхъ раіонахъ, замедляя наступленіе противника. Вслѣдъ за этимъ — для войскъ, дѣйствующихъ противъ Германіи, переходъ въ наступленіе вторженіемъ въ Восточную Пруссію, а для войскъ, дѣйствующихъ противъ Австріи, вторженіе въ Восточную Галицію изъ предѣловъ Кіевскаго военнаго округа, замедляя наступленіе австрійцевъ въ предѣлы Варшавскаго военнаго округа.

Арміи германскаго фронта: Задача этимъ арміямъ редактирована въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ варіантѣ «А».

Частная задача 1-й арміи: Развѣдка противника отъ Шмаленинкена до Лыка включительно, прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, правымъ флангомъ на Инстербургъ.

Частная задача 2-й арміи та же, что и при варіантѣ «А».

Частная задача 4-й арміи: Развѣдка противника отъ Полангена до Шмаленинкена включительно и наблюденіе въ своемъ раіонѣ за Балтійскимъ побережьемъ; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію на фронтъ Тильзитъ, Инстербургъ, имѣя въ виду обезпеченіе праваго фланга 1-й арміи.

Арміи австрійскаго фронта: Не допускать австрійцевъ выйти въ тылъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ противъ Германіи.

Частная задача 5-й арміи: Развѣдка противника къ сѣверо-западу отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львовъ; наблюденіе за австрійской и германской границами на лѣвомъ берегу Вислы; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; удержаніе въ нашихъ рукахъ раіона Бреста.

Частная задача 3-й арміи та же, что и при варіантѣ «А».

Задачи фланговымъ арміямъ: Отдѣльныя арміи №№ 6 и 7 по своимъ задачамъ тождественны съ варіантомъ «А».

Изучая внимательно этотъ проектъ, нельзя не замѣтить, что чья то упрямая рука стремилась вернуть мысль Московскаго Совѣщанія въ русло идей плана 1910 года.

Проблескъ правильной мысли имѣть три варіанта плана войны: два — на случай рѣшенія будущаго Верховнаго Главнокомандующаго начать войну наступательно, нанося главный ударъ или по Германіи или по Австро-Венгріи, и третій — на случай рѣшенія начать войну стратегическимъ выжиданіемъ, — потухъ.

Проектъ предвидитъ лишь два варіанта. При этомъ выборъ варіантовъ не предоставлялся волѣ Верховнаго Главнокомандующаго, а зависѣлъ отъ воли противника (куда Германія направитъ свой главный ударъ). Такимъ образомъ, если бы Верховный Главнокомандующій пожелалъ бы направить свой первый главный ударъ по Германіи въ томъ случаѣ, если послѣдняя сосредоточитъ свои главныя силы противъ Франціи, онъ лишенъ былъ возможности это сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, наша наступательная операція, въ случаѣ ухода главныхъ силъ Германіи на Французскій фронтъ, должна была развиваться съ наибольшей быстротой. Этому условію варіантъ «Г» совершенно не отвѣчалъ, такъ какъ 4-я армія оказывалась слишкомъ глубоко эшелонированной на правомъ флангѣ нашего германскаго фронта. Затѣмъ, затяжка операціи происходила бы еще оттого, что наши главныя силы (1-я и 4-я арміи) входили бы въ Восточную Прус-

сію фронтально, что облегчало Германскимъ войскамъ длительную оборону Восточной Пруссіи. Наконецъ, на Австрійскомъ фронтѣ мы уступали А.-В. значительную часть Передового театра, такъ какъ задачей 5-й арміи ставилось «удержаніе въ нашихъ рукахъ раіона Бреста».

Варіантъ «Г» былъ «наступательнымъ» только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ это былъ планъ для стратегическаго выжиданія, при этомъ въ группировкѣ, очень близкой къ неудачной группировкѣ по плану 1910 года.

Какъ мы видѣли въ прошломъ очеркѣ, Московское Совѣщаніе считало, что случай сосредоточенія германцами противъ Россіи сразу же, въ началѣ войны, главной массы ихъ войскъ — маловѣроятенъ. Можетъ быть поэтому Совѣщаніе и не обратило особаго вниманія на то, что варіантъ «Г» возвращался къ идеямъ плана 1910 года, радикально противорѣчащимъ стремленіямъ Милютина, къ которымъ большинство членовъ Совѣщанія хотѣло вернуться.

Разсмотримъ теперь варіантъ «А», считавшійся основнымъ.

Если мы откинемъ войска, предназначенныя во фланговыя арміи (6-ю и 7-ю), имѣвшія чисто обсерваціонный характеръ, то общая численность «активныхъ» армій (№№ 1 - 5) измѣрится 25-ю корпусами, въ составѣ 74½ пѣх. дивизій (52½ полевыхъ и 22 второочередныхъ). Эти силы распредѣлялись между фронтами такъ:

Фронты	Корпуса	Пѣхотныя дивизіи	
		перволин.	второлин.
Германскій	9	19	10
Австрійскій	16	33½	12
Итого............	25	52½	22

Въ своемъ мѣстѣ мы уже указывали, что такое распредѣленіе не такъ рѣшительно проводило идею нанесенія главнаго удара по А.-В., какъ рѣшеніе записки ген. М. В. Алексѣева, предлагавшаго назначеніе 6-ти корпусовъ на Германскій фронтъ и 19 корпусовъ на Австрійскій. Причину этого легко найти; нужно для этого лишь перечесть заданія фронтамъ: оба фронта ведутъ рѣшительное наступленіе, причемъ очень характерно то, что отъ армій Германскаго фронта требуется *уничтоженіе* германскихъ армій, а отъ австрійскаго фронта только *пораженіе* А.-В. армій. Говоря болѣе распространительно, отъ армій Германскаго фронта требуется наступленіе *сокрушающаго* характера, отъ Австрійскаго же — нѣтъ. Между тѣмъ требовалось какъ разъ обратное; какъ мы много разъ указывали, направленіе нашихъ главныхъ силъ противъ А.-В. въ первую операцію только въ томъ случаѣ не противорѣчило Русско-Французскому союзу, если это наступленіе приняло бы сокрушающій характеръ; наступленіе же въ Восточную Пруссію могло носить характеръ наступленія съ ограниченною цѣлью (задержать уводъ нѣмецкихъ войскъ съ восточно-германскаго фронта во Францію).

Такимъ образомъ, мы видимъ отсутствіе отчетливости основной мысли. Здѣсь сказался недостатокъ рѣшимости, присущій всякой коллегіальной оперативной работѣ. Послѣдняя полезна и даже необходима для разработки деталей выполненія. Основная же оперативная мысль должна быть дана сверху. Это

какъ разъ и не могло быть выполнено на Московскомъ Совѣщаніи, такъ какъ истинная причина созыва этого Совѣщанія и заключалась именно въ томъ, что явный провалъ плана 1910 года заставилъ верхи нашего генеральнаго штаба искать главную идею въ сферѣ подчиненныхъ инстанцій.

То же отсутствіе отчетливой стратегической идеи мы увидимъ, изучая заданіе, данное фронтамъ. Въ заданіе арміямъ германскаго фронта перешла, унаслѣдованная изъ плана 1910 года, несчастная идея гулянія двухъ армій вокругъ Мазурскихъ озеръ, за которую мы такъ дорого заплатили осенью 1914 года. Если же мы разсмотримъ распредѣленіе силъ между 1-й и 2-й арміями, то увидимъ почти равенство: 1-я армія — 15½ пѣх. дивизій, 2-ая армія — 13½ пѣх. дивизій. Наличіе во 2-й арміи большого числа полевыхъ пѣхотныхъ дивизій только кажущееся, такъ какъ одна полевая пѣхотная дивизія этой арміи (2-я) оставалась въ гарнизонѣ крѣпости Новогеоргіевскъ, а другая полевая пѣх. дивизія (16-я) была прикрѣплена къ раіону Осовецъ и Гродна.

Въ общемъ заданіи Арміямъ Австрійскаго фронта отсутствуетъ опредѣленная стратегическая идея операціи, такъ какъ слова «пораженіе австрійскихъ армій» являются общимъ мѣстомъ.

Это отсутствіе основной оперативной идеи, какъ мы видѣли въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, сказалось на работѣ Комиссіи ген. П. И. Постовскаго. Однако, какъ мы знаемъ, на самомъ Совѣщаніи начальниковъ штабовъ Округовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ была выражена вѣрная мысль о томъ, что главный ударъ противъ Австро-Венгровъ нужно вести въ самомъ опасномъ для нихъ направленіи, т. е. съ фронта Ивангородъ — Ковель.

Эта конкретизація оперативной идеи отразилась положительно на работѣ. Проектъ отъ 1-го марта 1912 года усилилъ мысль комиссіи ген. П. И. Постовскаго сдѣлать правое крыло австрійскаго фронта сильнѣе лѣваго.

ТАБЛИЦА

Сравненіе распредѣленія силъ праваго и лѣваго крыла Австрійскаго фронта.

	Согласно комиссіи ген. Постовскаго. Число пѣх. дивизій.			Согласно проекту отъ 1 марта 1912 г. Число пѣх. дивизій.		
	перволин.	второлин.	всего	перволин.	второлин.	всего
Правое крыло (4-я и 5-я арміи) разворачивается на линіи Люблинъ — Холмъ — Ковель	16½	10	26½	18½	9	27½
Лѣвое крыло (3-я армія, впослѣдствіи 3-я и 8-я арміи) разворачивается на линіи Дубно — Проскуровъ	17	3	20	15	3	18
	33½	13	46½	33½	12	45½

Видна мысль главнаго удара правымъ флангомъ. Къ сожалѣнію, редакторы проекта отъ 1-го марта 1912 года почему то побоялись формулировать эту идею въ заданіи.

Несмотря на указанные выше дефекты, проектъ отъ 1-го марта 1912 года представлялъ собою большой шагъ впередъ по сравненію съ планомъ 1910 года. По совершенно правильному замѣчанію ген. Заіончковскаго, Московское Совѣщаніе начальниковъ штабовъ округовъ вывело нашъ планъ войны изъ области «расплывчатыхъ мечтаній о будущемъ наступленіи, — «смотря по обстоятельствамъ», въ русло конкретныхъ стратегическихъ мыслей*).

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛОВЪ КЛЮЕВА И АЛЕКСѢЕВА

(отъ 15-го марта 1912 года).

Проектъ отъ 1-го марта 1912 года, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ очеркѣ, подвергся разсмотрѣнію на Совѣщаніи командующихъ войсками. Это Совѣщаніе, состоявшееся въ Петербургѣ въ мартѣ же 1912 года, поручило Начальникамъ Штабовъ Варшавскаго (ген. Клюеву) и Кіевскаго (ген. Алексѣеву) военныхъ округовъ, какъ будущимъ Начальникамъ Штабовъ фронтовъ, разработать подробности выполненія намѣченныхъ операцій.

Записка ген. Клюева**) грѣшитъ отсутствіемъ отчетливости стратегической мысли и представляетъ собою рядъ общихъ замѣчаній.

Исходя изъ малой вѣроятности нанесенія Германіей главнаго удара на нашъ крайній правый флангъ, ген. Клюевъ полагалъ, что необходимо подготовить развертываніе 4-й арміи противъ Германіи не только правѣе 1-й арміи (варіантъ «Г»), но также лѣвѣе 2-й арміи. По существу говоря, онъ вновь поднималъ вопросъ о третьемъ варіантѣ плана войны.

Намѣчая, такимъ образомъ, вторженіе въ Восточную Пруссію тремя арміями, ген. Клюевъ, видимо, не сочувственно относился къ такому же вторженію двумя арміями (какъ это было намѣчено варіантомъ «А»). Онъ не говоритъ этого прямо, но предположить это можно изъ того, что онъ предлагалъ отодвинуть развертываніе 2-й арміи съ нижняго Нарева (между Остроленкой и Пултускомъ), какъ это дѣлалъ проектъ отъ 1-го марта, въ раіонъ Гродна-Ломжа. Пять мѣсяцевъ спустя — 22-го августа 1912 года, ген. Клюевъ болѣе опредѣленно высказался по этому поводу. «Нормально, писалъ онъ, девять русскихъ корпусовъ, очевидно, отбросятъ три германскихъ корпуса въ Восточной Пруссіи за Вислу, но сколько времени потребуется на это — сказать трудно. Послѣ этого 1-я и 2-я арміи упрутся въ Вислу, сплошь сильно укрѣпленную крѣпостями, опорными пунктами и батареями тяжелой артиллеріи». Поэтому Клюевъ находилъ, что при оставленіи нѣмцами небольшихъ силъ, правильнѣе

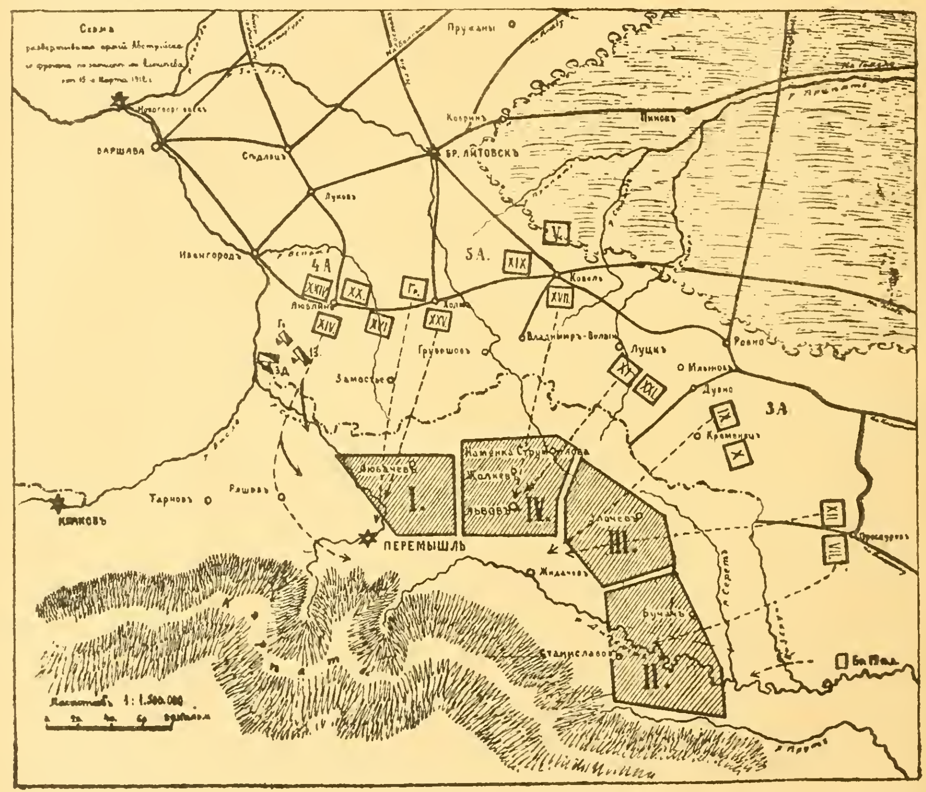
*) Заіончковскій, «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 243.
**) Воен. Уч. Архивъ, дѣло № 173432.

три корпуса перебросить на австрійскій фронтъ, гдѣ будетъ *рѣшаться судьба русскихъ армій...*).*

Обращаемъ здѣсь вниманіе читателей на чрезвычайно интересный фактъ: ген. Клюевъ такъ же, какъ и ген. Алексѣевъ (въ запискѣ отъ 17-го февраля 1912 года)(1), считалъ, что, въ случаѣ направленія главнаго удара въ Галицію, противъ Германіи достаточно было оставить шесть корпусовъ.

Записка ген. Алексѣева**) представляетъ собою документъ иного рода. Составитель ея не остался, подобно ген. Клюеву, въ области общихъ разсужденій, но далъ вполнѣ конкретную разработку поставленной ему задачи.

Начинаетъ свою записку ген. Алексѣевъ съ подробнаго рѣшенія задачи «за противника». Послѣднее облегчалось въ данномъ случаѣ тѣмъ, что въ 1909-1912 г. г. въ руки нашего Г. У. Г. Ш. попали полныя и детальныя свѣдѣнія о намѣченномъ А.-В. планомъ войны стратегическомъ сосредоточеніи въ Галиціи. Какъ видно изъ прилагаемой схемы, всѣ четыре А.-В. арміи развертывались въ Восточной Галиціи (къ востоку отъ р. Сана).

Исходя изъ мысли, что Австро-Венгры пожелаютъ использовать двухъ-недѣльное превосходство своего болѣе ранняго сосредоточенія, ген. Алексѣевъ предполагалъ, что они тотчасъ по его окончаніи вторгнутся на территорію Рос-

---

*) Ген. Заіончковскій, стр. 268.

**) См. очеркъ 7-ой.

***) Воен. Уч. архивъ, дѣло № 173432.

сіи. При этомъ ген. Алексѣевъ предполагалъ, что 1-я и 4-я А.-В. арміи будутъ имѣть задачей разбить Русскія войска, собираемыя на Передовомъ театрѣ, стремясь въ то же время отрѣзать ихъ отъ путей на Москву, изолировать Брестъ и открыть сообщенія на Ивангородъ.

Въ частности, 1-я А.-В. армія должна приковывать къ себѣ возможно больше силъ на фронтѣ Люблинъ-Холмъ (или Сѣдлецъ-Брестъ), атакуя противника и тѣсня его къ сѣверу. Лѣвофланговый корпусъ нацѣливается на Люблинъ; обезпеченіе слѣва, со стороны Вислы и Ивангорода, возлагается на кавалерію.

4-я А.-В. армія выполняетъ главную роль — энергично атаковать русскія войска, собираемыя къ востоку отъ Буга, отбрасывая ихъ на западъ и стремясь возможно скорѣе овладѣть раіономъ Кобринъ-Пружаны.

2-я и 3-я А.-В. арміи должны развить крайнюю энергію маневрированія. При этомъ 3-я армія будетъ имѣть цѣлью захватъ желѣзнодорожнаго узла Ровно и пораженіе русскихъ войскъ въ этомъ раіонѣ, не выпуская ихъ, по возможности, изъ него. 2-я А.-В. армія должна сковать свободу дѣйствій русскихъ войскъ Проскуровскаго раіона.

Сдѣлавъ подробные расчеты возможностей вторженія Австро-Венгровъ на территорію Россіи, ген. М. В. Алексѣевъ предполагалъ, что они достигнутъ: линіи *Замостье - Грубешовъ - Владиміръ Волынскій* на 19-20 день;

линіи *Люблинъ - Холмъ - Ковель* на 23-25 день;

линіи *Млыновъ - Дубно - Кременецъ* на 19-й и *Проскурова* — на 21-22 день.

«Рѣшивъ задачу «за противника», авторъ переходилъ къ рѣшенію ея за Русскій Юго-Западный фронтъ»*).

Принятіе плана «А», пишетъ Алексѣевъ, подразумѣваетъ переходъ нашихъ армій въ наступленіе противъ австрійцевъ. Но болѣе ранняя готовность противника заставляетъ наше первоначальное развертываніе подчинить соображеніямъ *задержанія противника* до сбора главныхъ силъ, для чего и необходимо соотвѣтственно формулировать задачи арміямъ.

Для 4-й и 5-й армій онъ ихъ формулировалъ такъ:

«До сбора войскъ армій для перехода въ наступленіе задержать австрійцевъ на путяхъ къ *Бресту* и, особенно, въ обходъ этой крѣпости съ востока. Во всякомъ случаѣ, арміи должны сохранить въ своихъ рукахъ *Брестъ-Кобринъ — Пружанскій* и *Пинскій раіоны.*

«4-я армія задерживаетъ въ полосѣ между *Вислой* и *Бугомъ;* 5-я между *Бугомъ и Стоходомъ.*

«Удержаніе *Ивангорода* имѣетъ важное значеніе, такъ какъ онъ запираетъ единственный сквозной желѣзнодорожный путь для австрійцевъ, наступающихъ къ Бресту. При крайней необходимости оставить Ивангородъ, переправы черезъ Вислу должны быть уничтожены».

Для выполненія этихъ задачъ, 4-я и 5-я арміи развертываются согласно прилагаемой схемѣ.

При этомъ развертываніи 4-я и 5-я арміи должны, въ мобилизаціонный періодъ, укрѣпить свое положеніе соотвѣтственной инженерной подготовкой.

Задачу 3-й арміи ген. Алексѣевъ формулировалъ такъ:

«До сбора силъ, необходимыхъ для перехода въ наступленіе и атаки 2-й и 3-й австрійскихъ армій, 3-я русская армія обязуется сохранить въ своихъ ру-

*) Ген. Зайончковскій, стр. 251.

кахъ *Ровненскій* желѣзно-дорожный узелъ и линіи желѣзныхъ дорогъ *Казатинъ-Ровно* и *Жмеринка-Проскуровъ*».

Развертываніе 3-й арміи тоже показано на схемѣ.

При послѣдующемъ затѣмъ *переходѣ въ наступленіе,* общую задачу *арміямъ фронта* ген. Алексѣевъ формулировалъ такъ:

«Нанести пораженіе австрійскимъ арміямъ въ предѣлахъ Галиціи, принимая при этомъ возможныя мѣры къ-тому, чтобы не дать способовъ значительнымъ силамъ противника отойти на югъ — за оборонительную линію *Днѣстра,* а на западъ — къ *Кракову*».

Эта общая задача расчленялась между арміями слѣдующимъ образомъ:

4-й арміи. Наступать на фронтъ *Ряшевъ-Перемышль,* стремясь отбросить противника къ сторонѣ Перемышля, т. е. отъ важнѣйшихъ путей черезъ *Карпаты. Обезпечить* правое крыло армій со стороны *Кракова.*

5-й арміи. Наступать на фронтъ *Перемышль-Львовъ,* приковывая къ себѣ возможно большія силы противника.

3-й арміи. Нанести пораженіе 2-й и 3-й австрійскимъ арміямъ, не давая, по возможности, имъ полностью или значительной частью своихъ силъ отойти за оборонительную линію Днѣстра. Общее направленіе операціи на Львовъ, наступленіе на *Львовъ-Жидачевъ.*

Сравнивая разсматриваемую здѣсь записку ген. М. В. Алексѣева съ его же запиской отъ 17-го февраля 1912 г. (мы разсматривали ее въ очеркѣ 7-мъ), мы увидимъ, что на Юго-Западномъ фронтѣ сосредотачивается не 19-ть корпусовъ, какъ это предполагалъ тогда ген. М. В. Алексѣевъ, а 15-ть*). Въ этомъ уменьшеніи составитель записки не повиненъ: онъ выполнялъ заданіе, данное ему отъ 1-го марта 1912 г.

Сравнимъ теперь само распредѣленіе этихъ корпусовъ съ тѣмъ распредѣленіемъ, которое было предложено комиссіей ген. П. И. Постовскаго и проектомъ отъ 1-го марта 1912 г.

Изъ этого сравненія мы увидимъ, что записка ген. Алексѣева стремится вернуть нашу стратегію въ русло Милютинскихъ идей. Она дѣлаетъ это слѣдующими способами:

а) приближаетъ къ Передовому театру два правофланговыхъ корпуса 3-й арміи (XI и XXI — у Луцка);

б) сосредотачиваетъ на правомъ флангѣ 4-й арміи кулакъ изъ 3-хъ корпусовъ (XIV, XX и XXIV — у Люблина).

Записка ген. М. В. Алексѣева поучительна еще и въ другомъ отношеніи.

При составленіи ея авторъ пользовался тѣмъ неправильнымъ оперативнымъ методомъ, который примѣнялся до войны въ руководящихъ центрахъ Русскаго и Французскаго Генеральныхъ Штабовъ. Вмѣсто того, чтобы начать оперативную разработку съ подробнаго анализа своей собственной задачи («Чего я хочу»), записка ген. М. В. Алексѣева начинаетъ съ подробнаго рѣшенія задачи «за непріятеля». Глубокое пониманіе стратегіи, присущее М. В. Алексѣеву, привело къ тому, что, несмотря на ошибочный методъ, онъ все таки правильно разрѣшилъ задачу на стратегическое развертываніе. Но тогда, когда пришлось приступить къ разработкѣ активной части операціи, неправильность

---

*) Пятнадцать, а не шестнадцать, ибо генералъ М. В. Алексѣевъ не принималъ въ разсчетъ III-й Кавказскій Корпусъ, прибывавшій лишь во 2-мъ эшелонѣ сосредоточенія.

метода сказалась. Дабы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на прилагаемую схему. Австро-Венгерскія арміи,сосредоточившіяся въ Восточной Галиціи, окружались нашими. Но, вѣдь, Австро-Венгерскія арміи могли сдвинуться. Самъ же генералъ М. В. Алексѣевъ, разрабатывая стратегическое развертываніе, исходилъ изъ мысли, что А.-В., используя свою, болѣе раннюю, готовность, перейдутъ въ наступленіе, двинувъ свои главныя силы въ сѣверномъ направленіи. Могло быть и нѣчто худшее: Австро-Венгерскія арміи могли измѣнить свое стратегическое развертываніе; вмѣсто того, чтобы сосредотачивать свои главныя силы въ Восточной Галиціи, они могли сосредоточить ихъ въ Западной (къ западу отъ р. Санъ). Въ этомъ случаѣ, при наступленіи въ сѣверномъ направленіи, А.-В. главныя силы выходили во флангъ и въ тылъ Русской 4-й арміи, наступающей на фронтъ Ряшевъ - Перемышль, а Русскія 5-я и 3-я арміи наносили ударъ по воздуху.

Если мы вчитаемся въ редакцію общей задачи всему Юго-Западному фронту, такъ, какъ она была формулирована въ разсматриваемой нами запискѣ, то мы увидимъ, что отъ армій Юго-Западнаго фронта требовалось разыграть въ Галиціи генеральное сраженіе въ формѣ «Каннъ» (охватъ обоихъ фланговъ). Между тѣмъ, само стратегическое развертываніе, намѣченное въ той же запискѣ, группировало войска для розыгрыша генеральнаго сраженія въ видѣ «Левктръ» (ударъ однимъ изъ фланговъ).

Въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ мы подробно разсмотримъ возможность разыграть въ Галиціи генеральное сраженіе въ формѣ «Каннъ». Здѣсь же мы хотимъ только указать на то, что примѣненіе неправильнаго стратегическаго метода при рѣшеніи оперативной задачи даже такимъ высококвалифицированнымъ и талантливымъ стратегомъ, каковымъ безспорно являлся ген. М. В. Алексѣевъ, неминуемо отражается на результатахъ работы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Планъ 1912 года

СТРАТЕГИЧЕСКІЯ ЗАДАНІЯ.

По окончаніи Совѣщанія Командующихъ войсками, обсуждавшихъ проектъ отъ 1-го марта 1912 года, а также по полученіи записокъ генераловъ Алексѣева и Клюева, Г. У. Г. Ш. придало новому плану войны окончательную форму. Главный оперативный документъ этого плана — «Указанія Командующимъ войсками на случай войны съ державами «Тройственнаго Союза» — былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ 1-го мая 1912 года. Это и былъ тотъ планъ войны, который легъ въ основу нашихъ первыхъ операцій осенью 1914 года.

Подробное изученіе этого плана мы поведемъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) раньше всего, мы внимательно изучимъ тѣ измѣненія, которыя были внесены въ проектъ 1-го марта окончательными составителями плана;

б) послѣ этого, мы приведемъ расчетъ сроковъ сосредоточенія различныхъ армій по новому плану, что позволитъ намъ установить картину нашей фактической готовности къ задуманнымъ наступательнымъ операціямъ;

в) наконецъ, мы также подробно проанализируемъ условія силы, времени и пространства, которыя создавались для нашихъ войскъ, приступившихъ къ выполненію этихъ наступательныхъ операцій.

Планъ 1-го мая также остался на точкѣ зрѣнія необходимости лишь двухъ варіантовъ: варіантъ «А» — на случай направленія въ началѣ войны главныхъ силъ Германіи противъ Франціи и варіантъ «Г» — на случай направленія въ началѣ войны главныхъ силъ Германіи противъ Россіи. Мысль о третьемъ варіантѣ, который подготовилъ бы возможность будущему Верховному Главнокомандующему, и въ случаѣ направленія въ началѣ войны нѣмецкихъ главныхъ силъ противъ Франціи, сосредоточить русскія главныя силы противъ Германіи (4-ая армія на лѣвомъ флангѣ 2-ой арміи, по запискѣ ген. Клюева), была окончательно откинута.

Сравнимъ теперь формулировку стратегическихъ заданій, согласно проекту отъ 1-го марта и плану отъ 1-го мая:

Проектъ отъ 1-го марта 1912 года	Планъ отъ 1-го мая 1912 года*)
I. ВАРІАНТЪ «А»	
ОБЩАЯ ЗАДАЧА ВСЕЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ	
Обезпеченіе сосредоточенія всѣхъ армій въ избранныхъ раіонахъ, замедляя наступленіе противника;	**Исключено**
Затѣмъ переходъ въ наступленіе и вторженіе въ предѣлы противника.	**Переходъ въ наступленіе противъ вооруженныхъ силъ Германіи и Австро-Венгріи съ цѣлью перенесенія войны въ ихъ предѣлы.**
ОБЩАЯ ЗАДАЧА АРМІЯМЪ ГЕРМАНСКАГО ФРОНТА	
Уничтоженіе Германской арміи, оставленной въ Вост. Пруссіи, и овладѣніе Вост. Пруссіей, съ цѣлью создать выгодное для насъ исходное положеніе для дальнѣйшихъ дѣйствій.	**Пораженіе германскихъ войскъ,** оставленныхъ въ Вост. Пруссіи, и овладѣніе последней, съ цѣлью созданія выгоднаго исходнаго положенія для дальнѣйшихъ дѣйствій.
Наблюденіе за германской границей на лѣвомъ берегу Вислы въ предѣлахъ раіона армій фронта. За крѣпостями противника на Вислѣ должно быть установлено наблюденіе; Кенигсбергъ долженъ быть обложенъ.	**Исключено.**
ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 1-Й АРМІИ	
Развѣдка противника отъ Полангена до Лыка включительно и наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи;	**Оставлено безъ измѣненія.**
прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія;	прикрытіе мобилизаціи и **общаго** сосредоточенія;
подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера.	Подготовка къ наступленію, **обративъ** вниманіе на обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера.
ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 2-Й АРМІИ	
Развѣдка противника въ Восточной Пруссіи къ западу отъ Лыка и наблюденіе за германской границей въ раіонѣ арміи на лѣвомъ берегу Вислы; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія;	Развѣдка противника въ Восточной Пруссіи къ западу отъ Лыка, наблюденіе за германской границей въ раіонѣ арміи; прикрытіе мобилизаціи и **общаго** сосредоточенія;
Подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ юга.	Подготовка къ наступленію, **обративъ особое вниманіе** на обходъ Мазурскихъ озеръ **съ запада.**
	Добавлено:
	Раіонъ Бѣлостокъ-Гродна армія должна сохранить въ своихъ рукахъ при всякой обстановкѣ.

*) Жирнымъ шрифтомъ въ текстѣ напечатаны измѣненія по отношенію къ редакціи проекта отъ 1-го марта 1912 г.

ОБЩАЯ ЗАДАЧА АРМІЯМЪ АВСТРІЙСКАГО ФРОНТА

Пораженіе австрійскихъ армій къ востоку отъ Карпатъ, наблюденіе германской и австрійской границъ на лѣвомъ берегу Вислы въ предѣлахъ раіона армій фронта.	**Пораженіе австро - венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ за Днѣстръ и на западъ къ Кракову.**

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 4-й АРМІИ

Развѣдка противника въ Галиціи къ западу отъ линіи Томашевъ, Перемышль и наблюденіе за австрійской и германской границами въ раіонѣ арміи;	**Оставлено безъ измѣненія.**
прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія;	прикрытіе мобилизаціи и **общаго** сосредоточенія;
подготовка къ наступленію, съ общимъ направленіемъ на Перемышль.	**Оставлено безъ измѣненій.**

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 5-й АРМІИ

Развѣдка противника въ Галиціи къ сѣверо-востоку отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова) и Львовъ до линіи Томашевъ, Перемышль включительно; прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія;	Развѣдка противника въ Галиціи къ **западу** отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова) и Львовъ до линіи Томашевъ, Перемышль включительно; прикрытіе мобилизаціи и **общаго** сосредоточенія;
Удержаніе въ нашихъ рукахъ фронта Ковель - Холмъ имѣетъ рѣшающее значеніе для операціи не только 5-й, но и 4-й и 3-й армій;	**Исключено.**
Подготовка къ наступленію въ общемъ направленіи на Львовъ.	Подготовка наступленія **на фронтъ Львовъ, Перемышль.**
	Добавлено:
	Раіонъ Брестъ - Кобринъ армія должна сохранить въ своихъ рукахъ при всякой обстановкѣ.

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 3-й АРМІИ

Развѣдка противника въ Галиціи къ Юго-Востоку отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львовъ (включительно).	Развѣдка противника въ Галиціи къ **югу** и юго-востоку отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львовъ (включительно);
Прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію съ общимъ направленіемъ на Львовъ.	Прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія; подготовка къ наступленію въ общемъ направленіи на Львовъ.

II. ВАРІАНТЪ «Г»

ОБЩАЯ ЗАДАЧА ВСЕЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ

Обезпеченіе сосредоточенія всѣхъ армій въ избранныхъ раіонахъ, замедляя наступленіе противника.	**Исключено.**
Вслѣдъ за этимъ — для войскъ, дѣйствующихъ противъ Германіи, переходъ въ наступленіе вторженіемъ въ Восточную Пруссію, а для войскъ, дѣйствующихъ противъ Австріи, вторженіе въ Восточную Галицію изъ предѣловъ Кіевскаго военнаго округа, замедляя наступленіе австрійцевъ въ предѣлы Варшавскаго военнаго округа.	**Переходъ въ наступленіе противъ германскихъ войскъ, угрожающихъ намъ со стороны Восточной Пруссіи, парализуя дѣйствія противниковъ на остальныхъ фронтахъ.**

ОБЩАЯ ЗАДАЧА АРМІЯМЪ ГЕРМАНСКАГО ФРОНТА

Уничтоженіе Германской арміи, оставленной въ Вост. Пруссіи, и овладѣніе Вост. Пруссіей съ цѣлью создать выгодное для насъ исходное положеніе для дальнѣйшихъ дѣйствій.	**Пораженіе Германскихъ войскъ,** угрожающихъ намъ со стороны Вост. Пруссіи, и овладѣніе послѣдней съ цѣлью созданія выгоднаго исходнаго положенія для дальнѣйшихъ дѣйствій.
Наблюденіе за германской границей на лѣвомъ берегу Вислы въ предѣлахъ раіона армій фронта. За крѣпостями противника на Вислѣ должно быть установлено наблюденіе; Кенигсбергъ долженъ быть обложенъ	**Исключено.**

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 4-й АРМІИ

Развѣдка противника отъ Полангена до Шмаленинкена включительно и наблюденіе въ своемъ раіонѣ за Балтійскимъ побережьемъ;	Развѣдка противника отъ Полангена до Шмаленинкена включительно; наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ въ предѣлахъ раіона арміи;
прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія;	прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія;
подготовка къ наступленію на фронтъ Тильзитъ, Инстербургъ, имѣя въ виду обезпеченіе праваго фланга 1-й арміи.	подготовка къ наступленію на фронтъ Тильзитъ, Инстербургъ, имѣя въ виду обезпеченіе при всякой обстановкѣ праваго фланга 1-й арміи.

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 1-й АРМІИ

Развѣдка противника отъ Шмаленинкенъ до Лыка включительно, прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія.	Развѣдка противника отъ Шмаленинкенъ до Лыка включительно, прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія.
Подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, правымъ флангомъ на Инстербургъ.	Подготовка къ наступленію, **имѣя въ виду** обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера правымъ флангомъ на Инстербургъ
	Добавлено: **и возможность направленія части своихъ силъ для совмѣстныхъ дѣйствій со 2-й арміей.**

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 2-й АРМІИ

Развѣдка противника въ Вост. Пруссіи къ западу отъ Лыка и наблюденіе за германской границей въ раіонѣ арміи на лѣвомъ берегу Вислы.	**Оставлено безъ измѣненія.**
Прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія.	Прикрытіе мобилизаціи и **общаго** сосредоточенія.
Подготовка къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ юга.	Подготовка къ наступленію, **имѣя въ виду** обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада
	Добавлено: **а равно возможность направленія части своихъ силъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ 1-й арміей.** **Раіонъ Бѣлостокъ - Гродна армія должна сохранить въ своихъ рукахъ при всякой обстановкѣ.**

ОБЩАЯ ЗАДАЧА АРМІЯМЪ АВСТРІЙСКАГО ФРОНТА

Не допускать австрійцевъ выйти въ тыль нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ противъ Германіи.	**Оставлено безъ измѣненія.**

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 5-й АРМІИ

Развѣдка противника къ сѣверо-западу отъ линіи Дружкполь, Каменка (Струмилова), Львовъ;	Развѣдка противника къ западу отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львовъ;
наблюденіе за австрійской и германской границами на лѣвомъ берегу Вислы;	наблюденіе за австрійской и германской границами въ раіонѣ арміи;
прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія;	прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія.
удержаніе въ нашихъ рукахъ раіона Бреста.	Въ случаѣ наступленія противника на Брестъ, армія должна препятствовать таковому, причемъ раіонъ Брестъ – Кобринъ долженъ быть ею удержанъ при всякой обстановкѣ.

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 3-й АРМІИ

Развѣдка противника въ Галиціи къ Юго-Востоку отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львовъ (включительно);	Развѣдка противника въ Галиціи къ югу и юго-востоку отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львовъ (включительно);
прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія, подготовка къ наступленію съ общимъ направленіемъ на Львовъ.	прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія, подготовка къ наступленію въ общемъ направленіи на Львовъ.
	Добавлено: Наступательныя дѣйствія 3-й арміи должны приковать къ себѣ возможно большія силы австрійцевъ.

III. ВАРІАНТЫ «А» и «Г»
ЗАДАЧИ ОТДѢЛЬНЫМЪ ФЛАНГОВЫМЪ АРМІЯМЪ, НЕ ВХОДЯЩИМЪ ВЪ СОСТАВЪ ФРОНТОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 6-й АРМІИ

Обезпеченіе столицы Имперіи и наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи.	Оставлено безъ измѣненій.

ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА 7-й АРМІИ

Прикрытіе лѣваго фланга 3-й арміи со стороны Румыніи; наблюденіе за морскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи и содѣйствіе флоту въ оборонѣ побережья.	Оставлено безъ измѣненія.

Въ общей задачѣ всей Дѣйствующей Арміи произведено существеннѣйшее измѣненіе.

Какъ говорилось въ предыдущихъ очеркахъ, Комиссія ген. П. И. Постовскаго, Совѣщаніе Начальниковъ Штабовъ округовъ и записка ген. М. В. Алексѣева обратили большое вниманіе на тотъ первый періодъ войны, когда мы, вслѣдствіе большого запаздыванія въ сосредоточеніи, вынуждены были пребывать въ выжидательномъ стратегическомъ положеніи. Всѣ они исходили изъ совершенно

правильной стратегической идеи, что нельзя начинать рѣшительнаго наступленія ранѣе, чѣмъ закончится сборъ войскъ.

Комиссія ген. П. И. Постовскаго и записка ген. М. В. Алексѣева одинаково расчитывали, что, благодаря упрежденію насъ въ окончаніи сосредоточенія, Австро-Венгерская армія могла подойти къ важнѣйшей части линіи развертыванія

русскихъ армій Юго-Западнаго фронта, а именно: къ линіи Ивангородъ-Люблинъ-Холмъ-Ковель — на 23-25 дни мобилизаціи, «когда къ нашимъ арміямъ еще далеко не прибудутъ всѣ войска и тыловыя учрежденія, необходимыя для начала серьезныхъ наступательныхъ операцій».

Поэтому, проектъ отъ 1-го марта былъ совершенно правъ, подраздѣливъ общую задачу для всей Дѣйствующей Арміи на два періода:

а) *первый,* когда мы должны были находиться въ стратегически выжидательномъ положеніи, принявъ мѣры для сохраненія своей свободы дѣйствій въ задуманномъ предстоящемъ наступленіи;

б) *второй* періодъ, когда, окончивъ наше стратегическое сосредоточеніе, мы могли перейти въ рѣшительное наступленіе.

Рука составителей плана вычеркнула изъ общаго заданія указаніе на первый періодъ. Это измѣненіе чрезвычайно показательно. Оно обнаруживаетъ, насколько верхи нашего Г. У. Г. Ш. не прониклись въ достаточной степени такой элементарной стратегической идеей, которую ген. М. И. Драгомировъ образно выразилъ въ словахъ: «бьютъ кулакомъ, а не растопыря пальцы».

Этимъ и объясняется та легкость, съ которой наши, быстро смѣняющіе другъ друга, Начальники Генеральнаго Штаба брали за Россію обязательства на междусоюзныхъ совѣщаніяхъ о началѣ рѣшительнаго наступленія съ неготовыми еще Русскими Арміями. Въ послѣ-военной литературѣ, въ особенности большевицкой, можно часто встрѣтить обвиненія французовъ, будто бы принудившихъ насъ къ такому преждевременному наступленію. Въ дѣйствительности же, корень зла лежалъ не въ этомъ, а въ насъ самихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что составители плана 1912 года исключили указаніе на первый стратегически-выжидательный періодъ въ нашей первой операціи не только въ варіантѣ «А», но и въ варіантѣ «Г». Какъ мы знаемъ, этотъ варіантъ долженъ былъ выполняться въ томъ случаѣ, когда главныя силы Германіи направятся противъ Россіи и, слѣдовательно, когда мы уже никакими обязательствами передъ Франціей въ срокахъ начала нашего перехода въ наступленіе связаны не были.

Указываемое нами краеугольное измѣненіе, въ проектѣ отъ 1-го марта, показываетъ также, до какой степени верхи нашего Г. У. Г. Ш. не хотѣли считаться съ условіями россійской дѣйствительности. Въ работахъ Комиссіи ген. П. И. Постовскаго и Московскаго Совѣщанія участвовали всѣ высшіе представители нашихъ Окружныхъ Ген. Штабовъ, то есть всѣ лица, которымъ близко была извѣстна реальная обстановка на мѣстахъ и которымъ предстояло быть непосредственными исполнителями заданій плана войны.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію заданій арміямъ Сѣв. Западнаго (Германскаго) фронта.

Изъ формулировки общей задачи фронту по проекту отъ 1-го марта тоже исключенъ цѣлый абзацъ. Отъ этого исключенія конкретность заданія уменьшилась. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ: какія мѣры должны были быть приняты по отношенію къ германской крѣпости Кенигсбергъ, остававшейся въ тылу наступавшихъ къ Вислѣ, для овладѣнія Вост. Пруссіей, русскихъ армій — имѣлъ краеугольное стратегическое значеніе. Составители плана уклонились отъ отвѣта на него. Здѣсь невольно вспоминаются слова изъ безсмертной Суворовской «Науки побѣждать»: «... догадка... краткомолвка... отъ немогузнайки много, много бѣды!».

Въ варіантѣ «А», въ частныхъ задачахъ, поставленныхъ 1-й и 2-й арміямъ, произведенныя измѣненія носятъ противоположный характеръ. Въ этихъ заданіяхъ сдѣланы добавленія.

Въ вполнѣ ясную формулировку проекта отъ 1-го марта вставлены слова: *«обратить особое вниманіе»*. Въ результатѣ получилась запутанная и не вполнѣ грамотная фраза: “подготовка къ наступленію, обративъ особое вниманіе на обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера” (для 2-й арміи тоже самое, но съ запада),

Какъ нужно понимать, если вашъ другъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ «готовится къ поѣздкѣ въ городъ А», скажетъ, что онъ «готовится къ поѣздкѣ, обративъ особое вниманіе на городъ А.»?

Не вправѣ ли вы понять такъ, что онъ еще не рѣшилъ окончательно, куда ѣхать и лишь предположительно говоритъ о г. А? Если мы вѣрно понимаемъ новую редакцію заданій 1-й и 2-й армій, то не проглядываетъ ли въ этой редакціи перо составителей плана 1910 года, писавшее заданія тѣмъ же арміямъ: «подготовка къ переходу въ рѣшительное наступленіе въ зависимости отъ обстановки»!

Въ частномъ заданіи 2-й арміи имѣется еще другое добавленіе: «Раіонъ Бѣлостокъ-Гродна армія должна сохранять въ своихъ рукахъ при всякой обстановкѣ». Оно взято цѣликомъ изъ плана 1910 года. Но умѣстное въ варіантѣ «Г», въ варіантѣ «А» оно противорѣчило идеѣ рѣшительнаго наступленія, вводя Главнокомандующаго Германскимъ фронтомъ въ соблазнъ тратить войска на пассивную задачу прикрытія этого раіона. Это и произошло въ 1914 году.

Въ варіантѣ «Г», въ заданіяхъ 1-й и 2-й арміямъ, вмѣсто словъ *«обративъ особое вниманіе»*, введены слова: *«имѣя въ виду»;* получившійся текстъ болѣе ясенъ, чѣмъ въ варіантѣ «А». 1-я и 2-я арміи должны были подготовиться къ наступленію, *«имѣя въ виду обходъ Мазурскихъ Озеръ»*. Это давало понять, что до маневра къ сѣверу и къ западу отъ Мазурскихъ озеръ, 1-я и 2-я арміи должны быть готовы къ инымъ операціямъ въ раіонѣ къ востоку отъ этихъ озеръ. Къ какимъ? Составители плана сами этого не знали. Однако, они сочли нужнымъ ввести въ заданіяхъ 1-й и 2-й арміямъ дополнительное указаніе на то, чтобы онѣ имѣли бы также въ виду возможность совмѣстныхъ операцій. Это добавленіе для 1-й арміи редактировано такъ: «... имѣя въ виду... возможность направленія части своихъ силъ для совмѣстныхъ дѣйствій со 2-й арміей» (для 2-й арміи редакція соотвѣтственная).

Отсутствіе въ варіантѣ «А» такого добавленія въ заданіяхъ 1-й и 2-й арміямъ, могло быть совершенно логично истолковано, что совмѣстныхъ дѣйствій 1-й и 2-й армій къ западу отъ Мазурскихъ озеръ не предвидится. Указываемая здѣсь невязка между заданіями варіанта «А» и варіанта «Г» явилась одной изъ причинъ тому, что въ августѣ 1914 года ген. Ренненкампфъ не двинулся сразу же послѣ Гумбинена по направленію къ арміи ген. Самсонова, а пошелъ прямо на Кенигсбергъ.

Общее заданіе Юго-Западному (Австрійскому) фронту проекта 1-го марта замѣнено вполнѣ опредѣленной задачей, взятой изъ записки (отъ 15-го марта) ген. М. В. Алексѣева.

Согласно этой же запискѣ включено указаніе 5-й арміи при варіантѣ «А» о сохраненіи въ ея рукахъ раіона Брестъ-Кобринъ. Однако указаніе той же записки о необходимости удержанія 4-й арміей Ивангорода не включено; болѣе того, исключено даже указаніе проекта отъ 1 марта объ удержаніи фронта Ковель-Холмъ.

Не видно ли отсюда упорствованіе верховъ Г. У. Г. Ш. въ идеяхъ Сухомлиновской стратегіи, видѣвшей въ нашемъ Передовомъ театрѣ не выгодный исходный плацдармъ для предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій (идея Милютина), а только «польскій мѣшокъ»?

Прочія измѣненія, произведенныя въ текстѣ различныхъ стратегическихъ заданій проекта отъ 1-го марта носятъ чисто редакціонный характеръ. Нужно при этомъ замѣтить, что эти исправленія не всегда удачны. Напримѣръ, частныя заданія большинства изъ армій, говорящія о «прикрытіи мобилизаціи и сосредо-

точенія», почему то перередактированы такъ: «прикрытіе мобилизаціи и *общаго* сосредоточенія». Что хотѣли выразить этой поправкой редакторы — неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что въ заданіи одной изъ армій (а именно 3-й) этого исправленія не сдѣлано.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разсмотримъ измѣненія, которыя были произведены въ проектѣ отъ 1-го марта въ отношеніи раіоновъ развертыванія и состава армій.

РАЗВЕРТЫВАНІЕ И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ СИЛЪ

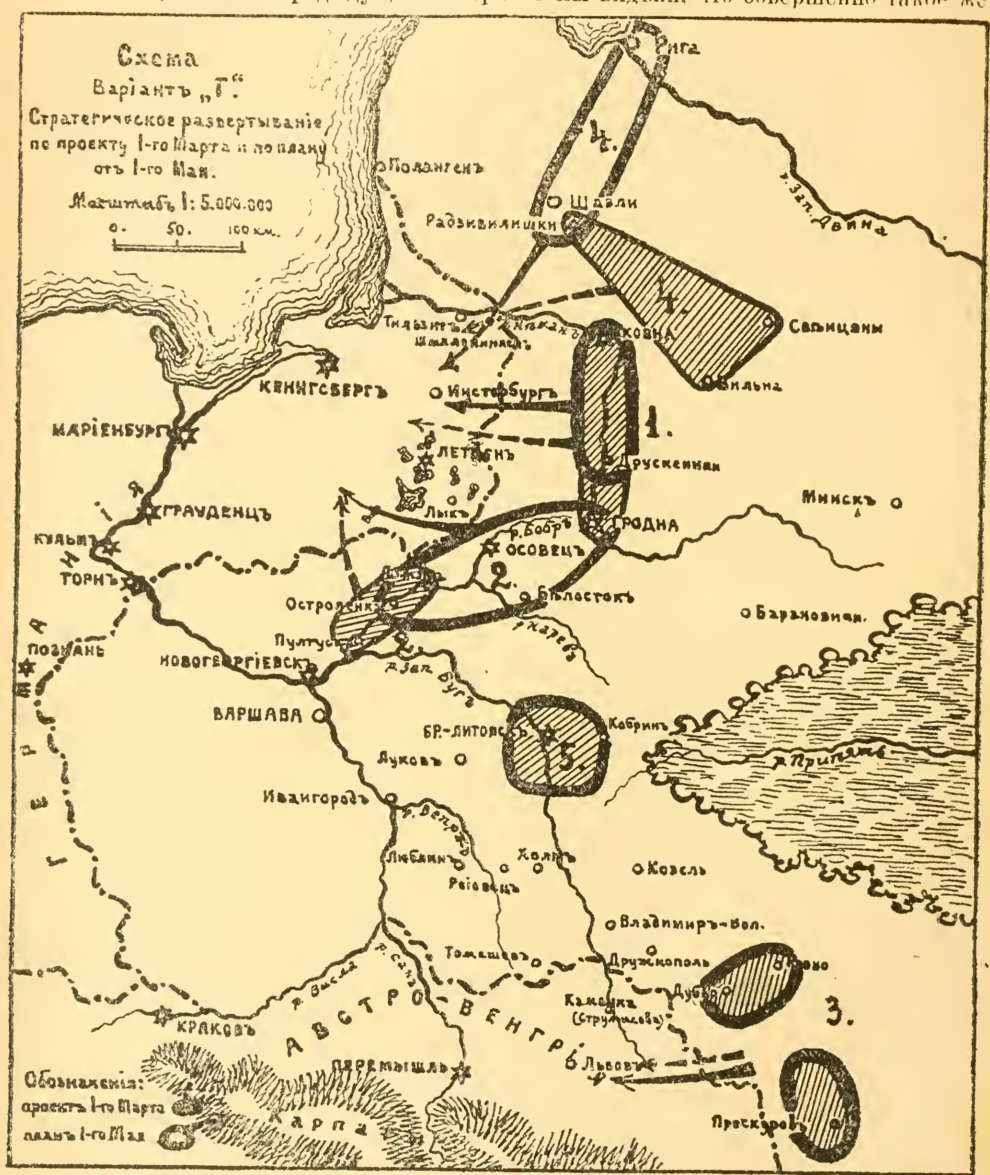
Графическое сравненіе стратегическаго развертыванія плана отъ 1-го мая съ проектомъ отъ 1-го марта приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Измѣненія, сдѣланныя въ варіантѣ «А», касаются лишь С.-З. (Германскаго) фронта.

Раіонъ сосредоточенія 1-й арміи ограниченъ на югѣ Друскениками вслѣдствіе того, что развертываніе 2-й арміи сильно осажено назадъ. Вмѣсто раіона Остроленка-Пултускъ, эта армія собиралась въ раіонѣ Гродна-Бѣлостокъ-Ломжа.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы видѣли, что совершенно такое же

осаживаніе 2-й арміи на востокъ проектировалъ въ своей запискѣ ген. Клюевъ Но. вмѣстѣ съ этимъ, онъ предлагалъ и развертываніе 4-й арміи лѣвѣе 2-й (3-й варіантъ); отодвигая на востокъ 2-ю армію, онъ очищалъ мѣсто для 4-й. Редакторы плана войны эту существенную часть идеи ген. Клюева не взяли, а само-

осаживаніе 2-й арміи приняли. Подобное измѣненіе приводило къ запозданію вторженія 2-й арміи въ Вост. Пруссію къ западу отъ Мазурскихъ озеръ, заставляя войска 2-й арміи продѣлывать для сего длинныя походныя движенія. Между тѣмъ, эта операція въ Вост. Пруссіи была задумана какъ разъ съ цѣлью — скорѣйшимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на Германію оказать помощь Франціи.

Это внутреннее стратегическое противорѣчіе, присущее разсматриваемому нами измѣненію, внесенному Г. У. Г. Ш. въ проектъ отъ 1-го марта, можетъ быть объяснено только однимъ: редакторы Г. У. Г. Ш., являющіеся составителями плана 1910 года, упорно искали всякаго предлога для возвращенія плана 1912 г. въ русло своихъ стратегическихъ идей. Только такой тенденціей можно объяснить и то измѣненіе, которое внесли редакторы плана въ варіантъ «Г», осаживая развертываніе 4-й арміи — въ раіонъ Шавли-Рига.

Распредѣленіе войскъ по плану 1-го мая и сравненіе силы различныхъ армій по проекту отъ 1-го марта и по плану 1-го мая указаны въ приводимыхъ ниже двухъ таблицахъ.

ТАБЛИЦА

Распредѣленія войскъ по плану 1-го мая 1912 г.

Арміи	Варіантъ «А».				Варіантъ «Г».			
	Корпуса	Число пѣх. д.		число кавал. див.	Корпуса	Число пѣх. д.		число кавал. див.
		перво-лин.	второ-лин.			перво-лин.	второ-лин.	
	Арміи, входящія въ составъ Германскаго или Австрійскаго фронтовъ.							
1-я	Гв. I, Ш, IV	8½	7	5½	Гв., I, Ш, IV	8½	6	5
2-я	П, VI, XШ, XV, XXШ	10½	4	4	Гр., П, VI, XШ, XV, XVП, XXШ	14½	4	5
3-я	VП, IX, X, XI XП, XXI, XXIV, Ш кавк.	17	5	9	VП, IX, X, XI, XП, XXI, XXIV, Ш кавк.	17	5	9
4-я	Гр. XIV, XVI, XX,	8½	3	4½	XVI, XX	5	4	2½
5-я	V, XVП, XIX, XXV	8	5	5	V, XIV, XIX, XXV	7½	5	6½
	Всего 25	52½	24	28	25	52½	24	28
	Отдѣльныя арміи съ задачами обсерваціоннаго характера.							
6-я	XVШ, XXII	5	3	1½	XVIII, XXII	5	3	1½
7-я	VIII	2	4	1½	VIII	2	4	1½
	Всего 3	7	7	3	3	7	7	3
	Об. итогъ 28	59½	31	31	28	59½	31	31

Планъ отъ 1-го мая увеличилъ число пѣх. дивизій въ арміяхъ, предназначенныхъ для активныхъ дѣйствій, за счетъ армій обсерваціонныхъ. Къ сожалѣнію, это увеличеніе небольшое: всего двѣ второочередныхъ дивизіи.

Характерно, какъ было использовано это приращеніе силъ редакторами плана.

Крупнымъ стратегическимъ недостаткомъ проекта отъ 1-го марта, какъ мы имѣли уже случай говорить выше, являлось то, что онъ намѣчалъ варіантомъ

ТАБЛИЦА
сравненія силы различныхъ армій (по числу пѣх. дивизій) по проекту отъ 1-го марта и по плану отъ 1-го мая 1912 г.

АРМІЯ	Проектъ отъ 1-го марта			Планъ отъ 1-го мая		
	перволинейн.	второлинейн.	всего	перволинейныя	второлинейныя	всего
ВАРІАНТЪ «А».						
I. Арміи, предназначенныя для активныхъ операцій.						
Германскій фронтъ.						
Армія № 1	8½	7	15½	8½	7	15½
Армія № 2	10½	3	13½	10½	4	14½
	19	10	29	19	11	30
Австрійскій фронтъ.						
Армія № 4	10½	4	14½	8½	3	11½
Армія № 5	8	5	13	8	5	13
Армія № 3	15	3	18	17	5	22
	33½	12	45½	33½	13	46½
Всего	52½	22	74½	52½	24	76½
II. Арміи съ задачами обсерваціоннаго характера.						
Отдѣльная Армія № 6...	5	3	8	5	3	8
Отдѣльная Армія № 7...	2	6	8	2	4	6
Всего	7	9	16	7	7	14
Общій итогъ	59½	31	90½	59½	31	90½
ВАРІАНТЪ «Г».						
I. Арміи, предназначенныя для активныхъ операцій.						
Германскій фронтъ.						
Армія № 4	7	4	11	5	4	9
Армія № 1	8½	7	15½	8½	6	14½
Армія № 2	14½	3	17½	14½	4	18½
	30	14	44	28	14	42
Австрійскій фронтъ.						
Армія № 5	7½	5	12½	7½	5	12½
Армія № 3	15	3	18	17	5	22
	22½	8	30½	24½	10	34½
Всего	52½	22	74½	52½	24	76½
II. Арміи съ задачами обсерваціоннаго характера.						
Отдѣльная Армія № 6...	5	3	8	5	3	8
Отдѣльная Армія № 7...	2	6	8	2	4	6
Всего	7	9	16	7	7	14
Общій итогъ	59½	31	90½	59½	31	90½

«А» веденіе сразу двухъ рѣшительныхъ операцій и, при этомъ, по расходящимся стратегическимъ направленіямъ. Вслѣдствіе этого, важнѣйшіе принципы военнаго искусства — сосредоточеніе силъ на главной операціонной линіи и экономія силъ на второстепенныхъ, не были проведены достаточно ярко; 3/5 силъ (45½ пѣх. див.) направлялись въ Галицію и 2/5 силъ (29 пѣх. див.) въ Вост. Пруссію. Казалось бы, редакторы плана должны были направить обѣ дивизіи, снятыя ими изъ 7-й арміи, на Ю.-З. (Австрійскій) фронтъ. Но — нѣтъ. Составители плана, просто, роздали поровну, по одной дополнительной дивизіи, каждому изъ фронтовъ.

Не менѣе интересно использованіе излишнихъ дивизій въ варіантѣ «Г». Тутъ составители плана усилили обѣими дивизіями Ю.-З. (Австрійскій) фронтъ, имѣвшій стратегическимъ заданіемъ чисто вспомогательную задачу: «не допускать австрійцевъ выйти въ тылъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ противъ Германіи».

Въ противоположность измѣненіямъ въ раіонахъ развертыванія, которыя затронули, какъ мы видѣли въ началѣ статьи, С.-З. (Германскій) фронтъ, измѣненія въ распредѣленіи силъ между арміями затронули, главнымъ образомъ, Ю.-З. (Австрійскій) фронтъ.

Въ обоихъ варіантахъ усилена на *четыре* дивизіи 3-я армія. Это измѣненіе имѣетъ особенно существенное стратегическое значеніе для варіанта «А». Въ этомъ случаѣ, одновременно съ указаннымъ выше увеличеніемъ силъ 3-й арміи, уменьшалась на *три* дивизіи сила 4-й арміи.

Чтобы отдать себѣ полный отчетъ въ томъ, что означало такое измѣненіе, нужно вспомнить, что 4-я армія была правофланговой арміей Ю.-З. фронта, т. е. ближайшей къ Вислѣ. При этомъ характерно то, что отъ нее отнимался XXIV корпусъ, который, согласно проекту ген. М. В. Алексѣева, долженъ былъ входить въ составъ того стратегическаго кулака, образованіе котораго онъ намѣчалъ въ раіонѣ Люблина.

Теперь не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что оперативные верхи нашего Г. У. Г. Ш. широко использовали возможности, дабы уменьшить размѣры возвращенія къ Милютинскимъ идеямъ, къ которымъ они были вынуждены рѣшеніемъ Совѣщанія начальниковъ штабовъ и ген.-квартирмейстеровъ нашихъ военныхъ округовъ.

Чѣмъ можетъ быть объяснено это, достойное лучшаго примѣненія, упорство?

Черезъ всѣ различныя измѣненія, произведенныя Г. У. Г. Ш. въ проектѣ отъ 1-го марта, какъ въ редакціи стратегическихъ заданій, такъ и въ развертываніи и распредѣленіи силъ, красною нитью проходитъ одна тенденція: *страхъ отвѣтственности*. Поэтому редакторскій карандашъ стремился вычеркнуть все, что только способствовало конкретной постановкѣ заданія, или онъ добавлялъ слова, придававшія этимъ заданіямъ расплывчатый смыслъ; тѣмъ же страхомъ отвѣтственности объясняется то, что при распредѣленіи силъ усиливаются второстепенныя стратегическія направленія, на которыхъ предполагаютъ прикрываться, а не наносить главный ударъ.

Это было результатомъ того «канцелярскаго» духа, который окончательно воцарился на верхахъ нашего оперативнаго управленія во время пребыванія на посту военнаго министра генерала В. А. Сухомлинова.

Даже неудачи въ Японской войнѣ не могли окончательно побороть того недовѣрія къ «наукѣ» и къ «техникѣ», которое продолжало быть весьма распространеннымъ на верхнихъ ступеняхъ нашей военной іерархіи и которое прикрывалось будто бы культомъ «духа» и «вдохновенія».

Такое отношеніе и должно было, прежде всего, пагубно отразиться въ об-

ласти разработки плана войны, представляющей собою работу, въ которой военная наука играетъ наибольшую роль, чѣмъ въ какой-либо другой области военнаго творчества. Яркой иллюстраціей только что сказаннаго является калейдоскопъ лицъ, смѣнявшихся послѣ ухода ген. Обручева на посту Начальника Генеральнаго Штаба.

Въ 1899 году назначенъ былъ ген. Сахаровъ. Это назначеніе объяснялось тѣмъ, что, когда Императоръ Николай II, въ бытность свою Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, командовалъ эскадрономъ л. гв. въ Гусарскомъ полку, Сахаровъ (въ то время полковникъ) былъ начальникомъ штаба 2-й гв. кав. дивизіи.

Ген. Сахаровъ, хотя и человѣкъ очень умный, но никакихъ научныхъ работъ не имѣлъ и предыдущей своей службой въ генеральномъ штабѣ къ руководству разработкой плана войны подготовленъ не былъ. Результаты сказались быстро. Какъ мы уже имѣли случай говорить въ одномъ изъ начальныхъ очерковъ, въ 1900 году, на Союзномъ Совѣщаніи Начальниковъ Штабовъ, выступленіе ген. Сахарова было неудачнымъ; впервые на этихъ Совѣщаніяхъ прозвучало наше заявленіе о готовности атаковать нѣмцевъ, съ достаточными силами, на 18-й день мобилизаціи.

Съ началомъ нашей войны съ Японіей, ген. Куропаткинъ уѣхалъ командовать Маньчжурской арміей, и его замѣнилъ на посту военнаго министра самъ ген. Сахаровъ. Должность же ген. Сахарова временно исполнялъ ген. Фроловъ.

Отлично знавшій канцелярскую работу мирнаго времени, ген. Фроловъ не могъ содѣйствовать надлежащей военно-научной постановкѣ работъ нашего Генеральнаго Штаба.

Послѣ неудачъ въ войнѣ съ Японіей, въ нашемъ военномъ мірѣ повѣяло духомъ обновленія. Эпоха реформъ началась съ чрезвычайно удачнаго преобразованія: Генеральный Штабъ былъ выдѣленъ изъ Военнаго Министерства и изъ Г.У.Г.Ш. образованъ былъ органъ на подобіе Германскаго «Большого Генеральнаго Штаба». Благодаря этой мѣрѣ Ген. Штабъ вырывался изъ душной атмосферы канцеляріи, тонувшей въ бумажномъ морѣ переписки по повседневнымъ вопросамъ, и становился на путь превращенія, подобно своему прототипу — Германскому Большому Ген. Штабу, въ высоко квалифицированное военно-научное учрежденіе. Крайне удачно былъ назначенъ и новый «независимый» Начальникъ Генеральнаго Штаба. Это былъ ген. Ф. Ф. Палицынъ. Хотя онъ и не имѣлъ оффиціальной ученой квалификаціи, но де факто Ф. Ф. Палицынъ принадлежалъ къ числу нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ генераловъ Ген. Штаба. Онъ былъ большимъ знатокомъ германской военной науки и очень внимательно слѣдилъ за ея дальнѣйшимъ развитіемъ. Съ первыхъ же дней ген. Ф. Ф. Палицынъ вдохнулъ новый духъ въ нашъ Ген. Штабъ. Во всѣхъ частяхъ Г.У.Г.Ш. и въ Академіи закипѣла работа. Но уже черезъ три года всѣмъ этимъ благимъ начинаніямъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. На небосклонѣ Петербургской бюрократіи всходила новая звѣзда — ген. В. А. Сухомлиновъ. По его настоянію «независимый Ген. Штабъ» былъ вновь превращенъ въ непосредственную часть бюрократической машины Военнаго Министерства. Самъ ген. Сухомлиновъ сталъ, на первое время, Начальникомъ вновь подчиненнаго военному министру — ген. Редигеру, Г.У.Г.Ш., и самолично разрушилъ ту настоящую оперативную работу, которую съ большимъ трудомъ началъ налаживать ген. Ф. Ф. Палицынъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ ген. Сухомлиновъ замѣнилъ ген. Редигера на посту военнаго министра, избравъ на должность Начальника Ген. Штаба ген. А. З. Мышлаевскаго. Нужно отдать справедливость, что выборъ этотъ былъ удаченъ. А. З. Мышлаевскій былъ профессоромъ Военной Академіи па каѳедрѣ Исторіи Русскаго

военнаго искусства и представлялъ собою вполнѣ подготовленнаго военно-научнаго работника. Но пребываніе ген. А. З. Мышлаевскаго на посту Начальника Ген. Штаба продолжалось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ удаленъ ген. Сухомлиновымъ, заподозрившимъ его, будто бы, въ интригѣ... Вѣрнѣе предположить, что В. А. Сухомлиновъ увидѣлъ въ лицѣ А. З. Мышлаевскаго возможнаго въ будущемъ себѣ конкуррента.

Замѣстителемъ ген. Мышлаевскаго былъ избранъ ген. Гернгроссъ. Какъ начальникъ симпатичный и доброжелательный, ген. Гернгроссъ стяжалъ себѣ всеобщія симпатіи, командуя л. гв. Коннымъ полкомъ, а затѣмъ въ качествѣ начальника штаба Гв. корпуса. Но служебный опытъ на этихъ двухъ должностяхъ, конечно, не могъ почитаться достаточнымъ стажемъ для выдвиженія на постъ Начальника Ген. Штаба. Личныя же моральныя качества ген. Гернгросса не могли компенсировать отсутствіе соотвѣтствующей военно-ученой тренировки. Вслѣдствіе этого Г.У.Г.Ш. осталось, по существу говоря, безъ руководителя.

Въ 1911 году ген. Гернгроссъ умеръ. На его мѣсто былъ назначенъ ген. Я. Г. Жилинскій.

Я. Г. Жилинскій провелъ свою предыдущую службу на высшихъ должностяхъ Генеральнаго Штаба и строевыхъ. Передъ назначеніемъ Начальникомъ Ген. Штаба, Я. Г. Жилинскій командовалъ X корпусомъ, а въ войнѣ 1904-05 г. г. былъ Начальникомъ Штаба Намѣстника Е. В. на Д. В. — адмирала Алексѣева. Однако, скрытой и, вѣроятно, главной причиной того, почему выборъ ген. Сухомлинова остановился именно на ген. Я. Г. Жилинскомъ, являлись личныя свойства послѣдняго.

Ген. Я. Г. Жилинскій представлялъ собою типъ высшаго военно-бюрократическаго дѣятеля, ставившаго форму выше существа и исполненіе желаній начальства выше пользы дѣла. Поэтому ген. Сухомлиновъ могъ быть спокоенъ, что избранный имъ въ 1911 году на постъ Начальника Ген. Штаба — ген. Жилинскій не будетъ мѣшать тѣмъ «реформамъ», которыя въ это время производились въ нашей стратегической подготовкѣ. Болѣе того, ген. Сухомлиновъ могъ разсчитывать и на то, что ген. Жилинскій сумѣетъ съ «тактомъ» защищать Сухомлиновскія идеи какъ противъ критики, исходящей со стороны Командующихъ войсками округовъ, такъ и на Союзныхъ Совѣщаніяхъ съ Французами.

Ген. Я. Г. Жилинскій полностью оправдалъ надежды В. А. Сухомлинова; въ награду за это послѣдній содѣйствовалъ, въ началѣ 1914 года, полученію Я. Г. Жилинскимъ желаемаго имъ назначенія на постъ Командующаго войсками Варшавскаго Военнаго Округа. Здѣсь, въ началѣ войны 1914 года, ставъ Главнокомандующимъ армій С.-З. фронта, онъ сыгралъ печальную роль въ разгромахъ обѣихъ своихъ армій (ген. Самсонова и ген. Ренненкампфа).

На мѣсто ушедшаго ген. Я. Г. Жилинскаго былъ назначенъ ген. Н. Н. Янушкевичъ. Онъ явился тѣмъ изъ Начальниковъ нашего Генеральнаго Штаба, которому пришлось экзаменоваться на должности Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Здѣсь его постигъ полный провалъ, который онъ самъ понялъ уже въ самомъ началѣ войны, прійдя къ Верховному Главнокомандующему Вел. Князю Николаю Николаевичу съ заявленіемъ, что самъ считаетъ себя неподготовленнымъ къ занимаемой имъ должности.

Дѣйствительно, своей предыдущей службой ген. Н. Н. Янушкевичъ не могъ считаться подготовленнымъ къ работѣ Начальника Ген. Штаба. Пробывъ въ строю лишь молодымъ офицеромъ до поступленія въ Военную Академію, онъ, вскорѣ послѣ окончанія ея, попалъ въ Канцелярію Военнаго Министерства. Здѣсь, въ теченіе долгаго времени онъ занималъ должность Начальника Коди-

фикаціоннаго отдѣленія. Это была работа военнаго чиновника или, въ лучшемъ случаѣ, военнаго юриста, ничего общаго со стратегіей и тактикой не имѣющая. Служба въ Канцеляріи Военнаго Министерства «по традиціи» открыла Н. Н. Янушкевичу доступъ на одну изъ кафедръ по военной администраціи. Послѣ защиты диссертаціи, посвященной организаціи и роли интендантства, ген. Янушкевичъ сталъ профессоромъ по кафедрѣ «снабженій», совмѣщая эту работу со службой въ Канцеляріи Военнаго Министерства. Диссертація и профессорская работа на кафедрѣ «снабженій» могли готовить Н. Н. Янушкевича къ высшимъ должностямъ по интендантству, но не по Генеральному Штабу.

Автору этихъ очерковъ пришлось лично слышать заявленіе, сдѣланное въ 1912 году Н. Н. Янушкевичемъ бывшему тогда Начальникомъ Военной Академіи ген. Щербачеву по поводу участія въ проектированной этимъ послѣднимъ военной игрѣ для профессорскаго состава: Н. Н. Янушкевичъ сказалъ, что въ области стратегіи онъ не пошелъ далѣе тѣхъ учебниковъ, по которымъ въ свое время сдавалъ экзаменъ, учась въ Академіи. Тѣмъ не менѣе, въ 1913 году ген. Янушкевичъ былъ назначенъ на мѣсто ген. Д. Г. Щербачева Начальникомъ Военной Академіи. Ему была поставлена задача — вывести изъ Военной Академіи «крамолу», которая заключалась въ томъ, что молодые профессора продолжали работать надъ изученіемъ указанныхъ ген. Палицынымъ современныхъ проблемъ тактики и стратегіи.

Ген. Н. Н. Янушкевичъ исполнилъ эту миссію и черезъ годъ былъ назначенъ Начальникомъ Ген. Штаба. Ген. В. А. Сухомлиновъ увидѣлъ въ немъ послушнаго исполнителя своихъ предначертаній и не опаснаго конкурента.

Вотъ печальная картина того, что происходило на самомъ верху Ген. Штаба. Послѣ ухода ген. Обручева, въ теченіе 15 лѣтъ смѣнилось 8 Начальниковъ Ген. Штаба, а за одно только время ген. Сухомлинова, т. е. за 7 лѣтъ — смѣнилось пять.

Если во всякомъ большомъ дѣлѣ смѣна начальниковъ дѣйствуетъ разрушающе, то въ такой сложной области, какъ современная подготовка къ войнѣ, смѣна Начальниковъ Ген. Штаба дѣйствуетъ сугубо разрушающе. При такихъ условіяхъ не можетъ быть вопроса о настоящемъ стратегическомъ руководствѣ, и самый аппаратъ этого руководства легко перерождается въ простую военную канцелярію, занимающуюся лишь перепиской и отпиской по оперативнымъ вопросамъ, но по существу дѣла весьма далекую отъ того военно-научнаго учрежденія, которымъ неизмѣнно оставался все время Германскій Большой Ген. Штабъ. Но для того, чтобы достигнуть этого, каждый изъ Германскихъ Начальниковъ Штаба долго пребывалъ на своемъ посту; въ теченіе столѣтія, предшествовавшаго Великой войнѣ, Германскій Генеральный Штабъ перемѣнилъ Начальника только *шесть разъ*.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей. Живой примѣръ былъ налицо. Графъ Милютинъ, ушедшій въ 1881 году въ отставку, продолжалъ жить — до 1912 года. Тридцать лѣтъ онъ занимался своимъ садомъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря, писалъ мемуары... въ которыхъ съ горечью констатировалъ, что его «преемники» въ званіи Военнаго Министра, «не только не захотѣли идти по протоптанной уже тропѣ, но нерѣдко принимали мѣры въ противоположномъ направленіи *). Онъ умеръ 96 лѣтъ, за два года до Великой войны, когда Русскимъ Арміямъ пришлось дорого заплатить за всѣ отступленія отъ Милютинской стратегіи и получать побѣдную награду каждый разъ, когда Верховному Глав-

*) «Военная Энциклопедія» изд. Сытина, т. XV, стр. 297.

нокомандующему Вел. Кн. Николаю Николаевичу удавалось возвращаться къ этимъ идеямъ.

Фельдмаршалъ графъ Мольтке тоже умеръ въ преклонномъ возрастѣ — 91 лѣтъ отъ роду (въ 1891 году). Но Германія, до конца его жизни, не считала его устарѣвшимъ, и онъ все время стоялъ во главѣ Герм. Ген. Штаба.

СРОКИ СОСРЕДОТОЧЕНІЯ

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены сроки сосредоточенія нашихъ армій при выполненіи варіанта «А» плана отъ 1-го мая 1912 года.

ТАБЛИЦА

Дни мобилизаціи / №№ армій	10-й	15-й	20-й	25-й	30-й	35-й	40-й
Число пѣхотныхъ дивизій*).							
I. Арміи, предназначенныя для активныхъ операцій.							
Германскій фронтъ:							
Армія № 1	4½	8½	11½	12½	14½	15½	15½
Армія № 2	8½	10½	10½	13½	13½	13½	14½
	13	19	22	26	28	29	30
Австрійскій фронтъ:							
Армія № 4	1	3½	5½	6½	8½	10½	11½
Армія № 5	3	6	9	11	12	13	13
Армія № 3	6½	13½	18	19	20	22	22
	10½	23	32½	36½	40½	45½	46½
Всего	23½	42	54½	62½	68½	74½	76½
II. Арміи, съ задачами обсерваціоннаго характера.							
Отд. армія № 6	4	5	5	6	7	8	8
Отд. армія № 7	3	5	6	6	6	6	6
Всего	7	10	11	12	13	14	14
Общій итогъ	30½	52	65½	74½	81½	84½	90½

*) Стрѣлковыя бригады при расчетѣ приняты за ½ пѣх. дивизіи.

Согласно данныхъ этой таблицы, полное сосредоточеніе перволинейныхъ и второлинейныхъ пѣх. дивизій Европ. Россіи (и двухъ дивизій Сѣв. Кавказа) занимало 40 дней.

Разсматривая эти сроки по арміямъ, мы увидимъ, что:

1) первой была готова, — *20-й день,* — формирующаяся въ Одессѣ ар-

мія № 7: это была армія, имѣвшая наименьшее изъ всѣхъ армій стратегическое значеніе;

2) во вторую очередь, — *на 35-й день,* — были готовы арміи: №№ 1, 3, 5 и 6;

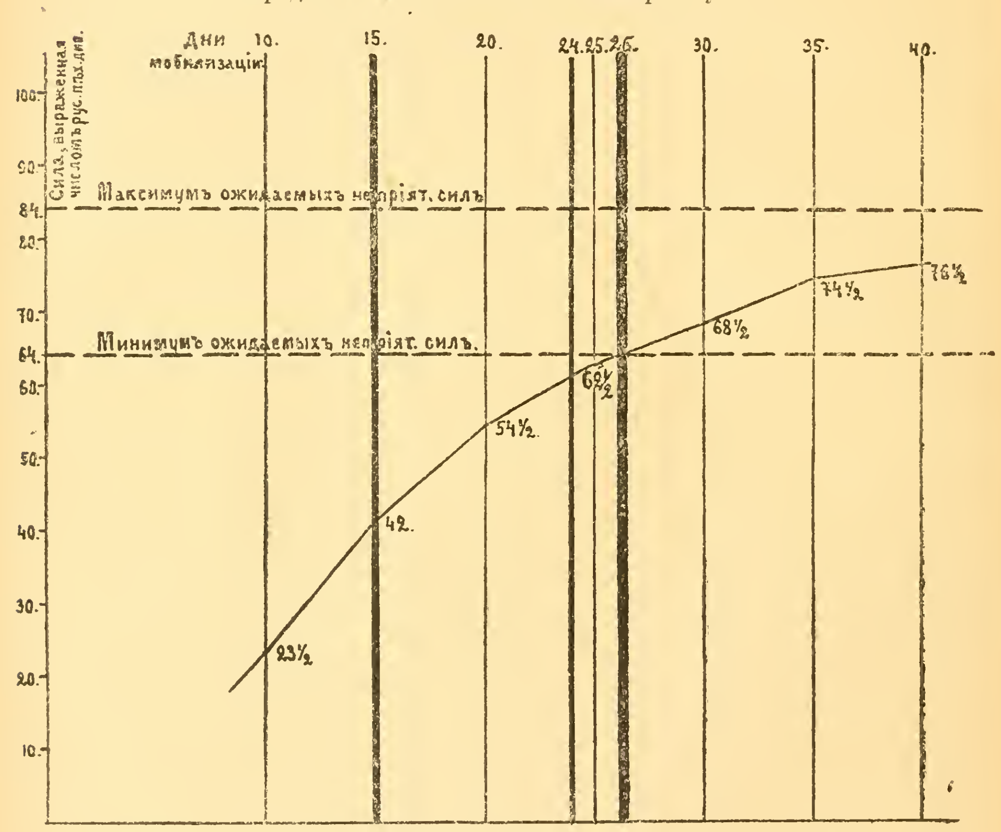
3) позже всѣхъ, *на 40 день,* были готовы арміи № 2 и 4. Это были арміи, ближайшія къ р. Вислѣ, т. е. тѣ, которыя имѣли важнѣйшее стратегическое значеніе для нашихъ наступательныхъ дѣйствій.

Въ подобной шкалѣ боевой готовности мы опять можемъ увидѣть, насколько велики были старанія окончательныхъ составителей нашего плана войны 1912 года отойти отъ идей Милютинской стратегіи.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы отмѣтили, что непріятельскія силы, которыя ожидалъ нашъ Г.У.Г.Ш. встрѣтить при варіантѣ «А», исчислялись въ 16-25 герм. пѣх. дивизій и въ 42-47 а.-в. пѣх. дивизій.

ГРАФИКЪ

сосредотеченія нашихъ силъ по варіанту «А».

Учитывая, что германская пѣх. дивизія по своей огневой силѣ, въ среднемъ, въ полтора раза превосходила русскую пѣх. дивизію, и переводя вышеуказанныя предположенія нашего Г.У.Г.Ш. въ эквивалентныя съ русскими пѣх. дивизіями единицы, мы получимъ: ожидаемыя германскія силы равнялись 24-37 русскимъ пѣхотнымъ дивизіямъ. Соотвѣтственно увеличится и цыфра,

выражающая общій итогъ силъ (Германскихъ и А.-В.), предназначенныхъ для дѣйствій противъ Россіи, а именно — онъ выразится такъ: минимумъ — 64 дивизіи, максимумъ — 84 дивизіи. Эти величины и нанесены нами на приводимые ниже графики.

Напомнимъ, что согласно предположеніямъ нашего же Г.У.Г.Ш., указанныя германскія силы были вполнѣ готовы на 12-й день, а А.-В. на 15-й. Поэтому, на нашихъ графикахъ линіи, отвѣчающія сосредоточенію противъ насъ непріятельскихъ силъ, выразились въ видѣ линій, параллельныхъ нижней абциссѣ.

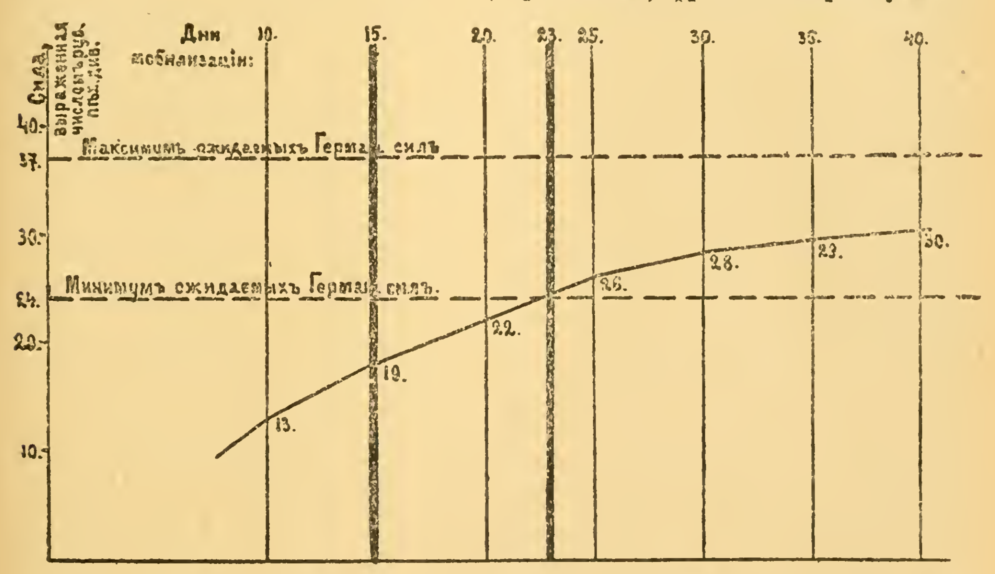
Разсмотримъ сначала графикъ, показывающій сосредоточеніе нашихъ силъ на обоихъ фронтахъ. Изъ него мы увидимъ, что на 26-й день мы подходили лишь къ минимуму ожидаемыхъ силъ противника, не достигая равенства съ максимумомъ этихъ силъ даже по окончаніи сосредоточенія всѣхъ силъ, предназначенныхъ планомъ отъ 1-го мая 1912 года.

Это наглядно показываетъ, что при создающемся соотношеніи силъ мы ни въ коемъ случаѣ не могли себѣ позволить одновременное рѣшительное наступленіе на обоихъ фронтахъ. Если, вообще, дѣйствіе по двумъ операціоннымъ линіямъ не рекомендуется стратегіей, то въ вышеуказанныхъ условіяхъ подобное рѣшеніе являлось *грубой стратегической* ошибкой.

Разсмотримъ теперь графики, указывающіе ходъ сосредоточенія на каждомъ изъ нашихъ фронтовъ.

ГРАФИКЪ

сосредоточенія нашихъ силъ на С.-З. **(Германскомъ) фронтѣ по варіанту «А».**

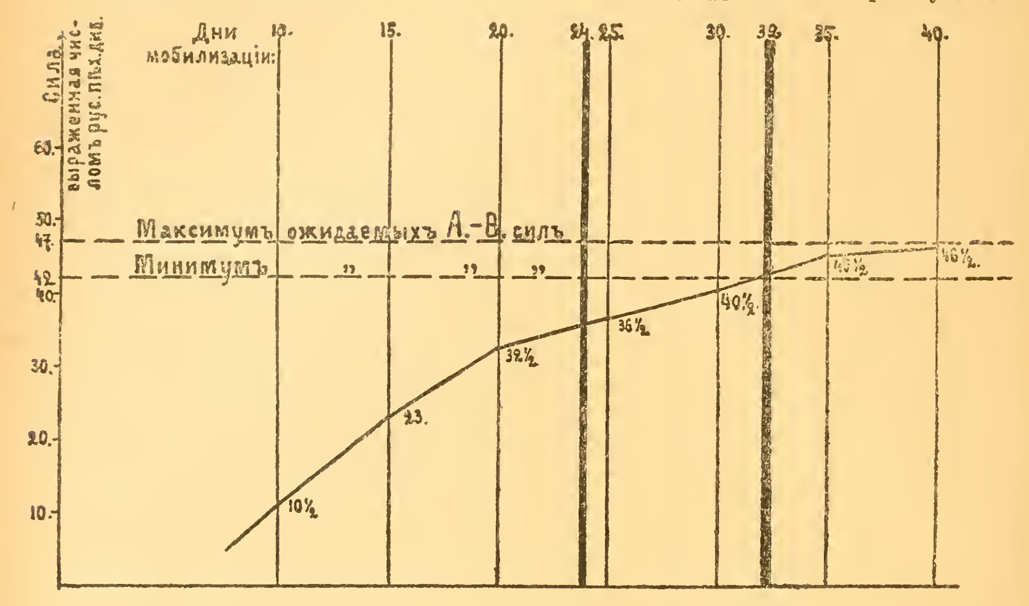

Изъ нихъ мы увидимъ, что ни на С.-З. (Германскомъ), ни на Ю.-З. (Австрійскомъ) фронтѣ принятое нашимъ планомъ войны распредѣленіе силы не обезпечивало вѣрнаго превосходства въ силахъ надъ противникомъ.

Таково было непосредственное слѣдствіе вышеуказанной грубой стратегической ошибки.

ГРАФИКЪ

сосредоточенія нашихъ силъ на Ю.-З. (Ав.-Венгер.) фронтѣ по варіанту «А».

Равенства съ минимумомъ ожидающихся непріятельскихъ силъ мы достигали: на С.-З. (Германскомъ) фронтѣ *на 23-й день*, а на Ю.-З. (Австрійскомъ) фронтѣ — *на 32-й день*.

Казалось бы, что нашъ Нач. Ген. Штаба долженъ былъ быть особенно озабоченъ, чтобы возможно скорѣе разъяснить это Союзникамъ, уже введеннымъ въ заблужденіе предшествующими легкомысленными обѣщаніями.

Очередное Союзное Совѣщаніе состоялось въ Парижѣ 13-го іюля 1912 года.

Вотъ заявленіе, сдѣланное на этомъ Совѣщаніи нашимъ Нач. Ген. Штаба, ген. Я. Г. Жилинскимъ*):

«Во всякомъ случаѣ Русскій Ген. Штабъ рѣшилъ, все таки, сосредоточить противъ Германіи группу силъ, достигающую по меньшей мѣрѣ 800 т. человѣкъ; онъ рѣшилъ также повести наступательныя дѣйствія своихъ армій на 15-й день мобилизаціи...» На 15-й день мобилизаціи арміи нашего С.-З. фронта могли выступить въ составѣ только 19-ти пѣх. дивизій, противъ непріятеля оцѣниваемаго нами въ 24-37 пѣх. дивизій! (см. второй графикъ).

Начало рѣшительнаго наступленія на С.-З. фронтѣ на 15-й день неминуемо должно было ускорить и выступленіе армій Ю.-З. фронта. Въ дѣйствительности, въ августѣ 1914 года такъ и произошло. Проскуровская группа 3-й арміи (переименованная въ 8-ю армію) была двинута въ наступленіе на 20-й день мобилизаціи, Дубно-Ровенская группа этой же арміи (за ней было оставлено наименованіе 3-й арміи) была двинута на 21-й день и, наконецъ, 4-й и

---

*) Въ іюльскомъ номерѣ 1922 г. нѣмецкаго журнала «Süddeutsche Monatshefte» на стр. 210-222 напечатаны протоколы Союзныхъ Совѣщаній 1911, 1912 и 1913 г.г.

5-й арміямъ было приказано перейти въ рѣшительное наступленіе на 24-й день. Такимъ образомъ, на 24-й день уже весь Ю.-З. фронтъ былъ въ рѣшительномъ наступленіи.

На Юго-Западномъ фронтѣ на 24-й день мы располагали 36½ пѣхотными дивизіями противъ 42-47 пѣхотныхъ дивизій.

Въ итогѣ — на обоихъ нашихъ фронтахъ 55½ дивизій бросались въ рѣшительное наступленіе противъ непріятеля, силы котораго были эквивалентны нашимъ 64-84 дивизіямъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе начать наступленіе на 15-й день еще болѣе усугубляло основную ошибку варіанта «А» нашего плана войны.

Ген. Заіончковскій*), разсматривая заявленіе ген. Я. Г. Жилинскаго, указываетъ на то, «что на 15-й день мобилизаціи мы могли имѣть противъ Германскаго фронта всего 304 батальона**) и 270 эскадроновъ, т. е. въ круглыхъ цифрахъ, около 350.000 бойцовъ, а на 40-й — до 480 батал.***) и 351 эск., т. е. не болѣе 550.000 бойцовъ...»

Какъ объяснить подобную невязку?

Въ прошломъ очеркѣ мы указывали, что во время пребыванія на посту военнаго министра ген. В. А. Сухомлинова на верхахъ нашего оперативнаго управленія окончательно воцарилась мертвящая живую мысль «канцелярщина». «Формальное» отношеніе къ важнѣйшимъ стратегическимъ вопросамъ привело легко и быстро къ убѣжденію, что § 3 «Конвенціи» обязывалъ насъ на немедленное же прямое стратегическое воздѣйствіе на Германію. Мысли одного изъ творцовъ этой Конвенціи — ген. Обручева были совершенно забыты.

Но какъ мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, жизнь слишкомъ настойчиво требовала возвращенія къ стратегіи Милютина и Обручева. И вотъ для того, чтобы «формально» прикрыть наше неисполненіе § 3 «Конвенціи», согласно установившагося «формальнаго» же его толкованія, ген. Жилинскій примѣнилъ чисто «канцелярскій пріемъ»: при исчисленіи войскъ, направляемыхъ нами въ Вост. Пруссію, принималась во вниманіе не только ихъ «боевая» численность ,но и многолюдные армейскіе тылы.

И это происходило какъ разъ въ тотъ моментъ, когда настоятельно требовалось, чтобы тѣ, кто руководили подготовкой Россіи къ войнѣ, выяснили французамъ реальныя стратегическія возможности Русской Арміи!

Казалось бы, что самъ глава Военнаго Вѣдомства, ген. Сухомлиновъ, долженъ былъ участвовать на Союзномъ Совѣщаніи и тамъ горячо отстаивать интересы Россіи. Такъ поступилъ ген. Жоффръ, будущій французскій главнокомандующій, являвшійся на Совѣщаніе совмѣстно съ Начальникомъ французскаго Штаба.

Генералъ же В. А. Сухомлиновъ смотрѣлъ иначе. Онъ воспользовался своимъ формальнымъ правомъ уклониться отъ этихъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе для судебъ Россіи,свиданій. «*Я лично*», пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ****), «*не принималъ участія въ этихъ свиданіяхъ, а передалъ защиту*

---

*) Стр. 275.

**) 19 пѣх. дивизій. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

***) 30 пѣх. дивизій. — Прим. Н. Н. Г.

****) В. А. Сухомлиновъ, «Воспоминанія» Рус. Универсальное издат.; Берлинъ, 1924 г., стр. 194.

нашихъ интересовъ Нач. Ген. Штаба, который мнѣ докладывалъ. Протоколы этихъ засѣданій я давалъ Государю».

Характерно то, что эти свои слова ген. Сухомлиновъ печатаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ курсивомъ. Это показываетъ, что онъ хочетъ убѣдить въ своей непричастности къ принятымъ на этихъ Совѣщаніяхъ обязательствамъ. Послѣдняя же фраза еще болѣе характерна въ этомъ отношеніи — свою отвѣтственность за рѣшенія подчиненнаго ему Нач. Ген. Штаба онъ пытается переложить на самаго Государя, забывая, что онъ же самъ настоялъ въ 1908 году о подчиненіи Нач. Ген. Штаба Военному Министру.

Нѣсколько далѣе, на той же страницѣ (194), ген. В. А. Сухомлиновъ пытается убѣдить читателя, что Союзныя Совѣщанія никакихъ путъ на стратегію нашего Верховнаго Главнокомандующаго не накладывали. Онъ пишетъ:

«Ни въ разработку операціонныхъ направленій, ни въ прочія детали исполненія задачъ каждой страны, мы, во время моего пребыванія на посту военнаго министра, не входили».

А вотъ выдержка изъ протокола Союзнаго Совѣщанія отъ 13-го іюля 1912 года, передаваемая мною дословно, изъ тѣхъ же воспоминаній ген. В. А. Сухомлинова*):

«... Ген. Жилинскій излагаетъ въ общихъ чертахъ планъ сосредоточенія и группировку русскихъ армій, направляемыхъ противъ Германіи».

«Ген. Жоффръ согласенъ съ ген. Жилинскимъ относительно полезности рѣшительнаго перенесенія къ югу центра тяжести дѣйствій этихъ армій и расположенія главныхъ силъ въ условіяхъ, позволяющихъ предпринять наступленіе въ общемъ направленіи на Алленштейнъ, если врагъ расположится въ Вост. Пруссіи или попытается двинуться на Варшаву, или же маневрировать на лѣвомъ берегу Вислы, чтобы итти на Берлинъ, если противникъ произведетъ сосредоточеніе въ раіонѣ Торнъ-Познань или если попытается направиться изъ этой базы на Варшаву или Ивангородъ».

Этотъ очень тяжеловѣсный переводъ французскаго текста говоритъ о соглашеніи ген. Жилинскаго и ген. Жоффра направить главный ударъ С.-З. фронта въ раіонѣ Вислы: на Алленштейнъ, въ случаѣ если главныя силы нѣмцевъ окажутся въ Вост. Пруссіи, и по лѣвому берегу Вислы въ случаѣ сосредоточенія этихъ силъ въ раіонѣ Торнъ-Познань.

Такимъ образомъ, вопреки утвержденію ген. Сухомлинова, на Союзномъ Совѣщаніи 1912 года вопросъ объ операціонныхъ направленіяхъ обсуждался. И ген. Я. Г. Жилинскій не только не воспользовался этимъ, чтобы объяснить и настоять на исключительномъ общесоюзномъ значеніи нашей побѣды въ Галиціи, но даже соглашался, въ случаѣ очищенія нѣмцами Вост. Пруссіи, идти прямо на Берлинъ, не покончивъ съ А.-В. арміями, сосредоточенными въ Галиціи.

Новый взглядъ на приведенные выше графики показываетъ, какой грандіозной катастрофой грозила намъ подобная стратегія.

Приведенное выше соглашеніе ген. Жилинскаго съ ген. Жоффромъ окажетъ отрицательное вліяніе на наше стратегическое развертываніе въ августѣ 1914 года. Оно вызоветъ тенденцію къ дальнѣйшей разброскѣ нашихъ силъ, прибавивъ къ имѣющимся уже двумъ расходящимся операціоннымъ линіямъ (ведущимъ въ Вост. Пруссію и въ Галицію) еще третью: на Познань-Берлинъ.

---

*) Стр. 210 см. также вышепоименованный нѣмецкій журналъ «Süddeutsche Monatshefte».

«Не завидна судьба теченія стратегической мысли Сухомлинова», пишетъ по этому поводу ген. Заіончковскій*). «Въ 1910 году онъ въ корнѣ разрушилъ ту систему, на которой 35 лѣтъ зиждилась оборона страны, чтобы въ 1912 году вновь словами Нач. Ген. Штаба обратить свои взоры на лѣвый берегъ Вислы».

Насъ удивляетъ еще и другое.

Въ этомъ и предыдущихъ двухъ очеркахъ мы подробно прослѣдили тѣ измѣненія, которыя внесъ Г.У.Г.Ш. въ проектъ отъ 1-го марта 1912 года. Изъ этого анализа мы видѣли, что всѣ эти измѣненія упорно клонились къ одному: всякими способами и подъ всякими предлогами уменьшить количество нашихъ войскъ, развертывающихся на Передовомъ Театрѣ. Поэтому къ поведенію ген. Я. Г. Жилинскаго на Союзномъ Совѣщаніи 1912 года вполнѣ приложимы Евангельскія слова: его правая рука не знала, что дѣлала лѣвая.

Не свидѣтельствуетъ ли это о поразительной стратегической некомпетентности нашего Нач. Ген. Штаба? Подобная некомпетентность не могла ускользнуть отъ глаза французскихъ представителей, что привело къ тому ненормальному положенію, о которомъ говоритъ въ своей книгѣ**) ген. Ю. Даниловъ:

«... Въ сущности, на совѣщаніяхъ дѣло сводилось почти къ тому, что Франція предъявляла свои пожеланія, Россія же выясняла степень возможности и способы ихъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что такое положеніе въ значительной мѣрѣ должно было сковать нашу стратегію и свободное распоряженіе собственными силами въ начальный періодъ войны».

«Всѣ Начальники Французскаго Ген. Штаба, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, предъявляли на Совѣщаніяхъ нашимъ представителямъ неизмѣнное требованіе, сводившееся къ принятію нами наступательнаго образа дѣйствій противъ Германіи, притомъ осуществляемаго возможно большими силами и, главное, въ кратчайшій срокъ...»

«... Несмотря на мою близкую прикосновенность къ оперативнымъ дѣламъ, мнѣ не приходилось слышать, чтобы на Совѣщаніяхъ Начальниковъ Ген. Штабовъ Союзныхъ Державъ подвергался обсужденію вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана. Едва ли поэтому когда либо ставился въ Совѣщаніяхъ и вопросъ о наилучшемъ способѣ встрѣчи Французскими вооруженными силами удара, подготовлявшагося противъ нихъ Германіей. Повидимому, этотъ послѣдній вопросъ считался не составною частью общаго плана, каковымъ онъ долженъ бы быть по существу, а исключительно дѣломъ нашего союзника. Возможно, что поэтому на Совѣщаніяхъ и не высказывалось никогда съ нашей стороны сомнѣній въ цѣлесообразности, съ общей точки зрѣнія, того плана рѣшительнаго наступленія съ фронта Бельфоръ-Лонгви, которымъ французы предполагали не только парировать ударъ нѣмцевъ, но даже вырвать иниціативу дѣйствій изъ ихъ рукъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, смѣнилъ болѣе осторожныя предположенія Французскаго Ген. Штаба, существовавшія включительно до 1911 года».

Своими необоснованными заявленіями и обѣщаніями ген. Я. Г. Жилинскій вводилъ въ заблужденіе нашего Союзника. Онъ поддерживалъ Французскій Ген. Штабъ въ ошибочной стратегіи — начать войну немедленнымъ рѣшительнымъ наступленіемъ, не дожидаясь окончанія сосредоточенія Русскихъ армій. Этимъ ген. Жилинскій еще болѣе приковывалъ волю будущаго Верховнаго Главнокомандующаго къ порочной идеѣ плана войны.

---

*) «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», примѣчаніе на стр. 280.

**) «Россія въ міровой войнѣ (1914-1915 г.г.)» — Изд. «Слово», Берлинъ, 1924 г., Стр. 78.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Планъ 1912 года

(Продолженіе)

ПЛАНЪ ОПЕРАЦІИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ

Какова была общая идея нашей первой операціи въ Вост. Пруссіи? Каковъ былъ маневръ, при посредствѣ котораго предполагалось осуществить эту идею?

Вотъ два вопроса, на которые мы попытаемся отвѣтить въ настоящемъ очеркѣ.

Начнемъ съ перваго вопроса.

Общая задача, поставленная арміямъ С.-З. фронта въ планѣ войны 1912 года, была, какъ мы уже знаемъ, отредактирована такъ:

«Пораженіе германскихъ войскъ, оставленныхъ въ Вост. Пруссіи, и овладѣніе послѣдней съ цѣлью созданія выгоднаго исходнаго положенія для дальнѣйшихъ дѣйствій».

Изслѣдователь сразу же недоумѣваетъ. Почему въ стратегическомъ заданіи С.-З. фронту нѣтъ главнаго, а именно нѣтъ указанія на то, что наше вторженіе въ Вост. Пруссію преслѣдовало цѣль помощи Франціи? Или это было секретомъ отъ Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ и его командующихъ армій?

Мы считаемъ это упущеніе грубѣйшей стратегической ошибкой въ коренномъ оперативномъ вопросѣ — въ отчетливомъ уясненіи *«чего я хочу»*.

Мы уже имѣли случай говорить выше о междусоюзномъ Совѣщаніи Начальниковъ Ген. Штабовъ, имѣвшемъ мѣсто въ Парижѣ въ сентябрѣ 1910 года. Вотъ тѣ пожеланія, которыя высказали тогда французскіе представители и которыя и должны были лечь въ основу общей цѣли дѣйствій нашего С.-З. фронта:

«Въ предположеніи, что Германія направитъ свои главныя силы противъ Франціи, оставивъ противъ Россіи только 3-5 корпусовъ съ резервными дивизіями, французскій Штабъ, по прежнему, придавалъ первенствующее значеніе одновременнымъ дѣйствіямъ русскихъ и французскихъ силъ.

Принимая во вниманіе всѣ трудности, связанныя съ сосредоточеніемъ Русской Ар-

мін, французскій Штабъ, тѣмъ не менѣе, разсчитывалъ на выполненіе Россіей двухъ условій:

1) мѣры мирнаго времени должны были создать для Германіи впечатлѣніе возможности серьезнаго русскаго наступленія на польской границѣ съ 15-го по 30-й день,

2) положеніе, занятое въ первые дни войны, должно подтвердить это впечатлѣніе и не дать возможности нѣмцамъ использовать противъ Франціи тѣ корпуса, которые назначены для дѣйствій противъ Россіи» *).

Первое пожеланіе французовъ было нарушено коренной ломкой въ нашей дислокаціи, произведенной ген. Сухомлиновымъ. Второе пожеланіе требовало отъ насъ лишь демонстративныхъ дѣйствій. Таковыя могли быть произведены въ видѣ короткихъ наступленій вдоль одной изъ трехъ жел. дорогъ, входящихъ изъ Россіи въ Вост. Пруссію.

Мы не будемъ входить здѣсь въ обсужденіе вопроса, — которое изъ этихъ трехъ направленій слѣдовало бы выбрать, и настаиваемъ лишь на одномъ: общей цѣлью нашей первой операціи въ Вост. Пруссіи должно было являться, путемъ частныхъ и короткихъ наступленій противъ германскихъ войскъ, оставленныхъ противъ Россіи въ Вост. Пруссіи, не допустить ихъ переброску на французскій фронтъ.

Бывшій ген.-квартирмейстеръ Г.У.Г.Ш. — ген. Ю. Н. Даниловъ, такъ объясняетъ поставленную планомъ войны общую задачу нашему С.-З. фронту.

Указывая на то, что главный ударъ по варіанту «А» наносился въ Галиціи, онъ пишетъ**):

«Мы не могли забывать о той грозной обстановкѣ, которая должна была сложиться, при данныхъ условіяхъ, для нашей союзницы Франціи, долженствовавшей принять на себя, въ первую очередь, главный ударъ нѣмцевъ. Мы должны были помнить о нашей обязанности помочь ей самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ равной мѣрѣ мы должны были озаботиться также самымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ со стороны Германіи и нашего собственнаго маневра противъ Австро-Венгерскихъ войскъ. Обѣ эти задачи одинаково важныя, наилучшимъ образомъ ***) разрѣшались собственнымъ нашимъ вторженіемъ въ предѣлы Вост. Пруссіи, которая служила естественнымъ плацдармомъ для сбора Германіей войскъ, оставленныхъ противъ насъ, а нанесеніемъ этимъ войскамъ рѣшительнаго пораженія. **Естественнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій** должно было быть **овладѣніе нами Вост. Пруссіей** и выходъ нашихъ войскъ къ нижнему теченію р. Вислы. Съ занятіемъ же такого положенія, не только **сокращалось** общее **протяженіе нашего стратегическаго фронта** болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, но и **упрочивалось положеніе нашего праваго фланга**, слишкомъ отнесеннаго назадъ по условіямъ начертанія нашей пограничной линіи. Самое же главное, что, **съ выходомъ къ Нижней Вислѣ**, позволявшимъ соотвѣтственно выдвинуть наши войска на среднемъ теченіи той же рѣки, и, съ разгромомъ австрійской арміи на лѣвомъ флангѣ нашего общаго стратегическаго фронта, — **для русской арміи создавалось** исключительно выгодное исходное положеніе, которое обезпечивало ей возможность дальнѣйшаго развитія операціи вглубь Германіи, и притомъ въ крайне опасныхъ для послѣдней направленіяхъ. Передъ **нашими войсками открывались пу-**

---

*) Истор. Рев. Арх. Франко-Русскій союзъ, папка 1910 года. Цитировано у Заіончковскаго «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 198.

**) Ген. Ю. Н. Даниловъ, «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 89.

***) Жирный шрифтъ вездѣ нашъ. — **Н. Н. Г.**

ти не только въ Познанскую провинцію, родственную намъ по населенію, но и въ промышленную Силезію, потеря которой во время войны для Германіи должна была явиться очень тяжелымъ ударомъ; далѣе же — лежали ближайшіе пути къ Берлину...»

Мы нарочно привели всю выдержку «in extenso», дабы возможно полнѣе ознакомить читателя съ ходомъ мысли главнаго составителя нашего плана войны. Оставивъ въ сторонѣ общія мѣста, сказанныя ген. Ю. Н. Даниловымъ о нашемъ долгѣ помочь Франціи, а также справедливое указаніе на то, что наша побѣда въ Галиціи открывала пути въ Силезію, мы замѣтимъ только, что по этой то причинѣ *наилучшимъ способомъ* оказанія помощи Франціи являлась наша сокрушительная побѣда въ Галиціи, а вовсе не овладѣніе Вост. Пруссіей.

Остановимъ наше вниманіе на непосредственно интересующей насъ общей задачѣ, поставленной нашему С.-З. фронту.

Ген. Ю. Н. Даниловъ утверждаетъ, что обезпеченіе нашей операціи въ Галиціи наилучшимъ образомъ разрѣшалось нашимъ вторженіемъ въ предѣлы Вост Пруссіи.

Намъ кажется, что стратегическая ошибочность подобнаго утвержденія сама по себѣ настолько очевидна, что мы не нуждаемся въ отсылкѣ читателя къ нашимъ предыдущимъ очеркамъ. Конечно, пораженіе Германскихъ войскъ, оставленныхъ противъ Россіи, являлось наивѣрнѣйшимъ способомъ обезопасить тылъ нашего Ю.-З. фронта. Но для подобнаго «роскошнаго» разрѣшенія вопроса требовалось гораздо больше войскъ, нежели въ томъ случаѣ, если это обезпеченіе основывалось бы на оборонѣ, избраннаго Милютинымъ, рубежа р. р. Буга, Нарева, Бобра и Нѣмана. Экономія силъ, достигаемая этимъ, болѣе «скромнымъ» методомъ разрѣшенія второстепенной стратегической задачи, позволяла увеличить численность войскъ, дерущихся въ Галиціи, т. е. увеличить шансы на побѣду на важнѣйшемъ стратегическомъ направленіи...

Ген. Ю. Н. Даниловъ утверждаетъ также и другое: овладѣніе Вост. Пруссіей упрачивало положеніе нашего праваго фланга и создавало исключительно выгодное исходное положеніе. Это какъ разъ и было указано планомъ войны, какъ общая и конечная цѣль первой операціи нашего С.-З. фронта.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы говорили, что Германскій ген. штабъ предвидѣлъ случай необходимости очищенія Вост. Пруссіи. Поэтому, въ общемъ планѣ обороны Германіи, особое вниманіе было удѣлено военно-инженерной подготовкѣ Нижней Вислы, какъ преграды, отдѣляющей выдвинутую впередъ Вост. Пруссію отъ остальной Германской Имперіи.

На всемъ своемъ протяженіи отъ русской границы до моря (200 клм.) Висла была непроходима вбродъ и текла въ широкой долинѣ (6-7 клм. ширины); ширина самой рѣки въ низкую воду достигала 250-400 метровъ. Обороноспособность этого, самого по себѣ трудно-проходимаго, воднаго рубежа была усилена устройствомъ долговременныхъ укрѣпленій у *Торна*, *Кульма*, *Грауденца*, *Маріенбурга* и *Данцига*, а также постройкой промежуточныхъ батарей. Интересующихся болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ организаціи военно-инженерной подготовки р. Вислы, мы отсылаемъ къ страницамъ труда ген. Ставицкаго *). Здѣсь же мы укажемъ лишь на ту стратегическую обстановку, которая создавалась германскимъ военно-инженернымъ оборудованіемъ Нижней Вислы.

---

*) Ген.-Лейт. П. П. Ставицкій: «Военно-инженерная оборона Государства и ея новѣйшія формы». — Вып. III: Военно-инженерная подготовка Германіи. — Стр. 24-25. — Изд. Зарубежныхъ Высшихъ Военно-Научныхъ Курсовъ въ Парижѣ.

Для русскихъ армій она представляла преграду, одолѣть которую онѣ могли лишь послѣ овладѣнія крѣпостями и тетъ-де-понами. Нѣмцы же, отошедшіе за р. Вислу, могли въ нужную для нихъ минуту перейти черезъ Вислу обратно. Благодаря расположенію *Торна*, *Кульма* и *Грауденца*, излучина, образуемая здѣсь Вислою, легко превращалась въ удобный для нѣмцевъ плацдармъ, изъ котораго они могли вести армейскую операцію въ лѣвый флангъ и въ тылъ русскихъ войскъ, подошедшихъ къ Нижней Вислѣ.

Опасность для насъ подобнаго рода операціи увеличивалась обладаніемъ нѣмцами укрѣпленнаго плацдарма въ раіонѣ крѣпости Кенигсберга*). Здѣсь, благодаря созданію дополнительныхъ укрѣпленныхъ позицій у мѣстечка *Кранцъ* и на р. *Дейме*, весь *Замландскій* полуостровъ могъ служить для высадки крупныхъ силъ, привезенныхъ моремъ. Господство германскаго флота въ этой части Балтійскаго моря дѣлало такую морскую переброску силъ легко исполнимой.

Армейскія наступательныя операціи, одновременно поведенныя нѣмцами изъ Торнъ-Грауденцкаго и изъ Кенигсбергскаго плацдармовъ, грозили русскимъ войскамъ, подошедшимъ къ Нижней Вислѣ, катастрофическими послѣдствіями.

О какомъ же «выгодномъ исходномъ положеніи для дальнѣйшихъ дѣйствій» говорилъ планъ войны?

Если рѣчь идетъ о дальнѣйшемъ наступленіи на Берлинъ, по кратчайшему направленію черезъ *Познань*, какъ это можно понять изъ поясненій ген. Ю. Н Данилова, то для этого требовалось овладѣніе, по крайней мѣрѣ, крѣпостью Торномъ. А это, въ свою очередь, требовало нашего наступленія по обоимъ берегамъ Вислы.

Опять мы возвращаемся къ идеямъ Милютинской стратегіи. Варіантъ, предложенный ген. Клюевымъ, развертывавшій 4-ю армію западнѣе 2-й, болѣе отвѣчалъ такой идеѣ, нежели варіанты «А» и «Г». Но онъ былъ откинутъ Г.У.Г.Ш. такъ же, какъ было имъ вычеркнуто изъ окончательнаго плана 1912 года указаніе, сдѣланное въ проектѣ отъ 1-го марта 1912 года на то, что «Кенигсбергъ долженъ быть обложенъ».

Но безъ овладѣнія Кенигсбергомъ или, по крайней мѣрѣ, безъ самаго тѣснаго его обложенія, конечно, не могло быть и рѣчи о прочности положенія нашего праваго фланга, выдвинутаго на Нижнюю Вислу, чего хотѣлъ, судя по приведенной выше выдержкѣ ген.-квартирмейстера Г.У.Г.Ш. — ген. Ю. Н. Данилова, достигнуть нашъ планъ войны.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что руководящая идея первой операціи С.-З. фронта, въ самой основѣ своей была порочна.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію второго изъ поставленныхъ нами въ началѣ очерка вопросовъ, а именно — каковъ былъ маневръ, при посредствѣ котораго планъ войны предполагалъ достигнуть «пораженія германской арміи, оставленной къ Вост. Пруссіи и овладѣніе послѣдней».

Какъ мы знаемъ, обѣ арміи (№ 1 и № 2) нашего С.-З. фронта должны были вторгнуться въ Вост. Пруссію. Армія № 1, собиравшаяся на Нѣманѣ, между Ковной и Друскениками, должна была наступать, «обративъ особое вниманіе на обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера»; армія № 2, сосредоточивавшаяся въ раіонѣ Гродна-Бѣлостокъ-Ломжа, должна была наступать, «обративъ особое вниманіе на обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада». Какъ ни старались редакторы плана

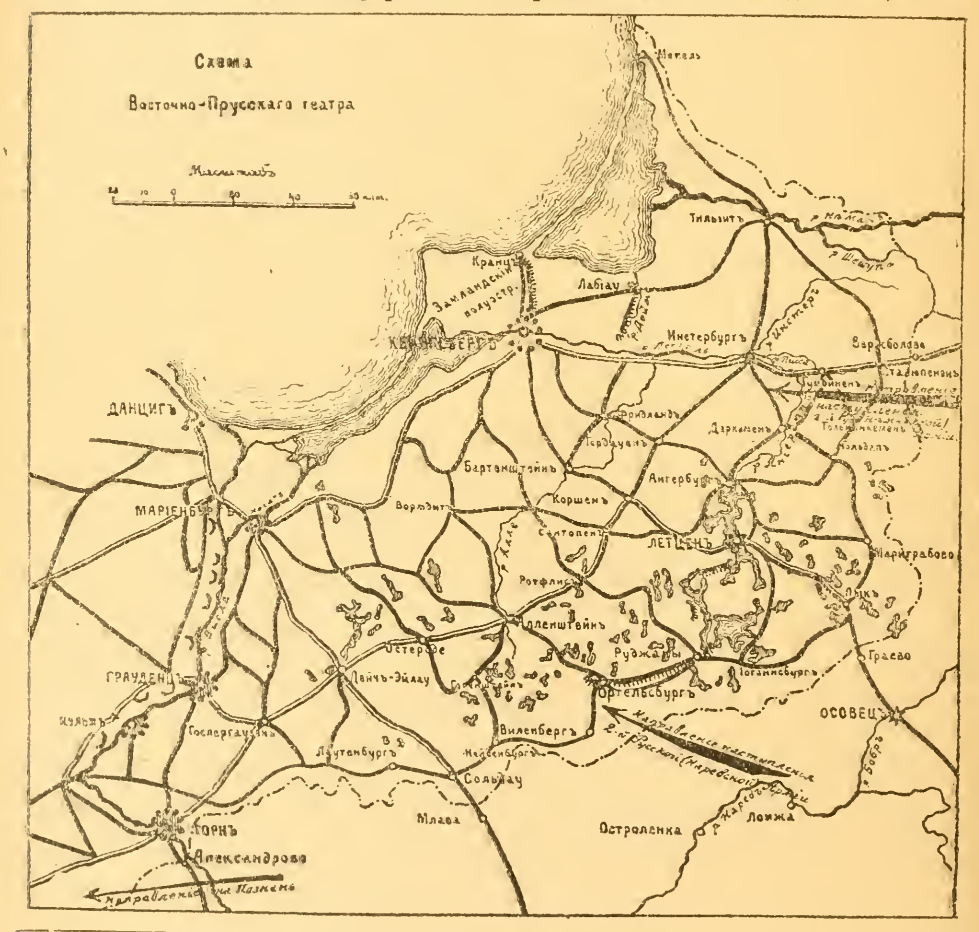
*) Для подробностей см. вышепоименованный трудъ ген. П. П. Ставицкаго, вып. III, стр. 19-21.

1912 года затуманить идею этого маневра, все-таки можно утверждать, что они желали отрѣзать защищающія Вост. Пруссію германскія войска нашей 1-й арміей отъ Кенигсберга, а нашей 2-й арміей отъ р. Вислы. Ни болѣе и ни менѣе, какъ осуществленіе «модныхъ» въ ту эпоху «Каннъ»...

Какъ могъ непріятель помѣшать этому нашему *«чего я хочу»?* Для уясненія этого, требуется разсмотрѣніе тѣхъ маневренныхъ возможностей, которыя создавались для германскихъ войскъ мѣстной желѣзно-дорожной сѣтью, прикрытой въ своей центральной части цѣпью главныхъ Мазурскихъ озеръ.

Главныя Мазурскія озера тянулись съ сѣвера на югъ — отъ *Ангербурга* до *Руджанъ,* образуя широкую полосу водныхъ преградъ, протяженіемъ около 75 клм. Перешейки между озерами были укрѣплены, при чемъ у *Летцена*, тамъ гдѣ проходила желѣзно-дорожная магистраль изъ *Коршена* въ *Лыкъ*, былъ возведенъ фортъ-застава *Бойенъ* *).

Прикрываясь этимъ щитомъ, шириной въ 75 клм., нѣмцы получали возможность дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ для того, чтобы

*) Болѣе подробное описаніе укрѣпленной линіи Мазурскихъ озеръ — см. у ген Ставицкаго, вып. III, стр. 22-24.

бить по очереди противника, вторгающагося въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера и съ запада.

Для производства такого центральнаго маневра могли служить слѣдующія желѣзныя дороги:

а) Двухъ-путная ж. д. *Маріенбургъ-Кенигсбергъ-Инстербургъ,* выводящая отъ Маріенбурга однимъ ж.-д. путемъ на *Дейчъ-Эйлау,* другимъ на *Гослергаузенъ.*

б) Двухъ-путная желѣзная дорога *Граудевцъ-Коршенъ,* выводящая отъ *Коршена* однимъ желѣзно-дорожнымъ путемъ на *Инстербургъ,* другимъ на *Ангербургъ.*

Германскій генеральный штабъ издавна и методично разрабатывалъ всевозможныя комбинаціи своихъ дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ подъ прикрытіемъ щита, созданнаго изъ цѣпи главныхъ Мазурскихъ озеръ. Ген. гр. Шлиффенъ, во время пребыванія своего на посту Нач. Ген. Штаба, въ числѣ ежегодныхъ задачъ, дававшихся имъ прикомандированнымъ къ Большому Ген. Штабу офицерамъ, всегда давалъ задачу на защиту Вост. Пруссіи. Одной изъ этихъ типичныхъ для Шлиффеновскаго періода задачъ, является задача 1898 года.

Въ заданіи этой задачи ген. гр. Шлиффенъ предполагалъ, что русскіе, обладающіе полуторнымъ общимъ превосходствомъ въ силахъ, наступаютъ на Вост. Пруссію по тремъ направленіямъ: съ р. Нѣмана, отъ Бѣлостока и съ Нижняго Нарева.

Въ своемъ рѣшеніи этой задачи гр. Шлиффенъ такъ характеризуетъ сущность задачи 8-й германской арміи, защищающей въ такихъ условіяхъ Вост. Пруссію:

«.... Германской Арміи, угрожаемой съ трехъ сторонъ, не остается ничего иного, какъ атаковать ближайшаго противника, его разбить и затѣмъ обратиться противъ двухъ остальныхъ его группъ. Но побѣда должна быть рѣшающей. Если бы успѣхъ былъ бы сомнительнымъ, германская армія оказалась бы связанной одной изъ русскихъ армій, остальныя же русскія арміи получили бы возможность атаковать ее во флангъ и тылъ и, используя свое общее превосходство въ силахъ, раздавить ее. Поэтому, если командующій германской арміей не надѣется на возможность полной побѣды надъ одной изъ русскихъ армій, то ему не остается ничего другого, какъ отказаться отъ выполненія своей задачи и отойти за Вислу. Для рѣшающей же побѣды надъ ближайшимъ противникомъ, т. е. надъ корпусами, наступающими отъ Мемеля до Сувалокъ, необходимо сосредоточеніе максимальнаго количества силъ въ наиболѣе выгодной группировкѣ и съ такой быстротой, чтобы не дать возможности принять въ немъ участіе русскимъ арміямъ, наступающимъ со стороны Бѣлостока и Варшавы...»

Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи рѣшенія гр. Шлиффеномъ этой задачи*), мы укажемъ лишь на то, что онъ считалъ возможнымъ давать сраженіе русской Нѣманской арміи между р. *Ангераппъ* и р. *Алле,* то есть давъ ей втянуться поглубже въ Вост. Пруссію**), дабы использовать свои желѣзныя дороги для маневра противъ лѣваго фланга и тыла вторгнувшихся Русскихъ. Лишь послѣ полнаго разгрома нашей Нѣманской арміи, гр. Шлиффенъ поворачивалъ германскія силы противъ нашей Наревской арміи. Такое рѣшеніе онъ

---

*) См. проф. полк. А. А. Зайцовъ: «Высшая Тактика». — «Лекція 6-я, стр. 3-6. — Изд Зарубежныхъ Высшихъ военно- научныхъ Курсовъ въ Парижѣ

**) Въ 1914 г. такое сраженіе было разыграно у Гумбинена, т. е. гораздо ближе къ русской границѣ.

считалъ вполнѣ возможнымъ, ибо базированіе своей арміи онъ переносилъ на Кенигсбергъ, благодаря чему Русская Наревская армія, отрѣзывающая 8-ю германскую армію отъ р. Вислы, не выходила на ея фактическій коммуникаціонный путь. Само же углубленіе въ Вост. Пруссію Русской Наревской Арміи графъ Шлиффенъ считалъ даже выгоднымъ, такъ какъ это давало возможность нанести ей ударъ по кратчайшимъ путямъ повернутыми, послѣ пораженія Русской Нѣманской арміи, германскими силами. Такой ударъ производился бы въ правый флангъ и тылъ Русской Наревской Арміи, прикрываясь съ востока главными Мазурскими озерами.

Въ задачѣ 1901 г. гр. Шлиффенъ учитывалъ наступленіе лишь двухъ нашихъ армій: съ Нѣмана и Нарева, связанныхъ однимъ корпусомъ, наступающимъ отъ *Бѣлостока* на *Лыкъ;* это была группировка русскихъ войскъ, которую создавалъ нашъ планъ 1912 г. и которая и имѣла мѣсто въ 1914 году. На сторонѣ русскихъ гр. Шлиффенъ предполагаетъ еще большее превосходство силъ, чѣмъ въ задачѣ 1898 года, а именно не полуторное, а *двойное*. Въ этой задачѣ онъ направляетъ первый ударъ тоже противъ Русской Нѣманской арміи. Но онъ ввелъ предположеніе, что эта армія будетъ осторожно втягиваться вглубь Вост. Пруссіи. Поэтому сраженіе съ ней разыгрывалось ближе къ границѣ: на р. *Ангераппъ* и на линіи Мазурскихъ озеръ. Главный ударъ нѣмцевъ наносился черезъ озера въ лѣвый флангъ русскихъ *).

Съ уходомъ гр. Шлиффена (въ 1906 г.) и назначеніемъ Начальникомъ Германскаго Ген. Штаба ген. фонъ Мольтке (Младшаго) форма центральнаго маневра въ Вост. Пруссіи нѣсколько измѣняется. Въ задачѣ 1907 г., въ основу которой положено тоже одновременное вторженіе русскихъ на обоихъ флангахъ Мазурскихъ озеръ, первый ударъ нѣмцевъ наносится не Нѣманской русской арміи, а Наревской. Для этого сосредоточивается 4/5 силъ 8-й германской арміи, защищающей Вост. Пруссію, которыя развертываются на фронтѣ *Сольдау-Алленштейнъ.*

Этотъ случай былъ провѣренъ и на военной игрѣ.

«Не помню — въ 1911 или въ 1912 г., Штабу Варшавскаго округа», пишетъ ген. Постовскій **), бывшій въ это время ген.-квартирмейстеромъ этого округа, «удалось получить агентурнымъ путемъ отчетъ о военной игрѣ Германскаго Ген. Штаба, во время которой разыгрывалось подобное наступленіе. Одна изъ армій русской стороны наступала въ направленіи, по которому впослѣдствіи пришлось наступать арміи ген. Самсонова, а германскія силы, назначенныя для дѣйствій противъ нея, сосредотачивались въ западной части Вост. Пруссіи, въ раіонѣ Дейчъ-Эйлау, Остероде. Охвативъ лѣвый флангъ и тылъ Русской арміи, углубившейся въ Вост. Пруссію къ западу отъ Мазурскихъ озеръ, они уничтожили ее».

Не входя въ дальнѣйшую оцѣнку болѣе смѣлыхъ методовъ рѣшенія задачи по оборонѣ Вост. Пруссіи гр. Шлиффена и болѣе осторожныхъ методовъ ген. Мольтке, мы укажемъ только на то, что общимъ результатомъ работы перваго и второго явилось желѣзно-дорожное оборудованіе рубежа, образуемаго р. Алле и линіей малыхъ Мазурскихъ озеръ, протягивающихся между *Алленштейномъ-Лаутенбургъ.*

---

*) Аналогичный ударъ былъ нанесенъ нашей 1-й арміи въ началѣ сентября 1914 года въ, такъ называемомъ, первомъ сраженіи у Мазурскихъ озеръ; онъ не привелъ къ полной катастрофѣ только потому, что ген. Ренненкампфъ успѣлъ отступить.

**) «Наступленіе арміи ген. Самсонова въ Вост. Пруссіи», рукопись ген. П. И. Постовскаго, хранящаяся въ архивѣ ген. Головина.

Къ этому рубежу подходили съ запада и сѣв.-запада 12 желѣзныхъ дорогъ, изъ нихъ три двухъ-путныя.

Благодаря этому, въ двухъ переходахъ въ тылу оборонительной линіи главныхъ Мазурскихъ озеръ, создавался хорошо оборудованный фронтъ для перехода въ наступленіе противъ непріятеля, который вздумалъ бы выйти въ тылъ вышеупомянутой оборонительной линіи.

Такимъ образомъ, полоса мѣстности, лежащая между цѣпью главныхъ Мазурскихъ озеръ и р. Алле, въ полномъ смыслѣ слова превращалась въ стратегическую ловушку. Съ сѣверо-запада эта ловушка захлопывалась по вѣеру желѣзно-дорожныхъ путей, исходящему изъ Кенгсберга; съ юго-запада — по вѣеру желѣзнодорожныхъ путей, исходящему изъ Дейчъ-Эйлау.

Въ эту ловушку, какъ разъ и должны были идти наши 1-я и 2-я арміи. Чтобы понять всю ошибочность плана нашей первой операціи въ Вост. Пруссіи, необходимо вспомнить то неблагопріятное для насъ соотношеніе силъ, которое создавалось обѣщаніемъ ген. Жилинскаго начать рѣшительное наступленіе армій нашего С.-З. фронта на 15-й день мобилизаціи. Въ нашей 1-й арміи могло быть къ этому времени лишь 8 1/2 пѣх. дивизій, а въ нашей 2-й арміи — 10 1/2 пѣх. дивизій — итого 19-ть пѣх. дивизій. Какъ мы уже говорили, нашъ Г.У.Г.Ш. предполагалъ, что нѣмцы оставятъ противъ насъ силы, равныя 16-25 своихъ пѣх. дивизій, что было эквивалентно по силѣ 24-37 русскимъ пѣх. дивизіямъ. А между тѣмъ, какъ видно изъ задачъ графа Шлиффена, послѣдній разсчитывалъ, что въ случаѣ нашего вторженія въ Вост. Пруссію по двумъ, раздѣленнымъ главными Мазурскими озерами, операціоннымъ линіямъ, даже при полуторномъ и двойномъ нашемъ превосходствѣ въ силахъ, для нѣмцевъ вполнѣ возможенъ успѣхъ. Болѣе осторожный ген. Мольтке (Младшій) признавалъ возможнымъ сосредотачивать для удара по одной изъ Русскихъ армій, отважившихся наступать, раздѣлеными главными Мазурскими озерами, 4/5 германскихъ силъ, защищающихъ Вост. Пруссію. Исходя изъ предположеній нашего же Г.У.Г.Ш., эти нѣмецкія войска, собранныя противъ одной изъ нашихъ армій, могли достигнуть силы въ 12-15 герм. пѣх. дивизій, что эквивалентно 18-22 русскимъ пѣх. дивизіямъ. Отсюда слѣдуетъ, что каждой изъ нашихъ армій С.-З. фронта грозила встрѣча съ вдвое сильнѣйшимъ противникомъ. И при этихъ встрѣчахъ каждая изъ нашихъ армій оказывалась въ паутинѣ, окутывающей ее спеціально подготовленной сѣти Восточно-Прусскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать слѣдующій печальный выводъ: задуманный планомъ войны маневръ на С.-З. фронтѣ велъ не къ «пораженію германскихъ войскъ, оставленныхъ въ Вост. Пруссіи», а къ катастрофѣ въ одной или въ обѣихъ нашихъ арміяхъ этого фронта.

ПЛАНЪ ОПЕРАЦІИ ВЪ ГАЛИЦІИ

Варіантъ «А» плана войны 1912 года ставилъ общей задачей Ю.-З. фронту:

«Пораженіе австро-венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ — за Днѣстръ и на западъ — къ Краковy».

Если перевести это заданіе на теоретическій языкъ, то можно формулировать его такъ: планъ войны требовалъ отъ нашего Ю.-З. фронта розыгрыша въ Галиціи генеральнаго сраженія въ формѣ «Каннъ». Подобная форма сраженія приводитъ побѣдителя къ наиболѣе полнымъ результатамъ. Нельзя отрицать того, что, если нашъ планъ войны рѣшался въ варіантѣ «А» наносить главный

ударъ по А.-В. арміямъ, а не по германскимъ, то нашимъ союзнымъ обязательствамъ такая форма наиболѣе сокрушительнаго сраженія вполнѣ отвѣчала. Можно было съ полной увѣренностью ожидать, что Германская Ставка не допуститъ окруженія большей части вооруженной силы своего союзника и спѣшно переброситъ съ Французскаго театра многочисленныя дивизіи.

Однако, проведеніе генеральнаго сраженія въ формѣ двойного охвата, требуетъ совершенно особыхъ условій.

Во главѣ побѣдителей при Каннахъ находился геніальный полководецъ Аннибалъ. Однако и этого было недостаточно: требовалось, чтобы на другой сторонѣ была такая бездарность, какъ консулъ Теренцій Варронъ.

Могли ли мы расчитывать на столь несоизмѣримое различіе въ «качествѣ» высшаго командованія? Конечно — нѣтъ, хотя бы потому, что на сторонѣ нашихъ противниковъ въ рѣшающей стратегической роли нужно было ожидать появленія ген. Конрадъ фонъ Гетцендорфа. Послѣдній долгое время до войны являлся выдающимся Нач. Австро-Венгерскаго Ген. Штаба. Такимъ образомъ, базировать свое рѣшеніе — дать сраженіе въ формѣ «Каннъ», на невѣжественности непріятельскаго главнаго командованія, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Аннибалъ, который учелъ ничтожество консула Варрона, составители нашего плана войны не имѣли никакого основанія.

Другимъ условіемъ, благопріятствующимъ проведенію сраженія въ формѣ «Каннъ», является — большое качественное превосходство или значительно лучшія организація и вооруженіе.

Повидимому, составители нашего плана войны придавали большое значеніе качественному превосходству русскихъ войскъ надъ австро-венгерскими. «Ограничивая свои силы, собираемыя для удара противъ А.-В.», пишетъ ген. Ю. Даниловъ*), «Россія имѣла къ тому же основанія расчитывать восполнить недостаточную численность своихъ войскъ ихъ доблестью и превосходствомъ надъ противникомъ въ численности конницы и полевой артиллеріи».

Хотя и можно было ожидать, что моральный элементъ въ русскихъ войскахъ окажется выше, чѣмъ въ арміяхъ лоскутной Имперіи Габсбурговъ, но въ первомъ сраженіи должны были встрѣтиться перволинейныя войска, кадры которыхъ только что вышли изъ школы мирнаго времени: вліяніе этого обученія, которое стояло во всѣхъ Европейскихъ арміяхъ приблизительно на той же высотѣ, должно было сгладить въ первыхъ столкновеніяхъ различіе въ природныхъ моральныхъ качествахъ войскъ.

Напомнимъ, что оба геніальные полководца XIX вѣка — Наполеонъ и Мольтке, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ недооцѣнкѣ значенія моральнаго элемента въ сраженіи, въ своихъ стратегическихъ расчетахъ для перваго генеральнаго сраженія исходили изъ качественнаго равенства перволинейныхъ войскъ дерущихся сторонъ. Отсюда ихъ стремленіе обезпечить себѣ въ намѣченномъ генеральномъ сраженіи большой количественный перевѣсъ. «Les gros bataillons ont toujours raisons», — такъ формулировалъ эту мысль самъ Наполеонъ.

Было ли на сторонѣ нашихъ войскъ значительное превосходство въ организаціи или техническаго оборудованія?

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ ген. Ю. Данилова относительно значенія нашего перевѣса въ численности кавалеріи. Дѣйствительно, на Ю.-З. фронтѣ нашъ планъ войны собиралъ 18½ конныхъ дивизій противъ 11 Австро-Венгерскихъ. Но золотой вѣкъ, когда кавалерія рѣшала участь сраженій, без-

*) «Россія въ міровой войнѣ 1914-1915 г. г.», стр. 91.

возвратно прошелъ. Огневой и техническій характеръ современныхъ сраженій настолько отличается отъ той обстановки, въ которой протекали сраженія въ эпоху Фридриха II Прусскаго, что конница изъ «Царицы полей сраженія» должна была превратиться, хотя и въ необходимый и чрезвычайно полезный, но, все таки, вспомогательный родъ войскъ. Поэтому превосходство въ силахъ нашей кавалеріи надъ Австро-Венгерской не могло играть рѣшающей оперативной роли.

Сравнивая же огневыя силы русской и австро-венгерской пѣхотной дивизіи, ихъ слѣдуетъ признать приблизительно равными, съ очень небольшимъ превосходствомъ въ пользу австро-венгерской дивизіи.

	Число батальоновъ въ дивизіи	число батарей въ дивизіонной артиллеріи	число батарей въ корпусной артиллеріи.
Въ Русской Арміи	16	6 (3" пушекъ)	2 (4,8" гаубицъ)
Въ А.-В. Арміи	13 - 15	5 (3" пушекъ) 2 (4" гаубицъ)	2 (6" гаубицъ)

Только что приведенная таблица показываетъ, что, вопреки утвержденію ген. Ю. Данилова, никакого перевѣса въ полевой артиллеріи на нашей сторонѣ не было.

Въ итогѣ, въ рукахъ нашего Г. У. Г. Ш. оставалось лишь одно условіе, которое оно должно было выполнить прежде, чѣмъ требовать отъ Ю.-З. фронта розыгрыша генеральнаго сраженія въ формѣ «Каннъ». Такимъ условіемъ являлось созданіе значительнаго превосходства въ числѣ пѣхотныхъ дивизій на нашемъ Ю.-З. фронтѣ надъ Австро-Венгерскими арміями, собранными въ Галиціи.

Наростаніе количества пѣхотныхъ дивизій на нашемъ Ю.-З. фронтѣ, какъ мы уже знаемъ, должно было происходить въ слѣдующей прогрессіи:

Дни мобилизаціи	Армія № 4	Армія № 5	Армія № 3	Всего на Ю.-З. фронтѣ.
15-й	3½	6	13½	23
20-й	5½	9	18	32½
25-й	6½	11	19	36½
30-й	8½	12	20	38½
35-й	10½	13	22	45½
40-й	11½	13	22	46½

Сопоставивъ цифры послѣдней графы съ предположеніями нашего же Г. У. Г. Ш. о томъ, что въ Галиціи нашимъ арміямъ придется встрѣтиться съ А.-В. силами въ 42-47 пѣх. дивизіи, мы сразу же увидимъ, что составители нашего плана войны количественнаго перевѣса въ силахъ нашего Ю.-З. фронта надъ противникомъ не создавали.

Изъ всего изложеннаго мы въ правѣ заключить, что *поставленная Ю.-З. фронту общая задача не соотвѣтствовала средствамъ, даннымъ ему.*

Въ предыдущихъ очеркахъ мы видѣли, что основная мысль общаго заданія Ю.-З. фронту, поставленная планомъ войны 1912 года тождественна съ таковой же идеей въ запискѣ ген. М. В. Алексѣева отъ 15-го марта 1912 года. Мы не имѣемъ возможности непосредственнымъ изученіемъ архивныхъ документовъ установить — исходила ли эта мысль непосредственно отъ ген. М. В. Алексѣева или онъ получилъ ее въ видѣ предпосылки для своей оперативной разработки отъ Г. У. Г. Ш. Сравнивая самый текстъ заданія Ю.-З. фронту въ редакціи ген. М. В. Алексѣева и въ редакціи плана войны, нельзя не замѣтить стремленія ген. М. В. Алексѣева смягчить основную мысль заданія. Слова — «принимая при этомъ *возможныя мѣры* къ тому, что бы *не дать способовъ...*» — свидѣтельствуютъ о неувѣренности автора въ исполнимости даваемаго заданія.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ ОБЩАГО ЗАДАНІЯ Ю.-З. ФРОНТУ	
Записка ген. М. В. Алексѣева отъ 15 марта 1912 года	Планъ войны 1912 года
Нанести пораженіе Австрійскимъ Арміямъ въ предѣлахъ Галиціи, принимая при этомъ возможныя мѣры къ тому, чтобы не дать способовъ значительнымъ силамъ противника отойти на югъ — за сборонительную линію Днѣстра и на западъ — къ Кракову.	Пораженіе Австро-Венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ — за Днѣстръ и на западъ — къ Кракову.

Разсмотрѣніе времени наростанія силы нашего Ю.-З. фронта приводитъ насъ еще къ одному принципіальному выводу: *начало общаго рѣшительнаго наступленія Ю.-З. фронта ни въ коемъ случаѣ не могло начинаться ранѣе 30-го дня* (болѣе точно 32 дня) мобилизаціи, такъ какъ только къ этому времени силы Ю.-З. фронта сравнивались съ минимумомъ, ожидаемыхъ непріятельскихъ силъ. Этотъ выводъ имѣлъ особо важное значеніе потому, что преждевременное выступленіе нашего С.-З. фронта, обѣщанное французамъ ген. Жилинскимъ на 15-й день, должно было толкать Верховное Главнокомандованіе къ возможно болѣе раннему выступленію и Ю.-З. фронта.

Въ дѣйствительности, въ августѣ 1914 г. такъ и случилось. На 24-й день мобилизаціи всѣ арміи Ю.-З. фронта уже находились въ рѣшительномъ наступленіи. Какъ видно изъ приведенной выше таблицы, на 25-й день мобилизаціи общая сила Ю.-З. фронта достигала всего 36½ пѣх. дивизій. Несоотвѣтствіе силъ съ поставленной задачей настолько велико, что не нуждается въ какомъ либо дальнѣйшемъ поясненіи.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ само стратегическое развертываніе силъ Ю.-З. фронта, принятое нашимъ планомъ войны, отвѣчало идеѣ розыгрыша въ Галиціи «Каннъ».

На приводимой картограммѣ указаны три группировки силъ, образующіяся на Ю.-З. фронтѣ:

1) на 40-й день — т. е. по окончаніи сосредоточенія всѣхъ силъ;

2) на 30-й день — т. е. къ моменту, когда общая сила Ю.-З. фронта подравнивалась къ минимуму ожидаемыхъ непріятельскихъ силъ;

3) на 25-й день — т. е. черезъ десять дней, послѣ выступленія С.-З. фронта; къ этому сроку, какъ мы уже говорили, Ю-З. фронтъ былъ уже двинутъ въ общее рѣшительное наступленіе.

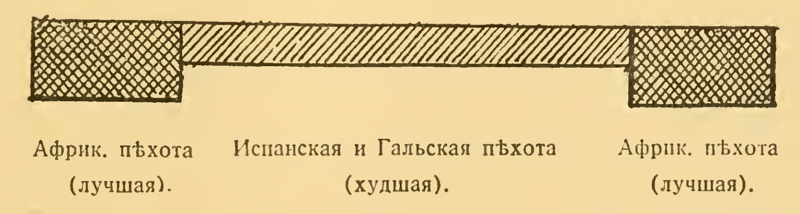
Примѣчаніе: Цифры показываютъ число пѣх. дивизій, собравшееся въ каждой изъ группъ.

Вспомнимъ для сравненія форму исходнаго построенія, которую принялъ Аннибалъ передъ сраженіемъ у Каннъ.

Въ центрѣ онъ поставилъ свою худшую — Гальскую и Испанскую — пѣхоту (13-15 фалангъ); на флангахъ же поставлена была главная сила его арміи — отличная африканская пѣхота. На каждомъ флангѣ встали 8 фалангъ, принявшія глубокій боевой порядокъ въ 16 шеренгъ.

Идею Аннибаловскаго построенія графически можно выразить слѣдующимъ чертежомъ:

Построеніе Аннибала передъ сраженіемъ у Каннъ.

Африк. пѣхота (лучшая). Испанская и Гальская пѣхота (худшая). Африк. пѣхота (лучшая).

Сопоставляя оба чертежа нельзя не увидѣть сразу же большое между ними различіе.

У Аннибала, задуманная имъ идея сраженія находитъ отчетливое выраженіе въ самомъ предварительномъ развертываніи: слабый центръ и сильные фланги, которые и должны были, какъ клещи, зажать фланги римлянъ.

У насъ задуманная идея не только не выражена, но стратегическое развертываніе противорѣчитъ этой идеѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сильнымъ сдѣланъ центръ и слабыми фланги. Подобная форма построенія отвѣчаетъ совершенно другой оперативной идеѣ, чѣмъ охватъ обоихъ фланговъ; принятое развертываніе отвѣчаетъ идеѣ прорыва центра. И это внутреннее стратегическое противорѣчіе должно было проявиться тѣмъ рѣзче, чѣмъ раньше начнутся рѣшительныя боевыя дѣйствія на нашемъ Ю.-З. фронтѣ. Дабы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только опять бросить взглядъ на построеніе, образующееся на 25-й день мобилизаціи. Это заставляетъ насъ прійти къ выводу, что основной замыселъ нашей первой операціи въ Галиціи грѣшилъ не только несоотвѣтствіемъ поставленной цѣли съ имѣющимися средствами, но также и кореннымъ *противорѣчіемъ между руководящей идеей операціи и создаваемымъ исходнымъ положеніемъ*.

Разбирая выше вопросъ о прямомъ и непрямомъ стратегическомъ воздѣйствіи на Германію[1]) въ первоначальную операцію, мы указали[2]) на то, что даже при бѣгломъ взглядѣ на карту нельзя не увидѣть одну существенную стратегическую особенность, присущую Галиціи, какъ театру военныхъ дѣйствій. Представляя собой единственный плацдармъ, на которомъ могли быть развернуты А.-В. арміи для дѣйствій противъ Россіи, Галиція была отрѣзана отъ прочей территоріи Габсбургской Имперіи Карпатами. Вслѣдствіе этого коммуникаціонные пути А.-В. армій, сосредоточивавшихся въ Галиціи, отходили, по преимуществу, отъ лѣваго фланга ихъ расположенія. Это особенно ясно видно при изученіи Галиційской желѣзнодорожной сѣти. Всѣ приводимыя ниже данныя взяты нами изъ труда ген. Конрада фонъ Гетцендорфа[3]).

Къ востоку отъ р. Сана, на протяженіи 325 километровъ, Карпатскій хребетъ пересѣкается всего тремя желѣзнодорожными линіями, связывающими Вост. Галицію съ Венгріей. Это были однопутныя желѣзно-дорожныя линіи, примыкающія къ Галиційской желѣзно-дорожной сѣти: 1) у г. Делятына, 2) у г. Стрыя и 3) у г. Самбора. Провозоспособность каждой изъ этихъ линій достигала лишь 15 паръ воинскихъ поѣздовъ въ сутки, что давало общую военную провозоспособность въ 45 паръ.

Къ западу отъ р. Сана, Галиція связывалась съ Имперіей четырьмя желѣзно-дорожными линіями. Наиболѣе восточной изъ нихъ являлась двухъ-путная магистраль (въ 30 паръ воинскихъ поѣздовъ), идущая изъ Буда-Пешта черезъ Санокъ къ Перемышлю. Далѣе, къ западу, Карпаты пересѣкались двумя однопутными желѣзн. дорогами,которыя у Новаго Сандеца образовывали двухъ-путный участокъ, послѣ чего опять расходились, выходя въ Зап. Галицію одна у Ряшева, другая у Тарнова. Каждая изъ этихъ однопутныхъ желѣзн. дорогъ пропускала 15 паръ воинскихъ поѣздовъ въ сутки. Наконецъ, отъ Вѣны на Краковъ шла мощная двухъ-путная магистраль (желѣзная дорога Карла-Людвига) съ военною провозоспособностью въ 48 паръ. Эта основная магистраль отъ Кракова поворачивала на востокъ и шла черезъ Тарновъ и Ряшевъ на Перемышль и здѣсь.

---

1) «Вопросъ о прямомъ и непрямомъ стратегическомъ воздѣйствіи на Германію въ первоначальную операцію». См. стр. 36-42.

2) См. стр. 40.

3) «Aus meiner Dienstzeit 1906-1918», т. IУ, схема № 13.

смыкаясь съ упомянутой выше двухъ-путной магистралью, связывавшей Перемышль съ Буда-Пештомъ, она образовывала какъ бы желѣзно-дорожную петлю, опоясывавшую Западную Галицію, привязывавшую ее къ двумъ столицамъ двуединой Имперіи Габсбурговъ. Отъ Перемышля желѣзная дорога Карла-Людвига продолжалась на востокъ до Львова и далѣе на Броды.

Если мы подсчитаемъ общую военную провозоспособность желѣзныхъ дорогъ, связывавшихъ Зап. Галицію съ Имперіей, то увидимъ, что она измѣрялась 108 парами поѣздовъ въ сутки, что почти въ 2 1/2 раза превосходило то количество воинскихъ поѣздовъ, которое могло прійти или уйти через Карпаты изъ Вост. Галиціи. Однако и связь самой Зап. Галиціи съ Имперіей базировалась, главнымъ образомъ, на наиболѣе западныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а именно на тѣхъ, которыя проходили черезъ Краковъ и Новый-Сандецъ. Здѣсь проходили 78 паръ изъ общаго числа 108 паръ.

Въ такихъ условіяхъ Русскія арміи, перешедшія Нижній Санъ и продвинувшія затѣмъ свои части на г. Ряшевъ и далѣе на г. Санокъ, ставили главныя А.-В. силы въ Вост. Галиціи въ критическое положеніе.

Отдавая себѣ отчетъ въ этой опасности, А.-В. Ген. Штабъ стремился парировать ее укрѣпленіемъ рубежа, образуемаго р. Саномъ и р. Вислой. На обоихъ флангахъ этого составного воднаго рубежа были поставлены двѣ первоклассныхъ крѣпости: Перемышль на правомъ флангѣ и Краковъ на лѣвомъ*).

На самомъ же Санѣ были построены: долговременное двойное предмостное укрѣпленіе у Ярослава, находившееся во взаимной связи съ укрѣпленіями у Радымно и Сенявы. Кромѣ того, укрѣпленія временнаго характера были возведены у Лежайска, Кржешова, Ниско и Развадува. Вдоль южнаго берега р. Сана была проведена желѣзная дорога, представлявшая собою петлю, примыкавшую къ магистрали Карла-Людвига у Дембицы и Пржеворска.

Однако, несмотря на эту военно-инженерную подготовку, нижнее р. Сана продолжало оставаться слабымъ мѣстомъ обороны Галиціи. Образуя вмѣстѣ съ р. Вислой вдающійся въ русскую территорію уголъ, оно могло оказаться объектомъ концентрическаго наступленія русскихъ. Здѣсь въ игру входили неизмѣняемыя военно-географическія условія, которыя и были въ свое время учтены графомъ Милютинымъ.

Общее заданіе, поставленное планомъ войны, требовало производства охвата обоихъ фланговъ А.-В. армій, сосредотачивавшихся въ Галиціи; при этомъ «воспрепятствованіе отходу значительныхъ силъ на югъ — за Днѣстръ» поставлено въ порядкѣ изложенія прежде, чѣмъ воспрепятствованіе такому же отходу «на западъ — къ Кракову». Въ виду того, что въ даваемомъ стратегическомъ заданіи даже мельчайшія детали редакціи должны быть тщательно взвѣшены, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что охвату нами Австро-Венгровъ съ юга нашъ планъ войны придавалъ большее значеніе.

Разсмотримъ поэтому тѣ военно-географическія условія, въ которыхъ долженъ былъ производиться этотъ охватъ.

Текущая отъ г. Самбора на ю.-в., почти параллельно Карпатамъ, р. Днѣстръ, обезпечивала своимъ теченіемъ длинный плацдармъ впереди подножія Карпатъ,

---

*) Подробности о Краковѣ и Перемышлѣ, а также и детальное разсмотрѣніе нашего Ю.-З. театра войны можно прочесть въ нашемъ трудѣ: «Изъ исторіи Кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ; Галиційская битва». Т. I, приложеніе № 1, стр. 521-532. — Изд. «Родникъ» Парижъ, 1930 годъ.

на которомъ могли собираться австро-венгерскія войска, перевалившія черезъ Карпатскій хребетъ. При удержаніи въ своихъ рукахъ переправъ черезъ Днѣстръ, эти войска могли наносить фланговые удары русскимъ силамъ, наступающимъ отъ пограничной р. Збручъ въ западномъ направленіи. Оцѣнивая это стратегическое значеніе р. Днѣстра, А.-В. Ген. Штабъ создалъ предмостныя временныя укрѣпленія на переправахъ у Миколаева, Журавно, Галича и Нижніюва.

Значеніе этихъ тетъ-де-поновъ увеличивалось тѣмъ, что впадающіе въ Днѣстръ его сѣверные притоки образовывали цѣлый рядъ удобныхъ для обороны рубежей*).

Въ такихъ военно-географическихъ условіяхъ, охватъ нами праваго фланга А.-В. армій, сосредоточивавшихся въ Галиціи, долженъ былъ бы производиться южнѣе Днѣстра. Это же чрезвычайно удлиняло бы нашъ фронтъ, что требовало или большихъ силъ, или же отказа отъ нашего наступленія къ Нижнему Сану.

Вмѣстѣ съ этимъ охватъ нами праваго фланга А.-В. армій долженъ былъ быть очень глубокимъ. Въ самомъ дѣлѣ, стратегическая эффективность его достигалась лишь въ томъ случаѣ, если наши охватывающія войска проникали до г. Самбора, т. е. перехватывали желѣзно-дорожные пути, связывающіе Вост. Галицію съ Венгріей.

Въ этомъ случаѣ, глубина проникновенія достигла бы 250 километровъ, въ то время, какъ нужная глубина нашего проникновенія отъ Нижняго Сана до г. Санокъ была вдвое меньше. При этомъ нужно имѣть въ виду, что нашъ выходъ къ Самбору отнималъ отъ А.-В. армій коммуникаціонные пути съ мощностью въ 45 паръ воинскихъ поѣздовъ, а нашъ выходъ къ г. Саноку — въ 108 паръ. Для того, чтобы достичь такихъ же стратегическихъ результатовъ, какъ при нашемъ охватѣ съ юга, въ раіонъ Нижняго Сана было достаточно проникнуть всего на 75 километровъ, т. к. одинъ только захватъ нами желѣзно-дорожной магистрали Карла-Людвига лишалъ А.-В. арміи потока въ 48 паръ воинскихъ поѣздовъ.

Отсюда мы видимъ, насколько стратегически неравноцѣнны были наши охваты лѣваго и праваго фланга австро-венгерскаго развертыванія въ Галиціи. Можно даже утверждать, что охватъ праваго фланга Австро-Венгровъ не могъ привести къ рѣшительнымъ стратегическимъ результатамъ, такъ какъ вмѣстѣ со своей меньшей стратегической эффективностью, онъ требовалъ большей продолжительности времени для своего выполненія. Вотъ почему мы и считаемъ, что нашъ планъ войны, ставя этотъ охватъ на первое мѣсто передъ охватомъ лѣваго австро-венгерскаго фланга, противорѣчилъ нашимъ союзнымъ обязательствамъ. Какъ мы уже повторяли нѣсколько разъ: мы имѣли право въ первую операцію направить главный ударъ противъ Австро-Венгріи, а не противъ Германіи только въ томъ случаѣ, если наша стратегія подготовила въ Галиціи сраженіе такъ, что оно угрожало сокрушеніемъ А.-В. арміи.

Оцѣнимъ стратегическое развертываніе, принятое нашимъ планомъ войны, съ точки зрѣнія распредѣленія силъ Ю.-З. фронта, для вторженія въ Галицію съ сѣвера (арміи № 4 и № 5) и для вторженія съ востока (армія № 3).

---

*) Р. р. Серетъ, Стрыпа, Коропецъ, Золотая Липа, Гнилая Липа, Потокъ Бялой, Зубрже, Верещица.

	Число сосредоточенныхъ пѣх. дивизій по днямъ мобилизаціи.					
	15-й	20-й	25-й	30-й	35-й	40-й
Для вторженія въ Галицію съ сѣвера (4-я и 5-я арміи)	9½	14½	17½	20½		24½
Для вторженія въ Галицію съ востока (3-я армія)	13½	18	19	20	22	22

До 30-го дня превосходство въ силахъ на сторонѣ 3-й арміи; на 30-й день соединенныя силы 4-й и 5-й арміи сравниваются съ 3-й арміей; только начиная съ 35-го дня превосходство въ силахъ переходитъ на сторону первыхъ, достигая къ 40-му дню лишь 10%. Но и этотъ незначительный перевѣсъ въ силахъ части Ю.-З. фронта, вторгавшейся въ Галицію съ сѣвера, надъ частью его, вторгавшейся съ востока, только кажущійся. Въ числѣ дивизій, считаемыхъ въ составѣ 4-й и 5-й армій, находятся также и дивизіи, предназначенныя нашимъ планомъ войны въ гарнизонъ кр. Бр.-Литовскъ (55-я и 75-я), а также въ подлежавшую возстановленію кр. Ивангородъ (83-я пѣх. див.)

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, нужно считать, что нашъ планъ войны раздѣлялъ силы Ю.-З. фронта для вторженія съ сѣвера и съ востока поровну.

Можетъ показаться, что подобное равномѣрное распредѣленіе и является слѣдствіемъ идеи охвата обоихъ фланговъ (Каннъ). Однако, наше развертываніе, какъ нами было указано выше*), совершенно не отвѣчало этой идеѣ, а соотвѣтствовало идеѣ центральнаго прорыва. Подобная форма нашего наступленія не имѣла никакого стратегическаго смысла. Но если мы подойдемъ съ другой точки зрѣнія, не съ точки зрѣнія нашего наступленія, а нашей обороны, то развертываніе, принятое планомъ войны 1912 г., обрѣтаетъ вполнѣ опредѣленный стратегическій смыслъ. Вспомнимъ, что наше Г. У. Г. Ш. имѣло всѣ основанія предполагать, что Австро-Венгры предупредятъ насъ въ наступленіи. Заканчивавшіе свое сосредоточеніе въ Галиціи на 15-й день мобилизаціи, они могли, согласно расчетамъ ген. М. В. Алексѣева (см. его записку отъ 15-го марта 1912 г.**), подойти къ линіи нашего стратегическаго развертыванія между 21-мъ и 25-мъ днями мобилизаціи.

Четыре операціонныхъ направленія представлялось Австро-Венграмъ для ихъ вторженія въ предѣлы Россіи къ востоку отъ р. Вислы:

1) операціонное направленіе на Сѣдлецъ, выводящее въ тылъ русскимъ войскамъ, сосредоточеннымъ на Вислѣ;

2) операціонное направленіе на Бр.-Литовскъ, выводящее въ тылъ всего Передового Театра;

3) операціонное направленіе на Ровно. Стратегическое значеніе Дубно-Ровненскаго раіона заключалось въ томъ, что вслѣдствіе сближенья Полѣсья съ

*) См. стр. 97-98.

**) См. стр. 58-61.

Имперской границей, онъ представлялъ собою какъ бы перешеекъ, по которому проходили лучшіе пути сообщенія между Варшавскимъ и Кіевскимъ военными округами. Занявъ этотъ перешеекъ, Австро-Венгры отрѣзывали наши войска, собиравшіеся на Передовомъ Театрѣ, отъ войскъ, сосредоточенныхъ у восточной границы Галиціи.

4) Наконецъ, четвертое оперативное направленіе вело черезъ Проскуровъ на Кіевъ.

На каждомъ изъ перечисленныхъ операціонныхъ направленій нашъ планъ войны и развертывалъ армію:

1) Сѣдлецкое направленіе преграждалось арміей № 4 у Люблина;

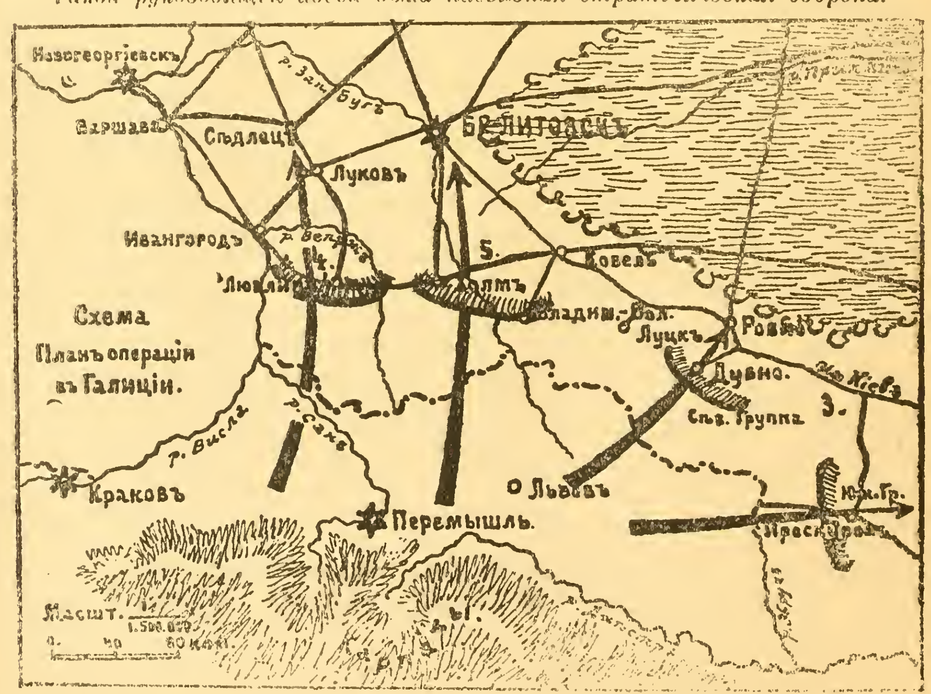
2) Бр.-Литовское направленіе преграждалось развертывающейся на фронтѣ Холмъ-Ковель (или Владиміръ-Волынскъ) арміей № 5;

3) Ровненское направленіе преграждалось собиравшейся въ Дубно-Ровненскомъ раіонѣ правофланговой группой арміи № 3 (впослѣдствіи эта группа была переименована въ армію № 3);

4) Проскуровское направленіе преграждалось собиравшейся у Проскурова лѣвофланговой группой № 3 (эта группа впослѣдствіи была переименована въ армію № 8).

Уже изъ этого одного стремленія преградить каждое операціонное направленіе арміей, видна тенденція къ кордону. Кордонъ же всегда былъ выразителемъ пассивной стратегической защиты. Поэтому и въ разсматриваемомъ нами случаѣ напрашивается предположеніе, что поставленная для выполненія войскамъ Ю.-З. фронта задача была не та, которой руководствовались составители плана войны для производства ими стратегическаго развертыванія.

Такой руководящей идеей была пассивная стратегическая оборона.

Углубленіе нашего анализа только подтверждаетъ высказанныя нами предположенія. Въ самомъ дѣлѣ: армія № 4, съ точки зрѣнія нашихъ активныхъ

дѣйствій, являлась *стратегически важнѣйшей,* а потому она и должна была быть сдѣлана *наиболѣе сильной.* Однако, если смотрѣть на нашъ Передовой Театръ, выгодный для нашихъ послѣдующихъ активныхъ дѣйствій, только какъ на «Польскій мѣшокъ» и бояться выдвиженія нашего сосредоточенія къ Вислѣ, то 4-я армія должна была быть сдѣлана наиболѣе слабой. Мы знаемъ, что Сухомлиновъ и его сотрудники раздѣляли это опасеніе, а потому 4-я армія и была сдѣлана слабой.

Столь же слабой была сдѣлана и будущая армія № 8, собиравшаяся у Проскурова. Не нужно быть вдумчивымъ стратегомъ, чтобы увидѣть, что углубленіе австро-венгерскихъ силъ на Проскуровскомъ направленіи для похода на Кіевъ, при условіи нахожденія на фронтѣ Ивангородъ-Ковель не разбитыхъ Русскихъ армій, являлось чрезвычайно опасной стратегической авантюрой. Съ точки зрѣнія активной стратегіи, мы могли только желать того, чтобы Австро-Венгры рискнули на эту авантюру. И чѣмъ далѣе они углублялись бы въ операціонномъ направленіи на Кіевъ, тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе былъ бы тотъ разгромъ, который нанесли бы имъ Русскія Арміи, перешедшія въ рѣшительное наступленіе въ общемъ направленіи на Львовъ, по окончаніи своего сосредоточенія на фронтѣ Ивангородъ-Люблинъ-Ковель. Отсюда слѣдуетъ, что съ точки зрѣнія активной стратегіи, у Проскурова не зачѣмъ было имѣть даже слабой арміи. Сильная конница (4-5 кав. див.), поддержанная однимъ арм. корпусомъ, были для этого совершенно достаточны, такъ какъ задача этой группы заключалась бы не въ задержкѣ наступленія Австро-Венгерскихъ армій, а лишь въ образованіи упругой завѣсы, не позволявшей продвигаться впередъ небольшимъ частямъ этихъ армій.

Съ точки зрѣнія пассивной стратегіи, стремящейся прочно прикрыть всѣ болѣе или менѣе важныя стратегическія направленія, развертываніе у Проскурова арміи понятно.

Теперь разсмотримъ вопросъ о развертываніи нашихъ силъ на центральныхъ операціонныхъ направленіяхъ, т. е. на Бр.-Литовскомъ и на Дубно-Ровненскомъ.

Здѣсь мы соприкасаемся съ однимъ основнымъ положеніемъ стратегической науки, выраженномъ въ извѣстномъ всѣмъ афоризмѣ: «обходящій самъ обойденъ». Дѣйствительно, въ томъ случаѣ, если «обойденный» имѣетъ моральныя и матеріальныя силы, дабы атаковать обходящаго противника, послѣдній изъ «обходящаго» легко можетъ превратиться въ «обойденнаго».

Вспомнивъ это, допустимъ, что австро-венгерскія главныя силы перешли въ рѣшительное наступленіе въ направленіи на Дубно-Ровно или на Бр.-Литовскъ. Подобнымъ наступленіемъ онѣ обходили лѣвый флангъ Русскихъ армій, разворачивающихся фронтомъ на югъ на Передовомъ Театрѣ.

Но допустимъ также, что наше стратегическое развертываніе было произведено такъ, какъ это предполагалъ Австро-Венгерскій Нач. Ген. Шт. ген. Конрадъ фонъ Гетцендорфъ*). Въ этомъ случаѣ между р. Вислой и р. Бугомъ, фронтомъ на югъ, сосредотачивалось 10 нашихъ корпусовъ. Это составляло бы 2/3 всѣхъ силъ, предназначенныхъ планомъ войны на Ю.-З. фронтъ, т. е. около 30 пѣх. дивизій. Переходъ этихъ силъ въ рѣшительное наступленіе по операціонной линіи Люблинъ-Львовъ грозилъ Австро-Венграмъ, углубившимся на Бр.-Литовскомъ или на Ровненскомъ направленіяхъ, перерывомъ ихъ сообщеній съ тыломъ. Въ то-же время Русскіе корпуса, собиравшіеся между р. Вис-

---

*) Feldmarschal Conrad: «Aus meiner Dienstzeit 1906-1918». т. IV, прил. 14

лой и р. Бугомъ, могли, въ ожиданіи окончанія своего сосредоточенія, осаживать свой лѣвый флангъ до кр. Бр.-Литовскъ, перенеся свое базированіе на желѣзныя дороги, отходящія отъ Ивангорода, Лукова и Бр.-Литовска.

Такимъ образомъ, степень стратегической опасности положенія нашихъ войскъ, собиравшихся у Вислы, исключительно зависѣло отъ нашего рѣшенія основного стратегическаго вопроса: «чего я хочу?»

Если этотъ вопросъ рѣшался въ духѣ Милютинской стратегіи, дѣйствительной опасности не было, ибо Австро-Венгры, углубляясь въ направленіи на Бр.-Литовскъ или на Ровно, *играли намъ въ руку*.

Но при другомъ образѣ мыслей, когда въ основѣ рѣшенія, сознательно или безсознательно, лежала пассивная стратегія, опасность была.

Если между Вислой и Бугомъ собиралась, какъ это было согласно нашему плану войны, лишь слабая армія № 4, подобный маневръ являлся ей не по плечу. Тогда оставалось лишь сдѣлать возможно болѣе сильнымъ центръ нашего Ю.-З. фронта, преграждавшій Бр.-Литовское и Дубно-Ровненское операціонныя направленія. Это и было сдѣлано нашимъ планомъ войны 1912 г.

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что стратегическое развертываніе нашего Ю.-З. фронта не было функціей указанной планомъ войны активной операціи. Идея послѣдней была лишь «приложена» впослѣдствіи какъ максимальный запросъ, обращенный къ исполнителямъ плана войны.

Это было совершенно «въ духѣ» плана войны 1910 г., стратегическія заданія котораго, по вѣрному замѣчанію ген. Заіончковскаго[1]), носили сугубо оборонительный характеръ, хотя въ нихъ весьма часто спрягались слова — «активныя дѣйствія». Психологически, совершенно естественно, что авторы этого плана, когда въ ихъ рукахъ оказалась коллективная работа нашего ген. штаба, продѣланная въ 1912 г., обработали ее въ прежнемъ духѣ. А каковъ былъ этотъ духъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ ген. Заіончковскаго, внимательнаго изслѣдователя оперативной работы Сухомлиновскаго Генеральнаго Штаба.

«Хотя Милютинъ», пишетъ онъ[2]), «также, какъ впослѣдствіи Даниловъ, начиналъ войну съ обороны, но во всемъ характерѣ его развертыванія проглядываетъ основная цѣль активныхъ дѣйствій, идея которыхъ выпукло и ярко выливается съ самаго начала. Онъ думаетъ за противника только въ предѣлахъ того, какъ противникъ можетъ ему помѣшать провести въ жизнь свою идею, и считается съ нимъ только въ предѣлахъ, строго необходимыхъ для обезпеченія безопасности своего плана...... У Данилова, центръ тяжести его стратегической мысли переносится исключительно на чрезмѣрную осторожность...... Лейтмотивомъ Данилова, которому онъ все подчиняетъ, является желаніе сосредоточить на западной границѣ всѣ предназначенныя туда силы въ полной безопасности, предвидѣть возможные и невозможные со стороны противника ходы и способы пртиводѣйствія имъ. У него всѣ помыслы уходятъ именно на это, и, такимъ образомъ онъ еще въ мирное время всецѣло подчинилъ свою волю волѣ врага».

Для выполненія задуманной въ Галиціи операціи, планъ войны 1912 года направлялъ:

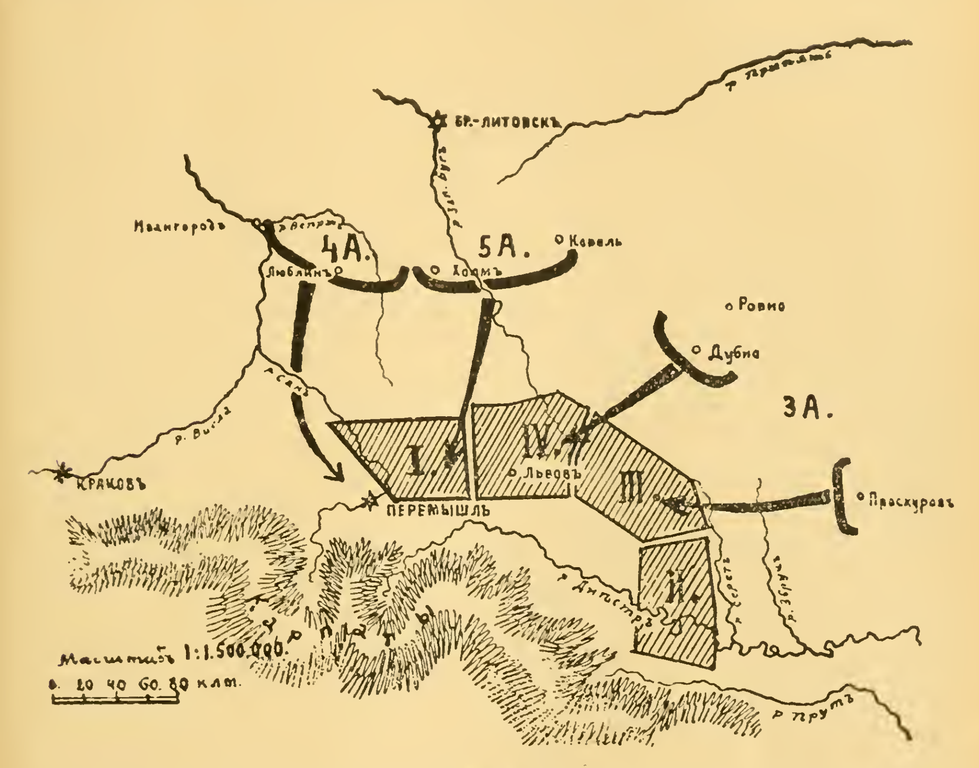
---

1) Стр. 222-227.

2) Стр. 225.

армію № 4 — на Перемышль,
армію № 5 — на фронтъ Перемышль-Львовъ,
обѣ группы арміи № 3 — на Львовъ.

Операціонныя направленія, указанныя арміямъ Ю.-З. фронта планомъ войны 1912 г. и предполагаемое сосредоточеніе А.-В. армій.

Подобное рѣшеніе, какъ мы знаемъ изъ предыдущихъ очерковъ, базировалось на томъ, что, согласно полученныхъ нашей секретной агентурой достовѣрныхъ свѣдѣній, всѣ четыре А.-В. арміи соредоточивались въ Вост. Галиціи (къ востоку отъ р. Сана).

Здѣсь мы подходимъ къ коренному методологическому вопросу. Настойчивая проповѣдь молодыхъ профессоровъ нашей Военной Академіи о необходимости всегда прежде всего рѣшать вопросъ — «чего хочешь» и только потомъ, въ видѣ поправки къ своему рѣшенію, вводить предположеніе о «волѣ» противника, встрѣтила на верхахъ нашего Генеральнаго Штаба сопротивленіе. Согласно свидѣтельству ген. Заіончковскаго*), «по установившемуся въ Глав.Упр.Ген.Шт. методу работы, за отправную точку нашего развертыванія принималось рѣшеніе за противника или, вѣрнѣе, обдумываніе — что онъ можетъ сдѣлать».

По существу говоря, призывъ молодыхъ профессоровъ являлся призывомъ къ возвращенію Милютинской стратегіи.

*) Стр. 183.

Въ основѣ возраженій, которыя противопоставлялись примѣненію этого метода, лежалъ страхъ впасть въ предвзятость.

Какъ мы говорили въ очеркѣ, посвященномъ разсмотрѣнію записки ген. М. В. Алексѣева отъ 15-го марта 1912 г., даже этотъ мудрый стратегъ, при своей разработкѣ нашей первой операціи въ Галиціи, примѣнилъ неправильный методъ: въ основу своего рѣшенія онъ положилъ рѣшеніе противника сосредоточить всѣ свои арміи въ Вост. Галиціи. Въ этомъ можно убѣдиться изъ простого взгляда на прилагаемую схему потому, что операціонныя линіи армій Ю.-З. фронта планъ 1912 г. всецѣло заимствовалъ изъ вышеупомянутой записки ген. М. В. Алексѣева.

Изъ опубликованныхъ нынѣ воспоминаній Нач. А.-В. Ген. Шт., ген. Конрада фонъ Гетцендорфа, можно убѣдиться, что свѣдѣнія, добытыя развѣдывательнымъ отдѣленіемъ нашего Г. У. Г. Ш. въ 1909-1912 г. г. были совершенно вѣрны. Казалось бы, что поэтому методъ, принятый ген. М. В. Алексѣевымъ и нашимъ планомъ войны, долженъ былъ бы привести къ положительнымъ результатамъ.

Но на дѣлѣ оказалось не такъ. Измѣненія, происшедшія въ политическомъ положеніи Европы послѣ 1912 г., въ особенности выяснившаяся невозможность расчитывать на выступленіе Румыніи въ рядахъ Тройственнаго Союза, заставили ген. Конрада произвести коренное измѣненіе въ сосредоточеніи своихъ армій въ Галиціи.

Онъ отодвигаетъ это сосредоточеніе въ Зап. Галицію (къ западу отъ р. Сана) и за р. Днѣстръ. Это вызвало перемѣщеніе 1-й и 4-й А.-В. армій, представлявшихъ собою арміи главнаго удара, далеко на западъ: теперь онѣ развертывались за р. Саномъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ р. Вислѣ, а правымъ — къ Перемышлю. 3-я А.-В. армія осаживалась изъ раіона Золочева въ раіонъ Хырова и Самбора, а 2-я А.-В. армія — за р. Днѣстръ. Уступомъ за лѣвымъ флангомъ всего этого расположенія, у Кракова, собиралась армейская группа ген. Куммера*).

При новой стратегической группировкѣ А.-В. армій въ Галиціи, задуманный нами маневръ оказывался ударомъ по воздуху. Въ этомъ легко убѣдиться изъ простого взгляда на приведенную схему.

Было и нѣчто худшее. Наша слабая 4-я армія, наступавшая на правомъ флангѣ, подвергалась фланговому удару двухъ наиболѣе сильныхъ А.-В. армій. Измѣнить же намѣченный планъ маневра Ю.-З. фронта составители нашего плана войны, предпославшіе своему рѣшенію точно извѣстную имъ группировку противника, не имѣли основаній. Ген. Конрадъ, опасаясь, чтобы данныя о новомъ стратегическомъ развертываніи не попали бы въ руки русской развѣдки, до послѣдней минуты не оформливалъ задуманнаго имъ измѣненія.

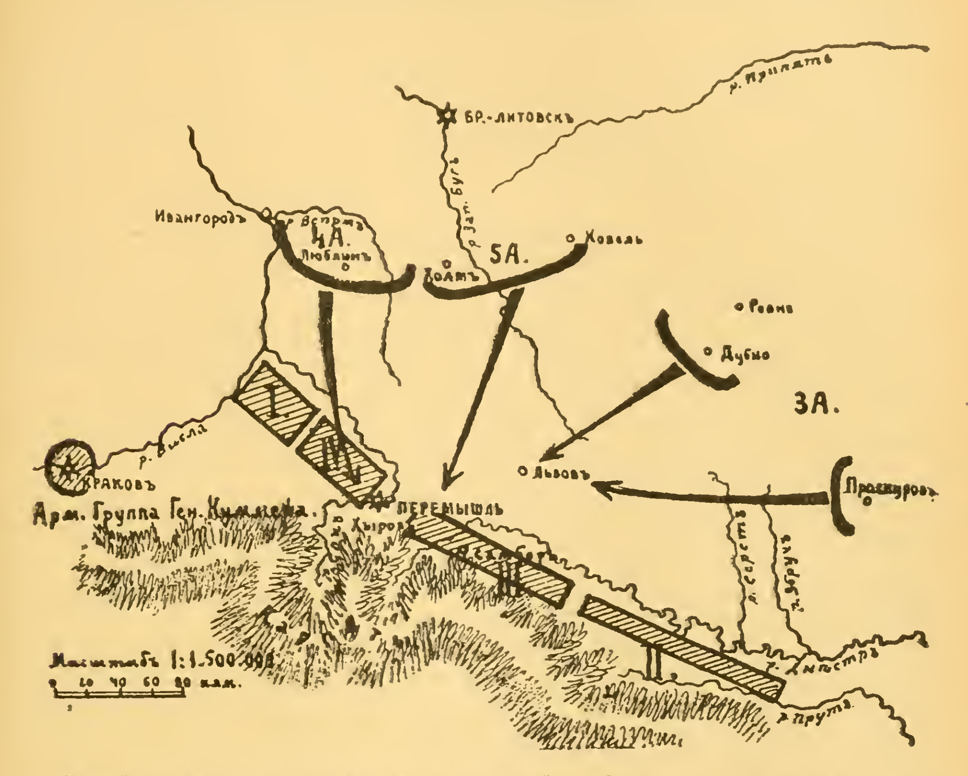
Лишь послѣ убійства Эрцгерцога Фердинанда, ген. Конрадъ, ярый сторонникъ немедленной войны, приступилъ къ переработкѣ прежнихъ плановъ перевозокъ по сосредоточенію. Потребовались измѣненія 84-хъ такихъ плановъ. Эта громадная работа была выполнена въ крайне спѣшномъ порядкѣ и была закончена какъ разъ передъ объявленіемъ въ Австро-Венгріи общей мобилизаціи.

Такъ произошло то, что, несмотря на хорошую работу развѣдывательнаго отдѣла нашего Г. У. Г. Ш., А.-В. арміи развернулись совсѣмъ не тамъ, гдѣ это ожидалось.

---

*) 2,5 пѣх. и 1 кав. див.

Операціонныя направленія, указанныя арміямъ Ю.-З. фронта планомъ войны 1912 г. и дѣйствительное сосредоточеніе А.-В. армій въ августѣ 1914 г.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ противникомъ, у котораго работа генеральнаго штаба поставлена довольно высоко, планъ войны долженъ учитывать подобную возможность. Даже наилучше поставленная тайная развѣдка требуетъ продолжительнаго срока для сбора свѣдѣній, а потому всегда будетъ запаздывать тогда, когда подготовительные оперативные расчеты противоположной стороны обладаютъ гибкостью и осуществляются быстро. Такимъ образомъ всякій разъ, когда въ основу своего рѣшенія мы будемъ класть одно, хотя бы и весьма вѣроятное, рѣшеніе противника, нашъ планъ операціи будетъ имѣть много шансовъ оказаться *предвзятымъ*, т. е. произойдетъ то, чего какъ разъ и боялись противники указываемаго нами метода.

Ошибка этихъ противниковъ заключалась въ томъ, что они смѣшивали два разнородныхъ въ стратегіи понятія: *предвзятость* и *предрѣшеніе*. Первая есть, конечно, ошибка; безъ второго же наше рѣшеніе будетъ безыдейнымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДАЛЬНѢЙШАЯ РАЗРАБОТКА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ОПЕРАЦІЙ ПО ПЛАНУ 1-ГО МАЯ 1912 ГОДА.

РАБОТА ГЕН. КЛЮЕВА.

Послѣ утвержденія 1-го мая 1912 г. Государемъ Императоромъ «Указаній командующимъ войсками на случай войны съ Державами Тройственнаго Союза», дальнѣйшая разработка первоначальныхъ операцій была передана въ Штабы воен. округовъ. При этомъ, въ виду того, что планъ отъ 1-го мая 1912 г. вводилъ въ полевое управленіе войскъ новую инстанцію, а именно — штабы фронтовъ, — объединеніе работъ по этимъ фронтамъ было возложено на ген. Клюева и ген. Алексѣева, намѣченныхъ Начальниками Штабовъ фронтовъ.

Подъ ихъ предсѣдательствомъ были составлены комиссіи изъ будущихъ начальниковъ Штабовъ армій, входящихъ въ эти фронты, для совмѣстнаго обсужденія произведенной проработки соотвѣтствующей операціи. Въ декабрѣ 1912 г. въ Петербургѣ былъ собранъ съѣздъ всѣхъ начальниковъ окружныхъ штабовъ для окончательнаго общаго разсмотрѣнія составленныхъ операціонныхъ плановъ. Закончилась эта коллективная работа Совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ самаго Государя Императора, въ которомъ участвовали воен. министръ ген. Сухомлиновъ, Нач. Ген. Штаба ген. Жилинскій, будущіе Главнокомандующіе С.-З. фронтомъ (ген. Скалонъ) и Ю.-З. фронтомъ (ген. Ивановъ) и ихъ начальники штабовъ (ген. Клюевъ и ген. Алексѣевъ).

Мы не имѣемъ возможности непосредственно изучить работы, сдѣланныя Штабами Варшавскаго и Кіевскаго воен. округовъ подъ руководствомъ ген. Клюева и ген. Алексѣева[1]). Многократно цитированная нами книга Заіончковскаго, къ сожалѣнію, не даетъ намъ полнаго текста этихъ работъ. Однако, и по приведеннымъ въ этой книгѣ выдержкамъ могутъ быть сдѣланы нѣкоторые интересные выводы:

> «Наибольшее вниманіе», пишетъ Заіончковскій[2]), обсуждая работу касающуюся С.-З. фронта, «было обращено на поддержаніе связи между 1-й и 2-й арміями и на обезпеченіе, такимъ образомъ, Гродненскаго раіона».

---

[1]) Хранятся въ В.-Уч. Архивѣ въ дѣлахъ подъ №№ 173432 и 180927.

[2]) Заіончковскій. — Подготовка Россіи къ Міровой войнѣ. (Планы войны). стр. 267.

«1-я армія предполагала въ указанномъ ей раіонѣ расположить свои корпуса въ двѣ линіи, имѣя три корпуса въ одной линіи по Нѣману и одинъ (I) во второй линіи. При этомъ, лѣвофланговый корпусъ (IV) располагался по-дивизіонно, въ Меречѣ и Прелау съ авангардомъ у Лейпунъ.

«2-я армія имѣла тяготѣніе оттянуть свое развертываніе къ востоку съ тѣмъ, чтобы занять, вмѣсто Бобра и Нарева до Ломжи, только Бобръ до Визны. Связь съ 1-й арміей считалась вполнѣ обезпеченной, вопреки мнѣнію Глав. Упр. Ген. Штаба, расположеніемъ правофлангового корпуса 2-й арміи (II-го) главными силами въ раіонѣ Сопоцинъ, Липскъ, Гродна».

«Для наступленія въ Вост. Пруссію наиболѣе вѣроятнымъ направленіемъ для 1-й арміи намѣчался раіонъ къ сѣверу отъ Мазурскихъ озеръ, между кр. Кенигсбергомъ и Ангербургомъ, съ дальнѣйшимъ движеніемъ лѣваго фланга этой арміи на Растенбургъ; для 2-й арміи направленіе къ западу отъ Мазурскихъ озеръ съ движеніемъ правофланговыхъ частей арміи на Зенсбургъ».

«Варшавскій округъ указывалъ при этомъ на чувствительность для нѣмцевъ удара западнѣе озеръ и желалъ имѣть на этомъ направленіи внушительныя силы. Кромѣ того, онъ полагалъ, что обѣ арміи должны войти въ столкновеніе съ противникомъ одновременно, почему 2-я армія должна, по расчету разстояній, начать наступленіе отъ линіи Остроленка, Цѣхановъ на 3-4 дня позднѣе выступленія 1-й арміи съ линіи рѣки Нѣмана».

«Для связи въ дѣйствіяхъ между наступающими главными массами армій не менѣе одного корпуса должно быть направлено на фронтъ оборонительной линіи Мазурскихъ озеръ».

СХЕМА

развертыванія армій С.-З. фронта по работамъ штабовъ Вилен. и Варш. воен. округовъ.

Если мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію намѣченнаго стратегическаго развертыванія армій С.-З. фронта, то невольно обращаетъ на себя вниманіе существенная стратегическая невязка. Казалось бы, что для выполненія намѣченной планомъ войны идеи первой операціи — обхода главной линіи Мазурскихъ озеръ съ сѣвера и съ запада — требовалось сосредоточеніе 1-й арміи возможно ближе къ жел. дор. магистрали Вержболово-Инстербургъ, а 2-й арміи — къ жел. дор. линіи Млава - Сольдау. Между тѣмъ, мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое: 1-я армія массируетъ свои войска на своемъ лѣвомъ флангѣ вблизи отъ Гродны ;2-я армія прижимается къ Бѣлостоку. Въ итогѣ развертываніе С.-З. фронта принимаетъ характеръ стратегическаго сосредоточенія на центральномъ жел. дорожномъ направленіи, ведущемъ въ Вост. Пруссію черезъ Граево на Лыкъ и далѣе на Летценъ.

Несомнѣнно, что подобное статегическое развертываніе обуславливалось опасеніемъ наступленія ранѣе насъ готовой Германской Арміи въ направленіяхъ на Гродну и на Бѣлостокъ. Но это обстоятельство только показывало, что на первыхъ же шагахъ практической разработки идей плана 1912 г. обнаруживалась ихъ несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь наша первоначальная операція въ Вост. Пруссіи должна была вестись съ наибольшей спѣшкой. Какъ мы знаемъ. ген. Жилинскій даже обѣщалъ Франціи начать эту операцію на 15-й день мобилизаціи. совершенно незакончивъ сосредоточенія войскъ; а между тѣмъ создавалось для этой операціи такое исходное положеніе, которое требовало отъ этихъ войскъ сразу же форсированныхъ маршей.

Мнѣ кажется, что указанная мною стратегическая «невязка» въ разработкѣ плана первой операціи въ Вост. Пруссіи имѣетъ въ своей основѣ инстинктивное недовѣріе исполнителей къ правильности основной идеѣ этой операціи. Косвенное подтвержденіе этому моему предположенію я вижу въ той же приведенной выше выдержкѣ изъ книги Заіончковскаго. Согласно этой выдержки, наша первоначальная операція должна была вылиться въ слѣдующую форму:

1) лѣвый флангъ 1-й арміи долженъ былъ выдвинуться на Растенбургъ;

2) правофланговыя части 2-й арміи должны были выйти къ Зенсбургу;

3) на фронтъ главныхъ Мазурскихъ озеръ (къ Летцену) должно быть направлено не менѣе одного корпуса.

Не вправѣ ли мы заключить, что подобная стратегическая комбинація представляла собой ничто иное, какъ окруженіе и захватъ перешейковъ между главными Мазурскими озерами?

Такимъ образомъ, первая наша операція въ Вост. Пруссіи фактически принимала характеръ овладѣнія линіей главныхъ Мазурскихъ озеръ. а вовсе не операціи, имѣющей цѣлью нанести сокрушающее пораженіе германскимъ войскамъ. собраннымъ въ Вост. Пруссіи. Нужно отдать справедливость работѣ ген Клюева, что она ставила С.-З. фронту болѣе выполнимую задачу, нежели фантастическая идея гулянья вокругъ главныхъ Мазурскихъ озеръ цѣлыми арміями; первый же приступъ къ практическимъ оперативнымъ расчетамъ, заставлялъ насъ «по одежкѣ протягивать ножки».

Но это ограниченное заданіе для первой операціи совершенно не отвѣчало той основной цѣли, съ которой предпринималось наше спѣшное вторженіе въ Вост. Пруссію: оно не могло расчитывать вынудить нѣмцевъ начать переброску своихъ войскъ изъ Франціи на востокъ.

Сомнѣніе въ правильности основныхъ идей плана войны отъ 1-го мая 1912 г., уже совершенно опредѣленно сказалось въ томъ. что ген. Клюевъ счелъ долгомъ въ своей работѣ выйти изъ рамокъ разработки первоначальной опера-

цiи въ Вост. Пруссiи и вновь вернуться къ принципiальному вопросу плана войны: о сосредоточенiи максимальныхъ силъ на Ю.-З. фронтѣ[1]).

«Нормально, писалъ онъ, девять русскихъ корпусовъ, очевидно, должны отбросить три германскихъ корпуса[2]) съ Вост. Пруссiи за Вислу, но сколько времени потребуется на это, сказать трудно. Послѣ этого 1-я и 2-я армiи упрутся въ Вислу, сплошь сильно укрѣпленную крѣпостями, опорными пунктами и батареями тяжелой артиллерiи».

«Поэтому Клюевъ находилъ, что при оставленiи нѣмцами на русскомъ фронтѣ небольшихъ силъ правильнѣе три корпуса 2-й армiи перебросить на австрiйскiй фронтъ, гдѣ будетъ рѣшаться судьба русскихъ армiй...»[3]).

Поэтому ген. Клюевъ считаетъ нужнымъ предвидѣть тотъ случай, когда Верховный Главнокомандующiй пожелаетъ усилить Ю.-З. фронтъ, взявъ съ С.-З. 2-3 корпуса. При подобномъ рѣшенiи Верховнаго Главнокомандующаго ген. Клюевъ считаетъ, что «веденiе самостоятельныхъ операцiй 1-й и 2-й армiями по сѣверную и западную сторону Мазурскихъ озеръ станетъ задачей непосильной и излишне рискованной. Въ этомъ случаѣ, пришлось бы возложить на одну изъ армiй главную операцiю, которой содѣйствовали бы части другой армiи. При выдѣленiи этихъ корпусовъ изъ 1-й армiи, остальныя ея части могли бы наступленiемъ на фронтъ Мазурскихъ озеръ и нѣсколько сѣвернѣе ихъ обезпечить правый флангъ 2-й армiи. При обратно и весьма нежелательномъ случаѣ ослабленiя этой послѣдней армiи, оставшiяся части ея могли бы обезпечить наступленiе 1-й армiи, оперируя на ея лѣвомъ флангѣ противъ фронта Мазурскихъ озеръ»[4]).

Вопросъ о возможности для Верх. Главнокомандующаго перекинуть часть корпусовъ, предназначенныхъ планомъ войны въ 1-ю и 2-ю армiи, въ 4-ю и 5-ю, разрѣшался въ зависимости отъ оборудованiя нашего Западнаго театра войны рельсовой сѣтью. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать нижеприводимыя данныя о нашей желѣзнодорожной сѣти къ западу отъ линiи Вильна - Ровно включительно[5]).

«На этомъ участкѣ въ 440 верстъ длины въ театръ съ востока входило 6 мощныхъ линiй съ 12-ю колеями: къ меридiану Бѣлостокъ - Холмъ подходило 10 колей, къ меридiану Ломжа - Люблинъ 8 колей и, наконецъ, къ линiи Ломжа — Нов. Минскъ - Ивангородъ 6 колей».

«Съ сѣвера на югъ районъ пересѣкался 4 линiями (Вильна-Ровно, Бѣлостокъ - Холмъ, Остроленка - Сѣдлецъ - Люблинъ и Остроленка - Ивангородъ - Люблинъ) съ 6-ю колеями».

«Линiи съ востока на западъ обладали слѣдующей пропускной способностью».

«*Съ востока на западъ.* Вильна - Гродна - Варшава 58 (41) паръ[6]): Ла-

---

1) Записка отъ 22-го августа 1912 г. — В.-Уч. арх. д. № 173432; цитировано у Заiончковскаго, стр. 268.

2) Всѣ приведенные выше расчеты велись на случай оставленiя нѣмцами въ Вост. Пруссiи трехъ корпусовъ. При оставленiи ими 5-7 корпусовъ Клюевъ полагалъ уже неумѣстнымъ примѣнять для нашего развертыванiя планъ А, а требовалъ примѣненiя плана Г.

3) Заiончковскiй, стр. 268.

4) Заiончковскiй, стр. 268.

5) Эти данныя приведены въ книгѣ Заiончковскаго на стр. 269 и взяты имъ изъ уже цитированнаго нѣсколько разъ дѣла № 173432 Воен — Уч. Архива.

6) Въ скобкахъ число поѣздовъ, занятыхъ планами 1912 года подъ воинскiя перевозки.

ны - Остроленка 22 (17) паръ; Лида - Волковыскъ 46 (31) паръ; Волковыскъ-Сѣдлецъ - Варшава 52 (37) паръ; Барановичи - Волковыскъ - Бѣлостокъ 21 (18) паръ; Барановичи - Брестъ 50 (36) паръ; Брестъ - Луковъ 51 (36) паръ; Лунинецъ - Кобринъ 40 (34) паръ; Сарны - Люблинъ - Ивангородъ 22 (15) паръ».

«*Съ сѣвера на югъ*. Вильна - Лида - Лунинецъ 22 (17 паръ); Лунинецъ - Ровно 21 (16) паръ; Бѣлостокъ - Брестъ 43 (30) паръ; Брестъ - Ковель 27 (19) паръ; Брестъ - Холмъ 44 (31) паръ; Остроленка - Малкинъ 22 (15) паръ; Малкинъ - Сѣдлецъ 43 (31) паръ; Сѣдлецъ - Люблинъ 46 (33) паръ; Луковъ-Ивангородъ 15 (10) паръ; Остроленка - Ивангородъ 26 (19) паръ».

СХЕМА
жел.-дор. сѣти къ западу отъ меридіана Вильна - Ровно.

Приведенныя только что данныя заставляютъ согласиться съ правильностью мысли ген. Клюева о полной возможности предлагаемой имъ переброски корпусовъ. Вмѣстѣ съ этимъ мы укажемъ, что при предназначеніи для этой переброски Гвардіи, 1 арм. корп., прибывающихъ въ 1-ю армію изъ Петербургскаго воен.

округа и XIII арм. корп., прибывающаго во 2-ю армію изъ Московскаго воен. округа, въ желѣзнодорожныхъ расчетахъ по плану 1912 г. требовались лишь небольшія измѣненія.

Совѣщаніе начальниковъ штабовъ армій будущаго С.-З. фронта, разсматривая предположенія ген. Клюева, высказало мнѣніе, что слѣдуетъ также предвидѣть слѣдующій возможный при сложившейся политической обстановкѣ случай[1]):

«Германія, давъ Россіи время развернуть свои силы противъ Австро-Венгріи, объявитъ войну. Чтобы поставить 4-ю и 5-ю рус. арміи въ критическое положеніе и нанести смертельный ударъ, нѣмцы могли сосредоточить въ Вост. Пруссіи значительныя силы, хотя бы и цѣною ослабленія себя на своей западной границѣ».

«Въ виду этого, совѣщаніе предлагало, во-первыхъ, не ослаблять 1-й и 2-й армій, пока не выяснятся намѣренія Германіи, а австрійскій фронтъ усилить корпусами съ далекихъ окраинъ Россіи и, во-вторыхъ, составить соображенія о путяхъ отхода 1-й, 2-й, 4-й и 5-й армій, имѣя въ виду трудность и сложность подобной операціи».

Изъ только что приведенной выдержки мы видимъ, что совѣщаніе начальниковъ штабовъ будущихъ 1-й и 2-й армій отнеслось осторожно къ мысли ген. Клюева о передачѣ возможно большихъ силъ на Ю.-З. фронтъ для одержанія тамъ сокрушающей побѣды. Главное же Управленіе Ген. Штаба по прежнему осталось совершенно глухимъ къ этой мысли[2]). Когда, въ августѣ 1914 г. вспыхнула война, на должности нач. штаба С.-З. фронта оказался не ген. Клюевъ, а неподготовленный къ этой роли ген. Орановскій. Я позволяю себѣ высказать предположеніе, что причину этого нужно искать въ несочувствіи ген. Клюева тѣмъ несчастнымъ идеямъ, которыя Г.У.Г.Ш. съ такимъ упрямствомъ клалъ въ основу нашей первой операціи въ Вост. Пруссіи.

Разсматриваемый нами здѣсь докладъ ген. Клюева представляетъ собой большой интересъ еще въ одномъ отношеніи. На корпуса Варшавскаго воен. округа выпадала задача прикрытія производящагося на территоріи «Передового Театра» стратегическаго сосредоточенія 2-й, 4-й и 5-й армій. Мы не будемъ касаться здѣсь подробностей рѣшенія этой сложной задачи ген. Клюевымъ, но остановимъ наше вниманіе только на одной характерной особенности этого рѣшенія. Ген. Клюеву пришлось расходовать полевыя войска на роль гарнизоновъ крѣпостей. Такъ въ Новогеоргіевскъ назначались части XXIII корпуса (2-я пѣх. див.), въ Осовецъ — VI корпуса (одна бригада 16-й пѣх. див.), въ Ивангородъ — XIV корпуса (72-й пѣх. Тульскій полкъ съ дивизіономъ 18-й арт. бриг.); къ строящейся крѣпости Гроднѣ привязывался II-й корпусъ.

Таковы были непосредственныя послѣдствія одной изъ Сухомлиновскихъ реформъ, заключавшейся въ расформированіи крѣпостныхъ войскъ. Эта «реформа» сопутствовала упомянутому въ одномъ изъ нашихъ первыхъ очерковъ упраздненію крѣпостей нашего Передового Театра. Какъ мы знаемъ, Сухомлинову пришлось очень скоро отказаться отъ своей идеи уничтожить Привислянскія крѣпости, но крѣпостныя войска не были имъ возстановлены. Послѣднее объяснялось Сухомлиновымъ и его сотрудниками ссылками на примѣръ Германіи, которая стремясь употребить для своего первоначальнаго наступленія, рѣшительно всѣ войска, имѣвшія въ мирное время свои кадры, не имѣла въ мирное время

[1]) В.-Уч. Архивъ, д. № 180927, цитировано у Заіончковскаго, стр. 269.

[2]) Заіончковскій, стр. 268.

крѣпостныхъ войскъ. Но дѣлая подобную ссылку, Сухомлиновъ и его сотрудники упускали одно существеннѣйшее стратегическое обстоятельство: Германская армія заканчивала свое сосредоточеніе на 12-й день, а Русская — на 80-й. Основывая свой планъ войны на использованіи сильнаго запаздыванія русской боевой готовности, Германскій Ген. Штабъ былъ совершенно правъ, считая, что онъ успѣетъ образовать гарнизоны крѣпостей изъ формируемыхъ уже послѣ начала мобилизаціи второочередныхъ частей. Не то было у насъ. Если еще можно было строить подобные расчеты по отношенію къ находившейся въ тылу Передового Театра Бр.-Литовской крѣпости, то по отношенію къ крѣпостямъ Ковна, Гродна, Осовецъ, Новогеоргіевскъ и Ивангородъ это являлось существенной стратегической ошибкой. «Много упрековъ, полагаю несправедливыхъ», пишетъ ген. Ю. Даниловъ*), «вызвало расформированіе крѣпостныхъ частей... Конечно, несомнѣнымъ преимуществомъ крѣпостныхъ частей было детальное знакомство ихъ съ данною крѣпостью, но во-первыхъ, для образованія полныхъ крѣпостныхъ гарнизоновъ военнаго времени упомянутыхъ крѣпостныхъ частей далеко не хватало, а, во-вторыхъ — и это самое главное — изученіе мѣстныхъ условій оставалось вполнѣ возможнымъ и для тѣхъ полевыхъ частей, кои должны были быть расположены въ мирное время въ крѣпостяхъ, взамѣнъ расформировываемыхъ крѣпостныхъ частей, и кои при надобности могли также зачисляться, соотвѣтствующимъ распоряженіемъ въ составъ крѣпостныхъ гарнизоновъ военнаго времени. Преимущество же этихъ полевыхъ частей состояло въ томъ, что онѣ не были прикрѣпляемы заранѣе къ одной задачѣ и крѣпости, а могли быть использованы также въ полѣ, въ соотвѣтствіи съ обстановкой. Кромѣ того, мобилизація такихъ частей требовала болѣе короткаго времени, что являлось большимъ преимуществомъ для безопасности пограничныхъ крѣпостей».

Только что приведенная защита Сухомлиновской «реформы» по расформированію нашихъ крѣпостныхъ войскъ, является очень характернымъ примѣромъ тѣхъ софизмовъ, которыми мотивировались всѣ Сухомлиновскія «новшества». Утвержденіе ген. Ю. Данилова, что мобилизація крѣпостныхъ войскъ требовала большаго срока, нежели полевыхъ, совершенно произвольна. Отъ самаго Г.У.Г.Ш. зависѣло составить мобилизаціонные расчеты такъ, чтобы гарнизоны крѣпостей мобилизовались бы ускореннымъ темпомъ за счетъ запасныхъ и ополченцевъ болѣе старыхъ сроковъ службы. Несостоятельность же утвержденія, что, будто бы, образованіе крѣпостныхъ гарнизоновъ изъ полевыхъ войскъ увеличиваетъ возможности для главнаго командованія использовать ихъ для активныхъ операцій ярко продемонстрировалась самой жизнью. Нѣмцы показали на примѣрѣ дѣйствій въ Вост. Пруссіи, что «гарнизоны крѣпостей», сформированные изъ второочередныхъ войскъ, тоже могутъ широко привлекаться къ участію въ боевыхъ дѣйствіяхъ полевыхъ войскъ. Упраздненіе же, въ условіяхъ нашей запаздывающей боевой готовности, крѣпостныхъ войскъ приводило къ діаметрально противоположному результату: значительная часть полевыхъ войскъ оказалась прикованной къ крѣпостямъ, что ослабляло и безъ того наши недостаточныя силы торопливо бросаемыя нами въ наступленіе по расходящимся операціоннымъ направленіямъ.

РАБОТА ГЕН. М. В. АЛЕКСѢЕВА.

Дальнѣйшая разработка операціи въ Галиціи была поручена ген. М. В. Алексѣеву, хотя онъ и былъ назначенъ во второй половинѣ 1912 г. команди-

*) «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 37-38.

ромъ XIII арм. корпуса. Эта разработка была завершена Совѣщаніемъ Начальниковъ Штабовъ Кіевскаго, Казанскаго и Московскаго воен. округовъ, въ ноябрѣ 1912 г., подъ предсѣдательствомъ ген. М. В. Алексѣева.

Напомню, что къ этому времени на Балканахъ создалась очень тревожная политическая обстановка.

«Австро-Венгрія принимала совершенно недвусмысленныя мѣры», пишетъ ген. Заіончковскій, изъ книги котораго мы заимствуемъ данныя объ разсматриваемомъ здѣсь Совѣщаніи[1]), «въ отношеніи стремленія лишить Сербію плодовъ ея борьбы съ турками и недопустить ее къ берегамъ Адріатическаго моря. Тайная мобилизація Австріи и весьма воинственное настроеніе руководящихъ сферъ Франціи дѣлали обстановку очень нервной, что отразилось и на работахъ упомянутаго выше Совѣщанія».

Хотя, благодаря отвлеченію силъ противъ Сербіи, Австро-Венгры не могли выставить сразу противъ Россіи всѣхъ ожидаемыхъ нами силъ, Совѣщаніе все таки полагало, что они начнутъ войну наступленіемъ, дабы бить русскія войска по частямъ, до окончанія ихъ полнаго сосредоточенія. Однако, въ томъ случаѣ, если Россія упустила бы время для одновременнаго съ Сербіей начала войны, Австро-Венгрія могла перебросить подавляющія силы на югъ, чтобы покончить съ Сербами быстрыми и рѣшительными ударами и для этого временно перейти къ оборонѣ на Русскомъ фронтѣ.

Въ виду этого, Совѣщаніе выдвигало два необходимыхъ для успѣшности Галицiйской операціи условія:

во-первыхъ, не упустить минуты объявленія Россіей мобилизаціи, чтобы этотъ актъ могъ быть выполненъ болѣе или менѣе одновременно съ противникомъ[2]);

во-вторыхъ, объявить войну съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣйствія русскихъ армій могли получить полное развитіе въ то время, когда Австро-Венгрія еще не успѣетъ окончательно расправиться съ Сербіей.

Только при выполненіи этихъ условій Совѣщаніе считало, что можно было расчитывать на безпрепятственный сборъ нашихъ армій Ю.-З. фронта на намѣченной линіи (Люблинъ-Холмъ-Ковель-Дубно-Ямполь-Проскуровъ), которую и можно тогда разсматривать, какъ исходную для операціи.

Совѣщаніе критически отнеслось къ общему заданію для фронта, редактированному въ варіантѣ «А» плана войны въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «пораженіе австро-венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ за Днѣстръ и на западъ къ Кракову».

Оно представляло себѣ начало кампаніи въ видѣ двухъ отдѣльныхъ операцій. Первая, съ 15-16 дня мобилизаціи, когда австрійцы могли начать энергичное противъ русскихъ наступленіе, и до 35-37 дней мобилизаціи, конца сосредоточенія русскихъ главнѣйшихъ организаціонныхъ единицъ и тыловыхъ учрежденій. Послѣ этого должна начаться вторая, наступательная операція.

---

[1]) Подлинникъ протокола этого Совѣщанія хранится въ В. Уч. Арх., въ дѣлѣ подъ № 180927; въ книгѣ Зайончковскаго: «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)» изложенію этого протокола посвящены стр. 272-274.

[2]) По поводу этого условія Зайончковскій въ своей книгѣ (стр. 271) высказываетъ слѣдующее правильное замѣчаніе: «Опытъ 1912 г., когда австрійцы сумѣли скрытно мобилизовать въ Галиціи свою армію, не остался безъ вліянія на неуступчивость Россіи въ отношеніи откладыванія мобилизаціи въ іюльскіе дни 1914 г.».

Первоначальную задачу арміямъ фронта на время до полнаго сосредоточенія предлагалось изложить такъ:

«Обезпечить сосредоточеніе своихъ силъ на намѣченной линіи. Замедлить въ предѣлахъ возможнаго движеніе австрійскихъ армій, имѣя въ виду, что выигрышъ каждаго дня увеличиваетъ наши силы и улучшаетъ степень ихъ обезпечиванія тыловыми учрежденіями. Энергично изучать группировку силъ наступающихъ австрійскихъ армій. При подходѣ ихъ къ линіи, **примѣрно**[1]), Люблинъ, Холмъ, Ковель, Стырь и Иква, Проскуровъ (21-23 дни мобилизаціи) **встрѣтить наступательнымъ маневромъ и атакой.** Разбивъ противника, развить энергичное преслѣдованіе, хотя, быть можетъ, и короткое, въ мѣрѣ, допускаемой наличными транспортными средствами».

«3-я армія вообще, а южная ея группа въ особенности, какъ наиболѣе готовая и обезпеченная, должна будетъ при этой атакѣ развить наибольшую энергію дѣйствій противъ заслона, обращеннаго къ востоку, отрѣзывая его отъ Днѣстра».

«4-я армія, наименѣе готовая и не закончившая сбора своихъ силъ, должна, однако, принять дѣятельное участіе въ атакѣ, хотя бы для того, чтобы сковать свободу дѣйствій австрійскихъ войскъ, наступающихъ между Вислой и Вепржемъ».

Предназначенный командовать 4-й арміей ген. бар. Зальца, предполагалъ сгруппировать большую часть своихъ силъ на правомъ флангѣ — на фронтѣ Урженцовъ-Красникъ-Сульевъ-Высокое и ударить на лѣвый флангъ противника, тѣсня его къ кр. Перемышль[2]).

Съ 37-го дня мобилизаціи начинался второй періодъ кампаніи, для котораго общую задачу арміямъ Ю.-З. фронта совѣщаніе опредѣляло такъ:

«Перейти въ наступленіе съ цѣлью найти австрійскія силы, нанести имъ пораженіе, имѣя въ виду, въ предѣлахъ обстановки, не дать возможности значительнымъ силамъ противника отойти на югъ за линію Днѣстра и на западъ къ Кракову».

«Невозможно», говоритъ журналъ Совѣщанія, «предусмотрѣть, съ какой линіи перейдутъ въ наступленіе наши арміи. съ линіи ли первоначальнаго развертыванія или съ другой, какъ результатъ первыхъ боевъ». Во всякомъ случаѣ, распредѣленіе частныхъ задачъ, взаимныя обязанности отдѣльныхъ армій и общее направленіе наступленія опредѣлялись Совѣщаніемъ такимъ образомъ:

4-ая армія. «Наступать на фронтъ Ряшевъ-Перемышль, атакуя находящіяся на путяхъ движенія австрійскія войска. Овладѣть Саномъ и участкомъ Ряшевъ-Перемышль. При выполненіи этой задачи не упускать изъ вида важность отбросить противника отъ путей на Краковъ. Обезпечить наши арміи со стороны Кракова и пути отъ него на Ивангородъ. Блокада Перемышля при содѣйствіи войскъ 5-й арміи. Установить связь съ арміями, дѣйствующими противъ Германіи».

5-ая армія. «Наступать на фронтъ Перемышль - Львовъ, атакуя находящіяся на путяхъ движенія австрійскія войска. Овладѣть участкомъ Перемышль-Львовъ съ обходомъ съ сѣвера Городокской позиціи[3]). Содѣйствовать своими силами

---

1) Курсивъ подлинника.

2) В. Уч. Арх., дѣло № 173432 (цитировано у Заіончковскаго, стр. 272).

3) Сильная позиція у Городка, между Львовымъ и Перемышлемъ, на которой 6-12 сент. 1914 г. разыгрался послѣдній эпизодъ Галиційскаго сраженія, послѣ чего австрійцы начали свое отступленіе.

3-й арміи овладѣть Львовымъ и 4-й блокировать Перемышль. Овладѣть верховьями Днѣстра.

3-я армія. «**Сѣверная группа** — наступать на фронтъ Львовъ-Миколаевъ, атакуя настойчиво противопоставленныя непріятельскія силы. Овладѣть Львовомъ и переправами черезъ Днѣстръ у Миклаева и выше».

«**Южная группа** — наступать на участокъ Жидачевъ-Нижніювъ, атакуя противника, по возможности, съ охватомъ его праваго крыла. Овладѣть переправами на указанномъ участкѣ Днѣстра и главнѣйшими узлами дорогъ, выходящихъ изъ Карпатъ (Стрый, Станиславовъ). Обезпечить слѣва операціи армій всего Ю.-З. фронта. Особый отрядъ направить со стороны Хотина, правымъ берегомъ Днѣстра съ цѣлью открыть желѣзно-дорожное сообщеніе съ Новоселицами».

Совѣщаніе находило желательнымъ, чтобы 5-я и Сѣверная группа 3-й арміи привлекали на себя, упреждая началомъ дѣйствій, возможно большія силы и сковали свободу ихъ маневрированія, чтобы этимъ облегчить выполненіе задачъ, возложенныхъ на 4-ю армію и Южную группу 3-й. Захватъ переправъ на р. Санѣ и на Днѣстрѣ пріобрѣталъ, по мнѣнію Совѣщанія, особое значеніе для послѣдующей постановки задачъ.

Исходя изъ вышеизложенныхъ стратегическихъ идей, Совѣщаніе намѣчало развертываніе армій къ 21-23 днямъ мобилизаціи произвести слѣдующимъ образомъ

4-ая армія. XX-й и XXIV-й корпуса*) уступомъ позади Люблина; XIV-й к. (18 и 47 див.) впереди Люблина; XVI-й к. (41 и 45 див.) въ раіонѣ Пяске; Грен. — главными силами въ раіонѣ Бискупице-Рейовецъ, съ авангардомъ у Красностава.

5-я армія. XXV-й к. и 70 пѣх. див. — въ раіонѣ Холма; XVII-й к. въ раіонѣ Ковеля; XIX-й въ раіонѣ Маціовъ, Любомль, и V-й въ раіонѣ Выжва, Буценъ.

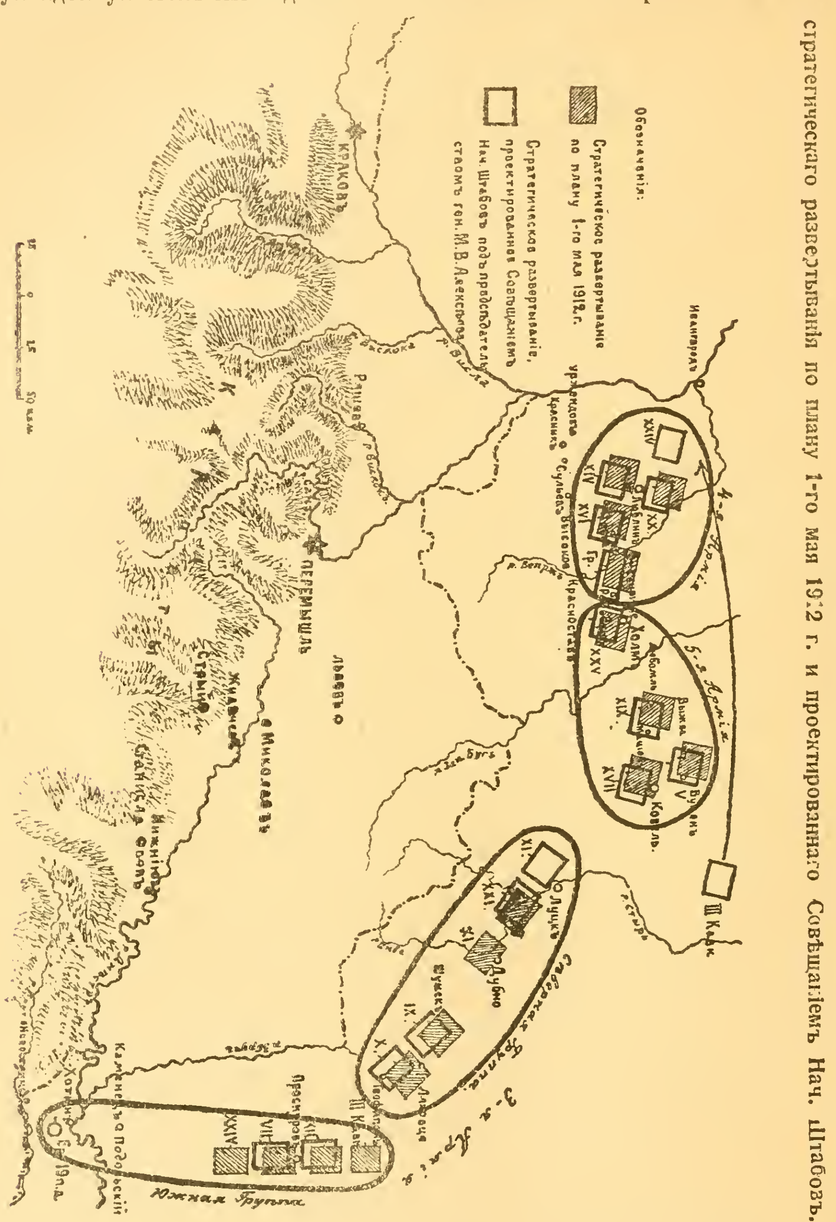
3-я армія. XXI-й и XI-й корпуса на участкѣ Луцкъ, Дубно; IX-й и X-й корпуса на участкѣ Шумскъ, Ляховце, Теофиполь; VII-й и XII-й к. к. по обѣ стороны Проскурова, имѣя бригаду 19-й пѣх. див. къ югу отъ Днѣстра.

Одного, вышеприведеннаго, краткаго изложенія работы Совѣщанія Нач. Штабовъ Кіев., Моск. и Казан. воен. округовъ, подъ предсѣдательствомъ ген. М. В. Алексѣева, достаточно, чтобы убѣдиться въ высокихъ качествахъ этой работы. Стоитъ только сравнить постановку задачъ арміямъ съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи было сдѣлано въ планѣ войны отъ 1-го мая. Вмѣсто общихъ мѣстъ, которыми изобилуетъ редакція армейскихъ задачъ въ планѣ отъ 1-го мая 1912 г., мы видимъ уже достаточно конкретныя заданія. Стратегическая мысль ушла изъ области однѣхъ только геометрическихъ формъ; она опустилась «на землю», стремясь учесть военно-географическій элементъ; въ результатѣ, арміямъ указываются не только направленія, но и рубежи (напримѣръ, р. Санъ для 4-й арміи). Совѣщаніе учитываетъ то, что противникъ, ранѣе готовый, легко можетъ захватить иниціативу въ дѣйствіяхъ. Отсюда и вытекаетъ новая конкретизація армейскихъ задачъ, требующая раздѣленія Галиційской операціи на два періода: первый — до 37-го дня мобилизаціи — выжидательный, второй — послѣ 37-го дня — наступательный.

Здѣсь мы видимъ преемственность въ стратегическихъ идеяхъ съ работой комиссіи ген. П. И. Постовскаго, которая производила первичную разработку

*) XXIV-й к. былъ при переработкѣ плана войны переданъ Г. Управленіемъ Г. Штаба въ 3-ю армію.

Галиційской операціи на Московскомъ Совѣщаніи въ февралѣ 1912 г. Еще большую идейную связь мы видимъ съ запиской отъ 15-го марта ген. М. В. Алек-

сѣева, представленной послѣднимъ въ развитіе проекта плана войны отъ 1-го марта. Послѣднее, впрочемъ, болѣе, чѣмъ понятно. Ген. М. В. Алексѣевъ не могъ не имѣть громаднаго вліянія на рѣшенія предсѣдательствуемаго имъ въ ноябрѣ 1912 г. Совѣщанія Нач. Штабовъ Кіев., Моск. и Казан. округовъ: въ области стратегической подготовки Россіи къ войнѣ его авторитетъ былъ очень

высокъ и, конечно, импонировалъ всѣмъ участникамъ этого Совѣщанія.

Какъ мы знаемъ изъ предыдущихъ очерковъ, проектъ плана войны отъ 1-го марта, съ записками ген. Клюева и ген. Алексѣева отъ 15-го марта, прежде чѣмъ принять окончательныя свои формы плана отъ 1-го мая, прошелъ черезъ горнило Г. У. Г. Ш. и въ этомъ горнилѣ претерпѣлъ измѣненія, возвратившія его во многихъ отношеніяхъ къ идеямъ Сухомлиновской стратегіи. Поэтому, возвращеніе къ идеямъ записки ген. М. В. Алексѣева отъ 15-го марта являлось новой попыткой вернуть планъ Галиційской операціи въ русло Милютинскихъ идей.

Это различіе въ основныхъ точкахъ зрѣнія Г. У. Г. Ш. и ноябрьскаго Совѣщанія, предсѣдательствуемаго ген. М. В. Алексѣевымъ, особенно рѣзко видно , если мы сравнимъ проектируемое тѣмъ и другимъ стратегическое развертываніе.

Совѣщаніе намѣчаетъ силу правофланговой арміи (4-й) въ пять корпусовъ; если же принять во вниманіе, что запаздывающій со своимъ прибытіемъ III Кавк. корпусъ, оставленный Совѣщаніемъ въ резервѣ Главнокомандующаго, могъ быть направленъ въ эту же армію (что въ 1914 году и было сдѣлано ген. Алексѣевымъ), то правофланговая армія Ю.-З. фронта могла быть доведена до шести корпусовъ.

Усиляя правый флангъ Ю.-З. фронта, Совѣщаніе приближаетъ также развертываніе 3-й арміи къ 5-й, что опять показываетъ признаніе главенствующаго стратегическаго значенія нашего наступленія съ фронта Ивангородъ-Люблинъ-Холмъ-Ковель. Наконецъ, въ раіонѣ Проскурова оставляется лишь два корпуса.

Согласно плану войны отъ 1-го мая, 4-я армія имѣла силу всего въ четыре корпуса; развертываніе же 3-й арміи оттягивалось на югъ, причемъ у Проскурова и къ югу отъ него развертывалось четыре корпуса. Какъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ, рука редактора изъ Г. У. Г. Ш. упорно и всѣми способами стремилась вернуть планъ 1912 г. къ идеямъ плана 1910 г.

Несмотря на свои несомнѣнно большія достоинства, работа ноябрьскаго Совѣщанія будущихъ нач. штабовъ Ю.-З. фронта и армій, или вѣрнѣе сказать работа ген. М. В. Алексѣева, не была принята во вниманіе. Она сослужила свою службу только тѣмъ, что помогла самому ген. М. В. Алексѣеву руководить Галиційской операціей въ 1914 году. Назначенный начальникомъ штаба Ю.-З. фронта, онъ съ первыхъ же дней смогъ приступить къ выпавшей на его долю крайне отвѣтственной и трудной работѣ во всеоружіи детальнаго ея знанія и при первой же возможности посильно вернуть операцію въ русло идей Милютинской стратегіи.

ДОКЛАДЪ ГЕН. ЖИЛИНСКАГО ОТЪ 19-ГО ЯНВ. 1913 Г.

19-го янв. 1913 г. Нач. Ген. Штаба, ген. Жилинскій, подалъ длинный докладъ*) на имя Военнаго Министра, въ которомъ онъ жалуется на то, что за послѣдніе годы стратегическія соображенія подверглись большимъ колебаніямъ. Главную причину неустойчивости стратегическихъ рѣшеній онъ видѣлъ въ томъ,

*) Воен. Учен. Арх., дѣло № 169265; цитированъ въ книгѣ Заіончковскаго — «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ» — стр. 201, 202.

что эти рѣшенія устанавливались путемъ совѣщаній, т. е., по существу дѣла коллегіальнымъ порядкомъ, безъ личной отвѣтственности за послѣдствія предложенной, тѣмъ или инымъ авторомъ, мѣры и безъ всесторонней, вслѣдствіе спѣшности этихъ совѣщаній, провѣрки ихъ выполнимости и общей планосообразности.

Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія ген. Жилинскій признавалъ строгую планомѣрность въ веденіи стратегическихъ работъ. Въ силу этого принципа планъ войны (развертываніе армій и тыловъ) долженъ разрабатываться и проводиться лицами непосредственно стоящими у этого дѣла и отвѣчающими за него въ цѣломъ. Коллегіальный способъ разработки долженъ быть оставленъ, какъ вносящій въ дѣло слишкомъ много соображеній мѣстнаго, а, слѣдовательно, частнаго характера и въ общемъ, несомнѣнно, нарушающій цѣльность работы и вложенную въ нее единую идею.

Въ результатѣ своего доклада Нач. Ген. Шт. просилъ, чтобы разработка всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ подготовкой къ войнѣ, производилась въ Г. У. Г. Ш., по указаніямъ Военнаго Министра. Совѣщанія же должны были имѣть исключительно совѣщательный и освѣдомительный характеръ.

Докладъ былъ испещренъ резолюціями ген. Сухомлинова: «конечно», «понятно», «да», «согласенъ».

Приведенный только что докладъ ген. Жилинскаго являлся замаскированной общими разсужденіями атакой оперативнаго отдѣла Г. У. Г. Ш. противъ Штабовъ Округовъ и, въ особенности, противъ ген. М. В. Алексѣева.

Изъ предыдущихъ очерковъ мы могли убѣдиться, что въ лицѣ начальниковъ окружныхъ штабовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ, въ особенности же въ лицѣ ген. М. В. Алексѣева, Г. У. Г. Ш. пришлось встрѣтить защитниковъ Милютинской стратегіи. Какъ мы видѣли также, въ возникшей борьбѣ побѣда оказалась на сторонѣ этихъ защитниковъ. Не имѣя должнаго научнаго авторитета, представителямъ Г. У. Г. Ш. оставалось только путемъ редакціонныхъ измѣненій парализовать, глѣ можно, возвращеніе плана войны къ Милютинскимъ идеямъ. Такой способъ замаскированнаго возвращенія къ идеямъ 1910 г. не могъ повысить моральный авторитетъ Г. У. Г. Ш. въ глазахъ Штабовъ Округовъ и когда къ нимъ вернулся такъ перередактированный планъ войны, Начальники Штабовъ Округовъ, при дальнѣйшей проработкѣ плановъ операцій, опять стремились проводить свои идеи.

Хотя идеи плана 1910 г. и вдохновлялись самимъ ген. Сухомлиновымъ, но при его крайне поверхностномъ отношеніи къ дѣлу и при отсутствіи у него серьезныхъ стратегическихъ знаній, онъ не былъ устойчивъ въ практическомъ приложеніи своихъ идей.

Изучая оперативные документы за интересующій насъ періодъ времени и нынѣ хранящіеся въ Воен. Учен. Архивѣ, ген. Заіончковскій констатируетъ слѣдующее*):

> «... со стороны Сухомлинова мнѣ въ дѣлахъ по оперативнымъ вопросамъ не удалось найти ни одной резолюціи по существу. Всѣ онѣ варьировались въ видѣ «согласенъ», «вполнѣ согласенъ», «разумѣется» и т. д. При этомъ, выходили такія досадныя недоразумѣнія, что послѣ резолюцій «вполнѣ согласенъ», проэктъ совершенно отклонялся...».

Такимъ образомъ, мы не сдѣлаемъ ошибки ,если скажемъ, что докладъ Нач. Ген. Шт. ген. Жилинскаго, отъ 19-го янв. 1913 г., являлся попыткой изолировать неустойчиваго въ своихъ стратегическихъ рѣшеніяхъ ген. Сухомлинова отъ го-

*) Тамъ же, примѣчаніе къ стр. 201.

жосовъ нашихъ наиболѣе выдающихся генераловъ Ген. Шт., не входившихъ въ составъ оперативнаго отдѣла Г. У. Г. Ш.

Здѣсь мы подходимъ къ одному изъ краеугольныхъ вопросовъ, на которыхъ зиждится оперативное управленіе войсками, — я говорю объ *единствѣ основной мысли*. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительны слѣдующія строки изъ исторіи войны 1859 г., составленной Прусскимъ Ген. Шт. и принадлежащія перу самого фельдмаршала гр. Мольтке.

«Въ большинствѣ случаевъ», пишетъ онъ, «Главнокомандующій предпочтетъ воспользоваться совѣтомъ. Можетъ случиться, что совѣтъ этотъ будетъ результатомъ обсужденія многихъ лицъ, которыхъ талантъ и опытность дѣлаютъ способными вѣрно судить о положеніи дѣла; но и въ этомъ случаѣ одно мнѣніе должно господствовать надъ всѣми прочими».

«Военно-іерархическая организація должна здѣсь прійти на помощь въ дѣлѣ субординаціи мысли».

«Только подобное мнѣніе и должно быть представлено на критическое обсужденіе Главнокомандующаго и притомъ однимъ лицомъ, которому дано на то право и даже это поставлено въ обязанность*). Пусть это единственное лицо будетъ избрано самимъ Главнокомандующимъ, не по старшинству, а только по личному довѣрію. Хотя данный совѣтъ и можетъ оказаться далеко не лучшимъ, но онъ долженъ быть исполненъ съ полной послѣдовательностью и энергіей, стремясь неуклонно къ разъ поставленной цѣли, и дѣло еще можетъ кончиться успѣшно. Даже при наличіи совѣтника, за Главнокомандующимъ чрезвычайно большая заслуга — это принятіе на себя отвѣтственности за приведеніе въ исполненіе полученнаго совѣта».

«Если Главнокомандующій будетъ окруженъ извѣстнымъ числомъ лицъ, не зависящихъ другъ отъ друга (чѣмъ ихъ будетъ болѣе, чѣмъ они будутъ выше поставлены и чѣмъ даже они будутъ умнѣе, тѣмъ хуже); если онъ будетъ слушаться совѣтовъ то одного, то другого; если онъ начнетъ выполнять разумное предложеніе, но доведетъ это выполненіе только до извѣстнаго предѣла, а затѣмъ послушается другого совѣта, можетъ быть, даже лучшаго, но противорѣчащаго первому; если далѣе онъ согласится съ вполнѣ обоснованными возраженіями третьяго и со способами къ устраненію ихъ, предложенными четвертымъ, то смѣло можно ручаться 100 противъ 1, что при такихъ мѣрахъ, какъ бы онѣ сами по себѣ и ни были хороши и хорошо мотивированы, — онъ проиграетъ кампанію».

«Въ каждой Главной Квартирѣ встрѣчаются люди, которые съ большой проницательностью умѣютъ выставить на видъ трудныя стороны въ каждой предложенной операціи. При первомъ же осложненіи, они вамъ докажутъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что они все предсказывали. Они всегда правы, такъ какъ, остерегаясь предложить, что либо положительное и не принимая на себя исполненіе чего либо, они не могутъ быть изобличены».

Сравнивая докладъ ген. Жилинскаго съ только что приведенной выдержкой изъ твореній фельдмаршала Мольтке, мы видимъ, что въ основѣ ихъ лежитъ одна и та же мысль: *обезпечить единство въ оперативной мысли;* вмѣстѣ съ тѣмъ и Мольтке, и Жилинскій избираютъ одинъ и тотъ же путь: использованіе іерархической субординаціи.

Однако, если мы углубимъ наше сравненіе, то мы замѣтимъ существенныя различія между мыслями Мольтке и Жилинскаго.

1) Начнемъ, прежде всего, съ того, что напомнимъ ту политическую об-

*) Рѣчь идетъ о нач. шт. главнокомандующаго. — Прим. Н. Н. Г.

становку, въ которой пришлось дѣйствовать Мольтке. Это была эпоха, въ которую выковывалось объединеніе Германіи вокругъ Пруссіи. На пути къ этому объединенію лежали двѣ войны: съ Австро-Венгріей, претендовавшей на гегемонію въ Германіи, и съ Франціей Наполеона III, имперіалистическія тенденціи которой не могли допустить реальнаго объединенія Германіи. Въ такой политической обстановкѣ нѣмецкимъ Главнокомандующимъ могло быть только одно лицо — Король Пруссіи. Глубоко чтя государственную мудрость Вильгельма I-го, Мольтке тѣмъ не менѣе не могъ не отдавать себѣ отчета въ неподготовленности Короля къ фактическому стратегическому руководству въ предстоящихъ большихъ войнахъ. Это же обстоятельство легко могло привести, въ атмосферѣ придворнаго окруженія, къ появленію многочисленныхъ и, при томъ, совершенно безотвѣтственныхъ совѣтниковъ. Это грозило полнымъ нарушеніемъ единства идеи операціи и цѣльности въ ея исполненіи. На примѣрѣ войны 1859 года Мольтке и стремится внушить своему Королю, а также и его окруженію, необходимость довѣрять лишь одному совѣтнику, которымъ долженъ быть Начальникъ Штаба.

Изъ изложеннаго въ началѣ этого очерка, мы могли убѣдиться, что предпосылки, вызвавшія докладъ ген. Жилинскаго, не имѣли съ только что сказаннымъ ничего общаго. Непосредственная цѣль, которую преслѣдуетъ этотъ докладъ, это изолировать Военнаго Министра, ген. Сухомлинова, отъ вліяній, идущихъ отъ непосредственныхъ исполнителей плана войны, въ лицѣ будущихъ Начальниковъ Штабовъ фронтовъ и армій, а также ихъ генералъ-квартирмейстеровъ.

Тутъ невольно возникаетъ недоумѣнный вопросъ, — ген. Сухомлиновъ не являлся коронованной особой, нахожденіе которой во главѣ арміи можетъ являться иногда политической необходимостью. Нахожденіе его на посту Военнаго Министра должно было являться слѣдствіемъ выдвиженія на верхи арміи наиболѣе знающаго лица. Послѣ подчиненія Нач. Ген. Штаба Военному Министру, на чемъ настоялъ ген. Сухомлиновъ, послѣдній и долженъ былъ представлять собою того высшаго арбитра, который производитъ должную оцѣнку, даже противорѣчивыхъ мнѣній. Какимъ же образомъ можно было стремиться къ изолированію ген. Сухомлинова отъ выслушиванія мнѣній наиболѣе видныхъ представителей нашего Ген. Штаба, находившихся на мѣстахъ, позволяющихъ имъ ближе видѣть реальныя условія, въ которыхъ должны будутъ протекать задуманныя операціи?

Парадоксальность этого требованія возрастаетъ, если мы вспомнимъ, что въ докладѣ ген. Жилинскаго Г. У. Г. Ш. защищало идеи плана 1910 г. противъ Милютинскихъ идей, воскресшихъ въ планѣ 1912 года. Но самый планъ 1910 г. былъ созданъ и проведенъ Сухомлиновымъ. Такимъ образомъ, докладъ ген. Жилинскаго старался защитить Сухомлинова противъ Сухомлинова.

2. Второе различіе между приведенной мною выдержкой изъ Мольтке и докладомъ Жилинскаго не менѣе существенно.

Мольтке говоритъ о веденіи самихъ операцій. Онъ имѣетъ въ виду тотъ видъ полководческаго творчества, который протекаетъ въ исключительно нервной обстановкѣ и въ рамкахъ крайне ограниченнаго времени. Я думаю, что мнѣ не нужно доказывать этого. Напомню только лишь то, что на войнѣ даже самое лучшее рѣшеніе, но принятое съ опозданіемъ и проводимое съ колебаніями, неизмѣримо хуже, даже не совсѣмъ хорошаго рѣшенія, но принятаго во время и проводимаго съ полнымъ напряженіемъ.

Разработка плана войны происходитъ въ иныхъ условіяхъ. Здѣсь есть время

для самаго тщательнаго и многосторонняго обсужденія. Не характерно ли, что самъ гр. Мольтке, а по его примѣру и другой выдающійся Нач. Герм. Ген. Шт., гр. Шлиффенъ, для провѣрки своихъ оперативныхъ расчетовъ прибѣгали въ этомъ случаѣ къ раздачѣ офицерамъ ген. шт. задачъ по интересующимъ ихъ стратегическимъ проблемамъ.

3) Наконецъ, третье и тоже крайне существенное различіе заключается въ томъ, что Мольтке для того, чтобы достигнуть дисциплины мысли — учитъ. Даже для того, чтобы внушить нужную ему мысль будущему Главнокомандующему — Королю, онъ пишетъ соотвѣтствующее поученіе, какъ выводъ изъ исторіи послѣдней по времени — Австро-Итальянской войны 1859 г. Генералъ же Жилинскій только жалуется и проситъ у своего начальства «распоряженій».

Такимъ образомъ мы видимъ, что подходъ нашего Г. У. Г. Ш. къ важнѣйшей проблемѣ единства въ стратегическомъ мышленіи, по самому существу дѣла радикально отличается отъ такого же Мольтке.

Крайне интересны тѣ мысли, которыя высказываетъ по поводу доклада ген. Жилинскаго отъ 19-го янв. 1913 г. изслѣдователь работы нашего Г. У. Г. Ш. надъ планомъ войны — ген. Заіончковскій*):

«Полководецъ, не существующій обыкновенно въ мирное время, невольно начинаетъ войну не съ чистаго поля, на которомъ онъ самъ можетъ разставить фигуры будущей игры, какъ онъ хочетъ, а начинаетъ играть съ пріуготовленной ему отправной для игры обстановки. Въ этой подготовительной работѣ въ современной войнѣ, а именно въ разстановкѣ фигуръ на театрѣ военныхъ дѣйствій, которыми будутъ пользоваться умъ и воля неизвѣстнаго еще полководца, заключается самая трудная задача современнаго ген. штаба. Найти въ своей работѣ ту равнодѣйствующую, которая помогла бы полководцу, съ разнымъ размахомъ воли и ума, начать игру съ выгоднаго хода, учесть быстро мѣняющуюся сложную политическую обстановку, при не поддающихся быстрому измѣненію рельсовой сѣти и инженерной подготовки, это тотъ идеалъ, къ которому не подходилъ ни одинъ ген. штабъ и къ которому онъ никогда не подойдетъ. Но имѣть его въ виду и стараться подойти къ нему ближе, это именно то, что должно служить для ген. штаба путеводной звѣздой»...

«... Проекты развертыванія 1910 и 1912 г. г. представляютъ собой много матеріала для размышленія и для сравненія».

«1) Проектъ 1910 г. является продуктомъ единоличнаго отвѣтственнаго творчества Г. У. Г. Ш.; проектъ 1912 г. представляетъ собой результатъ коллективнаго творчества отвѣтственныхъ работниковъ съ мѣстъ. Несмотря на короткій для подобнаго рода рѣшеній срокъ въ полтора года, второй проектъ не сохранилъ ни одного изъ основныхъ положеній перваго».

«Г. У. Г. Ш. усматривало въ такой коллективной работѣ зачатокъ безотвѣтственности и старанія удовлетворить частнымъ интересамъ. Но этотъ взглядъ безусловно односторонній».

«Начальники Окружныхъ Штабовъ, это — будущіе начальники штабовъ фронтовъ и армій. Они не только отвѣтственны, но и являются исполнителями центральнаго органа, невольно удаленнаго отъ жизни и отъ познанія тѣхъ мѣстныхъ условій, которыя, несомнѣнно, будутъ вліять на характеръ работы. А потому нельзя не дать имъ права высказать свое мнѣніе».

«Что же касается пристрастія къ мѣстнымъ интересамъ, то приведенные документы показываютъ обратное. Клюевъ, предназначавшійся по своей должно-

---

*) 275, 276, 278.

сти на мѣсто Начальника Штаба Германскаго[1]) фронта, не только вполнѣ справедливо указываетъ на всю безсмысленность наступленія девятью корпусами въ лобъ на Вислинскія крѣпости, но и рекомендуетъ взять съ Германскаго фронта 2-3 корпуса и передать ихъ на Австрійскій[2]) фронтъ...».

Сравнивая затѣмъ во многихъ мѣстахъ своей книги планы 1910 и 1912 года между собой, ген. Заіончковскій многократно показываетъ, насколько второй изъ этихъ плановъ по качеству идей былъ несравненно выше перваго. Въ конечномъ своемъ выводѣ онъ пишетъ[3]):

«Обращаясь къ техникѣ выработки плановъ войны, мы встрѣчаемся и съ единоличной работой центральнаго органа Ген. Штаба и съ коллективной работой представителей съ мѣстъ, ближе стоящихъ къ дѣлу. Сравненіе съ этой точки зрѣнія развертыванія 1910 и 1912 г. г. выявляетъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ данному случаю, всю пользу работы опытнаго коллектива, который въ подготовительной періодъ мирнаго времени можетъ быть страховкой отъ единоличныхъ увлеченій».

Подобный ненормальный случай можетъ создаться только тогда, когда вмѣсто Большого Ген. Штаба, такого, какимъ его понималъ фельдмаршалъ гр. Мольтке, будетъ существовать оторванный отъ жизни, чисто бюрократическій, органъ и когда во главѣ этого органа будетъ находиться лицо, не достигшее требуемаго для современнаго Начальника Ген. Штаба высокаго уровня военныхъ знаній и не пріобрѣвшаго на этой должности долголѣтняго опыта.

ВОЕННАЯ ИГРА СТАРШИХЪ ВОЕННОНАЧАЛЬНИКОВЪ ВЪ АПРѢЛѢ 1914 Г.

Я думаю, не нужно доказывать, что методъ «военной игры» является лучшимъ для разработки и повѣрки стратегическихъ расчетовъ. Военная игра является также наилучшимъ методомъ для внѣдренія въ командномъ составѣ, какъ установленнаго оперативнаго плана, такъ и принятой въ арміи военной доктрины. Поэтому, и въ Германской и во Французской арміяхъ «военныя игры» получили чрезвычайно широкое примѣненіе. Мнѣ пришлось это близко увидѣть въ бытность мою въ «Ecole superieure de Geurre» въ 1908-1910 г. г., и я въ своемъ отчетѣ[4]) настойчиво на это указывалъ. Русская Армія, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи сильно отставала. Первая попытка организовать военную игру для старшихъ военноначальниковъ въ началѣ 1911 г. кончилась полной неудачей. То, что разсказываетъ про эту попытку бывшій Ген.-Кварт. Г. У. Г. Ш. настолько характерно, что я приведу полностью соотвѣтствующую выдержку изъ его воспоминаній.

«Мысль объ одновременномъ созывѣ всѣхъ высшихъ чиновъ арміи», пишетъ Ю. Даниловъ[5]), «коимъ во время войны предстояло занять отвѣтственные посты, съ тою цѣлью, чтобы на практикѣ, путемъ военной игры, ознакомить ихъ съ наиболѣе вѣроятной обстановкой, въ ея цѣломъ, и совмѣстно обсудить рѣшенія, которыя могли бы быть въ этой обстановкѣ приняты, родилась еще въ концѣ 1910

[1]) Сѣверо-западный фронтъ. — Прим. Н. Н. Г.

[2]) Юго-западный фронтъ. — Прим. Н. Н. Г.

[3]) 344.

[4]) «Франц. Высшая Воен. Школа», книга, напечатанная по распоряженію Нач. Имп. Ник. Воен. Ак. — Петербургъ. 1910 г.

[5]) «Россія въ міровой войнѣ», стр. 101.

года*). Ей очень сочувствовалъ бывшій военный министръ ген. Сухомлиновъ. Однако, при проведеніи таковой мысли въ жизнь, пришлось натолкнутся на упорнѣйшее внутреннее сопротивленіе со стороны тѣхъ, кто, повидимому, опасался обнаружить во время этихъ занятій свою отсталость въ военномъ дѣлѣ, или усматривалъ въ нихъ лишь обидную для себя и своего служебнаго положенія провѣрку знаній и опыта въ управленіи войсковыми массами. Игра, организованная въ началѣ 1911-го г., была сорвана самымъ внезапнымъ образомъ. — Уже все для нея было подготовлено. — Потрачено много труда на предварительную разработку программы и подготовку данныхъ. — Назначено время и мѣсто. — Всѣ предположенные участники вызваны въ Петербургъ. — Говорилось о вѣроятномъ посѣщеніи занятій Государемъ, какъ Верховнымъ Вождемъ Арміи. — Въ назначенный день и къ условленному часу въ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ должна была происходить военная игра, были разставлены столы, на нихъ разложены топографическія карты и прочіе необходимые матеріалы. — Оставалось раздать заданія, съ которыми я и прибылъ во Дворецъ. И вдругъ... по телефонному звонку, въ часъ начала игры — полная отмѣна. Сборъ командующихъ войсками и ихъ начальниковъ Штабовъ предложено использовать для обычныхъ, ежегодно практиковавшихся, совѣщаній о мѣстныхъ нуждахъ округовъ. Такъ неожиданно и, скажу, довольно обидно окончилась первая попытка влить живую струю въ нашу подготовку къ военнымъ операціямъ. Потребовалось три года и довольно большая настойчивость, чтобы стало возможнымъ, почти наканунѣ войны, осуществленіе этой крайне важной и, думается мнѣ, полезной мысли».

Военная игра, о которой въ концѣ приведенной выписки упоминаетъ ген. Ю. Даниловъ, состоялась въ апр. 1914 г., въ Кіевѣ.

Главнымъ руководителемъ этой военной игры явился Военный Министръ — ген. В. А. Сухомлиновъ.

Начальникомъ штаба главнаго руководителя былъ только что назначенный Нач. Ген. Шт. ген. Янушкевичъ, генералъ-квартирмейстеромъ — ген.-кварт. Г. У. Г. Ш. ген. Ю. Н. Даниловъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣются только данныя о ходѣ этой военной игры на противо-германскомъ, т. е. С.-З. фронтѣ. Поэтому, мое разсмотрѣніе я и ограничу лишь этимъ фронтомъ.

Главнокомандующимъ арміями этого фронта былъ ген. Жилинскій, который незадолго передъ этимъ былъ перемѣщенъ съ должности Нач. Ген. Шт. на должность Командующаго Войсками Варшавскаго воен. округа. Нач. Шт. фронта — Нач. Шт. Варш. воен. окр. ген. Орановскій; командующимъ 1-й арміей — командующій войсками Вилен. воен. окр. ген. фонъ Ренненкампфъ, нач. штаба 1-й арміи — нач. штаба Вилен. воен. окр. — ген. Милеантъ; командующимъ 2-й арміей — ген.бар. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ; нач. штаба 2-й арміи — ген. Леонтьевъ.

Въ вспыхнувшей черезъ три мѣсяца Міровой войнѣ управленіе 2-й, какъ разъ самой отвѣтственной въ стратегическомъ отношеніи, арміи оказалось въ рукахъ совсѣмъ не тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ Кіевской воен. игрѣ. Какъ извѣстно, командующимъ этой арміей былъ назначенъ не ген. бар. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, а ген. Самсоновъ, а начальникомъ штаба этой арміи — не ген. Леонтьевъ, а ген. Постовскій.

Въ основаніе Кіевской воен. игры было положено предположеніе, что Россія и Франція находятся въ войнѣ съ Германіей, Австро-Венгріей и Италіей. Ру-

*) Правильнѣе было бы сказать не «родилась еще», а «была понята только въ концѣ 1910 г.» — Прим. Н. Н. Г.

мынія приступила къ мобилизаціи и выжидаетъ. Изслѣдователь не можетъ не обратить здѣсь вниманія на то, что общее заданіе, составленное Г. У. Г. Ш. для первой военной игры, какъ то не вяжется съ приведенными выше словами ген. Ю. Данилова «о попыткѣ влить живую струю въ нашу подготовку къ военнымъ операціямъ». Дѣло въ томъ, что въ апрѣлѣ 1914 г. не могло быть уже никакихъ сомнѣній въ томъ, что Италія не приметъ сразу же участія въ войнѣ на сторонѣ Тройственнаго Союза.

Устарѣлая политическая предпосылка въ общемъ заданіи военной игры не могла не отразиться на предпосылкахъ для военной игры въ отношеніи стратегической обстановки. Германія, при участіи въ войнѣ Италіи, могла, даже при нанесеніи ею перваго своего удара по Франціи, направить противъ Россіи большія силы, нежели въ случаѣ, если бы Италія сразу не выступила. И, дѣйствительно, стратегическое заданіе Кіевской военной игры предполагало, что Германія разворачиваетъ въ Вост. Пруссіи силы въ 10 пол. и 11 рез. пѣх. дивизій, которыми и переходитъ въ наступленіе на Ср. Нѣманъ, между Олитой и Гродной.

Главные руководители военной игры предполагали, что цѣлью германской операціи явится: быстрымъ и короткимъ ударомъ разгромить наши неготовыя передовыя войска на Ср. Нѣманѣ и притянуть на себя возможно больше силъ, чѣмъ облегчить операцію Австро-Венгерскихъ армій, наступающихъ на фронтъ Сѣдлецъ-Бр.-Литовскъ-Кобринъ.

Россія, согласно заданія Кіевской воен. игры, выполняла варіантъ «А» плана 1912 г. Задачей С.-З. фронту ставилось: а) обезпечить операцію главной массы нашихъ войскъ, сосредоточенной на Ю.-З. фронтѣ противъ Австро-Венгріи: б) во исполненіе союзныхъ обязательствъ передъ Франціей, отвлечь возможно больше герм. силъ, съ цѣлью разгрузки отъ нѣмецкихъ войскъ франц. фронта.

Къ вечеру 9-го дня мобилизаціи главнокомандующій С.-З. фронтомъ получилъ отъ главнаго руководителя свѣдѣнія, что вторженіе нѣмцевъ въ Занѣманскій районъ началось и на него возлагается задача остановить это наступленіе. Ген. Жилинскій рѣшилъ, не ожидая окончанія нашего стратегическаго развертыванія на Ср. Нѣманѣ, безотлагательно перейти въ рѣшительное наступленіе всѣмъ фронтомъ одновременно, ведя главный ударъ на Лыкъ, съ охватомъ праваго фланга нѣмцевъ.

Рѣшеніе это приводило 1-ю армію, не закончившую своего развертыванія впереди Ср. Нѣмана, къ боямъ съ нѣмцами уже на 12-й день мобилизаціи въ то время, какъ 2-я армія, направленная на Лыкъ, для веденія главнаго удара во флангъ и тылъ нѣмцевъ, дѣйствующихъ противъ 1-й арміи, могла столкнуться съ противникомъ лишь двумя днями позже, т. е. на 14-й день мобилизаціи.

Арміи разворачивались слѣдующимъ образомъ:

1-я армія (8½ пол. пѣх. див.) на фронтѣ Ковна-Друскеники, направляя затѣмъ свой главный ударъ на Гумбиненъ.

2-я армія (10½ пол. пѣх. див.) на фронтѣ Гродна-Ломжа, направляя свой главный ударъ на Лыкъ, съ цѣлью оказать содѣйствіе еще неготовой 1-й арміи.

Къ вечеру 12-го дня мобилизаціи ген. Жилинскій рѣшаетъ придержать наступленіе 1-й арміи, чтобы дать время 2-й арміи выйти къ Лыку, т. е. установить одновременность дѣйствій этихъ армій. Однако, это рѣшеніе не могло быть приведено въ исполненіе, т. к. выдвинувшаяся впередъ 1-я армія, согласно указанію руководства, была уже атакована нѣмцами.

Кіевская воен. игра 1914 г. заставляетъ каждаго, изучающаго военную мощь Россіи передъ Міровой войной, сильно призадуматься.

Прежде всего, поражаетъ ошибка въ общемъ стратегическомъ расчетѣ взаимоотношенія силъ. Ген. Жилинскій и его штабъ, рѣшаясь на преждевременное наступленіе, исходятъ изъ предположенія о равной боевой силѣ нашей и германской пѣх. дивизіи. Какъ мы знаемъ, этого не было на самомъ дѣлѣ. Превосходство въ огневой артиллерійской силѣ герм. пѣх. дивизіи надъ русской было таково — что въ среднемъ, нѣмецкая пѣх. дивизія обладала въ 1½ раза большей боевой силой нежели русская. Такимъ образомъ, на сторонѣ нѣмцевъ фактически было почти двойное превосходство въ силѣ. Между тѣмъ, ген. Жилинскій и его штабъ оцѣнивали взаимоотношеніе силъ, примѣняя пріемъ годный въ эпоху Наполеона ,а не въ современную. Они исходили изъ числа батальоновъ. Примѣненіе этого устарѣлаго метода привело ихъ къ невѣрному выводу, а именно, что на русской сторонѣ имѣется небольшое превосходство въ силахъ.

Со стороны главнаго руководства не сдѣлано было никакой попытки, чтобы указать на устарѣлость, а потому и невѣрность примѣненія подобнаго метода стратегическаго расчета. Не сдѣлало оно этого потому, что само упорно держалось того же совершенно отжившаго метода.

Здѣсь попутно возникаетъ мысль, по поводу срыва въ 1911 г. первой военной игры. Изъ словъ ген. Ю. Данилова, приведенныхъ выше, можно было заключить — что главной причиной этого срыва являлось «упорнѣйшее внутреннее сопротивленіе со стороны тѣхъ, кто, повидимому, опасался обнаружить во время этихъ занятій свою отсталость». Однако, не примѣшивалась ли здѣсь и другая причина противоположнаго характера? Не считали ли нѣкоторые изъ предназначенныхъ къ участію въ игрѣ старшихъ военноначальниковъ, что при малой стратегической компетенціи Сухомлинова и его ближайшихъ сотрудниковъ, военная игра принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, закрѣпивъ въ арміи невѣрные навыки и заглушивъ тѣ побѣги свѣжихъ мыслей въ стратегіи и въ тактикѣ. которые начали всходить въ толщѣ нашей аріми, послѣ неудачъ въ войнѣ съ Японіей?

Вернемся къ состоявшейся «Кіевской военной игрѣ».

Рѣшеніе ген. Жилинскаго перейти въ наступленіе до срока дѣйствительной готовности нашей арміи явилось крупной стратегической ошибкой. Оно показывало непониманіе всей сложности того процесса, который происходитъ при переходѣ въ современную эпоху арміи мирнаго времени на военное положеніе.

Если въ началѣ XIX столѣтія, когда различіе между арміей мирнаго времени и военнаго было невелико, Наполеонъ не допускалъ никакого «тороплeнія», то въ настоящую эпоху оно является «стратегическимъ преступленіемъ». Особенно вредно должно было отразиться подобное «тороплeніе» въ условіяхъ русской дѣйствительности. Готовность русскихъ армій ни въ коемъ случаѣ не могла исчисляться сроками прибытія полевыхъ дивизій. При отсутствіи въ Академіи и въ дальнѣйшей службѣ офицеровъ ген. штаба настоящей подготовки въ техникѣ работы штабовъ армій, мобилизующіяся арміи должны были имѣть въ собственномъ распоряженіи нѣкоторый періодъ времени, для налаженія всѣхъ органовъ своего управленія. снабженія и тыла. Яркой иллюстраціей нашей неподготовленности къ управленію высшими войсковыми соединеніями въ современныхъ условіяхъ служитъ слѣдующій фактъ: «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ», изданное до Японской войны, считалось несоотвѣтствующимъ: тѣмъ не менѣе вплоть до 1914 г. новаго составить не могли: работали комиссіи. писались проекты. но не утверждались и новое «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ» было наскоро утверждено лишь 29-го іюня 1914 года, т. е. наканунѣ объявленія общей мобилизаціи.

Интересно отмѣтить здѣсь, что, когда на Кіевской военной игрѣ ген. Ренненкампфъ получилъ приказаніе ген. Жилинскаго о переходѣ его арміи (№ 1) въ наступленіе до окончанія ея развертыванія, онъ заявилъ руководству, что считаетъ подобное рѣшеніе неправильнымъ. Но главное руководство уклонилось отъ какихъ либо указаній по этому вопросу. Когда же, черезъ три мѣсяца, началась война, оно само повторило эту стратегическую ошибку, что привело армію ген. Самсонова къ катастрофѣ.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что, когда, какъ мы отмѣтили выше, ген. Жилинскій, желая исправить свою ошибку въ первоначальныхъ оперативныхъ расчетахъ, рѣшилъ придержать наступленіе 1-й арміи, дабы дать выйти на помощь къ ней 2-й арміи, главное руководство признало это невыполнимымъ и ввело вводное заданіе, согласно которому выдвинувшаяся 1-я армія оказалась уже атакованной нѣмцами.

Но это воздѣйствіе главнаго руководства не было впослѣдствіи сопровождено никакимъ отчетливымъ, поясняющимъ указаніемъ. Въ результатѣ, въ сентябрѣ 1914 г. повторилась подобная же ошибка въ расчетѣ на помощь лѣвому флангу 1-ой арміи со стороны формирующейся 10-й. На этотъ разъ невѣрные расчеты съ «крайнимъ нажимомъ» въ благопріятную для насъ сторону производили не только ген. Жилинскій, но и ген. Янушкевичъ и ген. Ю. Даниловъ... и 1-я армія ген. Ренненкампфа потерпѣла крупное пораженіе въ, такъ называемомъ. первомъ сраженіи у Мазурскихъ Озеръ.

Но наиболѣе характерной особенностью Кіевской военной игры являлось слѣдующее обстоятельство: *на военной игрѣ отсутствовала работа тыла*. Это показываетъ, до какой степени безпочвенно понимало стратегію главное руководство, превращая военную игру въ упражненіе на картѣ въ «стратегическомъ авантюризмѣ».

Несостоятельность главнаго руководства Кіевской военной игры особенно ярко выявилась въ ея концѣ.

Я думаю, никто не будетъ оспаривать, что существеннѣйшею частью военной игры является заключительный разборъ ея руководителемъ. Пользуясь разыграннымъ участниками игры частнымъ случаемъ, руководитель указываетъ на сдѣланныя ошибки, въ особенности же на неправильные оперативные методы. Для большей поучительности, онъ показываетъ также какъ бы онъ самъ рѣшилъ въ разбираемомъ имъ случаѣ и какіе пріемы расчетовъ должны были бы быть примѣнены.

Отъ подобнаго разбора главное руководство Кіевской военной игры уклонилось.

Заключеніе, сдѣланное Нач. Ген. Шт. ген. Н. Н. Янушкевичемъ, представляло лишь общія мѣста, а потому лишено было практической цѣнности. Военнымъ же Министромъ былъ составленъ докладъ отъ 22-го мая 1914 г., который представлялъ собой описаніе фактической стороны разыгранныхъ событій, не вдаваясь въ оцѣнку ихъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОДГОТОВКА Г. У. Г. Ш. НОВАГО ПЛАНА ВОЙНЫ.

ОСНОВНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ 1913 ГОДА; ДОКЛАДЪ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

Едва кончились въ декабрѣ 1912 г. совѣщанія въ Петербургѣ Нач. Окр. Штабовъ, а потомъ будущихъ Главнокомандующихъ фронтами армій о планѣ войны 1912 г., какъ съ начала же 1913 г. въ Г. У. Г. Ш. началась работа по выработкѣ новаго стратегическаго развертыванія.

Дѣло въ томъ, что въ основу развертыванія по плану 1912 г. было положено «мобилизаціонное расписаніе», именовавшееся «№ 18 измѣненнымъ». Между тѣмъ подготовлялось другое мобилизаціонное расписаніе «№ 20».

Эта новая работа Г. У. Г. Ш. была забронирована отъ критики Командующихъ войсками въ округахъ и ихъ Нач. Штабовъ, утвержденнымъ ген. Сухомлиновымъ докладомъ Нач. Ген. Штаба отъ 19 янв. 1913 г. Я говорилъ объ этомъ докладѣ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ[1]). Такимъ образомъ, новый проектъ стратегическаго развертыванія всецѣло попадалъ въ руки операторовъ нашего Г. У. Г. Ш.

Мобилизаціонное расписаніе № 20 должно было вступить въ силу лишь осенью 1914 г., поэтому 31-го іюля этого года, когда Русская Армія вынуждена была приступить къ мобилизаціи, она выполняла послѣднюю по расписанію № 18 измѣненному. Естественно, что въ силѣ оставался также и подробно нами разсмотрѣнный планъ 1912 г. Но оперативный отдѣлъ Ставки составлялся изъ операторовъ ГУГШ. Они принесли съ собою въ Ставку идеи, которыя они съ такой настойчивостью отстаивали съ 1910 г. А потому, чтобы понять истинный смыслъ тѣхъ измѣненій, которыя были внесены Ставкой во время самаго стратегическаго развертыванія нашей Арміи въ авг. 1914 г., нужно прослѣдить и ту работу, которую продѣлало Г. У. Г. Ш. надъ проектомъ новаго стратегическаго развертыванія.

25-го сент. 1913 г. эти «новыя основныя соображенія по развертыванію

---

1) Стр. 119.

Русскихъ вооруженныхъ силъ при войнѣ съ державами Тройственнаго Союза (мобилизаціонное расписаніе № 20)», по докладу Военнаго Министра были Высочайше утверждены.

Доклада этого, по заявленію ген. Заіончковскаго[1]), въ архивахъ не сохранилось. Но за то этому изслѣдователю удалось найти копію доклада Нач. Ген. Штаба, который послужилъ основаніемъ вышеупомянутымъ «новымъ стратегическимъ соображеніямъ».

Согласно прочно укоренившагося въ нашемъ Г. У. Г. Ш. оперативному методу, докладъ начинается не съ разсмотрѣнія задаваемыхъ Россіи ея внѣшней политикой стратегическихъ заданій, а съ обсужденія силъ и намѣреній противника.

Докладъ считалъ, что возможность немедленнаго присоединенія Румыніи къ выступившимъ противъ насъ Германіи и Австро-Венгріи уменьшилась. Отношенія со Швеціей почитались въ прежнемъ положеніи, выступленіе же Турціи считалось болѣе вѣроятнымъ. Но обѣ эти державы могли, по мысли докладчика, дѣйствовать лишь на отдѣльныхъ театрахъ.

Въ отношеніи *Германіи*, докладъ опредѣленно останавливался на томъ варіантѣ, что главный ударъ нѣмцы первоначально будутъ наносить французамъ, съ которыми легче покончить сильными и короткими ударами, тогда какъ война съ Россіей легко могла сдѣлаться затяжной. Докладъ указывалъ на особо важное значеніе для Германіи ея западной фабрично-промышленной полосы, служащей источникомъ питанія арміи въ боевомъ и техническомъ отношеніяхъ, что должно было заставить Германію напречь главныя усилія къ сохраненію этого района, что также лучше всего можетъ быть достигнуто рѣшительнымъ наступленіемъ.

Вѣроятность направленія перваго удара противъ Франціи подтверждалась и усиленіемъ восточныхъ крѣпостей и добытыми путемъ развѣдки документальными данными.

Это правильное, по существу дѣла, предположеніе, благодаря неправильному оперативному методу рѣшать сначала задачу за противника и затѣмъ только рѣшать «чего хочешь», привело къ тому, что въ проектѣ новаго развертыванія вооруженныхъ силъ по мобилизаціонному расписанію № 20 «другой варіантъ плана (плана войны 1912 г.), варіантъ «Г», совсѣмъ отбрасывался[2])». Такимъ образомъ, воля будущаго Верховнаго Главнокомандующаго окончательно сковывалась.

Какъ мнѣ приходилось уже говорить въ одномъ изъ своихъ начальныхъ очерковъ, разсматриваемый нами здѣсь докладъ Нач. Ген. Штаба такъ оцѣнивалъ силы, которыя предполагалось, что Германія оставитъ противъ Россіи:

минимумъ — 3 корп. + 10 рез. див. = 16 пѣх. див.
максимумъ — 6 корп. + 13 рез. див. = 25 пѣх. див.

Первая цифра основывалась на предположеніяхъ Франц. Ген. Штаба, вторая являлась нашимъ предположеніемъ.

Въ отношеніи *Австро-Венгріи* новая политическая обстановка (осложненія на Балканахъ и охлажденіе съ Италіей) позволяли разсчитывать на оставленіе ею на первое время войны на южныхъ границахъ 3-4 корпусовъ и на направленіе противъ Россіи 12-13 корпусовъ.

Наконецъ, *Румынія* едва ли могла развернуть, по тѣмъ же соображеніямъ,

1) Заіончковскій. «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)». Стр. 304.
2) Заіончковскій, стр. 302.

на русскомъ фронтѣ болѣе 3 корпусовъ, съ соотвѣтственными резервными частями.

Въ общемъ же, Нач. Ген. Штаба разсчитывалъ, что въ первое время войны мы съ наибольшей вѣроятностью могли ожидать противъ себя на западномъ фронтѣ *19-21 корпусъ* (и *16 кав. дивизій) въ составѣ 74-80 пѣх. дивизій.*

Раіономъ первоначальнаго *развертыванія* непріятельскихъ войскъ, по прежнему, считалась для германцевъ Вост. Пруссія, для австрійцевъ Вост. Галиція и для румынъ Сред. и Сѣв. Румынія.

Готовностъ непріятельскихъ войскъ къ переходу въ наступленіе всѣми соединенными силами опредѣлялась для Германіи на 13 день утромъ, для Австріи на 16 день утромъ и для Румыніи 15-18 день утромъ.

Свои силы, расквартированныя въ Евр. Россіи и на Сѣв. Кавказѣ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ Кавк. каз. дивизій, Нач. Ген. Штаба опредѣлялъ въ *28 корпусовъ,* или въ *91 пѣх.* (60 полевыхъ и 31 второочередныхъ) и *31 кав.* (23 полевыхъ и 8 второочередн.) *дивизіи.*

Изъ этого числа исключались войска, которыя признавалось необходимымъ выдѣлить для прикрытія столицы и для наблюденія за побережьемъ Чернаго моря, что составляло 2 корпуса или 10½ пѣх. (изъ нихъ 5 второочередныхъ) и 1½ кав. дивизіи. Такимъ образомъ, *для дѣйствія на западномъ фронтѣ оставалось 26 корпусовъ,* или *80 ½пѣх.* (изъ нихъ 26 второочередныхъ) и *29½* (изъ нихъ 7 второочередныхъ) *кав. дивизій.*

Если мы сравнимъ этотъ окончательный итогъ въ 80½ пѣх. дивизій съ соотвѣтствующимъ итогомъ плана 1912 г., то увидимъ увеличеніе на 4 пѣх. дивизіи (по плану 1912 г. 52½ полевыхъ и 24 второочередныхъ пѣх. див.). Этотъ приростъ силъ, однако, лишь незначительно улучшалъ создавшееся въ началѣ войны на нашемъ Западномъ театрѣ соотношеніе силъ. Какъ много разъ уже приходилось указывать, германская пѣх. дивизія, въ среднемъ, была сильнѣе русской пѣх. дивизіи въ огневомъ отношеніи въ полтора раза. Поэтому, для правильнаго оперативнаго расчета, нужно было опредѣлять боевыя силы ожидаемаго нами непріятеля цифрами, эквивалентными огневой силѣ нашей пѣх. дивизіи, т. е. считать герм. пѣх. дивизію не за единицу, а за полторы. Такимъ образомъ, реальная боевая сила ожидаемаго нами врага достигала боевой силы 82-92 русскихъ пѣх. дивизій. Между тѣмъ докладъ Нач. Ген. Штаба приходилъ къ иному выводу.

Примѣняя совершенно устарѣлый методъ оперативнаго исчисленія въ батальонахъ, онъ считалъ, что превосходство силъ на нашей сторонѣ (132 бат.).

Дабы обезпечить себѣ «еще большее превосходство въ силахъ», пишетъ Нач. Ген. Штаба, а также на случай переброски части германскихъ силъ съ Французскаго фронта на Русскій, можно разсчитывать на подвозъ значительной части войскъ съ нашихъ восточныхъ окраинъ. По складывающейся политической обстановкѣ, считалось возможнымъ взять изъ округовъ Кавказскаго (кромѣ назначеннаго уже III-го Кавк. к.), Туркестанскаго, Омскаго и Иркутскаго, еще три корпуса, въ составѣ 7 пол. пѣх. и 1 кав. дивизіи.

Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій, силы, предоставляемыя въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго для дѣйствій на Европейскомъ театрѣ, достигали 31 корпуса или 67 пол. и 31 второоч. див., что составляло *85% всѣхъ русскихъ вооруженныхъ силъ.*

Какъ на послѣднее возможное для Европейскаго театра подкрѣпленіе, указывалось на переброску туда и остальныхъ войскъ съ восточныхъ окраинъ, но не

раньше замѣны ихъ соотвѣтственнымъ количествомъ ополченія, на что требовалось значительное время.

Нач. Ген. Штаба давалъ грозную, по одностороннюю картину боевой мощи Россіи. Онъ совершенно игнорировалъ въ своемъ докладѣ недостаточность нашего, по сравненію съ нѣмцами, артиллерійскаго вооруженія; онъ совершенно обходилъ жизненный вопросъ о надлежащемъ снабженіи арміи огнестрѣльными припасами, а также недочеты въ интендантскомъ довольствіи.

«Онъ не доложилъ Верховной власти», пишетъ ген. Заіончковскій[1]), «что искусственно раздутая живая сила арміи не имѣетъ соковъ для своего питанія, что вся военная система не имѣла необходимаго равновѣсія, что громоздкая армія была построена на принципѣ «числомъ побольше» въ размѣрахъ, превышающихъ взгляды эпохи Крымской войны. Онъ совершенно не останавливался на томъ фактѣ, что человѣческая масса арміи должна быть производной отъ правильнаго разрѣшенія вопроса объ ея питаніи и что въ этомъ отношеніи состояніе снабженія арміи всѣмъ необходимымъ отстало на десятки лѣтъ отъ разросшейся ея численности».

«Было ли это небрежностью или отсутствіемъ привычки смотрѣть впередъ съ учетомъ тѣхъ новыхъ элементовъ, которые безпрерывно появляются, заставляя оглядываться не только назадъ на историческое прошлое, но и впередъ, предвидя реально развивающееся будущее и учитывая только въ необходимыхъ предѣлахъ прошедшее? Нѣтъ сомнѣнія, что это не была небрежность».

Вполнѣ соглашаясь съ ген. Заіончковскимъ, что дѣло заключалось именно не въ небрежности, а въ неподготовленности къ настоящей научно-обоснованной оперативной работѣ; я добавлю еще одно. Это являлось непосредственнымъ послѣдствіемъ того обстоятельства, на которое я уже указывалъ выше: наше Г. У. Г. Ш. вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти, подобно Германскому Большому Ген. Штабу, характеръ высшаго Военно-Ученаго Учрежденія, пріобрѣло характеръ высшей канцеляріи по перепискѣ по оперативнымъ вопросамъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если обратить вниманіе на то, какъ тотъ же разбираемый нами здѣсь докладъ Нач. Ген. Штаба, разсматриваетъ вопросъ о готовности нашихъ вооруженныхъ силъ.

Къ 16 дню мобилизаціи, къ тому сроку, когда самъ Нач. Ген. Штаба предполагалъ возможнымъ начало рѣшительнаго наступленія противника, онъ считаетъ, что у насъ въ раіонахъ сосредоточенія будетъ находиться только около 40 пѣх. дивизій. Тутъ невольно у читателя зарождается трагическій вопросъ — какъ же можно было въ такихъ условіяхъ оставлять въ силѣ данное тѣмъ же Нач. Ген. Штаба, ген. Жилинскимъ, 13-го іюля 1912 г. на Союзномъ Совѣщаніи въ Парижѣ, обѣщаніе французамъ, что мы поведемъ рѣшительное наступленіе своихъ армій на 15-й день мобилизаціи[2]). Вѣдь это означало переходъ въ рѣшительное наступленіе противъ предполагаемаго въ двойномъ превосходствѣ въ силахъ противника и при этомъ, въ виду оставленія въ силѣ лишь варіанта «А» плана 1912 года — по двумъ расходящимся направленіямъ.

Разсматриваемый нами докладъ ген. Жилинскаго хранитъ объ этомъ полное молчаніе. Для успокоенія же онъ прибѣгаетъ къ чисто канцелярскимъ пріе-

---

1) Стр. 307.

2) Протоколы Союзныхъ Совѣщаній 1911, 1912 и 1913 г. г., напечатаны въ іюльскомъ номерѣ нѣмецкаго журнала «Süddeutsche Monatshefte» стр. 210-222.

емамъ. По «вновь произведеннымъ разсчетамъ общаго характера», говорится въ докладѣ, полный сборъ силъ, собираемыхъ на западномъ фронтѣ, безъ окраинъ и безъ семи второочередныхъ дивизій, оставляемыхъ въ распоряженіи Верх. Главнокомандующаго, заканчивается на 26-й день.

По плану же 1912 г. считалось, что общее сосредоточеніе закончится на 40-й день.

Какъ будто бы общее сосредоточеніе на западномъ театрѣ ускорено на 14 дней...

Подобную же оптимистическую картину рисуетъ составитель доклада и по отдѣльнымъ арміямъ.

1-я армія, вмѣсто 36 дней, сосредотачивается въ 26, т. е. на 10 дней раньше; 2-я — вмѣсто 40 дней, въ 33, т. е. на 7 дней раньше; 3-я армія сосредотачивается —Ровненская группа въ 23 дня (на 13 дней раньше), а Проскуровская — въ 17 дней (на 6 дней раньше): 4-я армія — въ 26 дней (на 12 дней раньше) и 5-я — въ 21 дня (на 6 дней раньше[1]).

Однако, въ дѣйствительности, имѣло мѣсто не столько ускореніе въ сосредоточеніи, сколько искусственность въ подборѣ цифровыхъ данныхъ: при исчисленіи готовности по плану 1912 г., принимались во вниманіе всѣ дивизіи, при исчисленіи же, по «новымъ соображеніямъ», исключались III-й Кавк. к. и 7 второочередныхъ, наиболѣе долго мобилизуемыхъ, пѣх. дивизій, задерживавшихъ общее развертываніе. Эти дивизіи исключались изъ состава армій и зачислялись въ распоряженіе Верх. Главнокомандующаго. Вотъ этимъ переносомъ цифръ изъ одной графы въ другую и достигалось сокращеніе сроковъ сосредоточенія *по видимости, а не по существу*. Послѣднее въ дѣйствительности могло быть ускорено въ 1914 г., благодаря усовершенствованію нашей желѣзнодорожной сѣти, лишь на 1-2 дня[2]).

Въ докладѣ Нач. Ген. Штаба отсутствуютъ какіе-бы то ни было опредѣленные разсчеты нашихъ жел.-дорожныхъ перевозокъ. Говоря, напримѣръ, о прибытіи подкрѣпленій изъ нашихъ Азіатскихъ воен. округовъ, докладъ упоминаетъ лишь о *головныхъ эшелонахъ*, которые могутъ начать прибывать на линію Смоленскъ-Брянскъ-Никитовка съ 26-го по 41-й день мобилизаціи.

«Въ выраженіяхъ доклада Нач. Ген. Штаба», пишетъ ген. Заіончковскій[3]), «въ отношеніи сроковъ сосредоточенія, проглядываетъ какая то неувѣренность. Онъ говоритъ о какихъ-то разсчетахъ общаго характера, на которыхъ въ дѣлѣ перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ базироваться нельзя.. Данныя о подходѣ только головныхъ эшелоновъ, да еще съ вилкой отъ 26 до 41 дней, также давали мало матеріала для оперативныхъ разсчетовъ будущему главнокомандующему. Наконецъ, подсчетъ сроковъ сосредоточенія въ 1912 г., за вычетомъ отстающихъ 7 дивизій, указываетъ, что замѣтнаго ускоренія въ нашемъ развертываніи, существенно мѣняющаго дѣла, проектъ 1913 г. не вносилъ».

---

[1]) В. уч. Арх. д. № 169271 (цитировано у Заіончковскаго, стр. 303).

[2]) Заіончковскій, стр. 313.

[3]) Стр. 308.

ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ПРОЕКТА РАЗВЕРТЫВАНІЯ 1913 ГОДА

Докладъ Нач. Ген. Штаба, обосновывавшій «Новыя соображенія по развертыванію Русскихъ вооруженныхъ силъ при войнѣ съ Державами Тройственнаго Союза (при мобилизаціонномъ расписаніи № 20)», распредѣлялъ эти силы также, какъ и планъ 1912 г., въ двухъ группахъ армій. Онъ измѣнилъ лишь наименованіе этихъ группъ. Группа армій, развертывающихся противъ Вост. Пруссіи, была названа не «арміями Германскаго фронта», а «арміями Сѣв.-Зап. фронта», группа же армій, разворачивающихся противъ Галиціи, именовалась не «арміями Австрійскаго фронта», а «арміями Юго-Зап. фронта».

Нельзя не согласиться съ правильностью этого измѣненія. Естественное распредѣленіе нашихъ армій въ началѣ войны на двѣ группы армій, при дальнѣйшемъ ходѣ войны легко могло стать противоестественнымъ. Напримѣръ, въ случаѣ успѣха нашихъ первыхъ операцій, центръ тяжести нашихъ дѣйствій переносился на западный берегъ Вислы. Въ этомъ случаѣ стратегія требовала образованія трехъ группъ армій: Сѣверной, дѣйствующей къ сѣв.-вост. отъ нашего Передового Театра; Центральной (или Западной), дѣйствующей въ нашемъ Завислинскомъ раіонѣ, и Юго-Западной, дѣйствующей на юго-зап. отъ р. Вислы. Въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе неуспѣха, мы вынуждены были бы очистить нашъ Передовой Театръ и отойти вглубь страны, стратегія потребовала бы тоже образованія трехъ группъ армій: Сѣверной, защищающей пути на Петербургъ; Западной, защищающей пути на Москву, и Юго-Западной, прикрывающей Малороссію и Новороссію. Такое распредѣленіе и произошло фактически въ кампанію 1915 г., по окончаніи нашего отхода отъ Вислы и Нѣмана.

Можетъ показаться страннымъ, что, вступивъ на правильный путь стратегической мысли, разбираемый нами докладъ Нач. Ген. Штаба остановился на полпути: онъ оставилъ общее наименованіе — «фронты армій», а не примѣнилъ болѣе правильнаго названія — «группы армій». «Правильно называть, это правильно понимать», — говоритъ старая пословица. Она оправдывается и въ данномъ случаѣ. Когда, послѣ блестящей побѣды армій нашего Ю.-З. фронта въ Галиціи, мы перенесли центръ тяжести нашихъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, то вмѣсто того, чтобы объединить всѣ эти арміи въ рукахъ одного, новаго главнокомандующаго, Ставка оставила ихъ въ подчиненіи двухъ прежнихъ главнокомандующихъ. Это вызвало рядъ совершенно излишнихъ треній.

Причину оставленія наименованія группъ армій «фронтами армій», нужно искать въ той основной идеѣ, которая была положена въ основу разрабатываемаго тогда «Положенія о Полевомъ Управленіи войскъ».

Упраздненіе въ 1908 г. «Совѣта Государственной Обороны», предсѣдателемъ котораго былъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ, было, повидимому, связано съ рѣшеніемъ, что Верховнымъ Главнокомандующимъ, въ случаѣ войны съ Центральными Державами, станетъ самъ Государь Императоръ. Можно предположить, что эта мысль была однимъ изъ главныхъ козырей въ рукахъ ген. В. А. Сухомлинова, въ его интригахъ противъ Вел. Кн. Николая Николаевича. Исходя изъ той мысли, что Верховнымъ Главнокомандующимъ будетъ самъ Государь Императоръ, новое «Положеніе о Пол. Упр. войскъ» не только стремилось возможно облегчить работу Государя Императора, но также и снять съ него, въ возможно большей мѣрѣ, отвѣтственность за самое веденіе военныхъ дѣйствій. Это и привело къ слѣдующему рѣшенію: театръ военныхъ дѣйствій былъ раздѣленъ на двѣ территоріи, каж-

дая изъ которыхъ была подчинена, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими арміями, Главнокомандующему. Руководство же снабженіемъ и тыловыми службами въ самой странѣ возлагалось на военнаго министра. Такимъ образомъ, веденіе войны распредѣлялось между тремя лицами: двумя главнокомандующими и военнымъ министромъ. Государю Императору, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго, оставлялось только самое общее руководство, вслѣдствіе чего и самъ составъ Ставки проектировался весьма ограниченнымъ.

При такомъ замыслѣ фронты армій представляли собою нѣчто несравненно болѣе крупное по своему значенію, нежели группы армій. На послѣднія стратегическая наука смотритъ лишь какъ на оперативныя, легко измѣняемыя соединенія армій, вслѣдствіе чего начальники такихъ группъ должны быть освобождены отъ заботы о тылѣ, вѣдѣніе которымъ остается въ рукахъ Ставки. Такъ вопросъ о группахъ армій и былъ разрѣшенъ во время войны въ Германіи и во Франціи. По существу дѣла, при такихъ условіяхъ, начальники группъ армій являются скорѣе «командующими группами армій», а не Главнокомандующими. При нашей же постановкѣ вопроса, Русская Дѣйствующая Армія оказалась распредѣленной между двумя полномочными во всѣхъ отношеніяхъ Главнокомандующими. Такое рѣшеніе могло отвѣчать лишь тому случаю, если Верховнымъ Главнокомандующимъ станетъ самъ Государь. Излишняя самостоятельность главнокомандующихъ фронтами умѣрялась авторитетомъ Монарха, которому они непосредственно подчинялись. Вмѣстѣ съ этимъ Верховному Главнокомандующему-Монарху былъ подчиненъ и военный министръ, что давало ему возможность соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ снабженій и пополненій регулировать дѣятельность главнокомандующихъ.

Въ иномъ положеніи оказывалось всякое другое лицо, назначенное Верховнымъ Главнокомандующимъ. Въ создаваемыхъ проектируемымъ «Положеніемъ о Пол. Упр. войскъ» условіяхъ, власть Верховнаго Главнокомандующаго — не Монарха была стѣснена. Военный министръ ему не былъ подчиненъ, а вѣдѣніе театромъ военныхъ дѣйствій находилось въ рукахъ Главнокомандующихъ. При рѣшеніи каждаго изъ вопросовъ о снабженіи и пополненіи, вопросовъ, своевременное разрѣшеніе которыхъ во многомъ обуславливало выполненіе той или иной операціи, Верховный Главнокомандующій, не Монархъ, зависѣлъ отъ главнокомандующихъ фронтовъ и отъ военнаго министра.

Можетъ быть, при составленіи новаго «Положенія о Пол. Упр. войскъ», ген. В. А. Сухомлиновымъ руководила скрытая мысль ослабить положеніе Вел. Кн. Николая Николаевича, въ томъ случаѣ, если Императоръ Николай II возстановитъ свое прежнее рѣшеніе — назначить Великаго Князя Верховнымъ Главнокомандующимъ...

Вернемся теперь къ разсмотрѣнію интересующаго насъ доклада Нач. Ген. Штаба.

Обсуждая вопросъ о томъ, на какомъ изъ нашихъ фронтовъ нужно наносить въ первую операцію нашъ главный ударъ, докладчикъ считалъ, что гораздо важнѣе при данной обстановкѣ обезпечить себѣ въ первый періодъ войны рѣшительный успѣхъ противъ Австро-Венгровъ; онъ предполагалъ, что ихъ «пестрая армія не скоро оправилась бы отъ удара, что обезпечило бы за нами свободу дѣйствій и дало бы возможность нанести ударъ по частямъ нѣмцамъ, если бы послѣдніе, одержавъ успѣхъ надъ Франціей, перебросили свои войска противъ насъ»[1]).

---

[1]) Цитировано у Циховича: «Стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.», часть I-я, стр. 17.

Считая, такимъ образомъ, что нашъ главный ударъ будетъ наноситься въ началѣ войны арміями Ю.-З. фронта, Нач. Ген. Штаба указываетъ, однако, что при опредѣленіи силъ армій С.-З. фронта нужно считаться съ «нѣкоторыми привходящими обстоятельствами».

Первое изъ этихъ «обстоятельствъ» заключалось въ томъ, что нѣмцы, пользуясь отличной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, могутъ измѣнить неожиданно свой оперативный планъ и начать войну съ нанесенія главнаго удара Россіи изъ Вост. Пруссіи на Москву или Петербургъ. На этотъ маловѣроятный случай, Нач. Ген. Штаба считалъ необходимымъ имѣть на С.-З. фронтѣ нѣкоторый запасъ силъ, пока окончательно не выяснится дѣйствительная обстановка.

Вторымъ — являлись наши союзныя обязательства по отношенію къ Франціи, «крайне заинтересованной въ оставленіи возможно большихъ русскихъ силъ, именно, противъ Германіи».

Наконецъ, въ третьихъ, самое развертываніе русскихъ силъ на южномъ фронтѣ Варш. воен. округа, выгодное для нанесенія чувствительнаго удара австрійцамъ, требовало вполнѣ прочнаго обезпеченія тыла со стороны нѣмцевъ.

Въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ Нач. Ген. Штаба невольно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: оставленіе противъ Германіи на С.-З. фронтѣ излишнихъ силъ диктовалось, прежде всего, желаніемъ Г. У. Г. Ш. защитить себя отъ наступленія нѣмцевъ (см. выше первое «обстоятельство»). Наши же обязательства передъ французами, по мнѣнію докладчика, вполнѣ совпадали съ той стратегической страховкой, которую онъ считалъ необходимымъ принять для обезпеченія своего удара противъ австрійцевъ, и даже покрывались ею[1]).

Вѣрный принятому въ Г. У. Г. Ш. неправильному оперативному методу, разсматриваемый нами докладъ начинаетъ разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи силъ между С.-З. и Ю.-З. фронтами съ обсужденія, какъ можно защититься въ томъ случаѣ, если Германія поведетъ рѣшительное стратегическое наступленіе противъ Россіи одновременно съ такимъ же рѣшительнымъ наступленіемъ главныхъ силъ противъ Франціи.

Страхъ подобнаго случая вызываетъ заботу Нач. Ген. Штаба о скорѣйшей боевой готовности войскъ, выставляемыхъ противъ Германіи. При этомъ численность войскъ, назначаемыхъ на С.-З. фронтъ, разсчитывается Нач. Ген. Штаба такъ, чтобы они могли не только отразить ударъ, но и перейти затѣмъ въ наступленіе, однако — «безъ излишняго нагроможденія войскъ». «Необходимо имѣть въ виду», добавляетъ Нач. Ген. Штаба, «что Вост. Пруссія не способствуетъ дѣйствіямъ большими силами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не заключаетъ въ себѣ важныхъ предметовъ для такихъ силъ».

«Немного странны», пишетъ ген. Заіончковскій[2]), «эти заключенія Нач. Ген. Штаба, который, какъ бы забылъ, что, кромѣ Вост. Пруссіи, Россія имѣла еще обширную границу съ Германіей на лѣвомъ берегу Вислы .... Можно не сочувствовать этому удару, считать себя для него неготовыми, но это не давало права докладчику умышленно фиксировать вниманіе рѣшающихъ вопросъ войны исключительно на Вост. Пруссіи. Главн. Упр. Ген. Штаба сдѣлало себѣ еще съ 1909 г. какой то злой фетишъ изъ этой злосчастной провинціи, куда и тянулись всѣ его помыслы и все его вниманіе. Лобовой ударъ на Вислу черезъ Вост. Пруссію былъ предѣломъ стратегическихъ мечтаній центральнаго органа».

---

1) Заіончковскій, стр. 310.

2) Стр. 309.

Исходя изъ приведенныхъ выше соображеній и принимая во вниманіе новую дислокацію, докладъ Нач. Ген. Штаба предназначалъ на С.-З. фронтъ всѣ корпуса, которые уже по мирной дислокаціи являлись ближайшими къ границѣ съ Вост. Пруссіей. Таковыми были: XX-й к-съ (Рига), III-й (Вильна), II-й (Гродна), VI-й (Бѣлостокъ), XV-й и XXIII-й (Варшава), а также 1-я стр. бр. (Лодзь) XIV-го к-са; это составляло 12 пѣх. див. и двѣ стр. бр. войскъ съ наибольшей готовностью.

Желая обезпечить себѣ нѣкоторое превосходство въ силахъ даже въ томъ случаѣ, если германцы оставятъ противъ Россіи максимумъ предполагавшихся войскъ, т. е. 25 див., Нач. Ген. Штаба считалъ нужнымъ добавить на С.-З. фронтъ еще Гвард. (Петербургъ) и IV-й (Минскъ) к-са и 10 второочередныхъ дивизій, что въ общемъ составляло, съ перечисленными выше корпусами, 27 пѣх. дивизій противъ 16-25 нѣмецкихъ.

«Этимъ», пишетъ ген. Заіончковскій[1]), «по мнѣнію Нач. Ген. Штаба, создавались условія для возможнаго, по сборѣ всѣхъ намѣченныхъ на Германскій фронтъ силъ, перехода въ наступленіе, которымъ обезпечивался тылъ войскъ, дѣйствующихъ противъ австрійцевъ, и расширялся маневренный раіонъ путемъ захвата Вост. Пруссіи для будущихъ операцій вглубь Германіи.

Установленіемъ максимума силъ противъ Германіи опредѣлялось и число войскъ, оставшихся въ нашемъ распоряженіи для развертыванія противъ Австро-Венгріи.

Въ предшествующихъ разсужденіяхъ Нач. Ген. Штаба весьма интересенъ методъ его стратегическаго мышленія. Онъ не начинаетъ разрѣшенія задачи съ вопроса сколько ему нужно войскъ для выполненія основной поставленной себѣ операціи, чтобы, исходя отсюда, скомбинировать уже остатки силъ для страховки этой операціи. Напротивъ, первая забота автора состоитъ въ томъ, чтобы прочно застраховать главную операцію и этимъ уже опредѣлить силы, остающіяся для ея веденія.

Онъ ее страхуетъ до отказа и на Балтійскомъ побережьѣ, и противъ Румыніи, которая въ началѣ войны ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлать ни хорошей, ни дурной погоды, и, наконецъ, какъ то неумѣло страхуетъ себя со стороны Вост. Пруссіи. Неумѣло потому, что съ 27-ю дивизіями было трудно овладѣть этой провинціей, если бы она оборонялась 25-ю дивизіями, и этихъ 27 дивизій было бы много для активной обороны, если нѣмцами тамъ будетъ оставлено 16......... При такомъ методѣ мышленія вообще было трудно собрать необходимое превосходство въ силахъ, для рѣшенія главной задачи»

Переходя къ обсужденію вопроса о развертываніи армій нашего Ю.-З. фронта, докладъ Нач. Ген. Штаба предпосылаетъ ему указаніе, что направленіе нашей границы позволяетъ развернуть силы противъ австрійцевъ, какъ на южномъ фасѣ Варш. воен. округа, такъ и вдоль западной границы Кіев. воен. округа. Нач. Ген. Штаба соглашается съ тѣмъ, что ударъ со стороны Варш. воен. окр. является наиболѣе опаснымъ для австрійцевъ, но, въ интересахъ быстроты и «безопасности развертыванія», приходится, по мнѣнію докладчика, ограничить число корпусовъ, собираемыхъ на этомъ фронтѣ, направивъ остальные для дѣйствій со стороны Кіев. воен. округа.

«Нельзя и въ этой приводимой въ докладѣ мысли», пишетъ ген. Заіончковскій[2]), «не отмѣтить извѣстной оригинальности и завидной послѣдовательности

1) Стр. 310-311.

2) Стр. 312.

въ проведеніи идеи, которая доминировала въ мозгахъ автора. Эту идею можно было бы формулировать однимъ словомъ — **осторожность** — или, вѣрнѣе, — **безопасность** — во что бы то ни стало. Мы лучше будемъ медленно вытѣснять съ фронта австрійцевъ Ровненской и Проскуровской группой, чѣмъ рисковать, если это назвать рискомъ, сосредоточить лишнихъ два корпуса между Люблиномъ и Вислой, чтобы отрѣзать австрійцамъ путь отхода къ Кракову и возможность установленія связи съ германцами. Какъ то не вяжется идея длительнаго наступленія отъ Ровно и Проскурова съ основной мыслью автора **скорѣе обезвредить** австрійскую армію, для того, чтобы бить по частямъ подходящія германскія войска. И этими непослѣдовательностями, какъ замѣтилъ читатель, изобилуетъ докладъ Нач. Ген. Штаба».

Приводя вышеизложенное мнѣніе ген. Заіончковскаго, мы считаемъ нужнымъ добавить слѣдующее:

Излишняя осторожность, въ которой онъ упрекаетъ составителя разсматриваемаго доклада, проистекала изъ двухъ основныхъ причинъ:

1) Первой изъ таковыхъ являлось примѣненіе неправильнаго оперативнаго метода; исходить при своемъ рѣшеніи изъ гаданія за противника, а не изъ того, что хочешь сдѣлать, неминуемо приводитъ къ стратегически робкимъ рѣшеніямъ.

2) Вторую причину нужно искать въ томъ явленіи, на которое я указывалъ въ предыдущемъ очеркѣ. Наше Г. У. Г. Ш., вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти, подобно Германскому Большому Генеральному Штабу, характеръ высшаго военно-ученаго учрежденія, приняло характеръ канцеляріи, занимающейся перепиской и отпиской по оперативнымъ вопросамъ. Это наложило печать узко-бюрократическаго отношенія къ такому живому дѣлу, какъ разработка плана войны и выразилась въ страхѣ передъ отвѣтственностью за неудачу, которая не могла быть переложена на плечи исполнителей.

Этимъ, по нашему мнѣнію, и объясняется тотъ, доходящій до крайности, страхъ за «безопасность» развертыванія, который являлся доминирующей идеей плана войны 1910 года. Шагъ за шагомъ, съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, авторы плана 1910 года, понесшіе моральное пораженіе при составленіи плана 1912 г., стремились увести подготовку Россіи къ войнѣ изъ русла Милютинскихъ идей.

Для развертыванія противъ Австро-Венгріи, докладывалъ Нач. Ген. Штаба, мы располагаемъ войсками мирнаго времени — въ Варш. окр. 3½ див. полевыхъ и одной второочередной дивизіей (часть XIV-го и весь XIX-й к-съ), а въ Кіев. окр. — 10½ пол. и 3 второочередными дивизіями (IX, X, XI, XII и XXI-й к-са), всего 14 полевыхъ и 4 второочередныхъ дивизіи.

Изъ внутреннихъ округовъ могли быть подвезены: I-й к-съ изъ Петербургскаго, VII-й и 4-я стр. бр. изъ Одесскаго, V-й, XIII-й, XVII-й, XXV-й и Грен. изъ Московскаго, XVI-й и XXIV-й изъ Казанскаго и III-й Кавк. изъ Кавказскаго, всего 21½ полевыхъ дивизій. Сюда же могли быть направлены три второочередныхъ дивизіи изъ числа быстро изготовляющихся.

«Такимъ образомъ», заключаетъ ген. Заіончковскій[1]), «противъ 44-47 австрійскихъ дивизій мы могли развернуть 42½, нацѣливая къ тому же главный ударъ въ наименѣе опасномъ для противника направленіи. Трудно было разсчитывать при такихъ условіяхъ на нанесеніе, хотя бы и «пестрой» австрійской арміи, бы-

---

1) Стр. 312.

страго и рѣшительнаго удара. Приходилось искать новыхъ силъ, и Нач. Ген. Ш— ихъ нашелъ, во первыхъ, на Германскомъ фронтѣ и, во вторыхъ, на Румынскомъ. Съ перваго онъ предполагалъ снять, какъ только выяснится, что нѣмцы оставили меньше силъ, чѣмъ мы ожидаемъ, съ Средне-Нѣманскаго участка Гвард. корпусъ, а со второго VIII-й, т. е. принять мѣры, которыя напрашивались сами собой, при надлежащей оцѣнкѣ разныхъ участковъ театра. Сюда же авторъ рекомендовалъ направить и 7 запаздывавшихъ второочередныхъ дивизій, что совершенно не соотвѣтствовало необходимости быстраго развитія операціи, изъ-за чего онъ отказывался даже усилить важную для рѣшительности пораженія противника Люблинскую группу войскъ».

Всѣ эти мѣры давали намъ 53½ дивизій противъ 44-47 австрійскихъ, или перевѣсъ 9½-6½ дивизій, оканчивающихъ свое сосредоточеніе не ранѣе 41-го дня мобилизаціи.

Предположеніе о перебраскѣ Гвард. и IV-го корпусовъ съ Ср. Нѣмана въ составъ Ю.-З. фронта являлось отзвукомъ предложенія ген. Клюева[1]). Но принятіе идеи ген. Клюева требовало радикальнаго измѣненія и всего замысла первыхъ операцій. Ген. Клюевъ предлагалъ отказаться отъ рѣшительнаго наступленія въ Вост. Пруссію, вплоть до Вислы, и принять на С.-З. фронтѣ выжидательный (оборонительный) стратегическій образъ дѣйствій[2]). Какъ мы увидимъ дальше, этого сдѣлано не было. Поэтому, намѣченная переброска Гвард. и IV-го корпусовъ носила характеръ своего рода оперативной отписки отъ назойливаго оппонента, пользующагося большимъ авторитетомъ среди высшаго командованія и на верхахъ нашего Генеральнаго Штаба.

РАЙОНЫ СОСРЕДОТОЧЕНІЯ И СТРАТЕГИЧЕСКІЯ ЗАДАНІЯ ПО ПРОЕКТУ 1913 ГОДА.

«Соображенія 1913 года» не измѣняли районы сосредоточенія армій, намѣченные планомъ 1912 г. Было лишь выполнено пожеланіе, высказанное въ февралѣ 1912 г. на Московскомъ Совѣщаніи Нач-въ Штабовъ и Окружныхъ ген.-квартирмейстеровъ о подраздѣленіи 3-й арміи на двѣ. «Соображенія 1913 года» превратили Проскуровскую группу 3-й арміи въ армію № 8, оставивъ наименованіе арміи № 3 за Дубно-Ровненской группой этой арміи.

Сравнимъ теперь стратегическія задачи, поставленныя фронтамъ и арміямъ «Основными соображеніями 1913 года», съ таковыми же, по плану 1912 года.

Планъ 1912 года. (Варіантъ «А»)	**Проектъ 1913 года.**
ОБЩАЯ ЗАДАЧА ВСЕЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.	
Переходъ въ наступленіе противъ вооруженныхъ силъ Германіи и Австро-Венгріи, съ цѣлью перенесенія войны въ ихъ предѣлы.	безъ измѣненія.

[1]) Очеркъ «Дальнѣйшая разработка первоначальныхъ операцій по плану 1-го мая 1912 года; работа ген. Клюева», стр. 111.

[2]) См. стр. 111.

ОБЩАЯ ЗАДАЧА АРМІЯМЪ СѢВ.-ЗАП. ФРОНТА.

Пораженіе Германскихъ войскъ, оставленныхъ въ Вост. Пруссіи и овладѣніе послѣдней, съ цѣлью созданія выгоднаго исходнаго положенія, для дальнѣйшихъ дѣйствій[1]).	безъ измѣненія.

Въ докладѣ Нач. Ген. Шт., поясняющемъ «Основныя Соображенія 1913 года», говорится, что обѣ арміи С.-З. фронта должны были, прежде всего, быть готовы остановить наступленіе нѣмцевъ, если бы таковое послѣдовало, въ виду болѣе ранней ихъ готовности, а затѣмъ, по изготовленіи, перейти въ наступленіе, съ цѣлью пораженія германскихъ войскъ въ Вост. Пруссіи и овладѣнія послѣдней. Это должно было дать намъ, по мнѣнію докладчика, выгодное исходное положеніе для дальнѣйшихъ операцій и обезпечить тылъ армій, предназначенныхъ для дѣйствій противъ Австро-Венгріи.

ЗАДАЧА І-Й АРМІИ.

Развѣдка противника отъ Полангена до Лыка и наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ въ раіонѣ арміи;	Развѣдка противника въ Вост. Пруссіи *на фронтѣ отъ Мемеля до дороги Сувалки - Рачки - Лыкъ, включительно*[2]*)*; наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ и Германской границей въ раіонѣ арміи;
Прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія;	безъ измѣненія.
Подготовка къ наступленію, обративъ особое вниманіе на обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера.	Подготовка къ наступленію *главными силами на фронтъ Гумбиненъ-Маркграбово (Олецко), имѣя въ виду большею частью силъ арміи* обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера. Добавлено: *Линія Средняго Нѣмана должна быть удержана при всякой обстановкѣ.*

Въ докладѣ Нач. Ген. Шт. посвященъ особый абзацъ Риго-Шавельскому раіону. «Раіонъ этотъ», пишетъ докладчикъ, «имѣетъ для насъ весьма важное оборонительное значеніе, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ пути, ведущіе отъ Ниж. Нѣмана въ обходъ кр. Ковны и главныхъ силъ І-й арміи. При такихъ условіяхъ обезпеченіе праваго фланга должно составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ этой арміи. Однако, наступленіе со стороны Ниж. Нѣмана потребуетъ отъ нѣмцевъ, по отсутствію желѣзныхъ дорогъ, извѣстной подготовки и затраты времени, почему въ составъ І-й арміи включено достаточное число второочередныхъ пѣхотныхъ дивизій. Изъ числа послѣднихъ 3-4 могутъ быть предназначе-

---

[1]) Циховичъ. — «Стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.». Часть І, стр. 19.

[2]) Курсивомъ напечатаны въ «Соображеніяхъ 1913 года» тѣ мѣста, которыя измѣнены по сравненію съ текстомъ плана 1912 г.

ны для прочнаго занятія названнаго раіона и смѣны въ немъ полевыхъ войскъ»[1]).

ЗАДАЧА 2-Й АРМІИ.

Развѣдка противника въ Вост. Пруссіи къ западу отъ Лыка.	Развѣдка противника въ Вост. Пруссіи *къ юго-западу и западу отъ дороги Августовъ - Рачки - Маркграбово, включительно.*
Наблюденіе за Германской границей въ раіонѣ арміи; прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія.	безъ измѣненія.
Подготовка къ наступленію, обративъ особое вниманіе на обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада.	Подготовка къ наступленію *на фронтъ Лыкъ - Виленбергъ, имѣя въ виду* обходъ *возможно большими силами* Мазурскихъ озеръ съ запада.
Раіонъ Бѣлостокъ - Гродна армія должна сохранить въ своихъ рукахъ при всякой обстановкѣ.	безъ измѣненія.

ОБЩАЯ ЗАДАЧА АРМІЯМЪ ЮГО-ЗАП. ФРОНТА.

Пораженіе австро-венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ, за Днѣстръ, и на западъ, къ Кракову.	безъ измѣненія[2]).

Докладъ Нач. Ген. Шт. указывалъ на то, что, хотя всѣ четыре арміи Ю.-З. фронта предназначаются для рѣшительнаго наступленія, но, въ виду запаздыванія въ сосредоточеніи 4-й и 5-й армій, первоначальной задачей послѣднихъ явится обезпеченіе своего развертыванія. Эта ихъ задача должна быть облегчена энергичными дѣйствіями 3-й и 8-й армій.

ЗАДАЧА 4-Й АРМІИ.

Развѣдка противника въ Галиціи, къ западу отъ линіи Томашевъ - Перемышль.	Развѣдка противника въ Галиціи, къ западу отъ *дороги Красноставъ - Замостье - Томашевъ - Бѣлжецъ - Любачевъ.*
Наблюденіе за австрійской и германской границами въ раіонѣ арміи.	безъ измѣненія.
Прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія.	безъ измѣненія.
Подготовка къ наступленію въ общемъ направленіи на Перемышль.	Подготовка къ наступленію *въ направленіи на фронтъ Ряшевъ - Ярославъ.*
	Добавлено: *Удержаніе переправъ на р. р. Вислѣ и Вепржѣ, у Ивангорода.*

[1]) Цитировано у Заіончковскаго, — «Подготовка къ міровой войнѣ (Планы войны»). стр. 314-315.

[2]) Циховичъ, —«Стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.», часть I-я, стр. 19.

ЗАДАЧА 5-Й АРМІИ.

Развѣдка противника въ Галиціи, къ западу отъ линіи Дружкополь, Каменка (Струмилова) и Львовъ, до линіи Томашевъ, Перемышль, включительно;	Развѣдка противника *въ Вост. Галиціи, на фронтѣ отъ дороги Красноставъ - Замостье - Томашевъ - Бѣлжецъ - Любачевъ, включительно, до дороги Свинюхи - Дружкополь - Каменка (Струмилова) - Львовъ.*
Прикрытіе мобилизаціи и общаго сосредоточенія.	безъ измѣненія.
Подготовка наступленія на фронтъ Львовъ - Перемышль.	Подготовка къ наступленію *въ направленіи на фронтъ Любачевъ-Жолкіевъ.*
Раіонъ Брестъ - Кобринъ армія должна сохранить въ своихъ рукахъ, при всякой обстановлѣ.	безъ измѣненія.

ЗАДАЧИ 3-Й И 8-Й АРМІЯМЪ.

Обѣимъ группамъ (Дубно-Ровненской и Проскуровской) *3-й арміи:*	
Развѣдка противника въ Галиціи, къ югу и юго-востоку отъ линіи Дружкополь-Каменка (Струмилова)-Львовъ, включительно.	*3-й арміи:* Развѣдка противника *въ Вост. Галиціи, на фронтѣ отъ дороги Свинюхи-Дружкополь-Каменка (Струмилова)-Львовъ, до дороги Базалія-Ожоговцы-Тарнополь, включительно.* *8-й арміи:* Развѣдка противника *къ югу отъ дороги Базалія - Ожоговцы - Тарнополь, включительно.*
Прикрытіе мобилизаціи и сосредоточенія.	Для обѣихъ армій оставлено безъ измѣненія.
Подготовка къ наступленію въ общемъ направленіи на Львовъ.	*3-й арміи:* Подготовка къ наступленію *на фронтъ Каменка (Струмилова)-Зборовъ,* съ общимъ направленіемъ на Львовъ. *8-й арміи:* Подготовка къ наступленію *на фронтъ Тарнополь - Чертковъ,* съ общимъ направленіемъ на Львовъ, *имѣя въ виду воспрепятствовать отходу противника на югъ, за Днѣстръ.*

ЗАДАЧИ ОТДѢЛЬНЫМЪ ФЛАНГОВЫМЪ АРМІЯМЪ, НЕ ВХОДЯЩИМЪ ВЪ СОСТАВЪ ФРОНТОВЪ:

Задачи, даваемыя проектомъ 1913 года 6-й и 7-й арміямъ, оставались тѣже, что и поставленныя этимъ арміямъ планомъ 1912 года.

Изученіе приведеннаго выше сравнительнаго текста показываетъ, что сдѣланныя въ «Основныхъ Соображеніяхъ 1913 года» измѣненія въ стратегиче-

скихъ заданіяхъ могутъ быть отнесены къ двумъ категоріямъ: 1) измѣненія редакціоннаго характера и 2) измѣненія, затрагивающія основную идею операціи.

Къ измѣненіямъ первой категоріи должно быть отнесено, прежде всего, исправленіе грамматически неправильной редакціи задачъ 1-й и 2-й арміямъ: «Подготовка къ наступленію, обративъ особое вниманіе на обходъ...», выправленное въ фразу: «Подготовка къ наступленію... имѣя въ виду обходъ...».

Къ этому же роду измѣненій можно отнести болѣе детальное разграниченіе раіоновъ развѣдки армій.

Наконецъ, къ категоріи редакціонныхъ измѣненій можно отнести перемѣну метода формулировки задачъ арміямъ. Планъ 1912 г., оріентируя предполагающееся наступленіе армій, только для арміи № 5 указываетъ фронтъ, на который она должна наступать; для всѣхъ же остальныхъ армій указывалось лишь общее направленіе (армія № 4 — Перемышль, армія № 3 — Львовъ) или указывалась идея обхода Мазурскихъ озеръ (арміи № 1 — съ сѣвера, арміи № 2 — съ запада).

«Соображенія 1913 года» для всѣхъ армій указываютъ фронты, на которые онѣ должны наступать. Нужно отдать справедливость, что постолько, посколько подобное указаніе носило характеръ промежуточной задачи, отчетливость заданія для арміи отъ этого выигрывала. Такъ было съ заданіями для армій № 1, № 2, № 3 и № 8. Каждой изъ этихъ армій указывался не только фронтъ, на который она должна наступать, но также давалось указаніе и для дальнѣйшей операціи. Но для армій № 4 и № 5 было сдѣлано исключеніе: имъ не указывалась ни идея послѣдующаго маневра, ни общее направленіе дальнѣйшаго наступленія.

Здѣсь мы подходимъ къ измѣненіямъ второй категоріи, а именно къ тѣмъ, которыя затрагиваютъ идейную сторону операціи.

Если мы внимательно проштудируемъ стратегическія заданія, поставленныя «Основными Соображеніями 1913 года», то мы увидимъ странную картину. Общая задача всему Ю.-З. фронту была оставлена прежней: «Пораженіе Австро-Венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствованіе отходу значительныхъ силъ противника на югъ за Днѣстръ и на западъ къ Кракову».

Къ заданію лѣвофланговой арміи (№ 8) «Соображенія 1913 года» сочли нужнымъ добавить, къ указанію о дальнѣйшемъ наступленіи въ общемъ направленіи на Львовъ, слова изъ общаго заданія фронту: «имѣя въ виду воспрепятствовать отходу противника на югъ, за Днѣстръ». Къ заданію же арміи № 4 соотвѣтствующаго добавленія («имѣя въ виду воспрепятствовать отходу противника на западъ, къ Кракову») не сдѣлано. Мало того, какъ мы говорили выше, въ задачѣ 4-й арміи отсутствуетъ и указаніе о дальнѣйшемъ наступленіи вглубь Галиціи (въ планѣ 1912 г. было указано — «въ общемъ направленіи на Перемышль»). Если прибавить къ этому, что подобное же указаніе отсутствуетъ и въ заданіи арміи № 5, изслѣдователь имѣетъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе:

«Соображенія 1913 года», оставляя формально прежнее заданіе Ю.-З. фронту — разыграть генеральное сраженіе въ видѣ «Каннъ», въ дѣйствительности, подготовляли охватъ лишь одного фланга, а именно — праваго Австро-Венгерскаго, имѣющаго наименьшее стратегическое значеніе.

Если мы вспомнимъ приведенные въ предыдущемъ очеркѣ разсужденія доклада Нач. Ген. Шт. о необходимости вести наше главное наступленіе въ Галиціи изъ Кіев. воен. округа, а не изъ Варшавскаго, то не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній въ томъ, что «Основныя соображенія 1913 года» подготовляли

главный ударъ въ предстоящей Галицiйской битвѣ на лѣвомъ флангѣ Ю.-З. фронта.

Невольно возникаетъ здѣсь вопросъ: почему же не было соотвѣтственно измѣнено и общее заданiе Ю.-З. фронту?

Трудно предположить, что это была небрежность, также, какъ нельзя объяснить небрежностью указанные выше пропуски въ заданiяхъ армiямъ № 4 и № 5.

Прежде, чѣмъ указать на предполагаемую нами скрытую причину замѣченной нами невязки въ заданiи Ю.-З. фронту и армiямъ, его составлявшимъ, мы считаемъ нужнымъ коснуться одного дополнительнаго указанiя «Соображенiй 1913 года». Это дополнительное указанiе давало право Главнокомандующимъ фронтами, «по обстановкѣ, если бы противники предупредили насъ развертыванiемъ, относить раiоны развертыванiя для армiй С.-З. фронта къ линiи Ковна-Гродна - Бѣлостокъ, для армiй Ю.-З. фронта: Драгочинъ - Бр.-Литовскъ - Изяславъ-Проскуровъ»[1]).

Это дополнительное указанiе очень характерно въ двухъ отношенiяхъ. Во первыхъ, оно подтверждаетъ лишнiй разъ тотъ «бюрократическiй» характеръ, который прiобрѣла въ Г. У. Г. Ш. работа надъ планомъ войны. Вмѣсто того, чтобы самому принять рѣшенiе (или предоставить это Ставкѣ, формируемой изъ того же Г. У. Г. Ш.), цѣликомъ нарушающее основныя предположенiя плана войны 1912 г., оно взваливаетъ таковое на плечи Главнокомандующихъ фронтами. Это представляетъ собой явленiе того же характера «страха передъ отвѣтственностью», о которомъ мы уже говорили въ предыдущемъ очеркѣ.

Во вторыхъ, нельзя не согласиться съ ген. Заiончковскимъ[2]), что это дополнительное указанiе «Основныхъ Соображенiй 1913 года» ярко выражаетъ упорное стремленiе операторовъ Г. У. Г. Ш. — авторовъ плана 1910 года, тѣмъ или инымъ способомъ вернуться къ несчастнымъ идеямъ этого плана. Зная, однако, какую сильную оппозицiю встрѣтили эти идеи въ средѣ высшаго командного состава и высшихъ чиновъ Ген. Штаба, воспитанныхъ на началахъ Милютинской стратегiи, Сухомлиновъ и его сотрудники не рѣшались проводить возвращенiе слишкомъ явно. Свои «ходы» въ этомъ направленiи они тщательно маскировали.

Такой маскировкой и является, по нашему мнѣнiю, оставленiе въ силѣ общаго заданiя Ю.-З. фронту въ редакцiи плана 1912 года.

СОСТАВЪ АРМIЙ ПО ПРОЕКТУ 1913 ГОДА

Въ приводимой ниже таблицѣ указаны номера корпусовъ и число дивизiй, предназначенныхъ "Соображенiями 1913 года» въ составъ армiй.

Сравнивая распредѣленiе силъ по армiямъ, сдѣланное въ «Соображенiяхъ 1913 года», съ таковымъ же по плану войны 1912 г., ген. Заiончковскiй пишетъ[3]):

«Была произведена замѣна въ армiяхъ однихъ корпусовъ другими, и уменьшена численность ихъ, вызванная выдѣленiемъ семи второочередныхъ дивизiй въ распоряженiе Верховнаго Главнокомандующаго. Но и въ этомъ уменьшенiи

[1]) Циховичъ, — «Стратегическiй очеркъ войны 1914-1918 г. г.», часть I-я, стр. 20.

[2]) «Подготовка Россiи къ мiровой войнѣ (Планы войны)», стр. 318.

[3]) «Подготовка Россiи къ мiровой войнѣ (Планы войны)», стр. 313-314.

замѣчается опредѣленная тенденція возвращенія къ проекту 1910 г., т. е. къ безопасной оттяжкѣ войскъ назадъ. Такъ, изъ 112 бат., на которые въ общемъ уменьшились арміи Зап. фронта, 96 бат. приходилось на долю 2-й (48 бат.), 4-й (16

Арміи	Корпуса	Число пѣхотныхъ дивизій			Число кавалер. дивизій
		перволин.	второлин.	всего	
АРМІИ СѢВЕРО - ЗАПАДНАГО ФРОНТА					
Армія № 1	Гв., III, IV, XX	8½	7	15½	5½
Армія № 2	II, VI, XV, XXIII	8½	3	11½	4
АРМІИ ЮГО - ЗАПАДНАГО ФРОНТА					
Армія № 4	Гр., I, XIV, XVI	8½	2	10½	4½
Армія № 5	XIII, XVII, XIX XXV	8	3	11	5
Армія № 3	IX, X, XXI, XXIV, III кавк.	10	1	11	4
Армія № 8	V, VII, X, XII	9	1	10	5
ОТДѢЛЬНЫЯ АРМІИ СЪ ЗАДАЧАМИ ОБСЕРВАЦІОННАГО ХАРАКТЕРА:					
Армія № 6 Армія № 7	Составъ тотъ же, что и по плану войны 1912 года.				

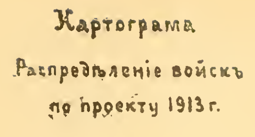
бат.) и 5-й (32 бат.) армій, т. е. тѣхъ армій, которыя были вновь по коллективному рѣшенію командующихъ войсками и начальниковъ штабовъ округовъ двинуты въ 1912 г. въ Передовой Театръ и должны были имѣть рѣшающее, въ первый перiодъ войны, значенiе, т. е. наносить удары въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада и по тыламъ выдвинутыхъ въ Вост. Галицію австрійцевъ».

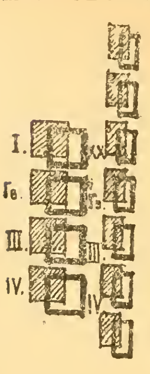
Прилагаемая картограмма показываетъ довольно наглядно правильность этихъ выводовъ.

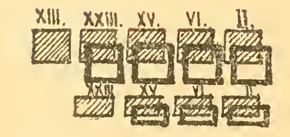
Неуклонное стремленіе Г. У. Г. Ш. уничтожить возрожденныя нашимъ планомъ войны 1912 г. начала Милютинской стратегіи и вернуть наши оперативныя предположенія въ русло идей плана 1910 года, свидѣтельствуется цифрами слѣдующей таблицы. Въ этой таблицѣ указано распредѣленіе пѣхотныхъ дивизій по арміямъ, согласно проекту отъ 1-го марта 1912 г., согласно плана войны отъ 1-го мая 1912 г. и согласно «Основнымъ Соображеніямъ 1913 г.».

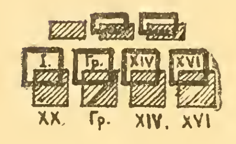
Проектъ отъ 1-го марта 1912 г. являлся, какъ мы знаемъ, продуктомъ работы Совѣщанія начальниковъ штабовъ округовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ, собранныхъ въ Москвѣ, въ февралѣ 1912 г. Это была своего рода «революція» противъ стратегіи Сухомлинова и его сотрудниковъ.

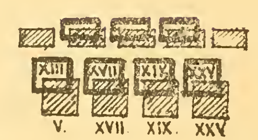
Въ планѣ войны отъ 1-го мая 1912 г. уже видна «реакція» противъ этой «революціи», пытавшейся возродить Милютинскую стратегію. Попавъ въ Г. У. Г. Ш. въ руки творцовъ плана 1910 г., проектъ отъ 1-го марта 1912 г. подвергся ряду измѣненій.

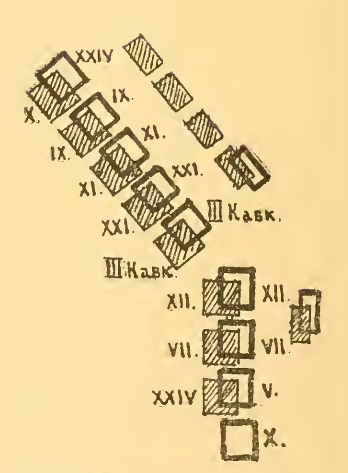

Обозначенія:

Корпусъ — Второоч. пѣх. див.

По проекту 1913 г.

По плану отъ 1-го Мая 1912 г.

Въ «Соображеніяхъ же 1913 г.», послѣ того, какъ работа Г. У. Г. Ш. формально забронировалась отъ критики командующихъ войсками округовъ и ихъ штабовъ[1]), эти измѣненія усугублены. Правда, онѣ, также, какъ и въ планѣ 1912 г., тщательно замаскированы. Это объясняется тѣмъ, что операторы Сухомлиновскаго Г. У. Г. Ш. не имѣли въ глазахъ высшаго командованія и Генеральнаго Штаба никакого научнаго авторитета. Имъ оставалось только для проведенія своихъ идей воспользоваться авторитетомъ власти.

---

[1]) Докладъ ген. Жилинскаго отъ 19-го янв. 1913 г., см. стр. 119.

ТАБЛИЦА

Сравненіе распредѣленія пѣх. дивизій по проекту отъ 1-го марта 1912 г., по плану войны отъ 1-го мая того же года и по «Основнымъ Соображеніямъ 1913 г.».

Наименованіе армій	Проектъ отъ 1-го марта 1912 г. (Варіантъ «А») — число пѣх. дивизій			Планъ войны отъ 1-го мая 1912 г. (Варіантъ «А») — число пѣх. дивизій			«Основныя Соображенія 1913 г.» — число пѣх. дивизій		
	перволин.	второлин.	всего	перволин.	второлин.	всего	перволин.	второлин.	всего
АРМІИ СѢВ.-ЗАП. ФРОНТА:									
Армія № 1	8 1/2	7	15 1/2	8 1/2	7	15 1/2	8 1/2	7	15 1/2
Армія № 2	10 1/2	3	13 1/2	10 1/2	4	14 1/2	8 1/2	3	11 1/2
АРМІИ ЮГО-ЗАП. ФРОНТА:									
Армія № 4	10 1/2	4	14 1/2	8 1/2	3	11 1/2	8 1/2	2	10 1/2
Армія № 5	8	5	13	8	5	13	8	3	11
Армія № 3 }	15	3	18	17	5	22	10	1	11
Армія № 8 }							9	1	10
ОТД. АРМІИ СЪ ЗАДАЧАМИ ОБСЕРВАЦІОННАГО ХАРАКТЕРА:									
Армія № 6	5	3	8	5	3	8	5	3	8
Армія № 7	2	6	8	2	4	6	2	4	6
ИТОГО	59 1/2	31	90 1/2	59 1/2	31	90 1/2	59 1/2	24	83 1/2

Изъ этой таблицы ясно видна тенденція Г. У. Г. Ш. уменьшить боевую силу армій, выдвинутыхъ проектомъ отъ 1-го марта 1912 г. на Передовой Театръ (арміи №№ 2, 4 и 5), и усилить арміи, сосредоточивающіяся на линіи развертыванія плана 1910 г.

Въ особенности рельефно эта тенденція видна на арміи № 4, долженствовавшей имѣть наибольшее стратегическое значеніе въ предположенной Галицiйской операціи.

Усиленіе арміи № 2 въ планѣ войны отъ 1 мая 1912 г. сдѣлано за счетъ двухъ лишнихъ второочередныхъ дивизій, взятыхъ изъ арміи № 7 (Одесской). Принимая во вниманіе, что эти дивизіи никакъ не могли быть готовы къ началу наступленія арміи № 2, назначеннаго на 15-й день мобилизаціи, это усиленіе было лишь «на бумагѣ».

Уменьшеніе въ «Основныхъ соображеніяхъ 1913 г.» общаго числа пѣхотныхъ дивизій армій №№ 3 и 8 (вмѣсто 22 пѣх. дивизій — 21) произошло вслѣдствіе перечисленія семи второочередныхъ пѣх. дивизій въ резервъ Главнокомандующаго. Качественно же боевая сила этихъ армій была увеличена, ибо вмѣсто отнятыхъ изъ этихъ армій 3-хъ второочередныхъ пѣх. дивизій, въ ихъ составъ были назначены двѣ полевыя пѣх. дивизіи.

Проектъ стратегическаго развертыванія, изложенный въ «Основныхъ соображеніяхъ 1913 г.», соотвѣтствовалъ варіанту «А» проекта 1912 г., съ нѣко-

торымъ измѣненіемъ его въ худшую сторону. Другого варіанта, соотвѣтствующаго варіанту «Г» плана 1912 года, въ новомъ проектѣ не было. Но возможность направленія Германіей противъ Россіи большей части силъ предусматривалась новымъ проектомъ, и имъ намѣчались мѣры для измѣненія развертыванія, въ томъ случаѣ, когда германцы направятъ свои главныя силы противъ Россіи.

Съ этой цѣлью основные планы перевозки четырехъ корпусовъ (XVI-го, XXIV-го, XXV-го и III-го Кавказ.), предназначенныхъ въ составъ армій Ю.-З. фронта, разрабатывались изъ раіоновъ ихъ мобилизаціи въ раіоны развертыванія черезъ станціи Москву, Орелъ, Никитовку, откуда между 8 и 10 днями мобилизаціи они, по заранѣе составленымъ въ мирное время планамъ, могли быть направлены па усиленіе армій С.-З. фронта, а именно, одинъ корпусъ на Свѣнцяны, два корпуса на Кошедары и одинъ на Бѣлостокъ. Кромѣ того, планы перевозокъ 1-го к-са, направляемаго въ составъ 4-й арміи, параллельно фронту развертыванія армій С.-З. фронта, могли также быть соотвѣтственно отсѣчены.

Эти пять корпусовъ должны были явиться первыми подкрѣпленіями, которыя могли быть, безъ особой ломки, направлены на Германскій фронтъ изъ состава Ю.-З. фронта.

Такъ какъ въ такомъ случаѣ на южномъ фронтѣ Варшавскаго воен. округа оставалось только пять корпусовъ (XIV-й, XIX-й, Гренад., XIII-й и XVII-й) и пять второочередныхъ дивизій, то всѣ эти силы соединялись въ одну, 5-ю, армію, а управленіе 4-й арміи направлялось въ Риго-Шавельскій раіонъ.

Если бы для противодѣйствія германцамъ оказалось недостаточнымъ и этихъ силъ, то предполагалось отнести раіонъ развертыванія всей 5-й арміи къ Бресту, па правый берегъ р. Зап. Буга, и направить на усиленіе Германскаго фронта семь второочередныхъ дивизій, зачисленныхъ въ резервъ Верховнаго Главнокомандующаго.

При такихъ условіяхъ, къ сѣверу отъ Полѣсья, на фронтѣ Вилькомиръ-Ковна-Гродна-Бѣлостокъ, могло быть собрано до 59½ дивизій, дальнѣйшимъ подкрѣпленіемъ для которыхъ могли служить войска Азіатскихъ округовъ и переброски изъ другихъ армій.

Подводя теперь итоги всему сказанному нами объ «Основныхъ Соображеніяхъ по развертыванію русскихъ вооруженныхъ силъ при войнѣ съ державами Тройственнаго Союза», Высочайше утвержденныхъ 25-го сент. 1913 г., мы сдѣлаемъ заключеніе словами ген. Заіончковскаго.

«Я назвалъ этотъ проектъ», пишетъ этотъ авторъ[1]), «ухудшеннымъ повтореніемъ проекта 1912 г., и въ этомъ его отличительная и, скажу, умышленная особенность. Причина такого ухудшенія мнѣ не кажется случайной. Она ведетъ свое начало съ 1910 г.».

«Проектъ развертыванія 1910 г., сводившійся къ оттяжкѣ на востокъ, на линію Вильна, Бѣлостокъ, Брестъ, и къ группировкѣ двухъ второлинейныхъ армій, въ полномъ смыслѣ слова на пятачкѣ, къ сѣверу отъ Полѣсья, принадлежалъ исключительно, какъ имѣются данныя утверждать, идеѣ генералъ-квартирмейстера Генеральнаго Штаба Данилова[2]). Въ февралѣ 1912 г., на съѣздѣ начальниковъ окружныхъ штабовъ въ Москвѣ, идея Данилова потерпѣла въ пол-

[1]) Зайончковскій, стр. 319-320.

[2]) Весь проектъ сосредоточенія былъ написанъ его рукою (прим. Заіончковскаго).

номъ смыслѣ слова крушеніе и была замѣнена новымъ, болѣе опредѣленнымъ и рѣшительнымъ планомъ развертыванія».

«Этотъ планъ воплотился въ мартовскомъ предварительномъ проектѣ, который характеризовался при случаѣ «А» выдвиженіемъ сильныхъ армій, 2-й и 4-й, въ Передовой Театръ и примыканіемъ ихъ наружными флангами къ Вислѣ, для возможности дѣйствовать противъ тыловъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Вост. Пруссіи и въ Галиціи».

«Въ этомъ мартовскомъ проектѣ коллектива начальниковъ штабовъ была опредѣленная, строго выраженная идея наиболѣе цѣлесообразнаго уничтоженія двухъ непріятельскихъ выступовъ съ нанесеніемъ ударовъ въ наиболѣе угрожаемыхъ противной сторонѣ направленіяхъ и съ наиболѣе рѣшительными результатами».

«Но какъ только работа перешла въ единоличное распоряженіе центральнаго органа Генеральнаго Штаба, такъ она вновь приняла характеръ оттяжки развертыванія на востокъ».

«Уже въ указаніяхъ 1-го мая 4-я армія была уменьшена на три дивизіи, а развертываніе 2-й арміи оттянуто съ Ниж. Нарева на Средній, т. е. ослаблялась вся суть идеи февральскаго совѣщанія».

«Какъ только въ началѣ 1913 г. было получено разрѣшеніе Сухомлинова на то, чтобы планы войны не разрабатывались коллегіально, а были дѣломъ центральнаго органа, то тотчасъ же начинается выработка новаго проекта развертыванія».

«Вернуться въ немъ сразу къ идеѣ 1910 г. было невозможно, и это возвращеніе дѣлается постепенно. Арміи, сосредоточенныя въ Передовомъ театрѣ, уменьшаются еще на 96 батальоновъ, а всего съ марта 1912 г. онѣ уменьшены на 144 батальона, и фронтамъ разрѣшается, въ случаѣ опасности, самостоятельно оттянуть развертываніе еще назадъ, на линію 1910 г.».

«Глав. Упр. Ген. Шт. упорно тянуло развертываніе назадъ, на востокъ, и при томъ же личномъ составѣ оно, вѣроятно, и вернулось бы къ развертыванію 1910 г., если бы не помѣшала начавшаяся война».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УСТРОЙСТВО СНАБЖЕНІЯ И ТЫЛОВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ ПО ПЛАНУ 1912 ГОДА.

СОСТОЯНІЕ НЕПРИКОСНОВЕННЫХЪ ЗАПАСОВЪ

Изъ того пренебреженія къ работѣ тыла и снабженія, которое было проявлено устроителями военной игры въ Кіевѣ въ 1914 г., можно было уже предвидѣть, что устройство нашего тыла не окажется на должной высотѣ.

А, между тѣмъ, этотъ вопросъ, чрезвычайно усложнившійся въ современную, большую, войну, въ условіяхъ, въ которыхъ находилась Россія ко времени составленія плана 1912 г., являлся сугубо труднымъ. Война съ Японіей вызвала израсходованіе всѣхъ нашихъ неприкосновенныхъ запасовъ, на возстановленіе которыхъ и должна была быть затрачена значительная часть ежегодныхъ военныхъ бюджетовъ. Дальнѣйшее усовершенствованіе тыла и постановка его въ условія, соотвѣтствующія непрерывно происходящему развитію военной техники, являлось насущнѣйшей задачей плана войны.

Вотъ картина положенія, въ которомъ оказалась бы Русская вооруженная сила, если бы ей пришлось мобилизоваться въ 1912 году же. Эта картина нарисована неоднократно цитируемымъ мною авторомъ, на основаніи изученныхъ имъ данныхъ, представленныхъ пограничными округами, являвшимися болѣе обезпеченными, нежели округа внутренніе[1]).

Необезпеченность войскъ обувью и вещевымъ довольствіемъ исчислялась:

для первоочередныхъ войскъ .... до 7%
„ второочередныхъ „ .... до 49%-65%
„ запасныхъ частей .... до 46%-97%
„ ополченія .... до 52%-92%

Расквартированные въ мирное время въ пограничныхъ военныхъ округахъ войска были обезпечены:

провіатомъ .... на 30 дней
фуражемъ .... на 15 дней

---

[1]) В. Уч. Архивъ, д. № 128.182. — Цитировано у Заіончковскаго, «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ. Планы войны», стр. 281.

Но въ запасахъ продовольствія, необходимаго для войскъ, прибывающихъ согласно стратегическаго сосредоточенія по плану отъ 1-го мая 1912 г., существовали большія нехватки. Такъ, напр., Штабъ Варшав. воен. окр. жаловался, что для базисныхъ магазиновъ 2-й арміи нехватало: 500.000 пуд. муки, 1.280 тысячъ пуд. овса, 1.000.000 пуд. сѣна и проч.

Но, если вопросъ о вещевомъ снабженіи и, въ особенности, продовольственномъ былъ только вопросомъ денежныхъ ассигнованій и желѣзнодорожныхъ перевозокъ, то въ отношеніи снабженія огнестрѣльными припасами дѣло обстояло неизмѣримо хуже.

По разсчету Г. У. Г. Ш.[1]), въ случаѣ войны въ 1912 г., обезпеченіе нашей вооруженной силы ружейными пратронами было таково:

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ РУССКОЙ ПѢХОТЫ РУЖЕЙНЫМИ ПАТРОНАМИ
(на дѣйствующую винтовку).

№№ армій.	на 21-й день мобилизаціи	на 68-й день мобилизаціи	къ концу перваго года войны — по состоянію 1912 г.	къ концу перваго года войны — послѣ проведенія ряда предположенныхъ къ 1914 году мѣръ.
1-я	601	?	996-1036	1197
2-я	641	701	1096-1136	1300
3-я	416	466	801- 901	1065
4-я	386	454	848- 889	1053
5-я	335	435	830- 870	1034
6-я	665	725	? - ?	1365
7-я	534	667	1062-1102	1266

Разсматривая только что приведенную таблицу, нельзя не обратить вниманіе, что Г. У. Г. Ш. стремилось къ наибольшему обезпеченію не армій главнаго удара (№№ 3, 4 и 5), а армій второстепеннаго удара (№№ 1 и 2), а также армій, имѣвшихъ чисто пассивныя, обсерваціонныя задачи (№№ 6 и 7). Здѣсь читатель можетъ лишній разъ убѣдиться въ правильности нашего упрека по адресу составителей нашего плана войны: они не столько думали объ облегченіи побѣды направляемымъ для нанесенія главнаго удара войскамъ, сколько хотѣли застраховать себя отъ упрековъ, въ случаѣ неустойки на второстепенныхъ операціонныхъ направленіяхъ.

Цифры, приведенныя въ таблицѣ, сами по себѣ ярко указываютъ на необезпеченность снабженія ружейными патронами нашихъ армій. Здѣсь надлежитъ сказать, что «отъ округовъ поступали заявленія о недостаточности количества патроновъ, причитающихся на единицу оружія. Но Г. У. Г. Ш. полагало, если признается необходимымъ увеличить норму патроновъ, разобрать этотъ вопросъ, послѣ того, когда артиллерійскіе запасы будутъ полностью доведены въ войскахъ до существующей нормы»[2]) (В.-Уч. Арх., д. № 128182).

Дѣйствительно, снабженіе огнестрѣльными припасами нашей артиллеріи, если судить только по даннымъ, приводимымъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, составленной согласно подсчетамъ въ 1912 г. Г. У. Г. Ш., было совершенно неудовлетворительнымъ.

---

[1]) Заіончковскій, стр. 282.

[2]) Заіончковскій — подстрочное примѣчаніе на стр. 289.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ РУССКИХЪ АРМІЙ ОГНЕПРИПАСАМИ (на дѣйствующее орудіе) по подсчетамъ Г. У. Г. Ш. въ 1912 году.

Арміи	къ 21-му дню		къ 63-му дню		къ концу года
	легк. пуш.	легк. гауб.	легк. пуш.	легк. гауб.	легк. пуш.
1-я	678	511	690	511	986
2-я	682	629	724	629	1020
3-я	558	478	603	453	899
4-я	529	276	590	453	886
5-я	508	276	577	629	873
6-я	800	629	795	982	?
7-я	664	—	778	982	?

На дѣлѣ же картина была еще болѣе плачевной. Вотъ данныя изъ докладовъ о состояніи вооруженія и снаряженія, представленныхъ пограничными округами.

«Кіевскій округъ[1]) вмѣсто 42 второочередныхъ батарей и 21 парка могъ сформировать только 22 батареи и 7 парковъ. 10-й гауб. дивизіонъ имѣлъ гаубицы, но не имѣлъ ни зарядныхъ ящиковъ, ни парковъ. 12-й и 21-й дивизіоны не получили никакой новой матеріальной части. 9-й и 11-й дивизіоны получили матеріальную часть, но не имѣли ни зарядныхъ ящиковъ, ни парковъ, ни снарядовъ парковаго запаса. Имѣлась только шрапнель батарейныхъ комплектовъ, но не имѣлось ящиковъ для возки. Въ результатѣ, въ составѣ 3-й арміи къ веснѣ 1912 г. не было ни одной гаубицы. Въ такомъ же положеніи находились и горные дивизіоны. Тяжелый дивизіонъ округа совсѣмъ не могъ мобилизоваться, въ виду полнаго отсутствія матеріальной части. Въ боевыхъ запасахъ первоочередныхъ арт. частей было только 26.000 гранатъ; для второочередныхъ батарей имѣлась только шрапнель, которой для полнаго комплекта, хотя бы имѣвшихъ возможность сформироваться 22 батарей, не хватало 800 шрапнелей. Во второочередныхъ паркахъ снарядовъ не было совсѣмъ».

«Варшавскій округъ[2]). — Весною въ походъ могли выступить только 6-й и 14-й мортирные дивизіоны, да и то, если имъ отпустятъ боевой комплектъ снарядовъ, зарядные ящики и конскую аммуницію для парковъ. 15-й, 19-й и 23-й дивизіоны совершенно не могли выступить въ походъ, такъ какъ у нихъ не было ни зарядныхъ ящиковъ, ни конской аммуниціи для парковъ (въ батареяхъ по два ящика). 2-й полевой тяж. арт. дивизіонъ былъ вооруженъ крѣпостными орудіями на платформахъ, составляющими крѣпостную, а не полевую артиллерію. Въ мѣстныхъ паркахъ округа не доставало 40% патроновъ, въ крѣпостяхъ же Новогеоргіевскѣ и Осовцѣ не доставало отъ 80 до 89% патроновъ для пулеметовъ. Этотъ недостатокъ былъ исчисленъ по старой нормѣ, а по новой онъ былъ вдвое, а для Бреста въ четыре раза больше».

1) Докладъ ген. Алексѣева весной 1912 г. — В.-Уч. Арх., дѣло № 128182. — См: книгу Заіончковскаго, стр. 285.

2) Письмо нач. шт. окр. ген. Клюева Нач. Ген. Ш-ба отъ 14-го февр. 1912 г. — В. Уч. Арх., дѣло № 128182. — См. Заіончковскій, стр. 285.

«Виленскій округъ[1]). — Винтовочныхъ патроновъ не хватало запаса парковыхъ частей 34% и мѣстныхъ парковъ 63%. Патроновъ полевой артиллеріи не хватало 7%, гаубичныхъ снарядовъ 18%. Для войскъ 1-й арміи винтовочныхъ и пулеметныхъ патроновъ не хватало до 50%; на орудіе столько же. На гаубицу снарядовъ не хватало до 67%».

Такова была мрачная дѣйствительность о состояніи снабженія огнестрѣльными припасами въ 1912 году.

Состоявшееся въ Москвѣ въ нояб.-дек. 1912 г. Совѣщаніе нач-въ Шт. воен. окр. обратило вниманіе на наиболѣе острые вопросы огнестрѣльнаго снабженія. Оно получило обѣщаніе въ томъ, что войсковой и парковый запасы легкой пушечной и гаубичной артиллеріи будутъ пополнены до цифръ, указанныхъ въ приведенной выше таблицѣ въ теченіе 1913 и 1914 г. г. Что касается же полевой тяжелой артиллеріи, то, въ виду того, что «боевыхъ комплектовъ у нее вообще не было», предлагалось, «при желаніи привлечь тяжелые дивизіоны къ боевымъ дѣйствіямъ, пользоваться запасами крѣпостей. Совѣщаніе нач-въ штабовъ признало эту мѣру недопустимой, но тяжелая артиллерія продолжала фигурировать въ расписаніи боевого состава каждой арміи»[2]).

Въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ мы коснемся вопроса о «нормахъ» артиллерійскихъ запасовъ. Здѣсь мы укажемъ только, что таковыя были установлены на винтовку 1000 патроновъ и на орудіе — 1000 снарядовъ. Нужно отдать справедливость нашему Г. У. Г. Ш., что оно неоднократно указывало, «что, въ случаѣ войны на западномъ фронтѣ, у насъ можетъ оказаться недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ». Въ 1912 г. этотъ вопросъ былъ вновь поднятъ и, по приказанію Воен. Мин., былъ внесенъ на обсужденіе Комитета Генеральнаго Штаба. Предсѣдательствовалъ Нач. Ген. Ш-ба, ген. Жилинскій. Представители Ген. Ш-ба указывали, что установленная у насъ норма въ 1000 снарядовъ на орудіе мала, что въ арміяхъ западныхъ государствъ установлена норма въ 2000-3000 снарядовъ на орудіе; что Германія даже норму въ 3000 снарядовъ считаетъ недостаточной. Представители Гл. Арт. Упр-ія и Ген.-Инсп Артиллеріи, Вел. Кн. Сергій Михаиловичъ, на основаніи данныхъ о расходахъ снарядовъ за предыдущія войны, доказывали, что норма въ 1000 выстрѣловъ на орудіе, принятая у насъ, болѣе, чѣмъ достаточна; что за все время войны съ Японіей средній расходъ снарядовъ не превзошелъ 500 выстрѣловъ на орудіе. Требованіе представителей Ген. Ш-ба увеличить норму, хотя бы до 2000 выстрѣловъ на орудіе, категорически отклонялось представителями Глав. Арт. Упр., и этотъ вопросъ былъ представленъ Нач. Ген. Ш-ба на рѣшеніе Военнаго Министра. Воен. Мин. остановился на компромиссномъ рѣшеніи и опредѣлилъ, что норма на орудіе должна быть доведена до полутора тысячъ. Въ 1913 г. былъ испрошенъ кредитъ на заготовленіе снарядовъ по новой нормѣ, но до іюля 1914 г. это не было сдѣлано, и «къ началу войны у насъ даже не было въ запасѣ полностью старой нормы»[3]).

Насколько медленно работала наша административная машина въ вопро-

---

1) Подробныя вѣдомости округа въ февр. 1912 г. — В. Уч. Арх., д. № 128182: — См. Заіончковскаго, стр. 285-286.

2) Заіончковскій, стр. 286.

3) Статья ген. А. С. Лукомскаго — «Снабженіе Русской Арміи и страны во время Европейской войны» — въ Сборникѣ Записокъ, относящихся къ Русскому снабженію въ Великую Войну. — Изд. Финансоваго Агентства въ С. А. С. Ш. — Стр. 19.

сахъ о подготовкѣ въ мирное время тыла, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, разсказываемый ген. Маниковскимъ[1]).

Хотя мы и готовились къ краткосрочной войнѣ, измѣряющейся нѣсколькими мѣсяцами, подача даже того незначительнаго количества артиллерійскихъ снарядовъ, которое признавалось необходимымъ (по нормѣ 1000 снарядовъ на орудіе) требовало 480 дней, т. е. одного съ третью года.

Дѣло въ томъ, что 572 выстрѣловъ на орудіе[2]) хранились въ мирное время въ складахъ «мѣстныхъ парковъ», которые были раздѣлены на три типа: А) парки, въ которыхъ всѣ патроны, ружейные, пулеметные и орудійные, хранятся въ готовомъ видѣ; Б) парки, въ которыхъ ружейные и пулеметные патроны хранятся въ готовомъ видѣ, а орудійные въ видѣ составныхъ частей, и В) парки, гдѣ всѣ запасы хранятся въ видѣ составныхъ чатей.

Парковъ типа «А» предполагалось имѣть 12. Парковъ типа «Б» — 46. Они должны были быть всѣ окончательно снаряжены не позже 60-68 дня мобилизаціи. Парковъ типа «В» — 74. Снаряженіе этихъ парковъ должно начаться съ 60-го дня, и послѣдній паркъ долженъ былъ быть окончательно готовъ къ 480 дню мобилизаціи.

На Московскомъ Совѣщаніи нач-въ ш-въ воен. окр., въ засѣданіяхъ 6/19 и 7/20 ноября было обращено вниманіе на недопустимость подобной растяжки въ мобилизаціи арт. снабженія. Совѣщаніе установило новые сокращенные сроки готовности мѣстныхъ парковъ, принявъ максимумъ въ 90 дней.

«Журналъ этого совѣщанія», какъ пишетъ ген. Маниковскій[3]), «былъ сообщенъ Г. А. У. (Глав. Арт. Упр.) только *въ апрѣлѣ 1913 г.*». «А затѣмъ», продолжаетъ нѣсколько далѣе ген. Маниковскій[4]), «само Г. А. У. раскачалось *лишь въ концѣ іюня 1914 г.* представить въ Г. У. Г. Ш. свои соображенія о тѣхъ мѣропріятіяхъ, кои необходимы для осуществленія этихъ новыхъ (сокращенныхъ) сроковъ готовности парковъ... При этомъ Г. А. У. считало, что Г. У. Г. Ш. сдѣлаетъ само, какъ и должно было быть, соотвѣтствующія распоряженія по округамъ (не подвѣдомственнымъ ни въ какомъ отношеніи Г. А. У.), но послѣднее, т. е. Г. У. Г. Ш., видимо, даже не понимало, что надо сдѣлать, а потому ничего не сдѣлало. Такимъ образомъ,эти новые, сокращенные, сроки такъ и остались на бумагѣ, хотя были предрѣшены въ ноябрѣ 1912 г. и даже въ оперативныхъ соображеніяхъ учитывались какъ бы уже существующими».

Аналогичные недочеты имѣли мѣсто въ вопросѣ объ исчисленіи запаса винтовокъ. Положено было имѣть въ запасѣ 10% винтовокъ для пополненія въ Дѣйствующей Арміи негодныхъ и утерянныхъ, 5% на случай внезапныхъ требованій, второй комплектъ для запасныхъ батальоновъ, 100.000 винтовокъ для учрежденій воен. вѣдомства и 10% для спеціальныхъ войскъ крѣпостей. *Всего необходимый запасъ винтовокъ опредѣлялся въ 741400 штукъ.* Количество ихъ для нуждъ ополченія исчислялось въ 440.601 винтовку[5]).

---

1) «Боевое Снабженіе Русской Арміи въ 1914-1918 г. г.», Москва, 1920 г. — Военно-историческая комиссія.

2) 428 выстрѣла составляли т. наз. «возимый запасъ», хранившійся въ полной готовности въ батареяхъ и полевыхъ арт. паркахъ.

3) «Боевое Снабженіе Русской Арміи 1914-1918 г. г.». — Стр. 40, часть Ш. — Курсивъ ген. Маниковскаго.

4) Тамъ же, часть Ш, стр. 49.

5) В.-Уч. Арх., дѣло № 130669 (см. книгу Заіончковскаго, стр. 287).

Приведя эти данныя, ген. Заіончковскій, вмѣсто заключенія, задаетъ слѣдующій вопросъ[1]):

«Какъ расчитывали использовать обильный людской матеріалъ, собираемый въ запасные батальоны съ самаго начала войны, если весь запасъ необходимыхъ винтовокъ исчислялся только въ 740.000 штукъ»?

АРМЕЙСКІЕ И ФРОНТОВЫЕ ТЫЛЫ И ВОПРОСЪ О БАЗИСНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Планъ войны 1910 г., въ корнѣ нарушившій основныя положенія Милютинской стратегіи, ломалъ и всю производившуюся до ген. Сухомлинова подготовку тыла Дѣйствующей Арміи. Вотъ почему плану 1912 г., возвращавшему наше стратегическое развертываніе въ лоно Милютинскихъ идей, пришлось имѣть дѣло съ нарушенной предыдущей долголѣтней работой.

Исходя изъ предрѣшеннаго очищенія съ началомъ войны территоріи Варшав. воен. окр., планъ 1910 г. предусматривалъ храненіе тамъ только тѣхъ запасовъ, которые нужны войскамъ, квартирующимъ тамъ въ мирное время и при томъ исключительно на время мобилизаціи. «Весь длительными годами подготовленный Передовой Театръ былъ очищенъ отъ запасовъ, которые были оттянуты сильно на востокъ[2])». Базисные магазины оттягивались на востокъ отъ р. р. Двины и Днѣпра.

Новый планъ войны 1912 г. не могъ, конечно, выполняться при подобной организаціи тыла. «Оттянутые сильно къ востоку тылы поставили бы въ первый періодъ кампаніи войска фактически въ невозможность наступать, тѣмъ болѣе, что нужно было ожидать, что ближайшія желѣзнодорожныя линіи могутъ быть заняты въ началѣ военныхъ дѣйствій перекидываніемъ войскъ, потребныхъ по ходу операцій»[3]).

Въ особенно трудномъ положеніи оказывались арміи №№ 4 и 5. Какъ мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, планъ 1910 г. сосредотачивалъ ихъ во второй линіи, въ тылу, за арміями №№ 1 и 2 (армію № 4 къ востоку отъ Вильны, армію № 5 къ востоку отъ Волковыска). Планъ же 1912 г. выдвигалъ эти арміи на Передовой Театръ (армію № 4 въ раіонъ Люблина, армію № 5 въ раіонъ Холма), предназначая ихъ для наступленія въ важнѣйшемъ стратегическомъ направленіи.

Требуемая переработка тыла была произведена на томъ же Московскомъ Совѣщаніи Начальниковъ Окружныхъ Штабовъ (въ февр. 1912 г.), которое, какъ мы знаемъ, явилось коллективнымъ авторомъ плана 1912 г.

Комиссія ген. П. И. Постовскаго, выполнявшая подготовительныя работы, обратила вниманіе на слишкомъ большое удаленіе базисныхъ магазиновъ. Этотъ существенный недостатокъ Комиссія сочла легко исправимымъ, т. к., въ большинствѣ случаевъ, въ базисныхъ магазинахъ, намѣченныхъ мобилизаціоннымъ расписаніемъ 1910 г., не были еще возведены постройки, необходимыя для храненія запасовъ, и самихъ запасовъ не имѣлось. Поэтому, Комиссія предложила новые, болѣе близкіе раіоны для расположенія базисныхъ магази-

---

1) Стр. 289.

2) Заіончковскій, «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 301.

3) Заіончковскій, стр. 290.

новъ, а именно: для 1-й и 2-й армій раіонъ Двинскъ-Полоцкъ-Витебскъ, а для 4-й и 5-й — раіонъ Минскъ-Смоленскъ-Гомель, съ выдвинутымъ промежуточнымъ магазиномъ въ Барановичахъ. Базисные магазины 3-й арміи (Кіев. воен. окр.) Комиссія считала возможнымъ оставить на прежнихъ мѣстахъ (Кіевъ, Кременчугъ, Екатеринославъ).

Однако Г. У. Г. Ш., которое, какъ мы многократно уже видѣли, очень неохотно воспринимало возвращеніе къ идеямъ Милютинской стратегіи, и здѣсь не позволило произвести столь необходимое радикальное измѣненіе плана 1910 г. Оно не согласилось на предложенное Комиссіей ген. П. И. Постовскаго приближеніе базисныхъ магазиновъ и отнесло ихъ въ Бологое, Смоленскъ, Гомель.

Послѣ состоявшагося 1-го мая 1912 г. Высочайшаго утвержденія новаго плана войны, Военнымъ Министромъ ген. Сухомлиновымъ были утверждены новыя основанія по организаціи тыла. Окончательная же разработка была поручена комиссіи, подъ предсѣдательствомъ будущихъ начальниковъ Штабовъ фронтовъ: Сѣв.-Зап. — ген. Клюева и Юго-Зап. — ген. М. В. Алексѣева.

Въ окончательномъ видѣ устройство тыла Д. А. по плану 1912 г. представляло собою слѣдующую картину.

Съ объявленіемъ мобилизаціи, въ составѣ «театра военныхъ дѣйствій» объявлялась территорія Европ. Россіи, лежащая къ западу отъ условной линіи Архангельскъ-Новгородъ-Смоленскъ-Черниговъ и далѣе, до Крымскаго полуострова, включительно[1]).

Военное управленіе этой обширной территоріей распредѣлялось между Армейскими и Окружными тылами. Послѣдними вѣдали «Военно-Окружныя Управленія», формируемыя штабами и управленіями Петербургскаго, Виленскаго (переносилось въ Двинскъ), Варшавскаго (переносилось въ Минскъ), Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ мирнаго времени.

Распредѣленіе между Армейскими тылами и Округами на Театрѣ военныхъ дѣйствій устанавливалось слѣдующее:

При обоихъ варіантахъ («А» и «Г») плана 1912 г., къ сѣверу отъ условной линіи Валкъ-Псковъ-Бологое должна находится территорія 6-й арміи и Петербургскаго воен. окр.; къ югу же отъ условной линіи Окница-Кременчугъ — территорія 7-й арміи и Одесскаго воен. окр. Пространство, лежащее между только что указанными территоріями и къ востоку отъ условной линіи Верро-Фридрихштадтъ-Вильна-Гродна-Сарны-Окница, распредѣлялось между тремя округами на Театрѣ военныхъ дѣйствій: Двинскимъ, Минскимъ и Кіевскимъ. При варіантѣ «А» Главнокомандующему Германскимъ (Сѣв.-Зап.) фронтомъ подчинялся лишь первый изъ этихъ округовъ, Минскій же и Кіевскій подчинялись Главнокомандующему Австрійскимъ (Юго-Зап.) фронтомъ. При варіантѣ «Г» Главнокомандующему Германскимъ фронтомъ подчинялись Двинскій и Минскій округа, а Главнокомандующему Австрійскимъ фронтомъ — лишь одинъ Кіевскій.

Къ западу отъ территоріи этихъ округовъ находились тылы армій.

При варіантѣ «А» граница между тылами 1-й и 2-й армій шла по Августовскому каналу, между 2-й и 4-й арміями — отъ устья р. Пилицы (Гура

[1]) Въ оффиціальныхъ документахъ составъ этой территоріи былъ указанъ перечисленіемъ губерній и уѣздовъ; мы же, въ цѣляхъ сокращенія изложенія, замѣняемъ это указаніемъ на раздѣленія условными линіями, оріентированными по крупнымъ городамъ и желѣзнодорожнымъ узламъ.

Кальварія) на Волковыскъ; между 4-й и 5-й арміями — отъ Красностава на Бр.-Литовскъ; между 5-й и 3-й — вдоль по р. Стыри.

При варіантѣ «Г» раіонъ, предназначаемый при варіантѣ «А» подъ тылъ 4-й арміи, включался въ тылъ 5-й арміи, 4-й же арміи отводилась сѣверная часть раіона 1-й арміи.

Желѣзныя дороги, проходившія по территоріи, объявлявшейся Театромъ военныхъ дѣйствій, переходили въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго. Передаточными станціями между желѣзнодорожной сѣтью Театра войны и сѣтью, остававшейся въ вѣдѣніи Мин. Путей Сооб., назначались слѣдующіе желѣзнодорожные узлы: Петербургъ, Бологое, Великія Луки, Смоленскъ,

Гомель, Бахмачъ, Ромоданъ, Кременчугъ, Синельниково и Александровскъ.

Основными желѣзнодорожными узлами, къ которымъ примыкали тылы армій Сѣв.-Зап. и Юго-Зап. фронтовъ, разворачивающихся по варіанту «А», являлись:

для арміи № 1 — Вильна,
,, ,, № 2 — Мосты,
,, ,, № 4 — Бр.-Литовскъ,
,, ,, № 5 — Бр.-Литовскъ,
,, ,, № 3 — Казатинъ и Жмеринка.

При варіантѣ «Г» армія № 4 базировалась на Двинскъ.

Посмотрѣвъ на карту, мы увидимъ, что каждый изъ этихъ узловъ связывался съ глубокимъ тыломъ двухъ - путной желѣзной дорогой. Вдоль этихъ желѣзнодорожныхъ магистралей и были эшелонированы тыловыя учрежденія, предназначенныя для обслуживанія армій, какъ то: артиллерійскія починочныя мастерскія и передовые артиллерійскіе склады, мѣстные артиллерійскіе парки, различныя санитарныя учрежденія, инженерные склады, хлѣбопекарни, промежуточные и базисные магазины. Если мы внимательно изучимъ, по книгѣ ген. Заіончковскаго[1]), подробное перечисленіе этихъ тыловыхъ учрежденій съ указаніемъ ихъ мѣстъ нахожденія, то нельзя не согласиться съ общимъ заключеніемъ этого автора: онъ указываетъ, что слабымъ мѣстомъ принятой группировки учрежденій тыла являлась слишкомъ большая оттяжка ихъ назадъ, что отвѣчало скорѣе стратегической оборонѣ, чѣмъ задуманному основнымъ варіантомъ плана 1912 г. (варіантъ «А») рѣшительному наступленію.

Мы уже имѣли случай упомянуть здѣсь, что начальники Штабовъ Округовъ пытались бороться съ Г. У. Г. Ш. противъ подобной оттяжки. Но послѣднее упорно стояло на своемъ. Признавъ на словахъ варіантъ «А» плана 1912 г. за основной, на дѣлѣ оно считало за основной варіантъ «Г», который, какъ мы знаемъ, являлся замаскированнымъ возвращеніемъ къ плану войны 1910 г.

И ген. М. В. Алексѣевъ и ген. Клюевъ ясно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что отсутствіе на театрѣ войны нужнаго количества запасовъ потребуетъ въ самый напряженный періодъ работы желѣзныхъ дорогъ, а именно во время перевозокъ по сосредоточенію, перебросокъ большихъ количествъ столь объемистаго груза, какъ продовольствіе и фуражъ.

Упорство главныхъ редакторовъ плана войны въ оставленіи базисныхъ магазиновъ сильно отодвинутыми къ востоку, поставило передъ ген. М. В. Алексѣевымъ и ген. Клюевымъ трудно разрѣшимую задачу. Они пытались, хотя бы нѣсколько улучшить создавшееся положеніе, обративъ особое вниманіе на оборудованіе будущаго Театра войны промежуточными магазинами, что въ скрытомъ видѣ приближало хотя бы часть базисныхъ запасовъ къ войсковымъ тыламъ. Такіе промежуточные магазины предполагалось создать:

для 1-й арміи въ Вильнѣ и Свѣнцянахъ, съ дачей на 7 дней;
для 2-й арміи въ Волковыскѣ — на 5 дней;
для 4-й арміи въ Луковѣ — на 7 дней;
для 5-й арміи въ Лупинцѣ — на 7 дней[2]).

Пополненіе этихъ промежуточныхъ магазиновъ предполагалось произве-

---

[1]) Стр. 293-297.

[2]) Свѣдѣній для 3-й арміи въ трудѣ ген. Заіончковскаго не приведено.

сти изъ имѣвшихся въ соотвѣтствующихъ военныхъ округахъ запасовъ, а также путемъ подвоза въ свободныхъ поѣздахъ.

Количество продовольствія, которое, согласно предписанію Глав. Инт. Упр.[1]), полагалось хранить въ округахъ, опредѣлялось такъ: провіанта на 30 дней, овса на 20, сѣна на 15, сухарей на 3 и мясныхъ консервовъ на 6. Арміи № 1, №2 и № 3, какъ коренныя арміи Виленскаго, Варшавскаго и Кіевскаго воен. округовъ, были въ достаточной степени обезпечены неприкосновенными запасами, хранившимися въ этихъ округахъ. Въ пополненіи своихъ расходныхъ магазиновъ онѣ начинали нуждаться лишь съ 24-го дня мобилизаціи.

Совершенно въ иномъ положеніи оказывались арміи, подвозимыя изъ внутреннихъ округовъ (№ 4 и № 5).

«Для нихъ», пишетъ ген. Заіончковскій[2]), «изъ подлежащихъ заготовленію въ предѣлахъ Виленскаго округа продуктовъ, не хватало около 1/3 муки, 4/5 овса и 2/3 сѣна, не считая болѣе мелкихъ продуктовъ, а въ Московскомъ округѣ, кромѣ небольшого количества сѣна, запасовъ совершенно не было приготовлено[3])»:

«Чтобы показать, съ какими числами приходилось имѣть дѣло, приведу цифры, указывающія недостатокъ въ магазинахъ только двухъ армій, 4-й и 5-й. Онъ равнялся 600 тыс. пуд. муки, 78 тыс. пуд. крупы, 1.400 тыс. пуд. овса и 1.300 тыс. пуд. сѣна. Всѣ эти продукты, разумѣется, имѣлись въ Россіи съ избыткомъ, но какая излишняя работа предстояла желѣзнымъ дорогамъ въ первый мѣсяцъ войны для подвоза этихъ запасовъ, когда каждый поѣздъ былъ на счету и когда все это могло быть сдѣлано въ мирное время».

«Чтобы пополнить эту картину цифръ, укажу еще, что общая потребность въ продовольственныхъ припасахъ одного Юго-Зап. фронта (3-я, 4-я и 5-я арміи) выражалась до конца второго мѣсяца войны, когда желѣзныя дороги болѣе или менѣе освобождались для подвоза ихъ изъ внутреннихъ областей страны, въ такомъ видѣ».

«Всего для этихъ 3-хъ армій требовалось пудовъ 1920 тыс. муки, 258 тыс. крупы, 4.940 тыс. овса и 5.480 тыс. сѣна».

«Пополненіе расходныхъ магазиновъ подвозомъ изъ промежуточныхъ должно было начаться для 3-й арміи съ 8-го дня по 120 тыс. пуд. въ сутки, для 4-й съ 11-го дня по 120 тыс. пуд. и для 5-й съ 8-го дня по 98 тыс. пуд., т. е. требовало не менѣе 10 поѣздовъ. Пополненіе промежуточныхъ магазиновъ подвозомъ изъ базисныхъ начиналось для 3-й и 5-й армій съ 8-го дня въ количествѣ 230 тыс. пуд. и требовало около 7 поѣздовъ».

Каковы же были расчеты плана войны для дальнѣйшаго пополненія базисныхъ магазиновъ?

«Сомнѣнія въ томъ, что въ Россіи хватитъ запасовъ на прокормленіе арміи въ нѣсколько милліоновъ, не было», пишетъ ген. Заіончковскій[4]), «но все дѣло заключалось въ широкой экономической организаціи производства и подвоза. Времена, когда страна могла вести войну, не затрагивая серьезно всей экономической жизни народа, канули въ вѣчность. Многомилліонныя арміи выдвинули наравнѣ съ вопросами о подготовкѣ къ войнѣ равномѣрный по важности ему вопросъ о питаніи войны...»

---

1) Отъ 13 сентября 1910 года, № 659.

2) Стр. 298.

3) Увѣдомленіе Главн. Интенданта отъ 23-го авг. 1912 г., № 724.

4) Стр. 300.

«На вопросъ, заданный на Совѣщанiи Начальниковъ Штабовъ въ декабрѣ 1912 г., какъ же будутъ пополняться базисные магазины, представитель интендантства — ген. Егорьевъ — отвѣтилъ знаменательной фразой: «Главнокомандующiй фронтомъ обращается въ военное министерство съ требованiемъ пополнить такой то пунктъ, и привезутъ».

ОБЕЗПЕЧЕНIЕ АРМIЙ И ФРОНТОВЪ МѢСТНЫМИ АРТ. ПАРКАМИ, ХЛѢБОПЕКАРНЯМИ И ГОСПИТАЛЯМИ

Степень обезпеченiя армiй и фронтовъ передаваемыми въ ихъ распоряженiе тыловыми учрежденiями указана въ приводимыхъ ниже двухъ таблицахъ[1]). Первая изъ нихъ указываетъ на количество этихъ учрежденiй, вторая же — время готовности послѣдняго изъ нихъ.

РАСПРЕДѢЛЕНIЕ ПО ВАРIАНТУ «А» ПЛАНА 1912 ГОДА ПРИДАННЫХЪ АРМIЯМЪ И ФРОНТАМЪ МѢСТН. АРТ. ПАРКОВЪ, ХЛѢБОПЕКАРЕНЬ И ГОСПИТАЛЕЙ

	мѣстные парки				хлѣбопекарни		госпиталя	
	легк.	горн.	мортирн.	тяжел.	подвижн.	запасн.	подвижн.	запасн.
1-я армiя	5	—	2	—	15	—	24	14
2-я армiя	6	—	2	—	11	—	23	14
Двинскiй окр.	2	—	1	2	—	—	—	81
Всего для С.-З. фронта	13	—	5	2	26	—	47	109
3-я армiя	7	2	2	—	13	4	24	40
4-я армiя	3	—	1	—	12	—	24	14
5-я армiя	3	—	1	—	11	—	20	12
Минскiй окр.	4	—	2	3	—	—	—	81
Кiевскiй окр.	1	1	1	3	5	—	12	40
Всего для Ю.-З. фронта	18	3	7	6	41	4	80	187
Армiи не входящiя въ составъ фронтовъ:								
6-я и Петербург. окр.	6	1	1	—	2	—	4	14
7-я и Одесскiй окр. ..	3	—	2	—	4	—	12	24
Всего въ этихъ двухъ арміяхъ	9	1	3	—	6	—	16	38
Общiй итогъ	40	4	15	8	73	4	143	334

Для правильной стратегической оцѣнки данныхъ, приведенныхъ въ этихъ таблицахъ, напомню тѣ оперативныя заданiя, которыя ставились варiантомъ «А» плана 1912 г. формируемымъ имъ двумъ группамъ армiй (фронтамъ).

---

[1]) Для сокращенiя изложенiя, я разсматриваю только варiантъ «А», который почитался оффицiально основнымъ и который фактически проводился въ жизнь въ кампанiю 1914 г.

ГОТОВНОСТЬ ПОСЛѢДНЯГО МѢСТ. АРТ. ПАРКА, ХЛѢБОПЕК. и ГОСПИТАЛЕЙ, ПРИДАВАЕМЫХЪ АРМІЯМЪ И ФРОНТАМЪ ПО ВАРІАНТУ «А» ПЛАНА 1912 Г.

	мѣстные парки				хлѣбопекарни		госпиталя	
—	легк.	горн.	мортирн.	тяжел.	под-вижн.	запасн.	под-вижн.	запасн.
I. Сѣв.-Зап. фронтъ:	Дни:	Дни:	Дни:	Дни:	Дни:	Дни:	Дни:	Дни:
1-я армія ..	26-й	—	10-й	—	28-й	—	21-й	16-й
2-я армія ..	21-й	—	27-й	—	28-й	—	23-й	22-й
Двинскій округъ	91-й	—	27-й	26-й	—	—	—	36-й
II. Юго-Зап. фронтъ:								
3-я армія ..	17-й	17-й	?	—	23-й	22-й	39-й	21-й
4-я армія ..	35-й	—	?	—	36-й	—	38-й	34-й
5-я армія ..	28-й	—	?	9-й	44-й	—	33-й	34-й
Минскій окр.	68-й	—	54-й	25-й	—	—	—	88-й
Кіевскій окр.	?	?	?	?	39-й	—	29-й	39-й
III. Арміи, не входившія въ составъ фронтовъ:								
6-я и Петерб. окр.	180-й	?	19-й	—	?	—	9-й	9-й
7-я и Одеск. окр.	27-й	—	34-й	—	?	—	24-й	31-й

Вотъ это заданіе арміямъ Германскаго (Сѣв.-Зап.) фронта: «Пораженіе Германскихъ войскъ, оставленныхъ въ Вост. Пруссіи, и овладѣніе послѣдней съ цѣлью созданія выгоднаго исходнаго положенія для дальнѣйшихъ дѣйствій[1])».

Заданіе же арміямъ Австрійскаго фронта гласило: «Пораженіе Австро-Венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ за Днѣстръ и на западъ къ Кракову».

Такимъ образомъ, какъ мы много разъ это подчеркивали, нашъ планъ войны требовалъ отъ обоихъ фронтовъ (группъ армій) наступательныхъ, быстрыхъ и глубокихъ операцій.

Каковы же были тѣ артиллерійскіе средства, которыя отпускались фронтамъ для выполненія задачъ столь «обширнаго» и рѣшительнаго стратегическаго характера?

Мнѣ кажется, не нужно объяснять, что таковыми не могли почитаться такъ называемые войсковые возимые запасы[2]), такъ какъ организація снабженія можетъ быть признана правильной лишь въ томъ случаѣ, если эти запасы безперебойно и немедленно возстанавливаются. Въ противномъ случаѣ арміи, заканчивающія указанныя имъ операціи, оказывались бы фактически безоружными. Предполагать же, что пораженіе войскъ оставленныхъ Германіей въ Вост. Пруссіи и даже пораженіе Австро-Венгерскихъ армій въ Галиціи сразу же закончитъ войну, являлось, по меньшей мѣрѣ, наивнымъ.

Комплектъ каждаго мѣстнаго легкаго парка равнялся 14 милліонамъ винтовочныхъ патроновъ и 29.072 пушечныхъ 3 дм. патроновъ. Взявъ изъ первой

---

1) Подъ этимъ выгоднымъ исходнымъ положеніемъ, какъ мы знаемъ, Г. У. Г. Ш. понимало выходъ нашихъ армій на Нижнюю Вислу.

2) Въ батареяхъ и летучихъ арт. паркахъ — всего по 428 выстрѣковъ на легкое орудіе.

таблицы общее число мѣстныхъ легкихъ парковъ, отпущенныхъ Сѣв.-Зап. фронту (13-ть), мы получимъ число снарядовъ на орудіе — 244. Продѣлавъ то же вычисленіе для Юго-Зап. фронта, мы получимъ еще меньшую цифру, а именно *181* выстрѣлъ на орудіе.

Чтобы составить себѣ реальное представленіе о томъ, что представляли собою эти цифры въ масштабѣ потребности минувшей Міровой войны, мы укажемъ на слѣдующее. Въ первомъ же, побѣдоносномъ для насъ, Гумбиненскомъ однодневномъ сраженіи 1-й арміи (ген. Ренненкампфа), 1-й дивизіонъ 27-й арт. бригады, сыгравшей рѣшительную роль въ пораженіи, нанесенномъ XVII корпусу (ген. Макензена), истратилъ 10.000 снарядовъ[1]), т. е. болѣе 400 выстрѣловъ на орудіе. Иначе говоря, этотъ дивизіонъ въ одинъ день боя разстрѣлялъ почти двойное количество снарядовъ, отпущенныхъ составителями плана войны на всѣ первыя операціи. То, что подобный расходъ не является чрезмѣрнымъ, свидѣтельствуется тѣмъ, что Французскій Ген. Штабъ, по опыту войны 1914-1918 г. г., установилъ, какъ среднюю суточную потребность одного легкаго орудія на одинъ день боя 300 выстрѣловъ. Онъ даже назвалъ эту норму, принимавшуюся въ основу расчетовъ потребнаго расхода огнестрѣльныхъ припасовъ, словами: «Jour de feu».

Однако, можетъ возразить читатель, расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ минувшую войну превзошелъ всѣ ожиданія, и данныя, которыя я только что привелъ, являются цифрами, установленными post factum.

Конечно, это совершенно справедливо. Но насъ интересуетъ здѣсь вопросъ не о степени виновности кого бы то ни было, а установленіе той реальной обстановки, въ которой нашимъ войскамъ пришлось дѣйствовать, когда раздался первый пушечный выстрѣлъ въ 1914 году. Какъ часто великая доблесть нашихъ войскъ проходила неоцѣненной только потому, что судьи не отдавали себѣ отчета въ той истинной обстановкѣ, въ которой приходилось имъ дѣйствовать. Надлежащая же подготовка наиболѣе благопріятныхъ для дѣйствій своихъ войскъ условій и составляетъ основную задачу всякаго оперативнаго плана.

Тѣмъ не менѣе, даже принимая во вниманіе возможность ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда Большому Генеральному Штабу приходилось имѣть дѣло съ будущимъ, всегда таящемъ въ себѣ достаточное число знаковъ вопроса, все таки есть какіе то предѣлы этихъ ошибокъ. Подобный предѣлъ былъ начертанъ для насъ опытомъ только что пережитой передъ этимъ войны съ Японіей. Развѣ могли быть сомнѣнія въ томъ, что война на Европейскомъ театрѣ потребуетъ значительно большаго расхода въ снарядахъ, нежели таковая въ Манчжуріи? Эту правильную мысль можно встрѣтить въ перепискѣ Г. У. Г. Ш. съ Глав. Арт. Упр., когда первое настаивало на увеличеніи нормъ неприкосновеннаго запаса арт. припасовъ.

Опытъ войны съ Японіей далъ совершенно опредѣленную отправную данную для будущихъ оперативныхъ расчетовъ. Такой данной являлся расходъ снарядовъ въ нашей арміи въ послѣдней изъ операцій, а именно Мукденской (Мукденское сраженіе — по старому стилю съ 6 по 24 февр. вкл. 1905 года). Онъ достигалъ величины 387 выстрѣловъ на одно легкое орудіе. Принимая во вниманіе, что Мукденская операція являлась для насъ оборонительной и что она была нами проиграна, научно совершенно логичной являлась поправ-

---

[1]) См. мой трудъ «Изъ исторіи кампаніи 1914 г.; начало войны и операціи въ Вост. Пруссіи». — Прага, 1925 г. — Стр. 146.

ка въ сторону увеличенія этой нормы. Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что въ наступательной операціи, въ которой требуется отъ войскъ рѣшительный и быстрый успѣхъ, послѣдніе должны быть обезпечены большимъ числомъ артиллерійскихъ припасовъ, нежели при операціи пассивно-оборонительной. Вѣдь, основнымъ условіемъ успѣха пѣхотной атаки является подавленіе непріятельскихъ артиллеріи и автоматическаго оружія.

Такимъ образомъ, не требовалось большой прозорливости для того, чтобы предвидѣть, что, предъявляя нашимъ арміямъ стратегическія требованія, подобныя тѣмъ, которыя были предуказаны планомъ войны 1912 г. для ихъ первой операціи, необходимо было снабдить ихъ запасомъ не менѣе 500 выстрѣловъ на орудіе.

Поэтому, мы и считаемъ, что снабженіе фронтовъ 244 и 181 снарядомъ на орудіе являлось не слѣдствіемъ трудности предугадать будущее, а слѣдствіемъ отсутствія научнаго подхода къ оперативнымъ расчетамъ.

Углубленіе анализа лишь подтверждаетъ сдѣланное только что заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, просмотримъ соотвѣтствующія данныя второй таблицы. Тогда мы увидимъ, что вышеуказанные, совершенно ничтожные, запасы отпускались на три мѣсяца. А, между тѣмъ, само же наше Г. У. Г. Ш. считало возможнымъ начать рѣшительное наступленіе нашей С.-З. группы армій уже на 15-й день мобилизаціи и словами своего Начальника ген. Жилинскаго дало такое обязательство французамъ. При такой предпосылкѣ первая операція нашего фронта могла быть уже закончена черезъ полтора мѣсяца, послѣ начала войны. Можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что успѣхъ первой операціи нашего фронта вызоветъ бурную реакцію со стороны Германіи. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что вслѣдъ за первой операціей на нашемъ фронтѣ послѣдуетъ вторая, участіе въ которой крупныхъ германскихъ подкрѣпленій, снятыхъ съ Французскаго фронта, потребуетъ отъ русскихъ войскъ не меньшаго боевого напряженія, нежели первая операція.

Но, можетъ быть, въ рукахъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ оставленъ мощный снарядный резервъ, изъ котораго, по мѣрѣ надобности, могли быть усилены фронты?

Изученіе обстоятельнаго труда ген. Маниковскаго [1]) совершенно разрушаетъ эту иллюзію.

Согласно данныхъ, въ приведенныхъ въ этомъ трудѣ вѣдомостяхъ распредѣленія и готовности мѣстныхъ легкихъ парковъ [2]), мы видимъ, что, кромѣ перечисленныхъ въ приводимой нами первой таблицѣ, въ первые три мѣсяца войны готовыми могли быть еще 25 мѣстныхъ легкихъ парка, изъ которыхъ 19 были переданы Кавказскому фронту (въ ожиданіи вѣроятной войны съ Турціей), а также оставались на Д. Востокѣ и въ Туркестанѣ. Такимъ образомъ въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ войны имѣлось всего 6 легкихъ мѣстныхъ парковъ или около 175.000 снарядовъ.

Однако, даже, эта ничтожная цифра не могла почитаться снаряднымъ резервомъ Верховнаго Главнокомандованія. Дѣло въ томъ, что въ теченіе 2-го и 3-го мѣсяца на нашъ Зап. театръ войны прибывали корпуса 2-го и 3-го эшелоновъ сосредоточенія, общее число которыхъ могло достигнуть 10-ти. Съ прибытіемъ этихъ корпусовъ должны были формироваться новыя арміи, снабдить которыя

---

1) «Боевое Снабженіе Русской Арміи 1914-1918 г. г.» — Москва, 1920 г.

2) Стр. 33-38.

мѣстными легкими парками являлось безусловно необходимымъ. Такимъ образомъ Верховное Главнокомандованіе не имѣло возможности усилить запасъ снарядовъ даннаго фронта и тѣ ничтожные запасы, которые были даны С.-З. и Ю.-З. фронтамъ, фактически предназначались не на одну, а на двѣ операціи.

Результатъ подобнаго снабженія фронтовъ арт. припасами не замедлилъ сказаться. Едва начались въ 1914 г. боевыя дѣйствія, какъ съ обоихъ фронтовъ, буквально, градомъ посыпались въ Военное министерство требованія на артил. патроны, одно другого настойчивѣе и тревожнѣе. Для иллюстраціи создавшагося положенія я приведу лишь нѣсколько телеграммъ изъ тѣхъ, которыя сотнями посылались въ Петроградъ въ первые же два мѣсяца войны.

Первое сраженіе на С.-З. фронтѣ разыгралось 7/20 августа (21-й день мобилизаціи) 1914 г. у Гумбинена. Здѣсь 6 1/2 пѣх. дивизій 1-й арміи ген. Ренненкампфа столкнулись съ 8 1/2 нѣмецкими пѣх. дивизіями арміи ген. Притвица Уже черезъ три дня (24-й день мобилизаціи) Начальникъ Снабженія С.-З. фронта шлетъ Военному министру слѣдующую телеграмму (№ 409):

«Крайне упорные бои первой Арміи потребовали огромнаго расхода трехдюймовыхъ патроновъ. Ген. Ренненкампфъ требуетъ подачи ста восьми тысячъ шрапнелей и семнадцати тысячъ ста гранатъ, равно пятидесяти шести милліоновъ винтовочныхъ патроновъ. Могу дать ему и даю послѣдній запасъ: двѣ тысячи гранатъ, девять тысячъ шрапнелей и семь милліоновъ винтовочныхъ патроновъ. Главнокомандующій приказалъ просить Вашего содѣйствія скорѣйшей высылкѣ на пополненіе израсходованныхъ»:

28 авг./10 сент. 1914 г. (42-й день мобилизаціи) Начальникъ Снабженія Ю.-З. фронта шлетъ Военному министру телеграмму № 272, въ которой указывается на крайнюю нужду въ арт. патронахъ армій, завязавшихъ въ Галиціи сраженіе съ А.-В. арміями:

«Въ дополненіе къ №№ 262 и 270. Бой напряженный идетъ по всему фронту — расходъ патроновъ чрезвычайный, резервъ совершенно истощается. Безотлагательное пополненіе необходимо, положеніе критическое. Прошу экстренной высылки пушечныхъ шрапнелей, хотя бы и не цѣлыми парками, а отдѣльными вагонами, направляя ихъ въ Брестъ-Здолбуново. Необходимо отправленіе ихъ экстренными поѣздами».

Въ тотъ же день (28 авг./10 сент.) Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго телеграфируетъ Военному министру (телеграмма № 577):

«Расходъ патроновъ, особенно пушечныхъ, чрезвычайно громадный, необходима экстренная подача Ю.-З. фронту мѣстныхъ легкихъ, винтовочныхъ, мортирныхъ, горныхъ парковъ, не стѣсняясь ихъ номерами. Во избѣжаніе роковыхъ послѣдствій, прошу рѣшительнаго содѣйствія. На мѣста мною командированы генералы Ронжинъ[1]) и Кондзеровскій[2])».

На слѣдующій день. 29 авг./11 сент. 1914 г. (43-й день мобилизаціи), Главнокомандующій Ю.-З. фронта, ген. Ивановъ, посылаетъ непосредственно Военному министру крайне тревожную телеграмму (№ 1014):

«Отпуская послѣдніе легкіе и полевые патроны мѣстныхъ парковъ, убѣдительно прошу выслать экстренно хотя сто пятьдесятъ тысячъ легкихъ пушечныхъ и двадцать пять тысячъ полевыхъ гаубичныхъ патроновъ, въ противномъ случаѣ придется остановить операціи по недостатку боевыхъ припасовъ артиллеріи. На дняхъ представляю

---

1) Нач. Воен. Сооб. Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

2) Дежурный генералъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

соображенія ближайшей мѣсячной потребности»:

Въ тотъ же день (29 авг./11 сент.) Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго подтверждаетъ Военному министру телеграммой № 652 критическое положеніе армій Ю.-З. фронта:

«Положеніе снабженія пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современныхъ боевъ — на артиллеріи. Она одна сметаетъ смертоносные пулеметы противника и уничтожаетъ его артиллерію. Пѣхота не нахвалится артиллеріей, однако, послѣдняя достигаетъ этого чрезмѣрнымъ расходомъ патроновъ. Непрерывные шестнадцатидневные и болѣе бои нарушаютъ теоретическіе расчеты (?). Питаніе Ю.-З. фронта уже идетъ за счетъ Сѣвернаго и Одесскаго округовъ. Безотлагательная помощь необходима. Безъ патроновъ нѣтъ успѣха. Для выясненія положенія этого вопроса и громадныхъ требованій войскъ, были командированы лично на фронтъ генералы Кондзеровскій и Ронжинъ. Они, имѣя всѣ цифровые матеріалы, личными переговорами съ начальствомъ тыла убѣдились въ справедливости тревожныхъ симптомовъ, грозящихъ катастрофой, быть можетъ, въ последнюю минуту пораженія противника. Наискорѣйшая помощь въ этомъ дѣлѣ безусловно и неотложно необходима. Убѣжденъ лично, что въ этомъ залогъ окончательнаго успѣха надъ Австрійцами».

8/21 сент. 1914 г. (53-й день мобилизаціи) Верховный Главнокомандующій Вел. Кн. Николай Николаевичъ счелъ нужнымъ обратиться непосредственно къ Государю (телеграмма № 4141):

«Уже около двухъ недѣль ощущается недостатокъ артиллерійскихъ патроновъ, что мною заявлено было съ просьбой ускорить доставку. Сейчасъ ген.-ад. Ивановъ доноситъ, что долженъ пріостановить операціи на Перемышль и на всемъ фронтѣ, пока патроны не будутъ доведены въ мѣстныхъ паркахъ, хотя бы до ста на орудіе. Теперь имѣется только по двадцать пять. Это вынуждаетъ меня просить Ваше Величество повелѣть ускорить доставку патроновъ».

Вотъ то трагическое положеніе, въ которое были поставлены наши войска, въ теченіе первой операціи, мало продуманной подготовкой артиллерійскаго снабженія.

Разсмотрѣнный нами только что вопросъ объ обезпеченіи задуманной стратегической операціи соотвѣтствующимъ запасомъ огнестрѣльныхъ припасовъ наводитъ насъ на слѣдующія двѣ мысли:

1) Если Генеральный Штабъ по той или иной причинѣ не можетъ снабдить войска, посылаемыя имъ для выполненія задачъ, которыя онъ имъ ставитъ, нужными имъ огневыми средствами, онъ обязанъ измѣнить свой оперативный планъ. Нужно помнить, что «двуликое» старое правило стратегіи: «*соотвѣтствіе средствъ съ поставленной цѣлью*» и «*соотвѣтствіе цѣлей съ имѣющимися средствами*» получило сейчасъ во много кратъ большее значеніе.

Съ ничтожными запасами арт. снарядовъ, которые имѣлись по плану войны 1912 г. въ распоряженіи русской мобилизованной арміи, нельзя было задаваться одновременнымъ рѣшительнымъ наступленіемъ на обоихъ фронтахъ. Одно это слабое снабженіе артиллерійскими припасами настоятельно требовало ограниченія нашихъ активныхъ дѣйствій только на одномъ фронтѣ. Оборона на другомъ фронтѣ, оттянутаго, при этомъ, назадъ вглубь нашей территоріи для затрудненія притока снарядовъ къ непріятелю, могла дать извѣстную экономію въ расходѣ нашихъ огнестрѣльныхъ припасовъ, которая и послужила бы для увеличенія артиллерійскихъ запасовъ нашего активнаго фронта.

2) Недостаточное снабженіе нашей арміи огневыми припасами обуславливало излишество въ батареяхъ нашей легкой артиллеріи орудій. Въ самомъ дѣлѣ,

огневая сила 4-хъ или 6-ти орудійныхъ батарей въ такихъ условіяхъ являлась равнозначущей 8-ми орудійной. Мысли извѣстнаго французскаго артиллериста — ген. Ланглуа, по настоянію котораго французская легкая полевая артиллерія перешла на 4-хъ-орудійныя батареи, должны были бы быть прежде всего приложены къ Русской Артиллеріи. Наши бригады съ батареями 4-хъ или даже 6-ти орудійнаго состава, сдѣлали бы наши пѣхотныя дивизіи, при одинаковой огневой силѣ, болѣе маневренно-способными (уменьшивъ число повозокъ, ѣдоковъ, лошадей). На первый взглядъ можетъ показаться, что высказывая подобныя мысли, мы проповѣдуемъ уменьшеніе огневой силы нашихъ пѣхотныхъ дивизій. Въ нашихъ первоначальныхъ очеркахъ мы уже указывали на то, что наша пѣхотная дивизія равнялась по своей огневой силѣ только одной бригадѣ германской полевой пѣх. дивизіи. Сокращеніе числа орудій въ батареяхъ не ухудшило бы этого взаимоотношенія, а лишь разрушило бы тѣ стратегическія иллюзіи, которыя создавали себѣ наши высшіе Штабы, подсчитывая свои силы не числомъ батарей, а числомъ орудій. Во всякомъ случаѣ, правильный учетъ «аппетита» современной скорострѣльной пушки сдвинулъ бы насъ съ ложнаго пути погони за числомъ въ ущербъ качеству, ибо качество зависитъ не только отъ первоначальныхъ свойствъ, но и отъ возможности примѣненія этихъ свойствъ. Если пушка молчитъ, для тактики и стратегіи безразлично — молчитъ ли она оттого, что испорчена, или потому, что нѣтъ снарядовъ. Вставъ же на вѣрный путь синтетической стратегической мысли, мы силой самихъ вещей пришли бы къ сокращенію числа дивизій, но за то приблизили бы каждую изъ нихъ по своей реальной боевой силѣ къ силѣ германской пѣх. дивизіи, представлявшей собою, въ условіяхъ начала XX столѣтія, близкое къ идеалу рѣшеніе вопроса объ основной стратегической единицѣ.

Продолжая наше разсмотрѣніе приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ таблицъ, мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о снабженіи нашихъ армій и фронтовъ мортирными и тяжелыми мѣстными арт. парками. Этотъ вопросъ, какъ мы знаемъ изъ одного изъ предыдущихъ очерковъ, былъ разрѣшенъ настолько неудовлетворительно, что говорить о немъ больше не приходится.

По вопросу о снабженіи армій и фронтовъ хлѣбопекарнями я приведу заключенія, сдѣланныя ген. Заіончковскимъ, на основаніи данныхъ котораго и составлены наши таблицы.

«Хлѣбопекарными средствами», пишетъ онъ[1]), «всѣ арміи при расположеніи на мѣстахъ были обезпечены, при условіи использованія 4--й арміей мѣстныхъ хлѣбопекаренъ въ Ивангородѣ, Люблинѣ и Травникахъ; въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ находилась 5-ая армія въ виду поздняго прибытія ея полевыхъ хлѣбопекаренъ».

Распространяя этотъ выводъ и на снабженіе армій и фронтовъ госпиталями, мы, съ своей стороны, укажемъ, что арміи и фронты были снабжены ими «въ обрѣзъ».

Переходя теперь къ общему заключенію о придачѣ арміямъ и фронтамъ главныхъ тыловыхъ учрежденій, мы должны обратить особое вниманіе именно на вторую изъ приведенныхъ въ этомъ очеркѣ таблицъ[2]). При совершенно недостаточномъ приданіи арміямъ мѣстныхъ арт. парковъ и придачѣ «въ обрѣзъ»

1) Заіончковскій, стр. 299.
2) См. стр. 160-161.

хлѣбопекаренъ и госпиталей, естественно считать, что каждая изъ армій могла почитаться готовой къ наступленію лишь послѣ даты прибытія послѣдняго изъ приданныхъ ей тыловыхъ учрежденій.

Эти сроки для различныхъ армій таковы:

Сѣверо-Западный фронтъ.

1-я армія .... 28-й день мобилизаціи,
2-я армія .... 28-й день мобилизаціи.

Юго-Западный фронтъ.

3-я армія .... 39-й день мобилизаціи,
4-я армія .... 38-й день мобилизаціи,
5-я армія .... 44-й день мобилизаціи.

Въ одномъ изъ нашихъ первоначальныхъ очерковъ[1]), гдѣ мы дали общую картину сроковъ нашего стратегическаго сосредоточенія, мы указали, что послѣднее неизбѣжно принимало у насъ видъ трехъ эшелоновъ.

Первый эшелонъ представлялъ собою «силы перваго стратегическаго удара» и состоялъ изъ:

а) перволинейныхъ войскъ Европ. Россіи, оканчивающихъ сосредоточеніе *около 30-го* дня мобилизаціи;

б) второлинейныхъ войскъ Европ. Россіи, оканчивающихъ сосредоточеніе *около 40-го* дня мобилизаціи.

2-й и 3-й эшелоны представляли собою силы нашего «стратегическаго резерва» и состояли изъ нашихъ Какзскихъ, Туркестанскихъ, Западно- и Средне-Сибирскихъ войскъ, прибывавшихъ въ теченіе 2-го мѣсяца мобилизаціи и, наконецъ, Дальневосточныхъ войскъ, оканчивавшихъ свое сосредоточеніе *на 80-й день* мобилизаціи.

Сравнивъ эти данныя съ приводимыми выше сроками готовности тыловъ армій С.-З. и Ю.-З. фронтовъ, мы видимъ, что они вполнѣ совпадаютъ. Да и говоря по существу, иначе и быть не могло, ибо провозоспособность нашей желѣзнодорожной сѣти и дислокація войскъ создавали очень опредѣленныя рамки для разрѣшенія проблемы сосредоточенія нашей Д. А. къ западной границѣ.

Попытки произвести значительное ускореніе въ стратегическомъ сосредоточеніи, безъ радикальнаго усовершенствованія ж.-д. сѣти и измѣненія дислокаціи, легкомысленно ухудшенной въ этомъ отношеніи ген. Сухомлиновымъ, могутъ быть уподоблены журавлю, который, согласно пословицѣ, вытащивъ носъ изъ воды, опускаетъ въ нее хвостъ, и обратно. Вслѣдствіе этого, обѣщанія, данныя Франціи нашими Начальниками Ген. Штаба о началѣ рѣшительнаго наступленія въ Вост. Пруссіи, являлись равносильными обѣщаніямъ начать рѣшительную войну не только до сбора всѣхъ нашихъ силъ, но еще и *не готовыми арміями.*

Во что превратилось въ дѣйствительности такое преждевременное наступле-
представленнаго при производствѣ разслѣдованія о причинахъ этой послѣдней.
ніе войскъ, можно прочесть въ описаніи участника Самсоновской катастрофы,
Въ этомъ показаніи много разъ можно прочесть о томъ, какъ умоляло строевое начальство о «нетороплимвомъ наступленіи» и о томъ, что дивизіи XIII-го арм. корпуса во время походнаго движенія не имѣли вида «строевыхъ частей», а напо-

---

[1]) См. стр. 13.

минали скорѣй «шествіе богомольцевъ». Послѣднее было неминуемымъ слѣдствіемъ легкомысленнаго отношенія къ вопросу о дѣйствительной готовности войскъ.

Если прибавить къ сказанному въ этомъ очеркѣ тѣ крупныя ошибки въ стратегическомъ замыслѣ операціи въ Вост. Пруссіи, на анализѣ которыхъ мы долго останавливались въ предыдущихъ очеркахъ, можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что печальный исходъ нашего вторженія въ Вост. Пруссію былъ неизбѣженъ. Это было возмездіе за пренебреженіе къ основамъ военной науки.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ АРМІЙ И ФРОНТОВЪ ТРАНСПОРТАМИ

Въ этомъ очеркѣ мы проникнемъ въ ту область, которая въ обывательскомъ представленіи почитается «задворками» стратегіи, но про которую Наполеонъ сказалъ: «Вся тайна войны — въ тайнѣ сообщеній».

«Расходные магазины», пишетъ ген. Заіончковскій[1]), «предполагалось расположить не ближе 2-хъ переходовъ отъ войскъ, при чемъ доставка продовольствія войскамъ производилась на разстояніи двухъ переходовъ средствами дивизіонныхъ обозовъ, и свыше, до четырехъ переходовъ, корпусными транспортами. Хлѣбопекарни располагались отъ войскъ въ 2-2½ переходахъ; подвозъ муки къ нимъ изъ расходныхъ магазиновъ до 1½ переходовъ производился корпусными продовольственными транспортами, а подвозъ хлѣба къ войскамъ изъ хлѣбопекаренъ — полковыми и дивизіонными обозами...»

«... Въ виду перехода къ довольствію войскъ въ военное время печенымъ хлѣбомъ, вмѣсто сухарей, необходимо было увеличить подъемную силу полковыхъ и дивизіонныхъ обозовъ на разницу сутсчной доли сухарей и хлѣба, т. е. на 3/4 ф. на человѣка. По этому расчету войсковые обозы трехъ-дивизіоннаго корпуса[2]) увеличивались на 324 повозки, т. е. почти на два военныхъ транспорта».

«Вопросъ о транспортѣ тоже остро стоялъ и въ отношеніи второочередныхъ дивизій. На нихъ штатныхъ транспортовъ не было, и необходимо было добавить по полтора транспорта на каждую изъ второочередныхъ дивизій изъ числа военныхъ транспортовъ».

«Такимъ образомъ, совмѣстно съ увеличеніемъ обоза, при замѣнѣ сухарей хлѣбомъ, каждый трехъ-дивизіонный корпусъ требовалъ усиленія на 3½ транспорта, и при этихъ условіяхъ было возможно удаленіе арміи на 4 перехода отъ расходныхъ магазиновъ».

«Для подвоза артиллерійскаго довольствія требовалось на разстояніе до 100 верстъ отъ выгрузочной станціи на каждый трехъ-дивизіонный корпусъ по три военныхъ транспорта».

«Исходя изъ вышеизложеннаго расчета, приходилось на каждый изъ корпусовъ трехъ-дивизіоннаго состава добавить по 6½ военныхъ транспортовъ...».

Всего, по плану 1912 г., въ составъ пяти армій С.-З. и Ю.-З. фронтовъ включалось 25 корпусовъ и 24 второочередныхъ пѣх. дивизіи. Это вызывало

---

[1]) Стр. 299, 300.

[2]) Считая двѣ полевыхъ и одну второочередную пѣх. дивизіи. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

потребность въ 162 транспортахъ. Между тѣмъ, планъ войны устанавливалъ слѣдующее распредѣленіе арм. транспортовъ[1]):

1-ая армія	5
2-я армія	10
3-я армія	40
4-я армія	5
5-я армія	10
	70

Отсюда мы видимъ, что планъ войны, требовавшій отъ войскъ нашихъ пяти армій глубокаго и быстраго маневра, въ тоже время не давалъ имъ средствъ для организаціи безперебойнаго снабженія, даже при удаленіи отъ своихъ расходныхъ магазиновъ на четыре перехода (на 100 клм.).

Для того, чтобы составить себѣ полное представленіе о создававшихся планомъ войны условіяхъ для требуемаго имъ отъ войскъ энергичнаго и безостановочного наступленія, нужно привести еще слѣдующую данную.

«При наступленіи всѣхъ пяти армій», пишетъ ген. Заіончковскій[2]), «суточная потребность выражалась примѣрно: 84.000 пуд. муки, 12.000 пуд. крупы, 230.000 пуд. овса и 260.000 пуд. сѣна».

«Для подъема этого количества на одинъ переходъ ежедневно требовалось около 135 транспортовъ и 22 транспорта безъ фуража».

Каковы же были тѣ транспортныя средства, которыя придавались планомъ войны въ распоряженіе самихъ фронтовъ? Вотъ они[3]):

Двинскій округъ	15
Минскій округъ	15

Такимъ образомъ, фронты были лишены возможности удалять армейскіе расходные магазины отъ желѣзныхъ дорогъ и наши арміи, вторгающіяся въ Вост. Пруссію и Галицію, привязывались къ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя возможность удаляться отъ нихъ менѣе, чѣмъ на четыре перехода, а вѣрнѣе говоря — всего на три перехода, т. е. на 75 клм.

Ген. Людендорфъ, обсуждая въ своихъ воспоминаніяхъ Лодзинскую операцію, пишетъ, что Германская армія была приспособлена къ удаленію отъ желѣзныхъ дорогъ на 125 клм., т. е. на пять переходовъ. Такимъ образомъ, нашъ планъ войны дѣлалъ нашу армію, почти, въ два раза менѣе маневренно-способной, чѣмъ Германская, хотя и требовалъ проявленія маневренной способности въ ея высшей степени.

Какъ мы хорошо знаемъ, въ основу первой операціи, какъ нашего Ю.-З., такъ и, въ особенности, С.-З. фронта была положена идея быстраго и глубокаго вторженія вглубь непріятельской территоріи. Между тѣмъ, расчитывать на скорое использованіе для нуждъ своего снабженія непріятельскихъ желѣзныхъ дорогъ не приходилось. Естественно было ожидать, что отступающій непріятель произведетъ на своихъ желѣзныхъ дорогахъ порчу; къ этому еще добавлялось

---

[1]) Взято изъ прил. № 8 къ книгѣ ген. Заіончковскаго «Подготовка Россіи къ Міровой войнѣ (планы войны)», стр. 401-409.

[2]) Стр. 299.

[3]) Взято изъ того же прил. № 8 къ вышецитированной книгѣ ген. Заіончковскаго.

различіе между колеями нашихъ и германскихъ желѣзныхъ дорогъ, что требовало сложныхъ работъ по приспособленію нашего подвижного состава къ заграничной колеѣ или перешивки самого пути.

Такимъ образомъ, наши 1-я, 2-я и 3-я арміи, операціонныя линіи которыхъ по плану 1912 г. входили въ непріятельскую территорію у пограничныхъ станцій Вержболово, Граево, Радзивилловъ, Волочискъ, могли быстро и безостановочно углубиться въ эту территорію безъ нарушенія кругооборота своего снабженія:

1-я армія только до фронта Норкитена (35 клм. къ западу отъ Инстербурга) — Ангербургъ;

2-я армія — до фронта Ангербургъ-Ортельсбургъ;

3-я армія — до фронта Мосты Вельке-Бучачъ.

4-я же и 5-я арміи, расходные магазины которыхъ были назначены въ Люблинѣ и Холмѣ, находились въ еще болѣе худшихъ, въ маневренномъ отношеніи, условіяхъ. Едва перейдя границу съ Галиціей, онѣ уже удалялись отъ своихъ расходныхъ магазиновъ на три перехода.

Оцѣнимъ теперь создавшееся при подобной организаціи подвоза стратегическое положеніе.

На С.-З. фронтѣ была подготовлена наша операція лишь въ раіонѣ къ востоку отъ линіи главныхъ Мазурскихъ озеръ. Сложный же маневръ обхода таковыхъ съ сѣвера 1-й арміей и съ запада 2-й арміей, указанный планомъ войны въ заданіяхъ этимъ арміямъ, въ отношеніи организаціи подвоза совершенно не былъ подготовленъ. Въ такихъ условіяхъ этотъ маневръ не могъ протекать быстро, а былъ осужденъ испытывать серьезныя задержки. Въ этихъ условіяхъ и нужно искать причины того, что произошло въ дѣйствительности съ 1-й арміей ген. Ренненкампфа, послѣ ея побѣдоноснаго сраженія у Гумбинена.

«Какъ личный участникъ этой операціи», свидѣтельствуетъ одинъ изъ офицеровъ Русскаго Генеральнаго Штаба[1]), «я могу засвидѣтельствовать, что отъ пѣхотныхъ частей было *выжато* — какъ Командующимъ 1-й Арміей, такъ и Командирами Корпусовъ (лично видѣлъ условія въ IV-мъ Корпусѣ ген. отъ арт. Хана-Аліева) — *все*, что только было возможно *выжать* изъ нихъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ производилось наступленіе 1-й арміи. Большаго, въ смыслѣ *скорости* — достигнуть было нельзя, не переходя границы, когда армія начинаетъ разлагаться отъ потери отсталыми въ угрожающемъ размѣрѣ. Приказы к-щаго арміей и к-ра этого корпуса: *Чѣмъ больше пота — тѣмъ меньше крови* и *Побѣда Арміи — въ ногахъ* — отданные въ эти памятные дни — говорятъ сами за себя».

И несмотря на все это напряженіе, которое проявили войска Русской 1-й арміи, фронтъ послѣдней смогъ продвигаться впередъ, въ среднемъ лишь на 16 клм. въ сутки. Въ такихъ условіяхъ корпуса 8-й герм. арміи легко вышли изъ соприкосновенія съ арміей ген. Ренненкампфа и обрѣли свободу дѣйствій, что позволило имъ затѣмъ появиться противъ нашей 2-й арміи (ген. Самсонова).

Положеніе послѣдней оказалось въ отношеніи снабженія, еще болѣе труднымъ, нежели положеніе арміи ген. Ренненкампфа. Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, ген. Жилинскій, совершенно не считался съ тѣмъ, что онъ самъ же подготовилъ, находясь на должности Нач. Генеральнаго Штаба, и рѣшилъ передвинуть операціонную линію 2-й арміи къ западу отъ намѣченной планомъ войны, избравъ осью наступленія этой арміи вмѣсто линіи Граево-Руджаны,

---

1) Письмо ген. штаба полк. Филиппова. — Хранится въ архивѣ ген. Головина.

линію Остроленка-Бишофсбургъ, а потомъ линію Остроленка-Алленштейнъ. Подобное измѣненіе значительно затруднило устройство подвоза 2-й арміи; базируясь на станцію Остроленка, войска арміи ген. Самсонова могли дойти безъ нарушенія кругооборота подвоза лишь до линіи Нейденбургъ-Пассенгеймъ-Менсгутъ.

И, дѣйствительно, какъ только войска арміи ген. Самсонова перешли эту линію, они оказались въ критическомъ положеніи. Вотъ какъ обрисовываетъ это положеніе нач. штаба 2-й арміи, ген. Постовскій, въ своемъ докладѣ (по телефону[1]) Начальнику Штаба фронта:

«При всемъ сознаніи необходимости безостановочнаго энергичнаго движенія въ направленіи Алленштейнъ-Остероде и далѣе, вслѣдъ за противникомъ, Командующій арміей вынужденъ сдѣлать остановку. Армія слѣдуетъ безостановочно 8 дней съ исходнаго положенія и, вслѣдствіе запоздалаго прибытія нѣкоторыхъ полевыхъ хлѣбопекаренъ и корпусныхъ транспортовъ, при этомъ съ уменьшенной грузоподъемностью этихъ послѣднихъ, за полученіемъ одноконныхъ, вмѣсто парныхъ, повозокъ, а также въ виду прибытія армейскихъ транспортовъ съ недостаткомъ 40% повозокъ, пришлось питать армію исключительно хлѣбомъ, подвозимымъ съ тыла изъ усиленныхъ и частныхъ хлѣбопекаренъ. Этотъ подвозъ, при значительномъ удаленіи уходящихъ постоянно впередъ войскъ отъ этихъ хлѣбопекаренъ, при скверныхъ песчаныхъ дорогахъ и при недостаткѣ мѣстнаго овса, не могъ не тормозить регулярной своевременности снабженія войскъ хлѣбомъ, почему войска съѣли до 2/3 своего сухарнаго запаса, хотя хлѣбъ для нихъ находится въ пути».

«Независимо отъ сего, нѣтъ подвоза въ Цѣхановскій расходный магазинъ, подлежащій образованію и пополненію распоряженіемъ интенданта армій фронта. Основывать продовольствіе на мѣстныхъ средствахъ оказалось ненадежнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, запасы въ странѣ ничтожны, а, съ другой, нѣкоторые войсковые интенданты оказались совсѣмъ неподготовленными».

«Признавая остановку для арміи совершенно необходимой, Командующій арміей прикажетъ, разумѣется, частямъ наступать во что бы то ни стало, если по общей обстановкѣ Главнокомандующій считаетъ такое наступленіе все-таки необходимымъ».

«Командующій арміей проситъ доложить Главнокомандующему сдѣланный лично докладъ по телефону о дневкѣ съ добавленіемъ, что всѣ корпусные командиры усиленно о ней просятъ, въ особенности Мартосъ (XV корп.) и Клюевъ (XIII корп.)».

Неустройство тыловъ 2-й арміи должно почитаться одной изъ причинъ той катастрофы, которая постигла эту армію, вскорѣ послѣ приведеннаго телефоннаго доклада ген. П. И. Постовскаго.

Перенесемъ теперь наше вниманіе на Ю.-З. фронтъ.

Съ подготовленнымъ безперебойнымъ подвозомъ для продвиженія 4-й и 5-й армій *лишь до границы Галиціи* не могло быть и рѣчи не только о «Каннахъ», задуманныхъ планомъ войны, но даже и о выходѣ на сообщенія австро-венгерской арміи съ Краковымъ. Для осуществленія послѣдняго требовался быстрый маневръ главными силами съ линіи Ивангородъ-Холмъ, по крайней мѣрѣ, до ж. д. магистрали Карла-Людвига на участкѣ Дембица-Ряшевъ-Ярославль.

---

[1]) Имѣлъ мѣсто 15/28 августа.

Подобное продвиженіе вызывало удаленіе 4-й и 5-й армій отъ ж. д. линіи Ивангородъ-Люблинъ-Холмъ не на три, а на шесть переходовъ.

Можно ли было подготовить быструю установку нормальнаго подвоза для этого случая?

Способъ первый — наиболѣе примитивный, заключался въ томъ, чтобы довести обозы корпусовъ, входящихъ въ составъ 4-й и 5-й армій, до ихъ установленной нормальной подъемной силы; иначе говоря, нужно было придать каждому изъ нихъ 6½ транспортовъ, что дѣлало корпуса способными къ удаленію отъ армейскихъ расходныхъ магазиновъ на четырѐ перехода (100 клм.).

Во-вторыхъ, нужно было придать самимъ 4-й и 5-й арміямъ надлежащее число транспортовъ, дабы сдѣлать ихъ способными выдвинуть свои расходные магазины на два перехода (50 клм.) отъ желѣзной дороги. Используя приведенныя выше вычисленія ген. Заіончковскаго, мы можемъ установить, что для этого требовалось 115 транспортовъ. При богатствѣ Россіи коневыми средствами, нельзя считать подобное усиленіе сколько нибудь значительнымъ.

2-й способъ заключался въ производствѣ еще въ мирное время ж. д. смычекъ между Люблиномъ и Развадувомъ, Холмомъ и Бельжеце. Наше Г. У. Г. Ш. не разрѣшало подобныя смычки, исходя изъ опасенія, что онѣ облегчаютъ вторженіе въ нашъ Передовой Театръ ранѣе насъ готовой А.-В. арміи. Нельзя спорить объ извѣстной логичности подобнаго рѣшенія. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было бы принять во вниманіе и то, что мы собирались, послѣ окончанія сосредоточенія, сами перейти здѣсь въ наступленіе, и потому не вполнѣ правильно было, во имя опасенія за первый періодъ операціи, отказываться отъ подготовки ко второму и при этомъ рѣшающему періоду операціи. Примиреніе между этими двумя противорѣчивыми требованіями могло быть легко найдено въ видѣ постройки желѣзнодорожной петли отъ Люблина на Красникъ, Замостье, Холмъ. Въ этомъ случаѣ войска 4-й и 5-й армій, захвативъ ж. д. магистраль Карла-Людвига на участкѣ Ряшевъ-Ярославъ, оставались бы отъ своихъ выгрузочныхъ станцій всего въ 4-хъ переходахъ.

Третій способъ заключался въ томъ, чтобы использовать, какъ путь подвоза р. Вислу. Въ этомъ случаѣ правый флангъ армій Ю.-З. фронта получалъ наибольшую свободу для совершенія глубокаго захвата ж. д. сообщеній А.-В. армій, собранныхъ въ Галиціи, съ Краковымъ. Онъ имѣлъ возможность не только выйти на ж. д. магистраль Карла-Людвига, но даже захватить ж. д. узлы Ясло и Санокъ, т. е. прервать всѣ главныя ж. д. сообщенія А.-В. армій, собранныхъ въ Галиціи, съ прочей территоріей Имперіи Габсбурговъ[1]).

Использованіе Вислы, какъ коммуникаціоннаго пути, требовало присутствія нѣкоторой части нашихъ силъ на лѣвомъ берегу Вислы, иначе говоря — полнаго возвращенія къ идеямъ Милютинской стратегіи.

---

[1]) Напомнимъ данныя о провозоспособности ж. дорогъ, соединяющихъ Галицію съ прочей территоріей Австро-Венгріи. Двухпутная магистраль Карла-Людвига, входящая въ Галицію у Кракова — 48 паръ поѣздовъ; двѣ ж. д., входящія у Ново-Сандеца — 30 паръ; двухпутная ж. д. у Санокъ. Послѣ захвата русскими всѣхъ этихъ ж. д., съ общей провозоспособностью въ 108 паръ поѣздовъ, въ распоряженіи А.-В. армій, собранныхъ въ Галиціи, оставались бы лишь ж. д., входящія въ Галицію у Самбора, Стрыя и Станиславова, каждая со слабой провозоспособностью — въ 15 паръ поѣздовъ.

Ни одной изъ перечисленныхъ выше мѣръ планомъ войны принято не было. Была подготовлена лишь желѣзнодорожная смычка между Владиміромъ-Волынскимъ и Сокалемъ. Съ этой цѣлью желѣзная дорога Ковель-Владиміръ Волынскъ въ мирное время была подчинена Отдѣлу Военныхъ Сообщеній Г. У. Г. Штаба, Во Владимірѣ Волынскѣ были расквартированы требуемые желѣзнодорожныя войска и собраны нужные для этого желѣзнодорожные матеріалы (паркъ). Но работы для осуществленія этой смычки должны были начаться лишь послѣ начала нашего наступленія, а, слѣдовательно, онѣ не могли отвѣтить требованіямъ безостановочнаго, быстраго движенія 5-й арміи впередъ. Главное же, на что я обращаю особое вниманіе, желѣзнодорожная смычка Владиміръ Волынскій-Сокаль отвѣчала не идеѣ стратегическаго охвата лѣваго фланга австро-венгровъ, сосредоточенныхъ въ Галиціи, а идеѣ овладѣнія 5-й арміей, совмѣстно съ 3-й, столицей Восточной Галиціи — городомъ Львовымъ.

Перейдемъ теперь къ общему заключенію:

На обоихъ фронтахъ нашъ планъ войны фактически подготовилъ не тѣ широкіе маневры, которые онъ требовалъ отъ войскъ, а значительно меньшаго размаха: на С.-З. фронтѣ въ раіонѣ къ востоку отъ Мазурскихъ озеръ, на Ю.-З. — захватъ Львова.

Если мы внимательно вдумаемся въ этотъ фактъ, то мы не можемъ не найти и «тайной» причины, которая привела къ такому крупному разногласію «словъ» составителей плана съ творческимъ ихъ «дѣломъ». Оба, весьма ограниченные по замыслу подготовки, маневра, могли производиться съ исходной линіи: Ковна-Гродна-Бр. Литовскъ и Ковель-Ровно-Проскуровъ. Это какъ разъ была та линія стратегическаго развертыванія, которую избралъ планъ 1910 года.

Главные распорядители оперативной работы нашего Г. У. Г. Ш., вездѣ, гдѣ только они могли сдѣлать, возвращали планъ 1912 года къ тѣмъ неудачнымъ стратегическимъ идеямъ, авторами которыхъ они были.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БОЛЬШАЯ ПРОГРАММА 1914 ГОДА.

ПРЕДПОСЫЛКИ «БОЛЬШОЙ ПРОГРАММЫ 1914 ГОДА».

«Неудачная для Россіи война съ Японіей выяснила серьезные недочеты въ организаціи, подготовкѣ и снабженіи Русской арміи; стало ясно, что для борьбы на западномъ фронтѣ мы совершенно неподготовлены»[1]).

Сейчасъ же, послѣ окончанія Рус.-Япон. войны появилось нѣсколько проектовъ реорганизаціи Русской вооруженной силы. Въ числѣ таковыхъ три записки представляли особый интересъ. Это были:

а) Записка, подписанная ген. А. Ф. Редигеромъ, составлявшаяся по его указаніямъ въ Канцеляріи Воен. Министерства; въ разработкѣ этой записки принималъ видное участіе талантливый профессоръ нашей Военной Академіи по кафедрѣ тактики — ген. Николай Александровичъ Даниловъ.

б) Записка, составленная въ Глав. Упр. Ген. Штаба, по указаніямъ ген. Ф. Ф. Палицына и имъ подписанная; непосредственнымъ составленіемъ этой записки руководилъ ген. М. В. Алексѣевъ.

в) Записка, составленная въ Главномъ Штабѣ по указаніямъ ген. Эверта и имъ подписанная.

Окончательное рѣшеніе требуемой новыми условіями войны реорганизаціи Русской арміи должно было быть произведено въ «Совѣтѣ Государственной Обороны», Предсѣдателемъ котораго, какъ мы уже знаемъ, былъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ, а членами — ген. Палицынъ и ген. Редигеръ. Уничтоженіе этого Совѣта, устраненіе Вел. Кн. Николая Николаевича отъ участія въ общей подготовкѣ Россіи къ войнѣ и увольненіе съ ихъ должностей ген. Ф. Ф. Палицына

[1]) Ген. А. С. Лукомскій; его статья «Снабженіе русской арміи и страны во время Европейской войны», въ литографированномъ «Сборникѣ записокъ, относящихся къ русскому снабженію въ Великую войну». Изд. Рус. Фин. Агентства въ С. А. С. Ш. — Стр. 10. — Одинъ изъ экземпляровъ этого Сборника хранится въ Hoover War Library; Stanford University, California, U. S. A.

и ген. А. Ф. Редигера, прервали нормальный ходъ этой работы. Появившійся у власти новый руководитель Военнаго Вѣдомства — ген. В. А. Сухомлиновъ, первые годы своей дѣятельности посвятилъ, по его собственнымъ словамъ, «работѣ по слому и по очисткѣ мѣста для настоящей постройки...»[1]). Тѣмъ не менѣе, идеи, изложенныя въ запискѣ ген. А. Ф. Редигера и ген. Ф. Ф. Палицына, не могли не оказать своего вліянія. Въ этомъ отношеніи положительную роль сыгралъ ген. Н. А. Даниловъ, который въ роли Нач. Канцеляріи Воен. Министерства долженъ былъ давать свои заключенія при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ законопроектовъ и смѣтъ въ Военномъ Совѣтѣ.

Возстановеніе Русской вооруженной силы, послѣ неудачной войны съ Японіей, также какъ и ея реорганизація, требовали громадныхъ денежныхъ ассигнованій, а это, въ свою очередь, требовало установленія опредѣленной «программы», расчитанной на нѣсколько лѣтъ. Съ просьбой освѣтить, какъ этотъ вопросъ обстоялъ во время пребыванія на посту Военнаго Министра ген. В. А. Сухомлинова, я обратился къ ген. А. С. Лукомскому[2]), отвѣтъ котораго, съ его разрѣшенія, я и цитирую ниже:

«... у насъ, въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ, въ сущности говоря, не было столь детально и точно составленныхъ программъ, какъ это было въ морскомъ вѣдомствѣ. Тамъ эти программы представляли собой подробно, по срокамъ, съ точными финансовыми расчетами составленныя соображенія по увеличенію флота. Наши же программы являлись почти ежегодно измѣнявшимися соображеніями по возстановленію матеріальнаго снабженія, разстроеннаго во время войны съ Японіей, по реорганизаціи арміи и по снабженію реорганизованной арміи всѣмъ необходимымъ. Планъ собственно реорганизаціи арміи, хотя и съ большимъ опозданіемъ, былъ разработанъ подробно и детально, но финансовая часть и соображенія по снабженію арміи всѣмъ необходимымъ подвергались постояннымъ измѣненіямъ или изъ за недостатка кредитовъ, или изъ за того, что отпущенные кредиты не расходовались своевременно по прямому назначенію... Кромѣ того, при распредѣленіи кредитовъ по главнымъ довольствующимъ управленіямъ не были въ достаточной степени приняты во вниманіе соображенія о томъ, **что именно надо заготовить въ первую голову**[3]) **и что, какъ второстепенное** (т. е. безъ чего все же возможно вести войну), можно заготовить во вторую голову...».

«Перехожу собственно къ «программамъ». Малая программа была внесена въ Государственную Думу весной 1908 года. Она, первоначально, касалась пополненія запасовъ и матеріальной части арміи, израсходованныхъ во время войны съ Японіей. Эта малая программа должна была составить часть большой, которая разрабатывалась, но, по подсчетамъ, требовала около милліарда рублей, что являлось непосильнымъ для казначейства. Намѣчалось постепенно, испрашивая новые кредиты на новыя мѣропріятія, какъ бы дополнять малую программу и затѣмъ, когда будетъ возможно, перейти на большую программу».

«По первоначально внесенной малой программѣ испрашивался кредитъ въ 296 мил. рублей. Затѣмъ эта цифра постепенно мѣнялась, особенно въ связи съ

[1]) В. Сухомлиновъ: «Воспоминанія» — Рус. Универсальное книгоизд-ство. Берлинъ, 1924 г. — Стр. 275.

[2]) Въ янв. 1909 г. ген. А. С. Лукомскій былъ назначенъ нач. мобилизаціоннаго отдѣла Глав. Штаба, а въ 1912 г. — Пом. Нач. Канцеляріи Военнаго Министерства.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

внесеннымъ въ 1910 г. въ Государственную Думу законопроектомъ о реорганизацiи армiи (уничтоженiе резервныхъ и крѣпостныхъ войскъ, сформированiе новыхъ корпусовъ и созданiе скрытыхъ кадровъ для 35-ти второочередныхъ пѣх. дивизiй)».

«Въ концѣ выполненiя малой программы въ нее была включена **промежуточная** программа 1913 г., требовавшая расходовъ до 128 мил. рублей».

«Окончанiе малой программы должно было произойти въ 1912 г., но (особенно по Глав. Арт. Упр.) произошли большiя задержки...

«**Промежуточная** программа 1913 г. была фактическимъ **началомъ** осуществленiя **большой программы** (формированiе корпуса въ Финляндiи; переходъ къ 6-ти орудiйнымъ батареямъ). **Малая** программа была почти закончена къ веснѣ 1914 года. Но были прорѣхи, особенно по артиллерiйской смѣтѣ (сильно запоздало заготовленiе средней артиллерiи и снарядовъ къ ней; былъ большой недостатокъ въ пулеметахъ и въ ружейныхъ патронахъ — не хватало 300 мил. штукъ)».

«Къ началу войны около 20% кредитовъ, отпущенныхъ на малую программу, не успѣли израсходовать по прямому назначенiю; **кредиты по промежуточной программѣ лежали почти нетронутыми на счетахъ вѣдомствъ, когда въ янв. 1914 года была внесена въ Государственную Думу Большая Программа»...**

«Законопроектъ былъ разработанъ въ организацiонномъ отдѣлѣ Глав. Упр. Ген. Штаба и защищалъ его въ коммиссiяхъ Государственной Думы (по оборонѣ и бюджетной) ген. Бѣляевъ. Но съ мѣста произошелъ какой то конфликтъ между членами Государственной Думы и Бѣляевымъ[1]), вызвавшiй обращенiе отъ представителей Государственной Думы къ ген. Янушкевичу (присутствовавшему, какъ Нач. Ген. Штаба) съ просьбой, чтобы онъ лично на себя взялъ защиту законопроекта».

«Законопроектъ сталъ закономъ весной 1914 г., а лѣтомъ началась война... Предполагалось его закончить къ концу 1917 года... но... сомнительно».

Такимъ образомъ, Русская армiя, вступившая на поля брани Мiровой войны, не могли использовать плоды «большой программы 1914 г.». Тѣмъ не менѣе, изученiе этой программы представляетъ для изслѣдователя большой интересъ. Оно дорисовываетъ то стратегическое мiровоззрѣнiе, съ которымъ начали войну въ 1914 г. наши руководящiе круги.

Согласно «большой программы» 1914 года, вооруженныя силы Россiи должны были увеличиться на 480 т. Это увеличенiе распредѣлялось по родамъ войскъ такимъ образомъ[2]):

	Офицеровъ	Солдатъ
Пѣхота	4.080	266.239
Конница	1.186	38.831
Артиллерiя	5.191	126.036
Инж. войска	406	12.800
Технич. войска	702	15.512
Обозныя войска	150	87.565
Въ учебныхъ заведенiяхъ	57	217
Всего	11.772	468.200

[1]) Бывшiй затѣмъ военнымъ министромъ въ послѣднiе дни Царскаго Правительства (прим. Н. Н. Г.).

[2]) Циховичъ, «Стратегическiй очеркъ войны 1914-1918 г. г.», часть I-ая, стр. 23.

Наибольшее приращеніе приходилось на долю пѣхоты — 57% изъ числа добавляемыхъ, на долю артиллеріи — 27%, кавалеріи — 8%, техническихъ войскъ — 3%.

По сравненію съ прежней численностью арміи офицерскій составъ увеличивался на 28%, въ то время, какъ составъ нижнихъ чиновъ на 39%.

Объясняется это тѣмъ, что характерной особенностью большой программы 1914 г. являлось, какъ указываетъ ген. Заіончковскій[1]),

«перенесеніе центра тяжести увеличенія арміи съ формированія новыхъ частей на увеличеніе штатовъ полевыхъ войскъ въ мирное время. Русскій Генеральный Штабъ мотивировалъ свои соображенія тѣмъ, что этотъ принципъ за послѣднее время принятъ государствами Западной Европы и тѣмъ, что участь современной войны опредѣляется результатами первыхъ столкновеній, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ полевыхъ войскъ; при этомъ, весьма рѣшительнымъ факторомъ будутъ — качество и быстрота мобилизаціи упомянутыхъ войскъ[2])»:

Вотъ тѣ статистическія данныя, на которыя ссылались составители программы.

«Германская пѣхота до 1913 г. содержалась по штатамъ — 70, 60 и 55 рядовъ въ ротѣ, имѣя по первому 211 бтл. и по двумъ другимъ 436 бтл. По законопроэкту 1913 г. полагалось имѣть два штата, въ 80 рядовъ 282 бтл. (42%) и въ 70 рядовъ 387 бтл. (58%), т. е. отношеніе въ пѣхотѣ штатовъ мирнаго времени къ военному составляло 70-61%».

«Во Франціи этотъ вопросъ обстоялъ хуже. Тамъ имѣлись штаты въ 48-67-69 рядовъ, что составляло 45-64% военнаго времени».

«Въ Австріи было еще хуже. Штаты существовали въ 32-54 ряда, причемъ, послѣдніе были только въ 29 бтл. Замѣтное въ этомъ отношеніи улучшеніе намѣчалось къ 1917 году».

«Въ Россіи изъ 1252 бтл. — 372 бтл. (29%) содержалось въ усиленномъ составѣ — 100-80-68 рядовъ и 880 бтл. (71%) въ составѣ 60-48 рядовъ, т. е. въ этомъ отношеніи она занимала второе мѣсто».

Общая картина соотношенія полевой пѣхоты мирнаго времени къ военному представлялась въ слѣдующемъ видѣ[3]):

		3/4 сост. воен. вр.	2/3 сост. воен. вр.	1/2сост. воен. вр.
Австрія	„ 680 къ 1917 г.	25,0%	0,0 %	75 %
Россія	изъ 1252 бтл.	21,5%	25,5 %	53 %
Германія	„ 669 „	42,0%	58,0 %	0 %
Франція	642 „	0,0%	19,0 %	81 %

Исходя изъ вышеприведенныхъ разсужденій, проектируемое приращеніе арміи предназначалось въ размѣрѣ двухъ третей на усиленіе штатовъ и только немного свыше трети на формированія новыхъ частей.

Несомнѣнно, что подобнымъ мѣропріятіемъ повышалось качество перволинейной арміи. Но характерно то, что составители «большой программы» стре-

[1]) «Подготовка Россіи къ Міровой войнѣ», стр. 92.

[2]) Докладъ 18-го іюня 1913 г. № 251. Воен. Учен. Арх., д. № 186650; ссылка Заіончковскаго.

[3]) Заіончковскій, стр. 93.

мились къ этому не путемъ значительнаго усиленія главнаго стержня арміи, а именно, увеличенія офицерства, а увеличенія солдатской массы; какъ мы видѣли выше, офицерскій составъ увеличивался лишь на 28%, въ то время, какъ солдатскій увеличивался на 39%. Я думаю, что здѣсь до нѣкоторой степени сказалась отсталость въ пониманіи строенія современной кадровой арміи. Я обосновываю свое предположеніе на томъ невѣрномъ объясненіи, которое давали составители плана усиленному составу Германской пѣхоты въ мирное время. Упускалась изъ виду главная причина — а именно — Германія имѣла въ мирное время въ рядахъ полевыхъ войскъ «скрытые кадры» для удвоенія и, даже, утроенія, въ случаѣ войны, своей Дѣйствующей Арміи.

А, между тѣмъ, какъ утверждаетъ ген. Заіончковскій[1]), въ нашей «большой программѣ», «ставка опредѣленно ставилась на молніеносную войну и на первый успѣхъ, который, естественно, дорого стоилъ бы полевой арміи и ее разстроилъ бы. О случаѣ затяжной войны, а намекъ на возможность таковой уже былъ во образѣ полуторогодовой Японской войны, — и необходимости длительнаго пополненія вооруженной силы, видимо, совсѣмъ не думали».

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ Н. В. САВИЧА.

Съ цѣлью болѣе подробно освѣтить вопросъ о нашей «большой военной программѣ» и ея предтечахъ — «малой» и «промежуточной» — я обратился къ члену Государственной Думы 3-го и 4-го созывовъ *Н. В. САВИЧУ*, съ просьбой подѣлиться своими воспоминаніями. Н. В. Савичъ неизмѣнно состоялъ докладчикомъ въ бюджетной и военной комиссіяхъ Гос. Думы, вслѣдствіе чего является наиболѣе авторитетнымъ свидѣтелемъ того, какъ интересующая насъ программа проходила въ нашемъ Парламентѣ. Н. В. Савичъ любезно согласился и прислалъ мнѣ замѣтки[2]), изъ своихъ неизданныхъ еще воспоминаній; выдержки изъ этихъ замѣтокъ я и привожу ниже.

«О большой военной программѣ мы услышали впервые», — пишетъ Н. В. Савичъ, — «еще въ концѣ 1907 г. отъ военнаго министра ген. Редигера, когда послѣдній, говоря о катастрофическомъ положеніи снабженія и вооруженія арміи, просилъ насъ помочь ему провести въ жизнь хотя-бы малую военную программу, стоившую, приблизительно, 300 мил. руб., которая составляла часть большой, уже намѣченной въ общихъ чертахъ военнымъ вѣдомствомъ. Эта большая программа имѣла цѣлью довести снабженіе арміи и развитіе нашихъ вооруженныхъ силъ до уровня, позволявшаго надѣяться на возможность, въ случаѣ нужды, отстоять безопасность государства отъ покушеній наиболѣе сильной арміи сосѣдей. Однако, она стоила больше милліарда рублей, каковая сумма тогда считалась совершенно непосильной для обѣднѣвшаго казначейства.

Не надѣясь получить въ близкомъ будущемъ такую сумму, ген. Редигеръ временно ограничивалъ свои требованія 300 мил. руб. на выполненіе ряда заго-

---

1) Заіончковскій. Стр. 92, 93.

2) Подлинникъ этихъ замѣтокъ переданъ для сохраненія вмѣстѣ съ другими документами, собранными въ моемъ архивѣ, въ Hoower War Library при Стенфордскомъ Университетѣ (Пало Альто; Калифорнія; С. А. С. Ш.).

товительныхъ операцій, которыя-бы дали возможность довести существующую уже армію до того состоянія, при коемъ можно будетъ ее полностью мобилизовать, вооружить, одѣть, обуть и выставить въ поле, давъ ей возможность вести войну въ теченіе срока, который тогда считали вѣроятнымъ, въ случаѣ обще-европейской войны.

Срокъ выполненія малой программы исчислялся по принятому въ началѣ 1908 г. законопроекту, примѣрно, въ пять лѣтъ, нужные кредиты разбивались на этотъ срокъ, проводились ежегодно по смѣтѣ чрезвычайныхъ кредитовъ вѣдомства въ качествѣ условныхъ кредитовъ. Въ 1908 г. былъ отпущенъ авансъ въ 50 мил. руб.

Однако, эта программа претерпѣла нѣкоторое измѣненіе въ сторону увеличенія кредитовъ, въ связи съ послѣдовавшей въ 1910 г. реорганизаціей арміи».

Напомнимъ читателю, что въ 1910 г. ген. Сухомлиновъ произвелъ «свою» реформу, включавшую въ себя уничтоженіе крѣпостей нашей Привислинской обороны и упраздненіе крѣпостныхъ войскъ.

«Соотвѣтственныя суммы были отпущены», — продолжаетъ Н. В. Савичъ. — «При ген. Редигерѣ отношенія Гос. Думы съ военнымъ вѣдомствомъ были превосходны, но при его замѣстителѣ, Сухомлиновѣ, дѣло начало портиться. Темпъ выполненія работъ, намѣченныхъ по малой программѣ, началъ замѣтно ослабѣвать, на счетахъ вѣдомства начали появляться большія суммы неиспользованныхъ кредитовъ. Главное промедленіе замѣчалось со стороны Артиллерійскаго Управленія, проявлявшаго отсутствіе инициативы и умѣнья организовать нашу военную промышленность.

Между Гос. Думой и вѣдомствомъ начались на этой почвѣ тренія, которыя усиливались тѣмъ, что министръ совершенно игнорировалъ указанія и требованія Г. Думы. Въ концѣ концовъ конфликтъ выразился въ единогласномъ осужденіи дѣятельности Глав. Арт. Упр. въ общемъ собраніи Думы весною 1912 г.

Вскорѣ послѣдовалъ Мясоѣдовскій конфликтъ, совершенно испортившій отношенія Думы съ военнымъ министромъ. Однако, несмотря на конфликтъ, Гос. Дума ни разу вѣдомству въ кредитахъ на выполненіе малой программы не отказывала, всѣ они были отпущены полностью, не смотря на то, что къ концу работы третьей Гос. Думы на счетахъ вѣдомства накопилось свыше 100 мил. неиспользованныхъ кредитовъ.

Четвертая Гос. Дума унаслѣдовала отношенія между Сухомлиновымъ и народнымъ представительствомъ, но и она въ кредитахъ не отказывала.

Въ первомъ же бюджетѣ ей пришлось встрѣтиться съ началомъ выполненія подготовительныхъ мѣръ для проведенія въ жизнь такъ называемой «промежуточной» программы. Къ этому времени деньги на малую были уже отпущены, лишь нѣкоторые незначительные кредиты были отсрочены вѣдомствомъ до смѣты 1913 г., гдѣ они и фигурировали. Остальное по этой смѣтѣ предназначалось на промежуточную программу.

Это были мѣропріятія, выходившія за предѣлы малой программы, являвшіяся частью большой, подготовляемой къ внесенію въ законодательныя учрежденія. Однако, по словамъ представителей вѣдомства, большая программа, много разъ перерабатывавшаяся всѣ эти годы, еще не была совсѣмъ готова технически къ внесенію въ Г. Думу, еще не все въ ней было согласовано въ разныхъ совѣщаніяхъ вѣдомственнаго и междувѣдомственнаго характера. Въ самомъ вѣдомствѣ, видимо, были до послѣдняго момента кое какія разногласія по нѣкоторымъ деталямъ программы».

Я позволю себѣ здѣсь внести небольшую поправку. Задерживали внесеніе программы не разногласія по нѣкоторымъ деталямъ, а та неустойчивость во взглядахъ на современное военное дѣло, которая неизмѣнно сопутствуется колебаніями въ рѣшеніяхъ.

«Поэтому вѣдомство (военное)», — вспоминаетъ дальше Н. В. Савичъ, — «выдѣлило изъ нея нѣкоторыя мѣропріятія, которыя представлялись неотложными и безспорными. Они составляли часть большой программы, но если послѣдняя была-бы впослѣдствіи принята, проектируемыя во исполненіе промежуточной программы мѣры вошли бы составною частью въ большую. Но и сами по себѣ онѣ имѣли громадное значеніе въ смыслѣ усиленія боеспособности арміи. Эта промежуточная программа, стоимостью около 123 мил. руб., должна была быть выполненной въ два года. Въ силу этихъ мѣропріятій мы сформировывали, безъ увеличенія ежегоднаго набора (за счетъ накопленныхъ сверхкомплектовъ въ частяхъ) Финляндскій корпусъ[1]) и намѣчался переходъ къ шести-орудійнымъ батареямъ, при девяти батареяхъ въ бригадѣ, если память мнѣ не измѣняетъ. Программа были принята, никто въ Думѣ даже не понялъ, въ чемъ заключается сущность дѣла; думали, что дѣло идетъ о продолженіи выполненія малой программы, которая, въ части артиллерійскаго снабженія еще не была закончена, хотя срокъ, установленный въ 1908 г., прошелъ. Въ смѣтѣ 1914 г. имѣлись кредиты на выполненіе всей промежуточной программы, — (въ періодъ съ 1909 по 1914, включительно, ежегодно отпускалось по смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ отъ 60 до 68 мил. руб.). Однако, заготовка матеріальной части артиллерійскаго имущества запаздывала даже въ отрасляхъ промышленности, которыя легко могли-бы справиться съ заданіями болѣе крупнаго масштаба.

Такъ, къ моменту разсмотрѣнія росписи на 1914 г., мы могли убѣдиться, что ружейныхъ патроновъ по малой программѣ не хватало противъ расписанія приблизительно на 10-12 % %, горная и конная артиллерія были въ некомплектѣ приблизительно въ той же пропорціи, хотя соотвѣтственные заводы жаловались, что изъ-за малыхъ нарядовъ, не могутъ использовать всю мощь своихъ мастерскихъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ суммы по смѣтѣ чрезвычайныхъ кредитовъ на 1914 г. были отпущены полностью и выполненіе промежуточной программы съ точки зрѣнія финансовой обезпечено.

Наконецъ, въ самомъ началѣ 1914 г. вѣдомство внесло въ Г. Думу программу, которую оно называло — «большой военной программой».

Одновременно и въ связи съ ней морское вѣдомство внесло законопроектъ о срочномъ усиленіи Черноморскаго флота (около 100 мил. руб.).

Оба законопроекта имѣли нѣкоторую внутреннюю связь, такъ какъ мотивировались опасеніемъ возможной войны въ исходѣ 1917 г., чрезвычайнымъ развитіемъ вооруженій Германскихъ державъ и общимъ политическимъ напряженіемъ въ связи съ растущими аппетитами сосѣдей и нашей относительной отсталостью въ дѣлѣ развитія вооруженной мощи государства. Сазоновъ имѣлъ съ нами рядъ собесѣдованій, дипломатическое вѣдомство сдѣлало все возможное, чтобы облегчить прохожденіе законопроектовъ въ палатахъ.

Окончательная разработка законопроекта о большой программѣ происходила въ Генеральномъ Штабѣ и была дѣломъ рукъ ген. Бѣляева. Законопроектъ состоялъ изъ многихъ толстыхъ томовъ подсчетовъ и выкладокъ, разобраться въ немъ не спеціалисту было чрезвычайно трудно; еще труднѣе было составить

[1]) XXII Армейскій.

себѣ опредѣленное заключеніе объ относительной важности отдѣльныхъ деталей законопроекта».

Для объясненія этого недостатка законопроекта я напомню нѣсколько строкъ изъ письма ген. А. С. Лукомскаго, цитированныхъ мною въ прошломъ очеркѣ: «... при распредѣленіи кредитовъ по главнымъ довольствующимъ управленіямъ не были въ достаточной степени приняты во вниманіе соображенія о томъ, *что именно надо заготовить въ первую голову, и что, какъ второстепенное...* (т. е., безъ чего все-же возможно вести войну), *можно заготовить во вторую голову* [1])...»

Возвратимся къ воспоминаніямъ Н. В. Савича.

«Главная тяжесть защиты законопроекта въ Г. Думѣ выпала на меня; рѣшительное его разсмотрѣніе происходило въ соединенномъ засѣданіи бюджетной и военной комиссій, гдѣ мнѣ пришлось быть докладчикомъ.

По законопроекту испрашивалось единовременное ассигнованіе въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ 800 мил. руб., и ежегодное постоянное возрастаніе бюджета вѣдомства на 200 мил. руб. на увеличеніе текущихъ расходовъ, вызываемыхъ принятіемъ программы. Въ счетъ единовременныхъ расходовъ можно было зачесть суммы, уже отпущенныя по текущей смѣтѣ на промежуточную программу.

Принятіе законопроекта вело къ чрезвычайному увеличенію цыфры ежегоднаго набора рекрутъ; пришлось-бы призывать въ ближайшіе годы всю третью и значительную часть второй льготы.

Общая численность арміи въ мирное время увеличивалась, примѣрно, на 468.000 человѣкъ...».

Какъ я указывалъ въ прошломъ очеркѣ, большая программа увеличивала численность арміи не столько формированіемъ новыхъ частей, сколько усиленіемъ штата полевыхъ войскъ въ мирное время. Въ числѣ новыхъ формированій было внесено созданіе новыхъ 26 кав. полковъ.

«Это вызвало», — вспоминаетъ Н. В. Савичъ, — «самыя острыя пренія въ Думѣ, т. к. военные, коихъ мы консультировали, высказывались противъ этой мѣры».

Упомянувъ далѣе о значительномъ увеличеніи артиллерійскаго вооруженія нашей арміи[2]), Н. В. Савичъ дѣлаетъ одно весьма показательное замѣчаніе, характеризующее, насколько руководящіе круги Военнаго Министерства не осознали въ полной мѣрѣ той роли, которая выпадала на артиллерію въ современной войнѣ. Упоминая о томъ, что нѣмцы и послѣ проведенія реформы оставались нѣсколько сильнѣе насъ въ артиллеріи, Н. В. Савичъ вспоминаетъ, что «вѣдомство (военное) считало, что нѣмцы перегромоздили артиллеріей свои корпуса».

«Самое переформированіе артиллеріи», — пишетъ онъ далѣе, — «ставилось въ зависимость отъ выполненія заказовъ на матеріальную часть и отъ накопленія людского матеріала. Къ моменту объявленія войны Путиловскій заводъ уже получилъ громадный заказъ на 3-хъ дм. полевыя пушки, предусмотрѣнныя программой.

Что касается техническаго оборудованія арміи и формированія частей для его обслуживанья, могу только сказать, что на это дѣло было отпущено много денегъ и предназначалось много людей. Однако, подробной картины дать не могу, слишкомъ много съ тѣхъ поръ прошло времени. Во всякомъ случаѣ, имѣлось въ

1) Подчеркнуто самимъ ген. А. С. Лукомскимъ.

2) Мы будемъ говорить о немъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

виду усиленіе средствъ связи, созданіе авіаціи, организація автомобильныхъ транспортовъ, расширеніе заводовъ, работавшихъ на оборону. Впрочемъ, въ то время, въ этомъ дѣлѣ другія вѣдомства пришли на помощь военному: такъ, морское строило большой пушечный заводъ въ Царицынѣ, съ помощью Виккерса, а горное только что получило кредиты на переоборудованіе и чрезвычайное расширеніе своего пушечнаго и снаряднаго завода въ Перми, гдѣ ему помогала фирма Крезо-Шнейдеръ. Оба завода были расчитаны на то, чтобы успѣть принять участіе въ выполненіи части заказовъ предусмотрѣнныхъ большой программой. Въ военное время они могли-бы сразу же приступить къ выдѣлкѣ большого числа артиллеріи среднихъ калибровъ для нуждъ арміи.

Вообще, впервые вѣдомства наши вступали на путь обезпеченія арміи во время войны не только за счетъ запасовъ мирнаго времени, но отчасти за счетъ усиленія производительности заводовъ для работы во время войны. Въ частности, путемъ большихъ заказовъ, предусмотрѣнныхъ большой программой, имѣлось въ виду создать новыя отрасли военной промышленности, напр., автомобильную и авіаціонную.

Въ Думѣ программа встрѣтила большія трудности, особенно, со стороны кадетъ. Было ясно, что, принявъ ее, мы были-бы вынуждены пріостановить на рядъ лѣтъ увеличеніе кредитовъ на культурныя нужды страны, милитаризировать бюджетъ, наложить тяготы воинской повинности на новыя категоріи призывныхъ. до того освобождавшихся отъ дѣйствительной службы. Министерство Финансовъ хотѣло воспользоваться внесеніемъ законопроекта, чтобы, подъ предлогомъ его финансированія, провести въ жизнь нѣсколько новыхъ налоговъ. Это еще больше затруднило прохожденіе законопроекта, Дума была враждебна усиленію налогового пресса...........

Пришлось бороться на двѣ стороны. Въ концѣ концовъ программа была принята Думой безъ всякихъ измѣненій. Даже спорный вопросъ объ 26 кавалерійскихъ полкахъ — прошелъ благополучно. Мы рѣшили, что отвѣтственность за организацію арміи падаетъ на Ген. Штабъ, пусть онъ и рѣшаетъ, что ему нужно, а Янушкевичъ упорно отстаивалъ эту мѣру».

ВЪ ЧЕМЪ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ «БОЛЬШАЯ ПРОГРАММА 1914 ГОДА».

Какъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, проектируемое усиленіе численности Русской арміи производилось двумя способами: около трети приращенія шло на формированіе новыхъ частей и около двухъ третей на усиленіе штатовъ мирнаго времени. Разсмотримъ каждый изъ этихъ способовъ по порядку[1]).

А. СОЗДАНІЕ НОВЫХЪ ЧАСТЕЙ

1) Пѣхота

Вновь подлежали формированію два корпуса (XXVI и XXVII), одна дивизія (12 Сиб. стр.) и, въ связи съ этимъ, управленіе VI Сиб. корпуса; одна стр.

[1]) Я. К. Циховичъ, «Стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г. — Періодъ отъ объявленія войны до начала сентября 1914 г. — Часть I. Первое вторженіе рус. армій въ Вост. Пруссію и Галиційская Битва». — Высш. воен. ред. Совѣтъ. — Москва, 1922 г. Стр. 23-28.

бригада (4 Финл. стр.); два стр. полка (23-й и 24-й Туркестанскіе) для доведенія до нормальнаго состава 5-й и 6-й Туркестанскихъ стр. бригадъ.

Кромѣ этого, въ составѣ 2-й, 16-й, 26-й, 28-й и 38-й пѣх. дивизій должны были быть сформированы третьи пѣх. бригады для созданія постоянныхъ гарнизоновъ крѣпостей Гродны, Ковны, Новогеоргіевска, Осовца и Брестъ-Литовска; формировалась также отдѣльная бригада въ Приамурскомъ округѣ для образованія постоянныхъ гарнизоновъ кр. Николаевскъ и укр. Де-Кастри.

Въ скрытомъ видѣ это было возвращеніе къ крѣпостнымъ войскамъ, только что упраздненнымъ ген. Сухомлиновымъ.

2) Кавалерія.

Кавалерію предполагалось увеличить на 26 полковъ.

Въ связи съ этимъ имѣлось въ виду устранить весьма существенный недостатокъ организаціи нашей конницы — отсутствіе войсковой конницы, что предполагалось осуществить такъ: кав. дивизіи должны были доводиться до пяти, а нѣкоторыя до шести-полкового состава, при чемъ, при выступленіи въ походъ, пятые и шестые полки присоединялись къ корпусамъ, въ качествѣ корпусной конницы, а остальные составляли стратегическую конницу. Всего должно было быть 22 дивизіи и 2 отд. бригады, а въ качествѣ корпусной конницы 20 полковъ.

Задаваясь идеей немедленнаго, съ объявленіемъ войны, вторженія стратегической кавалеріи во вражескія намъ страны, предполагалось всю эту кавалерію (исключая обѣихъ гвард. кав. д-зій), расквартировать въ ближайшей къ границѣ полосѣ, оставляя во внутреннихъ округахъ лишь то, что предназначено было для организаціи лѣтнихъ занятій войскъ и для войсковой кавалеріи.

3) Артиллерія.

Учитывая, что въ составъ Германскаго арм. корпуса (двухъ дивизіоннаго) входило 18-ть батарей легкихъ пушекъ, 6-ть батарей легкихъ гаубицъ и 4-ре батареи полевой тяжелой артиллеріи, наша большая программа 1914 г. предполагала произвести существенную реорганизацію нашей артиллеріи, а именно:

1) переходъ отъ 8-ми къ 6-ти орудійной организаціи, съ доведеніемъ числа легкихъ батарей въ бригадѣ до 9;

2) включеніе въ составъ каждой арт. бригады двухъ-батарейнаго мортирнаго дивизіона, вмѣсто одного на корпусъ, т. е. число гаубичныхъ батарей на корпусъ увеличить вдвое;

3) включеніе въ корпусъ дивизіона полевой тяжелой артиллеріи изъ двухъ батарей 6-дм. гаубицъ и одной 42-лин. дальнобойныхъ пушекъ.

Благодаря такимъ мѣропріятіямъ общее число батарей нашего арм. корпуса (двухъ-дивизіоннаго) доводилось до 18 бат. легкихъ пушекъ, 4-хъ бат. легкихъ гаубицъ и 3-хъ бат. полевой тяжелой артиллеріи. Такимъ образомъ огневая сила нашего арм. корпуса, почти, сравнивалась съ таковой же германскаго.

Всего число батарей увеличивалось на 558, т. е. на 87,3%, а число орудій на 1430 или на 20,7%; въ военное время наша артиллерія должна была насчитывать 8358 орудій (6048 легкихъ и конныхъ, 666 горныхъ, 1176 гаубицъ, 468 тяжелыхъ, изъ нихъ 312 — 42 лин. и 156 — 6 дм.).

Подлежала также преобразованію крѣп. артиллерія и вновь должны были формироваться гарнизоны крѣпостей Гродна и Ивангородъ.

4) *Инженерныя войска.*

Реорганизація инженерныхъ войскъ затрагивала, главнымъ образомъ, крѣп. инж. войска, которыя рѣшено было реформировать коренными образомъ.

Въ отношеніи полевыхъ инж. войскъ рѣшено было временно ограничиться усиленіемъ прожекторныхъ командъ въ саперныхъ батальонахъ и искровыхъ частей.

Вновь предполагалось сформировать саперные батальоны для двухъ вновь формируемыхъ корпусовъ, понтонный батальонъ для Одесскаго округа, искровую станцію для Кавказа.

Предполагалось вновь сформировать крѣп. инж. гарнизоны для Ивангорода и Гродны и усилить таковые въ прочихъ крѣпостяхъ. Кромѣ того, для Кронштадта предполагалось созданіе команды подводныхъ лодокъ, а для Новогеоргіевска минной роты.

5) *Техническія войска.*

Намѣчалось созданіе 2-хъ жел.-дор. батальоновъ, по одному для Петербургскаго и Туркестанскаго воен. округовъ, и особой жел.-дор. роты для Финляндіи.

Вновь формировались двѣ роты дирижаблей и крѣпостное воздухоплавательное отдѣленіе для Ивангорода.

Въ отношеніи авіаціонныхъ частей предполагалось имѣть на каждый корпусъ и крѣпость по одному авіаціонному отряду и нѣкоторое число авіаціонныхъ отрядовъ для дальнихъ развѣдокъ. Число отрядовъ послѣдней категоріи расчитано было въ соотвѣтствіи съ числомъ армій и крупныхъ кавалерійскихъ отрядовъ.

Въ результатѣ предполагалось сформировать 28 авіаціонныхъ отрядовъ, 5 авіаціонныхъ ротъ и 2 авіаціонныхъ школы.

Въ отношеніи автомобильныхъ частей предполагалось создать 5 автомобильныхъ ротъ, 6 автомобильныхъ командъ и 24 транспорта.

6) *Обозныя войска.*

Преднамѣчено было формированіе особыхъ корпусныхъ обозныхъ частей.

Б. УСИЛЕНІЕ ШТАТНАГО СОСТАВА СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ЧАСТЕЙ

1) *Пѣхота.*

Намѣчалось имѣть пѣхотные полки трехъ составовъ: нормальнаго — 60 рядовъ въ ротѣ, усиленнаго — 84 ряда и полнаго — 100 рядовъ, въ то время, какъ до того нормальный составъ полковъ былъ 48 рядовъ въ ротѣ, нѣкоторые же полки имѣли по 60-68, 70, 80 и 84 рядовъ и двѣ дивизіи (2 и 4 Спб.) по 100 рядовъ.

Предполагалось, что этимъ достигались слѣдующія преимущества:

а) ускореніе и упрощеніе мобилизаціи, вслѣдствіе влитія въ полки меньшаго количества запасныхъ, а затѣмъ, въ виду предстоящаго въ ближайшемъ будущемъ перенесенія срока увольненія въ запасъ на апрѣль, т. е. ко времени наиболѣе вѣроятной мобилизаціи, въ частяхъ были бы люди 4 сроковъ и полки 84 и 100 ряднаго состава не потребовали бы усиленія запасными, даже при выдѣленіи людей во вновь формируемыя учрежденія. Полки 60 ряднаго состава имѣли бы къ веснѣ до 80 рядовъ, т. е. получили бы 20% изъ запаса;

б) занятія мирнаго времени проходили бы въ условіяхъ большей поучительности, а для полковъ 84 и 100 ряднаго состава — въ обстановкѣ, близкой къ военному времени.

Предполагалось перевести изъ общаго числа полковъ (312) на 100-рядный составъ 11%, на 84-рядный — 13% и на 60-рядный — 76%; изъ 72 стр. двухъ-батальонныхъ полковъ: въ 100-рядный составъ — 7%, въ 84-рядный — 82% и въ 60-рядный — 11%.

2) Кавалерія.

Включалось по 4 лишнихъ ряда (8 кон. рядовыхъ) на эскадронъ, за счетъ коихъ производилось пополненіе убыли въ эскадронахъ и удовлетвореніе нормальныхъ мобилизаціонныхъ потребностей въ полкахъ.

3) Артиллерія.

Предполагалось освободить батареи отъ хозяйственныхъ функцій и сосредоточить хозяйство въ управленіи дивизіона, штаты коего поэтому получали значительное развитіе; кромѣ того, намѣчалось упорядоченіе организаціи парковъ и освобожденіе батарей отъ обязанности хранить ихъ матеріальную часть.

4) Инженерныя войска.

Для объединенія дѣятельности крѣп. инж. частей создавались должности Начальниковъ крѣп. сап. бригадъ и штабовъ этихъ бригадъ.

5) Техническія войска.

Значительно усиливался личный составъ воздушныхъ войскъ, совершенно недостаточный для исполненія возлагаемыхъ на нихъ задачъ.

6) Обозныя войска.

Предполагалось переустройство обозовъ въ смыслѣ согласованія типа перевозочныхъ средствъ съ особенностями театровъ военныхъ дѣйствій.

Кромѣ созданія новыхъ частей и усиленія ихъ штата, «большая программа» 1914 г. намѣчала еще слѣдующія мѣропріятія:

1) обезпеченіе вновь созданныхъ частей казарменными помѣщеніями и хранилищами для матеріальной части артиллеріи; заведеніе спеціальнаго воздухоплавательнаго, авіаціоннаго, автомобильнаго и обознаго имущества и образованіе различныхъ запасовъ военнаго времени; наконецъ, принятіе мѣръ по развитію нѣкоторыхъ заводовъ, а именно Тульскаго, Ижевскаго и Сестрорѣцкаго оружейныхъ; Петербургскаго и Луганскаго патронныхъ; Петербургскаго и Самарскаго трубочныхъ; Петербургскаго, Кіевскаго и Брянскаго арсеналовъ; Петербургскаго орудійнаго и Казанскаго пороховыхъ заводовъ; предполагалось вновь построить трубочный заводъ.

Созданіе двухъ новыхъ пѣхотныхъ училищъ (въ Кіевѣ и Ташкентѣ), расширеніе Иркутскаго воен. училища, образованіе трехъ временныхъ воен. училищъ; содержаніе сверхкомплектныхъ юнкеровъ въ существующихъ тогда училищахъ. Всѣ эти мѣры должны были удовлетворить потребность въ увеличеніи числа офицеровъ на 11.772.

Эта обширная программа была расчитана на четыре года, т. е. окончательно предполагаось ее осуществить къ 1917 году, и требовала единовременнаго расхода на осуществленіе всѣхъ преднамѣченныхъ мѣропріятій въ 800 мил. руб., которые должны были быть ассигнованы въ періодъ до 1917 года.

Кромѣ того, постоянные ежегодные расходы на армію возрастали на 200 мил. рублей.

«Приведенная выше большая военная программа», заключаетъ ген. Циховичъ[1]), «должна была довести нашу армію до высшей степени боевой готовности. Существеннымъ ея недостаткомъ было отсутствіе разработки мѣропріятій по запаснымъ войскамъ и по усовершенствованію въ мирное время обученія запасныхъ и ополченцевъ, что, при громадныхъ потеряхъ въ первыхъ же бояхъ, крайне затрудняли поддержаніе дѣйствующихъ армій на необходимой высотѣ боевой подготовки, несмотря на чрезвычайно сильные кадры, проведенные большой военной программой.

Кромѣ того, такъ какъ всемірная война вспыхнула значительно раньше полнаго осуществленія большой программы, то наша армія выступила на всемірное испытаніе въ прежнемъ своемъ составѣ и съ первыхъ же шаговъ стали ощущаться какъ организаціонные недостатки, такъ и техническая отсталость. Другими словами, разработка большой военной программы запоздала».

ОЦѢНКА «БОЛЬШОЙ ПРОГРАММЫ 1914 Г.»

Изложеніе фактической стороны «большой программы 1914 г.», которому былъ посвященъ предъидущій очеркъ, достаточно, чтобы читатель самъ оцѣнилъ, какое *громадное усовершенствованіе* вносилось ею въ строеніе Русской Арміи. Въ центрѣ этой благодѣтельной реформы, конечно, должна быть поставлена реорганизація артиллеріи. Благодаря этой реорганизаціи, реальная боевая сила русской пѣхотной дивизіи сравнивалась съ германской.

Съ большой долей вѣроятія можно предполагать, что страхъ передъ завершеніемъ этой реорганизаціи явился однимъ изъ существенныхъ мотивовъ, заставившихъ Германскій Генеральный Штабъ избрать 1914 г. для своей «превентивной войны».

«Безусловно сильными сторонами этой программы», пишетъ ген. Ю. Даниловъ[2]), «были:

1) Усиленіе штатныхъ составовъ существующихъ частей войскъ, дѣлавшее ихъ внутренне болѣе прочными, равно облегчавшее ихъ мобилизацію и выдѣленіе кадровъ для второочередныхъ частей.

2) Существенное усовершенствованіе въ организаціи полевой артиллеріи, въ результатѣ которой число огневыхъ единицъ и отдѣльныхъ орудій доводилось, почти, до германской нормы; организація батарей приближалась къ болѣе современной, а введеніе въ полевую артиллерію тяжелыхъ образцовъ восполняло крупный недочетъ въ прежней организаціи нашей арміи.

3) Расширеніе нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ заводовъ и арсеналовъ, долженствовавшее поставить дѣло боевого снабженія нашей арміи на болѣе прочное основаніе.

4) Довольно широкое развитіе, въ числѣ техническихъ войскъ, авіаціонныхъ частей, привлекшихъ къ себѣ особое вниманіе программы.

Но рядомъ съ отмѣченными достоинствами программа заключала въ себѣ и крупные недостатки. Она все же придавала излишнее значеніе увеличенію числа войскъ, въ ущербъ ихъ техническому снабженію. Особенно рельефно это вырази-

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.

[2]) «Россія въ міровой войнѣ 1914-1915 г. г.», стр. 54, 55.

лось въ значительномъ увеличеніи нашей кавалеріи, не вызывавшемся дѣйствительной надобностью. Наряду съ этимъ, въ программу не вошли мѣропріятія по обезпеченію вновь формировавшихся частей боевыми запасами военнаго времени и запасными частями. И, наконецъ, совершенно была упущена необходимость усилить въ мирное время обученіе нашихъ военно-обязанныхъ, что составляло очень слабую сторону въ дѣлѣ боевой подготовки нашей арміи».

Такимъ образомъ, разсматриваемая нами «большая программа» представляла собой въ качественномъ отношеніи весьма пеструю картину.

«Внесенный законопроектъ объ усиленіи арміи», пишетъ въ другомъ мѣстѣ ген. Ю. Даниловъ[1]), «носилъ громкое названіе «большой программы». Къ сожалѣнію, онъ явился результатомъ замкнутой и не до конца продуманной работы лишь одного изъ отдѣловъ Глав. Упр. Ген. Штаба по устройству и службѣ войскъ. Отдѣлъ Генералъ-Квартирмейстера былъ приглашенъ дать по этой программѣ свое заключеніе почти наканунѣ внесенія ея въ Совѣтъ Министровъ и ознакомленія Думской Комиссіи по оборонѣ съ содержаніемъ программы».

Если мы припомнимъ, что за время нахожденія ген. Сухомлинова на посту военнаго министра (съ 1909 по 1914 г. г.), т. е. за пять лѣтъ, смѣнилось четыре Начальника Ген. Штаба (Мышлаевскій, Гернгроссъ, Жилинскій, Янушкевичъ), то, естественно, что ожидать объединяющаго руководства со стороны высшаго начальника Г. У. Г. Ш., конечно, нельзя было. Всѣ нити вели къ одной центральной фигурѣ, къ самому Сухомлинову; но былъ ли онъ самъ способенъ къ такой объединяющей работѣ?

Отвѣтъ надо прежде всего искать въ его воспоминаніяхъ. Вѣдь, «большая программа» представляла собою завершеніе и въ то же время наиболѣе полное осуществленіе его дѣятельности въ качествѣ полновластнаго руководителя всѣхъ сторонъ сухопутной защиты Имперіи. Изложенію этой его дѣятельности посвящена часть VIII-я его «Воспоминаній»[2]), подъ заглавіемъ «Мои преобразованія въ Военномъ Вѣдомствѣ». Уже одно то, что эта часть занимаетъ всего 66 страницъ изъ 435, нѣсколько удивляетъ читателя. Но, когда послѣдній приступитъ къ чтенію, то съ первыхъ же страницъ передъ нимъ вырисовывается не государственный дѣятель, а просто обыватель.

Подавляющее число страницъ VIII-й части посвящено осужденію и жалобамъ на Вел. Кн. Николая Николаевича, на гр. Коковцева и другихъ лицъ, будто бы мѣшавшихъ ему въ его реформаторской дѣятельности. Но тщетно будетъ искать читатель въ изложеніи Сухомлинова яснаго и отчетливаго объясненія, каковы были тѣ руководящія идеи, которыя онъ проводилъ.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Сухомлиновъ пытается ихъ объяснить — дальше общихъ мѣстъ онъ не идетъ.

Вотъ главное изъ этихъ мѣстъ[3]):

«... **Исходнымъ пунктомъ всѣхъ моихъ мѣропріятій была цѣль добиться созданія русской арміи равносильной германской**[4]).

На практикѣ достиженіе этой моей цѣли сводилось къ слѣдующимъ главнымъ задачамъ:

1) устранить преимущества германской арміи въ быстротѣ готовности къ вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 53.

[2]) В. Сухомлиновъ. «Воспоминанія»; Русское универсальное издательство (Берлинъ). 1934 г.

[3]) Тамъ же, стр. 268.

[4]) Курсивъ Сухомлинова.

ступленію въ походъ, каковая въ нашей арміи отставала еще въ 1905 г. на три недѣли.

2) Использовать всѣ успѣхи техники для арміи.

3) Возстановить воинскій духъ арміи, потерянный на Маньчжурскихъ поляхъ сраженія, и

4) Установить прочныя начала довольствія арміи и снабженія затѣмъ на походѣ».

Пунктъ 1-й не вполнѣ ясенъ, такъ какъ Сухомлиновъ не поясняетъ, что онъ понимаетъ подъ словами — «быстрота готовности къ выступленію въ походъ».

Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ ли здѣсь Сухомлиновъ о мобилизаціи или о стратегическомъ сосредоточеніи? Естественно понять его заявленіе въ послѣднемъ смыслѣ, ибо въ современную эпоху «походъ арміи» начинается только послѣ того, какъ части ея высадились изъ поѣздовъ, т. е. по окончаніи стратегическаго развертыванія. Въ этомъ случаѣ его заявленіе объ ускореніи нашего стратегическаго развертыванія невѣрно. Въ предъидущихъ частяхъ моего труда читатель самъ могъ убѣдиться въ томъ, насколько ухудшилось стратегическое сосредоточеніе нашей Дѣйствующей Арміи по сравненію съ до-Сухомлиновскимъ временемъ. Повторю здѣсь заключеніе ген. Заіончковскаго[1]):

«Но что болѣе всего можетъ вызвать законное недоумѣніе у читателя, такъ это сравненіе, хотя бы въ общихъ чертахъ, цифровыхъ данныхъ проекта стратегическаго развертыванія 1900 г. съ проектомъ 1912 г., примѣненнымъ въ 1914 г. на практикѣ.

... Въ 1900 г. общее сосредоточеніе, выдвинутое къ Вислѣ, считалось законченнымъ на 32-ой день мобилизаціи, а въ 1912 г. — на 40-й... За 12 лѣтъ въ нашемъ развертываніи на западной границѣ мы ни на шагъ не пошли впередъ, ни въ отношеніи числа войскъ, ни въ отношеніи быстроты ихъ сосредоточенія»

Какъ понималъ Сухомлиновъ второй пунктъ своихъ руководящихъ мыслей, а именно, «использованіе всѣхъ успѣховъ техники для арміи», можно найти поясненіе лишь въ двухъ мѣстахъ его воспоминаній.

«Важныя реформы», пишетъ онъ на стр. 272, «проведены были въ области вооруженія войскъ. Опыты японской войны показали, что самый дѣйствительный огонь, — это огонь пулеметовъ, противъ которыхъ такой спеціальный зубъ имѣлъ Драгомировъ... Поэтому, наша армія снабжена была достаточнымъ числомъ пулеметовъ, а именно, по четыре на батальонъ...».

Трудно согласиться съ утвержденіемъ Сухомлинова о «достаточности» подобной пулеметной нормы. Дальнѣйшія строчки, которыми заключаетъ Сухомлиновъ свой короткій абзацъ о произведенной имъ «пулеметной» реформѣ, ярко обрисовываетъ, насколько онъ, пребывая на посту военнаго министра, оставался «обывателемъ».

«И тутъ реформа оказала блестящіе результаты», пишетъ онъ. «По этому поводу хорошій примѣръ можно привести изъ боя за переходъ черезъ Нѣманъ, подъ Друскениками, гдѣ нашимъ пулеметнымъ огнемъ были скошены цѣлые полки нѣмецкой пѣхоты».

Такого случая не было. Сухомлиновъ, очевидно, почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ частнаго письма безотвѣтственнаго корреспондента.

Второе мѣсто объ «использованіи *всѣхъ успѣховъ* техники для арміи»: на той же 272-й стр. онъ говоритъ слѣдующее:

---

[1]) «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ», стр. 322.

«... со стороны военнаго министерства предприняты были шаги для упорядоченія и ускоренія перевооруженія нашей артиллеріи. Такимъ образомъ, это последнее было рѣшено, гаубичныя батареи получили новыя гаубицы, которыя считались лучшими въ этой области. Война подтвердила прекрасныя качества этихъ орудій. Конная артиллерія точно также была снабжена новыми пушками системы Шнейдера и Ко. — эти орудія оказались болѣе легкими и лучше стрѣляющими, сравнительно со старыми».

Гаубицы, о которыхъ говоритъ здѣсь Сухомлиновъ — это 48-лин. гаубицы, которыми были перевооружены двухбатарейные мортирные дивизіоны, придававшіеся по одному на корпусъ. Не говоря уже о томъ, насколько ничтожно было такое количество гаубичныхъ батарей, по сравненію съ германской арміей, которая имѣла въ каждой пѣх. дивизіи 3 батареи 4-дм. гаубицъ и въ каждомъ корпусѣ 4 батареи 6-дм. гаубицъ, но самый выборъ калибра въ 5 дм. былъ крайне неудаченъ. «Технически» 48-лин. гаубица представляла собой хорошее орудіе, но какъ разъ опытъ войны показалъ, что она «тактически» оказалась, какъ говорили въ арміи, «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга».

Вотъ все, что говоритъ Сухомлиновъ о важнѣйшемъ мѣропріятіи «большой программы», это тѣмъ болѣе знаменательно, что вопросу о красивомъ обмундированіи мирнаго времени посвящена болѣе, чѣмъ цѣлая страница[1]).

Неспособностью и самого военнаго министра отличить главное отъ совершенно второстепеннаго и объясняется, почему артиллерійская реформа такъ запоздала. Вмѣсто того, чтобы быть произведенной въ первую же очередь и въ самомъ спѣшномъ порядкѣ, — къ ней рѣшено было приступить лишь въ 1914 г.

Насколько я помню, главная заслуга въ томъ, что необходимость артиллерійской реформы оказалась, наконецъ, въ должной степени осознана, принадлежала ген. Н. А. Данилову, пользовавшемуся, въ качествѣ Начальника Канцеляріи Воен. Министерства большимъ довѣріемъ ген. Сухомлинова. Ген. Н. А. Даниловъ былъ въ то же время талантливымъ профессоромъ тактики въ нашей Военной Академіи. Онъ вполнѣ раздѣлялъ тѣ «новыя» идеи, которыя въ то время уже преподавались съ ея кафедръ, «новшество» которыхъ заключалось въ признаніи за огнемъ рѣшающаго значенія въ бою. Изъ бесѣдъ, въ которыхъ мнѣ приходилось принимать участіе, въ профессорской средѣ, я составилъ себѣ представленіе, что ген. Н. А. Даниловъ энергично настаивалъ на реорганизаціи и довооруженіи нашей артиллеріи, постоянно указывая при этомъ на то, что такая реформа должна была бы быть произведена въ первую очередь. Для того, чтобы провѣрить свое предположеніе о благотворной роли ген. Н. А. Данилова въ «тактическихъ» достоинствахъ большой программы, я обратился съ вопросомъ къ ген. А. С. Лукомскому. Вотъ его отвѣтъ, который печатается съ его разрѣшенія:

«Что касается Вашего вопроса — сыгралъ ли ген. Н. А. Даниловъ большую роль въ установленіи основныхъ идей программы — я полагаю, что Ваше утвержденіе вѣрно и по общему значенію, которое имѣлъ въ военномъ министерствѣ Начальникъ Канцеляріи военнаго министерства, такъ и по личному значенію и вѣсу ген. Н. А. Данилова у послѣднихъ двухъ министровъ (Редигеръ и Сухомлиновъ). Въ періодъ выработки основныхъ положеній (идей) реорганизаціи нашей арміи, послѣ Русско-Японской войны Н. А. Даниловъ, по своей должности, принималъ участіе въ этой работѣ... Наконецъ, послѣ выработки законопроектовъ, вызывающихъ штатныя измѣненія, измѣненія въ Св. В. П. и новые расходы — всѣ они

1) Стр. 261, 262.

вносились въ Военный Совѣтъ. Внесенные же на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта мѣропріятія и законопроекты разсматривались въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ Военной Канцеляріи, и затѣмъ въ Военномъ Совѣтѣ давалъ свои заключенія Начальникъ Канцеляріи военнаго министерства. Изъ этого видно, что значеніе Начальника Канцеляріи, являвшагося непосредственнымъ докладчикомъ у военнаго министра, было большое. Затѣмъ могу удостовѣрить, что Н. А. Даниловъ проявлялъ очень большой интересъ къ вопросамъ реорганизаціи арміи, всегда очень аккуратно посѣщалъ засѣданія Комитета Генеральнаго Штаба. Знаю также, что бывшій начальникъ Организаціоннаго отдѣла Генеральнаго Штаба (включеннаго въ составъ Г. У. Г. Ш., если не ошибаюсь, въ февр. 1909 г.) ген. Бѣляевъ, постоянно держалъ Н. А. Данилова въ курсѣ своихъ работъ по разработкѣ реорганизаціи арміи».

Такимъ образомъ, голосъ военной науки, въ лицѣ ген. Н. А. Данилова, былъ услышанъ при разработкѣ «большой военной программы». Но очень характерно, что услышанъ онъ былъ не въ силу уваженія къ наукѣ — а въ силу высокаго чиновнаго положенія ген. Н. А. Данилова и личныхъ хорошихъ отношеній съ ген. Сухомлиновымъ. Въ такихъ условіяхъ воздѣйствіе военной науки на мѣропріятія, принимаемыя въ военномъ вѣдомствѣ во время главенства тамъ ген. Сухомлинова, могло быть лишь случайнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда побочныя причины, въ томъ числѣ личные вкусы ген. Сухомлинова или желаніе его понравиться Государю Императору совпадало съ требованіями военной науки, таковыя принимались. Играла роль даже нѣчто въ родѣ моды на нѣкоторыя идеи. Такъ, напр., ген. Сухомлинову очень понравилось царившее въ это время въ центральномъ управленіи франц. ген. штаба увлеченіе наступательнымъ образомъ дѣйствій въ стратегіи. Какъ я уже указалъ въ своемъ мѣстѣ, проповѣдь наступленія *во всѣхъ случаяхъ* и *во что бы то ни стало*, блестяще изложенная въ двухъ лекціяхъ французскаго полк. Гранмезона, была воспринята въ окруженіи ген. Сухомлинова, какъ послѣднее слово военной науки. Я отлично помню дебаты, происходившіе по этому случаю съ профессорами нашей Военной Академіи; тщетны были указанія послѣднихъ о томъ, что въ стратегіи всякая формула, въ томъ числѣ и столь соблазнительная, какъ Гранмезона, принимаемая какъ панацея для всѣхъ случаевъ, приводитъ къ отрицанію стратегіи не только, какъ науки, но и какъ искусства; въ самомъ дѣлѣ, если нужно вездѣ и всегда наступать — то возможность управленія военными дѣйствіями для полководца весьма уменьшается; ему не придется думать объ экономіи силъ посредствомъ стратегической обороны на второстепенныхъ раіонахъ театра военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность собрать максимумъ силъ для наступленія на избранномъ главномъ направленіи. Ему остается только распредѣлить свои войска по разнымъ операціоннымъ направленіямъ и бросить ихъ вездѣ въ рѣшительное наступленіе, возложивъ всѣ надежды на доблесть войскъ и на случай. Такая теорія должна была нравиться военноначальникамъ типа ген. Сухомлинова. Она была особенно удобна для оперативн. работы мирнаго времени, такъ какъ устраняла самую сложную и трудную часть оперативныхъ расчетовъ плана войны. Разсматривая оперативную часть нашего плана войны читатель могъ самъ убѣдиться въ этомъ. На самомъ составленіи «большой программы» это отразилось въ томъ, на что указываютъ приведенныя въ одномъ изъ предъидущихъ очерковъ слова ген. Заіончковскаго: «Ставка опредѣленно ставилась на молніеносную войну... о случаѣ затяжной войны... видимо, совсѣмъ не думали».

Разъ воздѣйствіе военной науки на разработку нашей «большой программы», по существу дѣла, могло быть только случайнымъ, то становится

вполнѣ понятнымъ и та «качественная» пестрота, которая была ей присуща, а также, и то, что ея сильныя мѣста сосредоточивались, почти всецѣло, въ области тактической. Въ области же стратегической, т. е. въ наиболѣе сложной изъ всѣхъ областей военнаго творчества, гдѣ сугубо требуется глубоко продуманное сочетанiе различныхъ элементовъ государственнаго бытiя, это творчество, безъ широкой военно-научной базы, неизбѣжно осуждено на величайшiе промахи и ошибки.

Этимъ же объясняется то, что, не смотря на вполнѣ современныя мысли, высказывавшiяся многими изъ лицъ, трудившимися надъ составленiемъ «большой программы», этимъ мыслямъ не суждено было воплотиться въ жизнь. Напомню хотя бы, приведенное выше указанiе члена Госуд. Думы Н. В. Савича на то, что представителями нашего Ген. Штаба была осознана идея, что современную войну нельзя вести только за счетъ запасовъ мирнаго времени. Но когда, въ 1914 г. вспыхнула война, подобной подготовки страны у насъ произведено не было, не оказалось также и достаточнаго количества запасовъ.

«Большая программа 1914 г.» показываетъ, что у насъ было много благихъ намѣренiй. Болѣе того, она показываетъ, что многiе изъ офицеровъ ген. штаба, входившихъ въ составъ Г. У. Г. Ш., были на высотѣ требованiй современной войны. Но гдѣ-то наверху возникали такiя тренiя, которыя, въ концѣ концовъ, заставляли колесики сложнаго механизма Г. У. Г. Ш. работать въ «холостую».

Не поражаютъ ли въ этомъ отношенiи слѣдующiе факты?

Вопросъ о придачѣ нашей пѣхотной дивизiи артиллерiйской бригады въ составѣ 9-ти шести орудiйныхъ батарей полевыхъ пушекъ и двухъ батарей легкихъ гаубицъ, и придачѣ каждому корпусу одного трехъ-батарейнаго дивизiона полевой тяжелой артиллерiи былъ поднятъ еще въ 1906 г., когда и былъ разработанъ соотвѣтствующiй проектъ[1]; потребовалось восемь лѣтъ, чтобы было только приступлено къ его осуществленiю. Другой, еще болѣе разительный примѣръ. Вопросъ о переходѣ отъ *восьми-орудiйныхъ батарей къ шести-орудiйнымъ* былъ возбужденъ сейчасъ же послѣ принятiя на вооруженiе нашей артиллерiи 3-дм. скорострѣльной пушки образца 1900 г.

«Собранное по этому вопросу», пишетъ ген. Маниковскiй[2], «совѣщанiе изъ представителей Генеральнаго Штаба и артиллерiи, строевой, ученой и административной службы, пришло къ заключенiю о необходимости реорганизовать наши громоздкiя восьми-орудiйныя батареи въ болѣе подвижныя и гибкiя шести-орудiйныя, и даже въ четырехъ-орудiйныя. Командующiе войсками въ Округахъ и корпусные командиры въ значительномъ большинствѣ высказались за шести-орудiйныя батареи... Военный министръ, ген. Куропаткинъ, признавая необходимымъ, путемъ опыта, выяснить сравнительныя преимущества батарей уменьшеннаго состава, а также исходя изъ соображенiй о новомъ ежегодномъ расходѣ въ три мил. рублей при реорганизацiи полевой артиллерiи въ шести-орудiйныя батареи, высказался за временное оставленiе восьми-орудiйныхъ батарей. По мнѣнiю Куропаткина, столь крупный новый расходъ препятствовалъ бы разрѣшенiю назрѣвшаго въ то время вопроса объ установленiи чайнаго довольствiя войскъ...».

Таково было положенiе въ 1902 г. Война съ Японiей въ 1904-1905 г. г. дала тотъ опытъ, котораго ждалъ ген. Куропаткинъ. Она совершенно опредѣленно

---

[1]) А. Маниковскiй, «Боевое снабженiе русской армiи, 1914-1918 г. г., часть II-я; стр. 18.

[2]) Тамъ-же, стр. 105-106.

показала, что огневая сила батареи, вооруженной восемью или шестью скорострѣльными пушками, равносильна. Начиная съ 1907 г., военное вѣдомство не могло жаловаться, что отпуски на армію урѣзываются въ той же мѣрѣ, какъ это было до нашей войны съ Японіей. Какъ мы знаемъ изъ предъидущихъ очерковъ (см. Воспоминанія члена Государственной Думы Н. В. Савича) на возстановленіе боеспособности арміи отпускалось ежегодно, только по одной смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ, отъ 60-ти до 80-ти мил. руб. Казалось бы, что три милліона, нужныхъ для того, чтобы въ 1 1/4 разъ увеличить число огневыхъ единицъ въ нашей пѣхотной дивизіи, можно было найти. Находились же деньги для того, чтобы вернуть нашей конницѣ старыя формы обмундированія мирнаго времени. Подобное мѣропріятіе стоило тоже нѣсколько милліоновъ рублей...

Однако, три милліона рублей, необходимые для наиважнѣйшей боевой реформы нашей арміи, ген. Сухомлиновъ не находилъ, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, сотни милліоновъ рублей оставались на счетахъ Военнаго вѣдомства неизрасходованными. Онъ нашелъ ихъ только въ тѣхъ восьмистахъ милліонахъ рублей, которыя были испрошены въ 1914 г., подъ флагомъ «большой программы». Но жизнь не ждала. Выступившая въ 1914 г. въ походъ Русская армія заплатила за слабость своей артиллеріи потоками лишней крови, а въ Вост. Пруссіи и пораженіями.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА В. Н. КОКОВЦЕВА.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ген. Сухомлиновъ[1]) пишетъ:

«Поддержку болѣе прочную, чѣмъ у Царя, имѣлъ я въ лицѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Петра Аркадьевича Столыпина... какъ Военному Министру мнѣ приходилось довольно часто обращаться къ нему лично, чтобы то или другое дѣло направить на вѣрный путь; дѣлалъ я это тѣмъ охотнѣе, что обмѣнъ нашихъ мыслей происходилъ при полнѣйшемъ взаимномъ довѣріи. Къ сожалѣнію, этотъ далеко превосходящій всѣхъ своихъ современниковъ въ Петербургѣ человѣкъ преждевременно скончался отъ руки убійцы изъ за угла... Преемникомъ Столыпина въ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ былъ назначенъ Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ, при сохраненіи вмѣстѣ съ тѣмъ портфеля Министра Финансовъ. Для меня это былъ выборъ самый неблагопріятный. Изъ за нашей борьбы въ Совѣтѣ Министровъ по отпуску кредитовъ на нужды арміи, — у меня съ нимъ создались самыя непріязненныя личныя отношенія».

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ гр. Коковцева[2]).

Это представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что воспоминанія гр. Коковцева позволяютъ возстановить передъ читателемъ ту общую картину управленія государствомъ, непосредственную часть которой составляла сама дѣятельность Сухомлинова по подготовкѣ арміи къ войнѣ.

---

1) Стр. 216.

2) «Изъ моего прошлаго. Воспоминанія. 1903-1919». Изд. журнала «Иллюстрированная Россія». Парижъ 1932.

«Съ назначеніемъ ген. Сухомлинова военнымъ министромъ», вспоминаетъ гр. Коковцевъ[1]), «и появленіемъ его въ Совѣтѣ Министровъ для защиты текущихъ дѣлъ своего вѣдомства, наши отношенія быстро приняли... прямо враждебный характеръ.

Ему приходилось сразу же войти въ конфликтъ, главнымъ образомъ, со мною, какъ Министромъ Финансовъ, и нашему расхожденію по текущимъ дѣламъ, послѣ первыхъ же расхожденій во взглядахъ на размѣры кредитовъ, испрашиваемыхъ его вѣдомствомъ всегда въ преувеличенныхъ размѣрахъ и очень часто **съ крайне плохимъ обоснованіемъ**[2]), онъ придалъ чрезвычайно острый характеръ.

Наши споры приняли даже явно личный характеръ и, что еще хуже, пришли на судъ Государя раньше, чѣмъ журналы Совѣта дошли до Него. Объ этомъ тотчасъ же узналъ Столыпинъ, которому Государь сталъ говорить о томъ, что ему крайне непріятны разнорѣчія въ Совѣтѣ министровъ, и что Онъ очень желалъ бы ихъ устранить и будетъ говорить со мной при первой же возможности.

Столыпинъ былъ крайне возмущенъ такимъ отношеніемъ Сухомлинова, разъяснилъ Государю, что всѣ министры совершенно самостоятельны въ Совѣтѣ, что роль послѣдняго заключается именно въ томъ, чтобы сглаживать несогласія между вѣдомствами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда эти несогласія остаются, они всегда идутъ на разрѣшеніе Государя, которому одному и принадлежитъ окончательное направленіе спорнаго вопроса. Онъ прибавилъ, что дѣла вносятся Военнымъ Министромъ въ Совѣтъ Министровъ часто въ такомъ плохомъ видѣ, что самъ Военный Министръ отказывается отъ своихъ расчетовъ и присоединяется къ Министру Финансовъ и Государственному Контролеру, мнѣніе которыхъ всегда подкрѣплены значительно болѣе вѣскими данными, нежели тѣ, на которыя опирается Военное вѣдомство. Онъ указывалъ Государю, что ген. Сухомлиновъ началъ даже прибѣгать къ совершенно небывалому пріему — соглашается въ Совѣтѣ, а когда ему посылаютъ составленный, согласно и его мнѣнію, журналъ, онъ пишетъ на него возраженія и дѣло слушается два и три раза, внося немалое недоумѣніе въ среду министровъ».

Не служитъ ли это заявленіе П. А. Столыпина лучшимъ доказательствомъ «случайности» мнѣній ген. Сухомлинова въ вопросахъ строительства русской вооруженной силы. Очевидно, что, согласившись на Совѣтѣ Министровъ съ болѣе обоснованными доводами возражавшихъ ему министровъ, но не усвоивъ ихъ, возвращаясь къ себѣ въ министерство, онъ затѣмъ измѣнялъ свое мнѣніе, въ зависимости отъ выслушаннаго имъ доклада одного изъ своихъ помощниковъ.

Прошло лишь 8-мь мѣсяцевъ пребыванія В. Н. Коковцева на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и ему пришлось уже самому убѣдиться въ полной несостоятельности ген. Сухомлинова, какъ военнаго министра. 23-го апр. 1912 года онъ счелъ своимъ служебнымъ долгомъ доложить объ этомъ Государю Императору.

«Ваша армія — не въ порядкѣ», сказалъ онъ[3]). «Она не устроена и дурно управляется. Вашего докладчика — Военнаго Министра не уважаетъ никто изъ видныхъ военныхъ: одни надъ нимъ издѣваются, другіе его презираютъ, и съ такимъ начальникомъ подготовить армію къ побѣдному бою — нельзя. Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мною владѣетъ страхъ за будущее, и я вижу въ немъ гроз-

---

1) Т. I, стр. 360.

2) Курсивъ мой (Н. Н. Г.).

3) Т. II, стр. 69.

ные признаки, отъ которыхъ упаси Господь Богъ Васъ и Вашего Наслѣдника. Я сказалъ все, что у меня на душѣ, и больше, Ваше Величество, не услышите отъ меня никогда самого упоминанія о моихъ отношеніяхъ къ ген. Сухомлинову. Если мнѣ не суждено еще получить теперь моего увольненія, то позвольте мнѣ ожидать, что Ваше Величество Сами изволите меня освободить отъ дальнѣйшихъ докладовъ Вамъ о томъ, что мнѣ тягостно и что волнуетъ меня предчувствіями».

Прошедшіе послѣ этого доклада полгода, еще болѣе утвердили гр. Коковцева въ его отрицательной оцѣнкѣ дѣятельности ген. Сухомлинова. Это былъ періодъ осуществленія Военнымъ вѣдомствомъ, такъ называемой, «малой программы» и намѣчаемаго ея расширенія — названнаго впослѣдствіи «промежуточной программой 1913 г.».

«Для меня было совершенно ясно»[1], пишетъ онъ въ октябрѣ 1912 г., «что, просивши усиленныя ассигнованія и не видоизмѣняя своихъ внутреннихъ порядковъ, Военное Министерство достигало только внѣшняго успѣха — имѣло въ своемъ распоряженіи большія денежныя средства, но не подвигало нашей боеспособности ни на одинъ шагъ; отпущенныя средства накапливались въ кассѣ Военнаго Министерства, заказы продолжали исполняться съ необычайной, или, вѣрнѣе, обычной, волокитой и окончаніе ихъ становилось еще того медленнѣе. Но мое положеніе было просто безвыходное. Я видѣлъ безнадежность увеличивать кредиты изъ года въ годъ, говорилъ объ этомъ громко и открыто, и всегда, гдѣ только могъ, но былъ лишенъ всякой возможности проводить свои взгляды. Военный Министръ инсинуировалъ на мой счетъ у Государя, Государственная Дума рѣзко критиковала его способы распоряжаться ассигнованными средствами, но высказывалась всегда за усиленіе кредитовъ; печать держала повышенный тонъ... Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ идти на соглашеніе и на уступки Военному Министру, зная хорошо, что въ спорахъ съ послѣднимъ Совѣтъ Министровъ не встанетъ на мою сторону и предпочтетъ всегда присоединиться къ требованіямъ ген. Сухомлинова, лишь бы не давать ему повода инсинуировать у Государя. — Я просто рѣшился не доводить до окончательнаго разногласія ни одного моего спора и согласился уступить во всемъ, въ первый разъ представивши всѣ смѣтные расчеты по военнымъ кредитамъ безъ всякаго спора».

Описывая дальше свой докладъ Государю 19-го октября 1912 г., происходившій въ Спалѣ, гр. Коковцевъ говоритъ:

«Я развилъ Государю мою точку зрѣнія самымъ подробнымъ образомъ и представилъ особую вѣдомость, въ которой показалъ все то лишнее, что потребовалъ Военный Министръ и безъ чего наша военная подготовка не потерпѣла бы никакого ущерба. Сумма этихъ лишнихъ кредитовъ получилась весьма значительная — около 80 мил. руб. только на одинъ 1913 годъ. Представилъ я также, какъ водится, и другую вѣдомость — о неизрасходованныхъ кредитахъ прежняго времени, — ихъ насчитывалось свыше 180 мил. руб.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ, прерывая мой докладъ, говорилъ мнѣ, что я доставилъ Ему большое удовольствіе. Когда же я довелъ мои изложенія до конца — то онъ всталъ изъ за стола, обошелъ кругомъ ко мнѣ и, беря мою правую руку своими обѣими руками, сказалъ мнѣ: «Я знаю, какую сдѣлку съ вашей бережливостью вы допустили, соглашаясь на то, что, по вашему мнѣнію, требуется Военнымъ Министерствомъ лишняго. Я вѣрю тому, что вы совершенно правы, что деньги не будутъ израсходованы, и дѣло отъ этого не выиграетъ. Въ вашихъ спорахъ съ ген. Сухомлиновымъ, правда всегда на вашей

[1]) Т. II, стр. 114.

сторонѣ, но Я хочу, чтобы и вы поняли Меня, что Я поддерживаю Сухомлинова не потому, что не вѣрю вамъ, а потому, что Я не могу отказать въ военныхъ расходахъ. Упаси Боже, если намъ не удастся потушить пожаръ на Балканахъ. Я никогда не прощу Себѣ, что отказалъ въ военныхъ кредитахъ, хотя бы одинъ рубль. Да и вы сами должны быть гораздо болѣе спокойны теперь, когда знаете, что никто не скажетъ, что вы помѣшали дѣлу нашей государственной обороны. Я знаю, какъ горячо вы любите Родину, и вѣрю тому, что также какъ и Я, горюете, что не все у насъ благополучно съ военными заказами. Будемъ надѣяться, что теперь пойдетъ все лучше и лучше, а если Сухомлиновъ станетъ опять говорить Мнѣ, что вы его обрѣзываете въ кредитахъ, то Я скажу ему просто, что этого слушать болѣе не желаю, и что теперь будетъ виноватъ онъ, а не вы[1]...

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я доложилъ подробно о моемъ докладѣ Государю въ Совѣтѣ Министровъ и остановился преимущественно на вопросѣ о военныхъ расходахъ и, обращаясь къ Сухомлинову, сказалъ ему открыто, что я надѣюсь, что теперь прекратятся его постоянныя жалобы на недостаточность ассигнованій на дѣло обороны, и огласилъ при этомъ вѣдомость неизрасходованныхъ суммъ изъ прежнихъ ассигнованій.

Меня рѣшительно поддержалъ Государственный Контролеръ, который — помню хорошо это засѣданіе — удивилъ всѣхъ рѣшительностью своего тона, своихъ объясненій и совершенно неожиданнымъ рѣзкимъ выступленіемъ противъ безсистемности дѣйствій Военнаго Министерства. Покойный Харитоновъ развивалъ ту же мысль, что, помимо несправедливости постоянныхъ жалобъ ген. Сухомлинова на Министерство Финансовъ, особенно важно, чтобы теперь, при началѣ дѣятельности новой Государственной Думы, Военное Министерство не давало поводовъ къ столкновеніямъ Правительства съ Думой и для этого есть только одно средство — держаться рамокъ ассигнованныхъ кредитовъ, прекратить усвоенную имъ систему, постоянно требовать добавочныхъ кредитовъ по 17 ст. Смѣтныхъ Правилъ (т. е. помимо Думы) и видѣть свое благополучіе не въ томъ, чтобы требовать съ казны все больше и больше, а въ томъ, чтобы быстрѣе исполнить заказы и не оставлять армію безъ необходимаго снаряженія, при огромныхъ неизрасходованныхъ кредитахъ. Сухомлиновъ, по обыкновенію, произносилъ какія то неопредѣленныя слова, и всѣ поняли только одно, что и онъ вполнѣ удовлетворенъ размѣромъ ассигнованныхъ по смѣтамъ кредитовъ[2]...

Прошло всего 2-3 дня и, неожиданно для всего Совѣта, 28-го октября, Военный министръ поднесъ мнѣ, что называется, сюрпризъ. Очевидно, забывая о томъ, что говорилось всего менѣе недѣли назадъ въ засѣданіи Совѣта, не предупредивши меня ни однимъ словомъ, онъ прислалъ мнѣ экстренное требованіе объ отпускѣ въ его распоряженіе, въ связи съ событіями на Балканахъ, кредита въ 63 милліона рублей, на усиленіе нашей обороны на Австрійскомъ фронтѣ. Онъ сослался при этомъ на старый законъ, отмѣненный, въ связи съ новыми правилами, и заявилъ, что поступилъ такъ по повелѣнію Государя, вполнѣ одобрившаго его предложеніе. Меня удивило, конечно, не само несообразное требованіе Военнаго Министра — къ этому я давно былъ пріученъ, — а то, что всего наканунѣ я имѣлъ подробный докладъ у Государя, вопросы военнаго характера занимали въ нашихъ объясненіяхъ немалое мѣсто, и Государь не обмолвился мнѣ ни однимъ словомъ о новомъ требованіи ген. Сухомлинова.

---

1) Т. II, стр. 115, 116.

2) Т. II, стр. 119.

Я созвалъ немедленно Совѣтъ Министровъ на 30-е октября и написалъ собственноручно Государю, что не имѣю права исполнить требованіе Военнаго Министра, какъ противорѣчащее закону, что всякіе отпуски денегъ по всеподданнѣйшимъ докладамъ теперь болѣе недопустимы, и что только Совѣтъ Министровъ, а не единолично какой либо министръ имѣетъ право представить Государю свое заключеніе объ отпускѣ кредита (по ст. 17), съ послѣдующимъ утвержденіемъ отпуска Государственной Думой.

Мой докладъ вернулся съ такою собственноручной помѣткой: «Теперь не время останавливаться на такихъ формальностяхъ. Я жду, во всякомъ случаѣ, меморіи Совѣта не позже 1-го ноября. Деньги должны быть отпущены».

Положеніе Совѣта было крайне трудное. Сухомлиновъ, какъ всегда, невинно улыбался и на всѣ рѣзкія замѣчанія, исходившія даже отъ лицъ никогда или чрезвычайно рѣдко поддерживавшихъ меня, какъ Щегловитовъ, Рухловъ и Кривошеинъ, онъ отвѣчалъ только, что въ виду опасности войны нельзя останавливаться передъ «юридическими тонкостями».

Разборъ его требованій, сдѣланный мною наспѣхъ, выяснилъ, что изъ 63 милліоновъ рублей, не менѣе 13 милліоновъ уже занесены въ смѣты и не могутъ требовать вторичнаго ассигнованія — этого ген. Сухомлиновъ просто не зналъ — а устыженный Харитоновымъ наивно замѣтилъ: «ну, значитъ, ихъ можно исключить». Оказалось затѣмъ, что изъ остальныхъ 50 милліоновъ только около 20-ти требуютъ спѣшнаго отпуска, а болѣе 30-ти потребуются въ серединѣ 1913 г. или, даже, значительно позже. Наконецъ, выяснилось, что, готовясь къ усиленію нашего Австрійскаго фронта, Военное Министерство безъ всякаго смущенія предполагаетъ дать весьма значительный заказъ австрійскимъ же заводамъ и, въ частности, близкому къ Правительству, заводу Шкода. При другихъ условіяхъ, такое дѣло могло разгорѣться въ крупный скандалъ, но всему Совѣту было ясно, что часть требованій должна быть исполнена, и пришлось составить заключеніе въ этомъ смыслѣ, испрашивая у Государя разрѣшеніе на отпускъ теперь же 20-ти милліоновъ, а остальныхъ — по мѣрѣ наступленія сроковъ платежей. Я настоялъ на томъ, чтобы въ заключеніе Совѣта было помѣщено мое заявленіе, что всѣ эти требованія объ ассигнованіи денегъ въ такомъ спѣшномъ порядкѣ совершенно излишни, что Военному Министру слѣдуетъ просто дать полномочіе дѣлать всѣ необходимые заказы, а кредитъ долженъ быть испрошенъ черезъ Думу и Государственный Совѣтъ, по мѣрѣ исполненія заказовъ, и что всѣ отпущенныя въ такомъ спѣшномъ порядкѣ суммы останутся просто неизрасходованными. Сухомлиновъ внесъ свои заявленія въ противоположномъ смыслѣ, и меморія Совѣта была представлена Государю 31-го октября, за день до назначеннаго срока.

Деньги, разумѣется, были отпущены и мое пророчество сбылось. Я былъ уволенъ черезъ 14 мѣсяцевъ — 30-го января 1914 г. и къ моменту моего увольненія изъ всего отпущеннаго въ такомъ невѣроятномъ порядкѣ кредита израсходовано было всего 3 милліона рублей. Стоило ли городить огородъ...»[1]).

Описывая свой ближайшій докладъ Государю, гр. Коковцевъ пишетъ:

«опять и опять мнѣ пришлось говорить, что арміи нужно не то, что по смѣтѣ Военнаго Министерства есть деньги, а то, что въ артиллерійскихъ паркахъ есть орудія и снаряды и нѣтъ недостатка въ ружьяхъ, пулеметахъ и патронахъ, и что нужно давать и исполнять заказъ, какъ слѣдуетъ, а не передѣлывать чертежи по нѣсколько разъ и не отмѣнять данные наряды и замѣнять ихъ новыми и новыми.

[1]) Т. II. стр. 120, 121.

Все, что я говорилъ и на этотъ разъ, ясно сознавая, что при такомъ распорядителѣ, какъ Сухомлиновъ, все дѣло останется въ прежнемъ безнадежномъ состояніи и будетъ идти прежнимъ черепашьимъ шагомъ, сколько ни скопится горючаго матеріала вокругъ насъ»[1])...

Исходя изъ только что нарисованной, самимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, картины, трудно примѣнить къ мѣропріятіямъ ген. Сухомлинова, проводившимся до 1914 года, наименованіе "программы" (малой и промежуточной). Вѣдь самая сущность этого наименованія, прежде всего, подразумѣваетъ тщательное изученіе государственныхъ возможностей, а затѣмъ установленіе наименѣе обременительнаго для государства покрытія требуемыхъ отъ него средствъ. Казалось бы, само собою понятнымъ, что такая постановка дѣла требуетъ участія въ предварительной разработкѣ руководителей всѣхъ главныхъ отраслей государственной жизни. Посмотримъ теперь, какъ былъ привлеченъ къ разработкѣ нашей "большой программы" самъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

«9-го марта (1913 года)», вспоминаетъ гр. Коковцевъ[2], «Военный Министръ позвонилъ мнѣ по телефону и предупредилъ, что Государь проситъ меня завтра, 10-го, пріѣхать къ Нему. На мой вопросъ: «Въ чемъ дѣло и кто еще приглашенъ», онъ мнѣ отвѣтилъ: «вотъ ужъ на этотъ разъ, это Вамъ должно быть извѣстно больше, чѣмъ кому либо», — и на этомъ нашъ разговоръ оборвался.

Я поспѣшилъ позвонить къ Сазонову, узнать у него причину экстреннаго вызова, но его не оказалось дома, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ спокойно ждать утра и минуты отъѣзда.

На вокзалѣ я встрѣтилъ Маклакова, который спросилъ у меня — о чемъ будетъ совѣщаніе, на которое и онъ приглашенъ, а жандармскій офицеръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что за четверть часа отошелъ экстренный поѣздъ, съ которымъ уѣхали Великіе Князья, Военный и Морской министры. Въ Царскомъ Селѣ меня пригласили пройти въ большую угловую гостинную Императрицы, въ которой я нашелъ Вел. Кн. Николая Николаевича и Сергѣя Михаиловича, Военнаго Министра, Начальника Ген. Штаба ген. Жилинскаго, Морского Министра, Министра Иностранныхъ дѣлъ и Государственнаго Контролера. Не успѣлъ я поздороваться съ собравшимися, какъ Государь обратился ко мнѣ съ такими словами: — «Такъ какъ интересующій насъ вопросъ зависитъ, прежде всего, отъ денегъ, то Я прошу Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ сказать, какъ относится онъ къ представленію Военнаго Министра».

Не зная рѣшительно ничего о томъ, какое предположеніе имѣетъ Государь въ виду, я отвѣтилъ, что затрудняюсь сказать что либо, не зная о чемъ идетъ рѣчь. Государь смутился и, обращаясь къ сидѣвшему противъ него Военному Министру, сказалъ ему: «Какъ же это такъ, Владиміръ Александровичъ, — снова Предсѣдатель Совѣта ничего не знаетъ. Вѣдь вашъ докладъ напечатанъ, Я его читалъ уже 2 недѣли тому назадъ, и вы просили Моего разрѣшенія разослать его всѣмъ участникамъ совѣщанія, собраннымъ по вашей просьбѣ».

Сухомлиновъ покраснѣлъ и отвѣтилъ: «я рѣшительно ничего не понимаю, Ваше Величество, — докладъ былъ посланъ вчера утромъ Министру Финансовъ и, вѣроятно, лежитъ гдѣ-нибудь у него въ канцеляріи.

---

[1]) т. II, стр. 121 и 122.

[2]) Т. II, стр. 157-161.

Всѣ министры отвѣтили, что получили докладъ еще на прошлой недѣлѣ. Я удостовѣрилъ, что, выѣзжая изъ дома въ 9 1/4 утра, я видѣлъ моего секретаря, который сказалъ, что ничего отъ Военнаго Министра не поступало. На предложеніе Государя, не отмѣнить ли Совѣщаніе и не лучше ли собраться на слѣдующей недѣлѣ, послѣ того, какъ я ознакомлюсь съ дѣломъ, я просилъ Государя приказать просто прочитать этотъ докладъ, предполагая, что, быть можетъ я буду имѣть возможность высказаться и безъ подготовки. Я прибавилъ, что я не хотѣлъ бы задерживать направленіе дѣла по причинѣ недоставленнаго мнѣ необходимаго матеріала, какъ бы понятно не было такое обстоятельство. Участники совѣщанія имѣли весьма смущенный видъ.

Такъ и было поступлено. Ген. Жилинскій прочиталъ докладъ, содержавшій въ себѣ предположенія о необходимости спѣшно усилить нашу армію, въ виду увеличенія состава Германской арміи и въ соотвѣтствіи съ приведенными расчетами, открыть единовременный кредитъ въ суммѣ свыше 350 мил. руб. и увеличить постоянные расходы Военнаго Министерства на 100 мил. руб. въ годъ. Изъ бѣглаго прослушанія доклада мнѣ было ясно, что онъ составленъ наспѣхъ, многое пропущено (напр., не принятъ вовсе расходъ на постройку казармъ для увеличенія состава арміи и на ихъ содержаніе), отдѣльныя статьи не согласованы между собою... Не затронутъ былъ вовсе вопросъ о развитіи желѣзныхъ дорогъ съ точки зрѣнія приспособленія ихъ къ мобилизаціоннымъ цѣлямъ и т. д.

Послѣ прочтенія доклада Государь опять спросилъ меня — не желаю ли я отложить засѣданіе, чтобы подготовиться къ отвѣту. Я просилъ Его разрѣшенія отвѣтить теперь же, но просилъ позволить мнѣ говорить совершенно откровенно, не стѣсняясь тѣмъ, что мои слова могутъ быть непріятны кому бы то ни было. Хорошо помню и теперь все, что я сказалъ тогда. Главное я тогда же записалъ.

Я началъ съ того, что просилъ Государя обратить вниманіе на то невѣроятное положеніе, которое существуетъ у насъ въ дѣлѣ развитія арміи. Не проходитъ ни одного доклада, чтобы Военный Министръ не жаловался бы на меня за то, что я отказываю ему въ средствахъ: почти въ каждомъ номерѣ «Русскаго Инвалида» печатаются рѣзкія статьи о томъ, что мы отстали отъ нашихъ вѣроятныхъ будущихъ противниковъ, и причиною этого является все тотъ же вѣчный отказъ Министра Финансовъ въ деньгахъ; въ каждомъ собраніи военныхъ та же единственная тема развивается все съ большей и большей страстностью, и скоро имя Министра Финансовъ станетъ чуть ли не синонимомъ врага Отечества, не признающаго перваго своего долга передъ Родиною — помогать защитѣ ея чести и достоинства. А между тѣмъ, что мы видимъ на дѣлѣ и какое **лучшее доказательство безсистемности нашихъ подготовительныхъ работъ по усиленію арміи нужно еще искать, послѣ сегодняшняго собранія.** Германія провела свой исключительный и единовременный налогъ на населеніе для усиленія арміи еще въ 1911 г., а у насъ встрепенулись только черезъ 2 года, да и то не успѣли послать Предсѣдателю Совѣта Министровъ и Министру Финансовъ печатнаго доклада, хотя послали его другимъ министрамъ и заставляютъ его читать съ листа, не давши ему ознакомиться съ содержаніемъ выработанныхъ предположеній и даже обдумать эти предположенія. Но и этого мало.

Послѣ двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Военное Министерство должно было готовиться и работать надъ новымъ планомъ усиленія арміи, — на разсмотрѣніе Государя представляется такая работа, въ которой, съ перваго бѣг-

лаго взгляда, очевидны элементарная неточность и безспорные пропуски. Достаточно указать, что пропущенъ расходъ на казармы, исчисляемый во многіе и многіе милліоны рублей, и невольно хочется спросить — гдѣ же будутъ жить тѣ сотни тысячъ солдатъ, которые будутъ призваны подъ знамена.

Очевидно, что при такомъ характерѣ работы безполезно углубляться въ отдѣльные расчеты, провѣрять ихъ и подводить новые итоги, да это и совершенно безполезно. Совѣщаніе не можетъ рѣшать этого вопроса безъ Законодательныхъ Учрежденій, и нужно только принять одно принципіальное рѣшеніе, а затѣмъ поручить Военному Министру разработать весь вопросъ, безъ грубыхъ пропусковъ и ошибокъ, что, очевидно, совершенно непосильно для одного Военнаго вѣдомства, и внести его въ Думу, безъ всякихъ новыхъ проволочекъ, въ которыхъ вообще не виновенъ никто, кромѣ самого Военнаго Министра, постоянно разыскивающаго постороннихъ виновниковъ своихъ собственныхъ ошибокъ.

Что же касается моего принципіальнаго отношенія къ дѣлу, то я не только не буду возражать противъ усиленія арміи, но могу развѣ повторить то, что я не разъ заявлялъ открыто въ Думѣ и докладывалъ самому Государю, — нужно торопиться, работать не покладая рукъ и постараться наверстать потерянное время, и нужно заранѣе знать, что Министръ Финансовъ не только не противится усиленію защиты Родины, но заявляетъ открыто, что деньги на это найдутся, и нужно только умѣть распорядиться ими, и распоряжаться не такъ, какъ мы это дѣлали до сихъ поръ.

Тутъ Государь прервалъ меня и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, но въ особенности къ Вел. Кн. Николаю Николаевичу: «Кажется, мы можемъ вздохнуть свободно и сказать себѣ, что мы не даромъ собрались сегодня. Я зналъ всегда, какъ горячо любитъ Владиміръ Николаевичъ Родину и никогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ не откажетъ въ средствахъ на оборону». Военный министръ, какъ ни въ чемъ не бывало, поспѣшилъ подтвердить, что и онъ очень благодаритъ Министра Финансовъ за его горячую поддержку нуждъ обороны.

Всѣ молча переглядывались, — Вел. Кн. Николай Николаевичъ шепнулъ мнѣ: «иль а дю тупе», и я продолжалъ свои объясненія. Я сказалъ Государю, что прошу Его разрѣшенія коснуться только двухъ принципіальныхъ вопросовъ, чтобы примирить новую огромную затрату на оборону съ поддержаніемъ нашего прочнаго финансоваго положенія. Я сказалъ, что Государственное Казначейство обладаетъ, въ видѣ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ, свободной наличностью свыше 450 мил. рублей, и что я готовъ отдать ее полностью на нужды обороны, но прошу только помощи Государя въ томъ, чтобы Онъ повелѣлъ мнѣ сообщить Его именемъ всѣмъ министрамъ, что эта наличность отдана на это дѣло, и что министры не должны обращаться къ Министру Финансовъ, какъ они это дѣлаютъ теперь почти ежедневно, прося новыхъ ассигнованій на счетъ этихъ запасныхъ средствъ. Кромѣ того, новый планъ Военнаго Министра, поглощая единовременными расходами всю наличность, требуетъ еще постояннаго увеличенія бюджета по крайней мѣрѣ на 150 мил. руб. въ годъ. Этотъ расходъ казна можетъ также взять на себя, потому что наши доходы растутъ въ значительной степени, но нужно, чтобы гражданскіе министры умѣрили свои новыя требованія, т. к. одновременно давать новыя средства для обороны и столь широко удовлетворять другія потребности — не въ состояніи выдержать никакая страна.

Государь опять остановилъ меня и сказалъ очень просто: «Вы имѣете, Владиміръ Николаевичъ, Мою полную поддержку — съ вами нельзя не согласиться. — Пусть въ Думѣ настаиваютъ на всякихъ культурныхъ расходахъ, а Я не хочу даже обсуждать вашего предложенія — оно такъ логично и правильно, и прошу васъ, поэтому, представьте Мнѣ завтра проектъ Моего повелѣнія объ этомъ всѣмъ министрамъ, и Я подпишу его съ большой радостью».

Когда, послѣ окончанія вышеописаннаго совѣщанія, гр. Коковцевъ уходилъ, въ передней его догналъ скороходъ, съ приглашеніемъ вернуться къ Государю.

«Я засталъ Его», вспоминаетъ гр. Коковцевъ, «въ большомъ кабинетѣ, разговаривавшимъ съ Великими Князьями, которые тутъ же вышли, причемъ Сергѣй Михаиловичъ сказалъ мнѣ довольно громко: «теперь я вижу, какіе пріемы практикуются у насъ».

Государь, обращаясь ко мнѣ, произнесъ слѣдующую фразу, воспроизведенную мною съ буквальной точностью, т. к. я тогда же записалъ все, что произошло: «Я все вижу болѣе ясно, чѣмъ хочу говорить. Не стану благодарить васъ, потому что знаю, какъ благородно и открыто вы дѣйствуете всегда. Прошу васъ объ одномъ, помогите Мнѣ въ этомъ дѣлѣ, подгоняйте Военнаго Министра, напоминайте ему и поправляйте его ошибки. Ему одному не справиться, а Я вижу ясно, что мы не надолго сохранимъ миръ. Что же будетъ, если мы опять будемъ не готовы къ войнѣ».

Я далъ тутъ же Государю слово, что не буду ни въ чемъ затруднять Военнаго Министра, но что я безсиленъ помогать ему и мои напоминанія вызовутъ новыя жалобы съ его стороны. Сославшись на мой докладъ въ Ливадіи 22-го апрѣля 1912 г., я сказалъ Государю, что ген. Сухомлиновъ не въ состояніи справиться съ дѣломъ, и что мы опять потеряемъ время и я убѣжденъ, что до роспуска Думы на лѣто онъ не сумѣетъ провести этого дѣла. «Ну, уже на этотъ разъ вы ошибаетесь», отвѣтилъ мнѣ Государь, «онъ далъ мнѣ слово, что къ 1-му мая[1]) все будетъ внесено, лишь бы его не задержали». Мои предсказанія сбылись. Сколько я ни напоминалъ Государю, сколько не твердилъ Сухомлинову въ Совѣтѣ Министровъ, дѣло опять застряло.

Меня уволили годъ спустя — 30-го янв. 1914 года, и только въ мартѣ того же года, т. е. съ опозданіемъ цѣлаго года послѣ совѣщанія, дѣло было внесено въ Думу, да и то съ такими ошибками, съ такой неполнотою въ расчетахъ, что всѣ только разводили руками. До самаго моего увольненія представленіе такъ и не поступило на мое окончательное разсмотрѣніе».

Но самымъ показательнымъ фактомъ несостоятельности Сухомлинова въ проведеніи реорганизаціи арміи служитъ одно мѣсто изъ показанія, даннаго гр. Коковцевымъ на допросѣ въ комиссіи, производившей слѣдствіе надъ преданнымъ суду въ 1916 году ген. Сухомлиновымъ. Ко дню отставки гр. Коковцева, т. е. къ 30-му янв. 1914 г. *сумма неиспользованныхъ Военнымъ Министромъ кредитовъ достигала огромной цифры — въ 250 мил. рублей*[2]).

Такимъ образомъ, даже въ 1914 году, намѣреваясь приступить къ "большой программѣ", на которую испрашивали 500 мил. руб., Сухомлиновъ не успѣлъ еще осуществить мѣропріятія предшествующихъ программъ на сумму равнявшуюся половинѣ испрашиваемыхъ новыхъ громадныхъ кредитовъ. Не будетъ поэтому преувеличеніемъ заключить, что Сухомлиновъ и въ 1914 году оказался бы неспособнымъ фактически осуществить большую программу въ назна-

---

[1]) 1913 г., примѣчаніе Н. Н. Г.

[2]) Т. II, стр. 398.

ченные сроки. А, между тѣмъ, напугавъ нѣмцевъ, она ускорила вспышку войны. Самъ В. А. Сухомлиновъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»[1]) пишетъ, что уже въ іюнѣ 1914 года онъ распорядился напечатать ту статью въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», которую нѣмцы приняли за угрозу по ихъ адресу: «*Россія готова, Франція также должна быть готова*».

---

1)Стр. 261.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОСЛѢДНІЕ РУССКО - ФРАНЦУЗСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ,

СОВѢЩАНІЯ РУССКАГО И ФРАНЦУЗСКАГО НАЧАЛЬНИКОВЪ ГЕН. ШТАБОВЪ ВЪ 1910 И ВЪ 1911 Г.Г.

Мнѣ уже приходилось выше говорить объ этихъ совѣщаніяхъ. Однако, для того, чтобы составить себѣ полное представленіе о той обстановкѣ, въ которой пришлось Русской арміи выступить осенью 1914 года, полезно вновь вернуться къ разсмотрѣнію послѣднихъ Совѣщаній начальниковъ Русскаго и Французскаго Генеральныхъ Штабовъ, происходившихъ въ 1910, 1911, 1912 и 1913 г. г. Напомню, что эти Совѣщанія происходили согласно § 4 Конвенціи, гласившей: «Генеральные Штабы обоихъ государствъ должны быть въ постоянной связи между собой, чтобы подготовить и облегчить выполненіе вышеприведенныхъ мѣръ...»[1]).

Совѣщаніе 1910 г. характеризуется, какъ я говорилъ выше, скромными требованіями Французскаго Ген. Штаба. Онѣ сводились къ тому, чтобы создать мѣрами мирнаго времени впечатлѣніе возможности серьезнаго наступленнія на польской границѣ съ 15-го по 30-й день мобилизаціи и чтобы въ первые дни войны Русская армія заняла бы такое положеніе, которое подтверждало бы это впечатлѣніе и не давало бы нѣмцамъ возможности использовать противъ Франціи корпуса, предназначенные для дѣйствій противъ Россіи.

Если мы вспомнимъ, что въ 1910 году ген. Сухомлиновъ оттянулъ въ глубь Россіи часть войскъ, расквартированныхъ ранѣе на Передовомъ Театрѣ, то требованія Французскаго Ген. Штаба сводились, по существу дѣла, къ пожеланію сохранить идеи дислокаціи Русской арміи, установленныя со временъ гр. Милютина.

---

[1]) Эти мѣры были изложены въ § 3-емъ; «силы, которыя должны быть использованы противъ Германіи, опредѣляются для Франціи въ 1.300.000 человѣкъ, для Россіи — отъ 700.000 до 800.000 человѣкъ...»; полный текстъ см. очеркъ,озаглавленный «Международная политическаяобстановка».

При выполненіи этихъ условій, Французскій Ген. Штабъ гарантировалъ со своей стороны «немедленное и рѣшительное наступленіе противъ германскихъ армій всѣми своими силами».

Безпокойство французскихъ руководящихъ сферъ изъ за тѣхъ измѣненій, которыя вносились планомъ войны (1910), проводимымъ ген. Сухомлиновымъ, было такъ велико, что нашъ Ген. Штабъ былъ вынужденъ въ началѣ 1911 г. ознакомить Французскій Ген. Штабъ со своими новыми стратегическими расчетами[1].

Слѣдующее Совѣщаніе начальниковъ ген. штабовъ, генераловъ Жилинскаго и Дюбайля, состоялось въ Красномъ Селѣ 18 (31)-го августа 1911 года.

Характерная особенность этого Совѣщанія заключалась въ слѣдующемъ[2]: Французскій Генеральный Штабъ, видимо, не удовлетворился объясненіями, данными нами по поводу нашего плана 1910 года, и пріѣхавшій на совѣщаніе ихъ Начальникъ Штаба ген. Дюбайль, принялъ совершенно иной тонъ, нежели тотъ, котораго придерживались представители Франціи въ предшествующемъ году. Все Совѣщаніе прошло подъ опредѣленнымъ вліяніемъ ген. Дюбайля.

Прежде всего было постановлено, что слова «оборонительная война» во вступительномъ абзацѣ Конвенціи 1892 года не должны пониматься въ томъ смыслѣ, что «война должна вестись оборонительно». Наоборотъ, въ постановленіи Совѣщанія 1911 года опредѣленно высказывалось, что для Французской и Русской арміи является безусловно необходимымъ предпринять сразу же энергичное и возможно одновременное наступленіе всѣхъ указанныхъ въ § 3-мъ Конвенціи силъ. Затѣмъ Совѣщаніе подчеркивало, что «каковы бы ни были обстоятельства, первой и основной цѣлью союзныхъ войскъ» являлось пораженіе германскихъ силъ. Это постановленіе являлось отраженіемъ настояній ген. Дюбайля на томъ, что Австро-Венгерская армія представляетъ собой для Россіи не стоющую особаго вниманія силу. Въ этихъ своихъ настояніяхъ ген. Дюбайль доходилъ до того, что совершенно серьезно утверждалъ, что въ томъ случаѣ, если Германія начнетъ войну, то Австро-Венгрія ее не поддержитъ. Въ результатѣ Совѣщаніе сочло нужнымъ подтвердить постановленіе совѣщанія 1906 года, въ которомъ говорилось о томъ, что мобилизація Австро-Венгріи, какъ частная, такъ и общая, не обязываетъ Францію автоматически приступить къ мобилизаціи; соотвѣтственно этому частная и общая мобилизація Италіи не обязывала въ автоматической мобилизаціи Россію. Напомню, что Совѣщаніе 1906 года состоялось въ періодъ наибольшаго охлажденія союзныхъ взаимоотношеній Россіи и Франціи; напомню также, что въ 1911 году отпаденіе Италіи отъ Тройственнаго Союза легко было предвидѣть, въ то время, какъ союзныя связи между Германіей и Австро-Венгріей чрезвычайно упрочились, при чемъ монархія Габсбурговъ превратилась, почти, въ вассала Германіи.

По существу говоря, только что приведенное постановленіе Совѣщанія являлось не только радикальнымъ измѣненіемъ § 2-го Конвенціи 1892 года, но измѣняло, даже, ея основной смыслъ; оно подмѣняло «Тройственный Союзъ», для защиты отъ котораго и была заключена между Россіей и Франціей военная кон-

---

[1]) Валентиновъ: «Военныя соглашенія Россіи». Воен. Истор. Сборникъ, Вып. 2-й, стр. 109-111.

[2]) «Матеріалы по Исторіи Франко-Русскихъ отношеній». Москва. 1922 годъ, стр. 697-704. Текстъ этого соглашенія напечатанъ также въ «Воспоминаніяхъ» ген. Сухомлинова на стр. 202-207.

венція — одною только «Германіей». Оцѣнивая это измѣненіе, извѣстный французскій историкъ г. Пьеръ Ренувенъ, заключаетъ, что «въ іюлѣ 1911 г. Франція имѣла полное право настаивать на томъ, что casus foederis для нея не имѣетъ мѣсто»[1]).

При обсужденіи § 3 Конвенціи 1892 года ген. Дюбайль заявилъ, что Французская армія будетъ готова на 12-й день мобилизаціи начать наступленіе противъ Германіи съ помощью Британской арміи, прибывающей на лѣвый французскій флангъ. Однако, для того, чтобы Франц. арміи быть увѣренной въ успѣхѣ, ей требуется «получить одновременную помощь со стороны Русской арміи въ полномъ ея составѣ», т. е. надо, чтобы «Германія была одновременно атакована съ востока и съ запада». При этомъ, французскій представитель категорически подчеркивалъ, что и цѣль, которую должны преслѣдовать русскія войска, заключается въ томъ, чтобы «заставить Германію задержать на восточной границѣ возможно большое количество силъ», совершенно произвольно утверждая, что въ этомъ заключается «основа военной Конвенціи 1892 г.», и опуская изъ виду то, что Россія, въ отличіе отъ Франціи, имѣла на своемъ фронтѣ еще другого сильнаго врага въ лицѣ Австро-Венгріи, а, можетъ быть, и Румынію.

Ген. Заіончковскій, посвятившій спеціальный трудъ изученію внѣшне-политической подготовки Россіи къ Міровой войнѣ[2]), разсматривая протоколъ Совѣщанія 1911 г., указываетъ на перемѣну отношеній къ Россіи представителей Франц. Ген. Штаба. Тонъ ихъ сталъ «болѣе эгоистичнымъ», пишетъ онъ[3]). «Въ прежнихъ совѣщаніяхъ они признавали за нами необходимость выставить внушительную силу противъ Австріи, а въ 1911 году, объ этомъ уже совершенно не упоминается. Вся настойчивость французовъ, въ формѣ категорическихъ требованій, обратилась исключительно къ тому, чтобы заставить Россію ей помогать; французы не уговаривались съ русскими, а именно требовали...».

Причину такой перемѣны отношеній къ намъ Французскаго Ген. Штаба нужно, прежде всего, искать, какъ я указывалъ выше, въ нашемъ планѣ войны 1910 года, который, по существу дѣла, нарушилъ Конвенцію 1892 года[4]). Переговоры, которые происходили въ 1905 г. между нашимъ Государемъ Императоромъ и Германскимъ Императоромъ Вильгельмомъ II въ Біорке, возбудили подозрительность французовъ. При такомъ настроеніи они могли предположить, что Сухомлиновскій планъ войны 1910 г. являлся съ нашей стороны коварной попыткой уклониться отъ выполненія конвенціи 1892 г. Рѣшивъ защищать свои интересы и найдя въ этомъ отношеніи весьма энергичнаго представителя въ лицѣ ген. Дюбайля, они перешли къ методу «запросовъ» и игнорированія, какъ нашихъ возможностей, такъ и стратегическихъ условій, въ которыхъ намъ приходилось дѣйствовать.

«Возраженія ген. Жилинскаго», пишетъ ген. Заіончковскій, «были слабы»[5]).

---

[1]) Докладъ г. Pierre Renouvin на тему: «L'evolution des engagements de l'Alliance Franco-Russe», См. «Bulletin de la Société d'Histoire Moderne». Май, 1934 г., 7-я серія, № 12, стр. 16.

[2]) А Заіончковскій, «Подготовка Россіи къ Міровой войнѣ въ Международномъ отношеніи». Изд. штаба раб.-крест. Красн. Арміи. 1928 г.

[3]) Стр. 236.

[4]) См. очеркъ «Планъ войны 1910 года».

[5]) Тамъ же.

Дѣйствительно,читая въ протоколѣ Совѣщанія 1911 г.,рядомъ съ заявленіями, хорошо знающаго свое дѣло, ген. Дюбайля, заявленія ген. Жилинскаго, нельзя отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, что передъ нами находится оправдывающійся школьникъ и притомъ плохо знающій свой урокъ. Въ своемъ желаніи во чтобы то ни стало оправдать Сухомлиновскій планъ войны, Жилинскій дошелъ до крайне неосторожнаго заявленія о томъ, что, будто бы, когда Русская армія закончитъ реорганизацію, предпринятую Сухомлиновымъ, она выставитъ сразу, непосредственно противъ Германіи, силы, превосходящія 800.000, обѣщанныя Конвенціей. И что, будто бы, эти силы, «за исключеніемъ послѣднихъ частей и обозовъ, закончатъ свое сосредоточеніе къ границѣ на 15-й день и постараются приступить къ наступленію въ тотъ же срокъ»[1]).

Всякій, внимательно изучавшій планъ 1910 г., не можетъ не увидѣть, что эти данныя носили совершенно фантастическій характеръ. Трудно предположить, что ген. Дюбайль повѣрилъ имъ. Но онъ очень ловко воспользовался этимъ заявленіемъ ген. Жилинскаго. «Ген. Дюбайль»,говорится въ протоколѣ[2]), «благодарилъ ген. Жилинскаго за его откровенное изображеніе производящихся приготовленій въ Русской арміи и заявилъ, что вполнѣ удовлетворится наступательными дѣйствіями, которыя начнутся тотчасъ же послѣ 15-го дня и будутъ способны задержать, по крайнѣей мѣрѣ, пять или шесть корпусовъ Германской арміи на границѣ Вост. Пруссіи».

Такъ, пожеланіе французовъ ,высказанное ими въ 1910 году и ограничивающееся ожиданіемъ со стороны Россіи въ первый мѣсяцъ войны лишь демонстративныхъ дѣйствій противъ Германіи, на Совѣщаніи 1911 года трансформировалось въ наше обѣщаніе начать рѣшительное наступленіе въ Вост. Пруссію на 15-й день мобилизаціи, т. е. приступить къ рѣшительнымъ операціямъ, не ожидая сосредоточенія.

Интересно обратиться къ мемуарамъ маршала Жоффра, дабы посмотрѣть, какъ онъ оцѣниваетъ результаты миссіи ген. Дюбайля на Совѣщаніи 1911 года. Напомнимъ, что какъ разъ въ этомъ году штабъ ген. Жоффра приступилъ къ разработкѣ новаго плана войны, а именно № 17. Этотъ планъ, вдохновленный ошибочной стратегической идеей о всеспасительности во всѣхъ случаяхъ наступленія, рѣзко порывалъ съ прежними французскими планами войны, согласно которымъ Французская армія принимала въ началѣ войны выжидательное стратегическое положеніе ,дабы дать возможность Россіи собрать свои силы и не вынуждать ее начинать рѣшительное наступленіе до окончанія стратегическаго сосредоточенія.

«Поѣздка ген. Дюбайля», пишетъ маршалъ Жоффръ[3]), «была плодотворна по своимъ результатамъ. Въ бесѣдахъ съ Царемъ и съ Русскимъ Генеральнымъ Штабомъ, онъ добился возможнаго ускоренія мобилизаціи и сосредоточенія, и того, что во всякомъ случаѣ, русскіе не будутъ ждать его окончанія для начала своего наступленія. Послѣднее будетъ начато тотчасъ, какъ прибудутъ первыя войска и на 16-й день они перейдутъ государственную границу. Было достиг-

1) Протоколы велись на французскомъ языкѣ. Я сохранилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ точности редакцію неудачнаго перевода протоколовъ такою, какой она приведена у ген. В. А. Сухомлинова. Это позволяетъ намъ ближе подойти къ представленію того, какъ понималъ наши послѣднія соглашенія съ французами самъ Сухомлиновъ.

2) Въ редакціи, приведенной въ «Воспоминаніяхъ» Сухомлинова, стр. 205.

3) Mémoires du Maréchal Joffre. Изд. Plon. Парижъ; 1932 г., томъ I, стр. 26, 27.

нуто соглашеніе, что только наступленіе можетъ дать успѣхъ: «Нужно ударить въ самое сердце Германіи», сказалъ Царь; «общей цѣлью долженъ быть Берлинъ». Соглашеніе въ этомъ смыслѣ и было подписано Начальникомъ Русскаго Генеральнаго Штаба 18/31 августа».

«Слѣдуетъ обратить вниманіе на важное значеніе этого соглашенія. Выраженное обѣими сторонами намѣреніе наступать, могло разрушить тотъ планъ нѣмцевъ, котораго мы опасались[1]); германцы вынуждались измѣнить свое первоначальное распредѣленіе силъ, а, можетъ быть, даже отказаться отъ основной идеи своего плана начать войну наступленіемъ противъ насъ... Во всякомъ случаѣ это соглашеніе устраняло главное препятствіе, которое, такъ долго вынуждало насъ къ слишкомъ осторожнымъ дѣйствіямъ».

Подъ этимъ главнымъ препятствіемъ нужно понимать выжиданіе времени окончанія Россіей своего стратегическаго сосредоточенія.

СОВѢЩАНІЯ НАЧАЛЬНИКОВЪ РУССКАГО И ФРАНЦУЗСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ 1912 ГОДУ; ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ КОНВЕНЦІИ.

Совѣщанія Начальниковъ Ген. Штаба 1911 года наглядно подчеркнули, какое громадное значеніе получаютъ такія совѣщанія; фактическое осуществленіе Конвенціи 1892 г. всецѣло зависѣло отъ рѣшеній, вынесенныхъ на нихъ. Французы правильно учли это и на Совѣщаніи 1912 г. въ качествѣ главнаго представителя Франціи участвовалъ самъ будущій Французскій Главнокомандующій ген. Жоффръ. Стремленіе французовъ усилить значеніе совѣщаній Начальниковъ Штабовъ выразилось еще въ постановленіи Совѣщанія 1911 года, въ которомъ говорилось о представленіи протоколовъ на подпись Предсѣдателей Совѣтовъ Министровъ и Военныхъ Министровъ обоихъ правительствъ, дабы "Начальники Штабовъ могли опираться на этотъ документъ въ дѣлѣ осуществленія намѣченныхъ улучшеній"; иначе говоря, французы стремились придать оперативнымъ соглашеніямъ характеръ государственныхъ обязательствъ.

Сколь различно было наше отношеніе къ этимъ междусоюзнымъ совѣщаніямъ! Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно лишь перечитать слѣдующія строки изъ воспоминаній Сухомлинова, которыя я уже цитировалъ выше.

«Военной конвенціей 4/17 авг. 1892 года», пишетъ Сухомлиновъ[2]), «было между прочимъ установлено, чтобы русскій и французскій начальники штабовъ встрѣчались, по возможности, разъ въ годъ или же по мѣрѣ надобности для личныхъ разговоровъ... Я лично не принималъ участія въ этихъ свиданіяхъ, а передалъ защиту нашихъ интересовъ начальнику генеральнаго штаба, который мнѣ и докладывалъ. Протоколы этихъ засѣданій я давалъ Государю».

Напомню здѣсь, что передъ своимъ вступленіемъ въ должность Военнаго Министра въ 1909 году, В. А. Сухомлиновъ настоялъ у Государя на уничтоже-

---

[1]) Начать войну нападеніемъ на Францію; прим. Н. Н. Головина.

[2]) В. Сухомлиновъ: «Воспоминанія», стр. 193.

нін самостоятельнаго Начальника Генеральнаго Штаба и на подчиненіи такового Военному Министру. Этимъ актомъ онъ бралъ на себя отвѣтственность за всю оперативную подготовку Россіи къ войнѣ, а, слѣдовательно, и за наши переговоры съ союзниками. Къ этому нужно также напомнить фактъ, на который я уже неоднократно указывалъ, — что ген. Сухомлиновъ, пребывая въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1909 по 1914 г.) на посту министра, перемѣнилъ 4-хъ Начальниковъ Ген. Штаба; это одно, казалось, обязывало бы его къ принятію непосредственнаго участія въ совѣщаніяхъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Жоффръ и, во всякомъ случаѣ, къ большему вниманію къ тому, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что В. А. Сухомлиновъ уклонялся отъ участія на совѣщаніяхъ изъ за нежеланія взваливать на себя отвѣтственность за принятыя тамъ рѣшенія. Насколько же легкомысленны были его личныя заявленія по основнымъ оперативнымъ вопросамъ, наиболѣе ярко свидѣтельствуютъ слѣдующія строчки изъ его собственныхъ воспоминаній[1]). Лѣтомъ 1912 года ген. Сухомлинову пришлось во время отпуска побывать въ Парижѣ. Онъ обмѣнялся визитами съ ген. Жоффромъ, и вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ про свою бесѣду съ нимъ — онъ пишетъ: ...«соотвѣтственно съ этимъ, между нами было условлено, вести наступательную войну съ непремѣнной цѣлью побѣдить Германію. Русской Арміи въ виду этого ставилась задача: энергичнымъ наступленіемъ, по кратчайшему направленію на Берлинъ, — ослабить противника, притянувъ на себя побольше германскихъ силъ».

Читатель уже знаетъ, что наше стратегическое развертываніе по плану войны 1912 года не только не предназначало ни одной части войскъ для наступленія по кратчайшему операціонному направленію на Берлинъ (операціонная линія, ведущая отъ Варшавы черезъ Познань), но даже очищало отъ Русскихъ войскъ всю часть Польши, лежащую на лѣвомъ берегу Вислы. Такое обѣщаніе, данное полновластнымъ Русскимъ военнымъ министромъ, вводило въ заблужденіе ген. Жоффра и могло только упрочить его убѣжденіе въ правильности составленнаго подъ его руководствомъ французскаго плана войны № 17.

Совѣщаніе 1912 года состоялось 13-го іюля въ Парижѣ. «Французы», пишетъ Заіончковскій[2]), «не могли еще успокоиться отъ перенесенія центра тяжести русской дислокаціи болѣе на востокъ и хотѣли запротоколировать обязательства Русской Арміи въ скорой имъ помощи... При такихъ условіяхъ Совѣщаніе пріобрѣтало особое значеніе и въ протоколѣ проглядываетъ нѣсколько специфическихъ чертъ»[3]).

Центръ тяжести Совѣщанія былъ сосредоточенъ на обсужденіи выполненія § 3-го Конвенціи.

Ген. Жоффръ настаивалъ на необходимости немедленнаго, сейчасъ же послѣ объявленія войны, единовременнаго перехода въ рѣшительное наступленіе противъ Германіи Французской и Русской Арміи. Признавая, что политическая обстановка въ Италіи давала возможность оставить для охраны итальянской границы лишь нѣсколько резервныхъ дивизій, онъ заявилъ, что

---

1) Стр. 194.

2) «Подготовка Россіи къ Міровой Войнѣ въ международномъ отношеніи», стр. 251.

3) Протоколъ помѣщенъ въ «Сборникѣ матеріаловъ», стр. 704-708; въ «Воспоминаніяхъ» же В. А. Сухомлинова, на стр. 207-210.

Францiя направитъ противъ Германiи силы,превосходящiя обѣщанныя § 3-имъ Конвенцiи 1.300.000 чел.; онъ добавилъ при этомъ, что благодаря принятымъ мѣрамъ по усовершенствованiю рельсовой сѣти, черезъ годъ, т. е. въ 1913 году, быстрота сосредоточенiя Французской Армiи превзойдетъ таковую Германской. Ген. Жоффръ показалъ карту, на которой былъ нанесенъ проектъ французскаго стратегическаго развертыванiя.

Отвѣтное заявленiе ген. Жилинскаго было столь же слабо, какъ и его заявленiе на Совѣщанiи 1911 года. Въ очень общихъ словахъ, онъ указалъ на особое положенiе Россiи въ началѣ войны, вынужденной одновременно бороться и противъ Германiи и противъ Австро-Венгрiи. Онъ говорилъ также о враждебномъ настроенiи Швецiи и возрастающемъ могуществѣ Турцiи въ Малой Азiи. Но онъ не сказалъ главнаго, а именно того, что ранѣе 30-го дня мобилизацiи Русская Армiя не могла предпринимать рѣшительнаго наступленiя, т. к. до этого срока ея силы не могли закончить свое сосредоточенiе и что общiе стратегическiе интересы Союзниковъ требовали направленiя перваго русскаго главнаго удара не въ Вост. Пруссiю, а въ Галицiю. Онъ даже не намекнулъ на полное несогласованiе плана первой операцiи Французской Армiи, проектируемой ген. Жоффромъ, съ интересами Россiи и на то, что этотъ планъ ставитъ Русскую Армiю въ крайне рискованное положенiе.

На основанiи всего изложеннаго въ предыдущихъ главахъ нашего труда, можно безошибочно утверждать, что самъ ген. Жилинскiй не отдавалъ себѣ во всемъ этомъ отчета. Этимъ только и можно объяснить то, что онъ закончилъ свою рѣчь заявленiемъ, что, «во всякомъ случаѣ Русскiй Генеральный Штабъ рѣшилъ, все-таки, сконцентрировать противъ Германiи группу силъ, достигающую, по меньшей мѣрѣ, 800.000 чел.; онъ рѣшилъ также повести наступательныя дѣйствiя своихъ армiй тотчасъ же послѣ 15-го дня мобилизацiи»[1]).

Такимъ образомъ, ген. Жилинскiй вторично согласился запротоколировать обѣщанiе выполнить § 3 Конвенцiи на 15-й день мобилизацiи.

Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ о фактической невыполнимости такого обѣщанiя. Повторю здѣсь заключенiе объ этомъ ген. Заiончковскаго: «Приведенные мною въ приложенiи № 7 цифровыя данныя, основанныя на официальныхъ документахъ», пишетъ онъ[2]), «указываютъ, что на 15-й день мобилизацiи мы могли только имѣть противъ Германскаго фронта всего 304 батальона и 270 эскадроновъ, т .е. въ круглыхъ цифрахъ около 350.000 бойцовъ, а на 40-й день 480 батальоновъ и 351 эскадроновъ, т. е. не болѣе 550.000 бойцовъ».

---

[1]) Привожу это заявленiе въ точной редакцiи, напечатанной въ «Воспоминанiяхъ» В. А. Сухомлинова; на стр. 209 въ книгѣ Заiончковскаго: «Подготовка Россiи къ Мiровой Войнѣ въ международномъ отношенiи» — приведена иная редакцiя, а именно: ... «дать нѣмцамъ тотчасъ же послѣ 15-го дня мобилизацiи почувствовать наступленiе своихъ армiй». А вотъ французскiй текстъ:

«En tout état de cause, l'Etat-Major Russe est toujours résolu à cocentrer contre l'Allemagne un groupement de forces atteignant 800.000 hommes au moins, et il est décidé de faire sentire l'action offensive de ses armées après le 15e jour de mobilisation. «Un Livre Noir». Diplomatie d'avant guerre d'après les documents des Archives Russes. Novembre 1910 — Juillet 1914». Стр. 428.

[2]) Заiончковскiй «Подготовка Россiи къ Мiровой войнѣ (планы войны)», стр. 279.

Незнаніе ген. Жилинскимъ нашего плана войны 1912 года еще рѣзче выступаетъ въ слѣдующемъ абзацѣ протокола Совѣщанія 1912 года[1]).

«Ген. Жилинскій излагаетъ въ общихъ чертахъ планъ сосредоточенія и группировку Русскихъ Армій, направляемыхъ противъ Германіи[2]). Ген. Жоффръ согласенъ съ ген. Жилинскимъ относительно полезности рѣшительнаго перенесенія на югъ центра главныхъ усилій этихъ армій, расположивъ ихъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность:

1) повести наступленіе на Алленштейнъ въ томъ случаѣ, если непріятель главную часть своихъ силъ, оставленныхъ противъ Россіи, сосредоточитъ въ Вост. Пруссіи или если онъ поведетъ оттуда наступленіе противъ Варшавы;

2) перейти на лѣвый (западный) берегъ р. Вислы и наступать на Берлинъ въ томъ случаѣ, если непріятель сосредоточитъ вышеуказанную главную часть своихъ силъ въ районѣ Торнъ-Познань или, если онъ поведетъ оттуда наступленіе на Варшаву и Ивангородъ»[3]).

Вотъ та нѣсколько туманная формула, въ которой протоколъ Совѣщанія 1912 года зафиксировалъ основную идею нашей первой операціи противъ Германіи. Изложенная въ болѣе ясныхъ словахъ въ воспоминаніяхъ Маршала Жоффра[4]), она заключалась въ томъ, что мы должны были въ случаѣ сосредоточенія Германскихъ войскъ въ Вост. Пруссіи,наносить имъ главный ударъ по операціонному направленію, лежащему возможно ближе къ Вислѣ, въ случаѣ же очищенія нѣмцами Вост. Пруссіи, идти прямо на Берлинъ.

Изученіе плана войны 1912 года показало намъ, что идеей нашей первой операціи противъ Германіи являлось наступленіе двумя отдѣльными арміями въ охватъ главныхъ Мазурскихъ озеръ. Мы знаемъ также, что предложеніе ген. Клюева подготовить третій варіантъ развертыванія, согласно которому западнѣе 2-й арміи должна была бы развернуться 4-я армія, не былъ принятъ нашимъ Г. У. Г. Ш. Слѣдовательно, объясненія ген. Жилинскаго совершенно не отвѣчали фактическому положенію вещей, создаваемому планомъ войны 1912 года.

Я думаю, что некомпетентность ген. Жилинскаго, также, какъ и некомпетентность ген. Сухомлинова въ оперативныхъ вопросахъ, не могла укрыться отъ наблюдательнаго ген. Жоффра. Понимая всю трудность выполненія обѣщанія, даваемаго ген. Жилинскимъ, ген. Жоффръ рѣшилъ обратить вниманіе своего Русскаго коллеги на необходимость скорѣйшаго усиленія и усовершенствованія нашей желѣзнодорожной сѣти. Съ большимъ знаніемъ дѣла онъ сталъ указывать нужныя для этого конкретыя мѣры. Читая часть протокола, которая заключаетъ въ себѣ эти заявленія ген. Жоффра, невольно создается впечатлѣніе учителя,поучающаго школьника. Ген. Заіончковскій формулировалъ это впечатлѣніе въ нѣсколько «жесткой» формѣ[5]):

«Характерная особенность этого Совѣщанія (1912 года) заключается въ томъ, что Французы переходили отъ общихъ фразъ и пожеланій къ конкретнымъ указаніямъ Русскому Генеральному Штабу, что и какъ, надо дѣлать. Жоффръ вмѣшивается, какъ хозяинъ, въ тѣ распоряженія, которыя не только

[1]) Привожу опять въ той редакціи, въ которой онъ напечатанъ въ «Воспоминаніяхъ» В. А. Сухомлинова, стр. 210.

[2]) По плану 1912 года; примѣчаніе Н. Н. Г.

[3]) «Livre Noir», p. 429.

[4]) Mémoires du Maréchal Joffre, v. I p. p. 133-134, Edit. Plon. Paris, 1932.

[5]) «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ въ международномъ отношеніи», стр. 253.

стѣсняли свободу будущаго Русскаго Главнокомандующаго, но и вообще были недопустимы въ самостоятельномъ государствѣ».

Я не вполнѣ согласенъ съ этой формулировкой. Дѣло заключалось, какъ я и указывалъ выше, въ томъ, что ген. Жоффръ «вмѣшивался» въ дѣло Русскаго Генеральнаго Штаба не потому, что онъ считалъ себя «хозяиномъ», а потому, что онъ хотѣлъ помочь своему мало понимающему дѣло Русскому коллегѣ.

Почти одновременно съ выше разсмотрѣннымъ Совѣщаніемъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ, въ Парижѣ, 16-го іюня, была подписана Начальниками Морскихъ Штабовъ Русско-Французская Морская Конвенція.

§ 1-ый этой Конвенціи указывалъ, что морскія силы Франціи и Россіи должны согласовать свои дѣйствія во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ предуказываются и предусматриваются согласованныя дѣйствія сухопутныхъ армій.

§ 2-й указывалъ, что такія согласованныя дѣйствія морскихъ силъ должны быть подготовлены въ мирное время. Для этой цѣли Начальники Штабовъ уполномачивались немедленно приступить къ непосредственнымъ сношеніямъ между собой, къ обмѣну имѣющимися свѣдѣніями, къ изученію всѣхъ предполагаемыхъ возможностей войны и къ согласованію своихъ стратегическихъ соображеній.

§ 3-ій устанавливалъ личныя встрѣчи Начальниковъ Морскихъ Штабовъ не менѣе чѣмъ разъ въ годъ, причемъ указывалъ на необходимость запротоколированія ихъ собесѣдованій.

§ 4-ый упоминалъ, что въ отношеніи срока дѣйствительности Морской Конвенціи и во всемъ прочемъ эта послѣдняя должна руководствоваться заключенной въ 1892 году Сухопутной Военной Конвенціей[1]).

«На Русскаго начальника морского Штаба», пишетъ ген. Заіончковскій[2]), «его собесѣдованіе съ французскимъ коллегой произвело по словамъ Извольскаго, самое отрадное впечатлѣніе. Французскій адмиралъ вполнѣ уразумѣлъ необходимость облегчить намъ задачу господства надъ Чернымъ моремъ, путемъ соотвѣтственнаго давленія на флоты нашихъ противниковъ. Съ этой цѣлью Франція изъявила готовность перенести еще въ мирное время соредоточеніе своихъ морскихъ силъ ближе къ востоку, т. е. въ Бизерту[3]), не обуславливая это никакими обязательствами съ нашей стороны».

Намѣченныя военно-морской конвенціей ежегодныя Совѣщанія состоялись въ маѣ 1913 г. и въ іюнѣ 1914 г.

Несомнѣнно, что военно-морская конвенція, заключенная между Россіей и Франціей,имѣла особенно большое стратегическое значеніе для Россіи. Лишенная права прохода своимъ Черноморскимъ флотомъ въ Средиземное Море, она оказывалась въ невозможности помѣшать появленію въ Босфорѣ германскихъ военныхъ судовъ. Такое появленіе имѣло значеніе не только въ отношеніи безопасности Русскаго побережья Чернаго моря. Оно пріобрѣтало и громаднѣйшее политико-стратегическое значеніе. Въ годы предшествующіе вой-

---

[1]) Французскій текстъ Морской Конвенціи напечатанъ на стр. 55 и 56 книги «Documents Historiques; les Alliés contre la Russie». Edid. André Delpeuch; Poris.

[2]) «Подготовка Россіи къ Міровой войнѣ въ Международномъ отношеніи», стр. 254.

[3]) Письмо Извольскаго Сазонову отъ 5/18 юля 1912 г:

нѣ Турція все болѣе и болѣе подпадала подъ вліяніе Германіи. Напомнимъ хотя бы миссію генерала фонъ-Сандерса. Прибытіе на Босфоръ даже только нѣсколькихъ германскихъ военныхъ судовъ облегчало германскому послу въ Константинополѣ произвести соотвѣтствующее давленіе на Турецкое Правительство, съ цѣлью понудить его вступить въ войну съ Россіей.

А это означало блокаду послѣдней.

Нѣмцы вполнѣ оцѣнили великое стратегическое значеніе этой мѣры для исхода борьбы съ Россіей. Они предназначили для этой цѣли линейный крейсеръ «Гебенъ». Какъ извѣстно, этотъ крейсеръ, въ сопровожденіи крейсера «Бреслау», прошли по своему назначенію.

«Морская исторія не знаетъ», пишетъ г-нъ Шталь[1], «не даетъ примѣра, чтобы отдѣльный корабль могъ сыграть такую же громадную роль, какъ «Гебенъ»... Приходъ «Гебена» въ Дарданеллы окончательно закрѣпившій Турецко-Германскій союзъ, заключенный 2-го августа 1914 г., явился тѣмъ рѣшающимъ событіемъ, которое понудило Турцію принять участіе противъ Россіи; вступленіе же Турціи въ ряды Центральныхъ Державъ прервало связь между Россіей и ея союзниками, и привело къ неизмѣримымъ по своимъ размѣрамъ послѣдствіямъ»[2].

Заключая свою документально обоснованную статью, г-нъ А. Шталь говоритъ[3]:

«Возможность прибытія «Гебена» въ Черное море предвидѣлась Русскимъ морскимъ Главнокомандованіемъ... Проходъ «Гебена» въ Черное море являлся результатомъ, прежде всего, пассивности французскаго флота, а затѣмъ такой же пассивности Британскаго командованія».

Бывшій въ августѣ 1914 года Первымъ Лордомъ Адмиралтейства г-нъ Уинстонъ Черчиль высказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ совершенно аналогичное заключеніе.

СОВѢЩАНІЕ РУССКАГО И ФРАНЦУЗСКАГО НАЧАЛЬНИКОВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ШТАБОВЪ ВЪ 1913 ГОДУ.

Осенью 1913 г., ген. Жоффръ пріѣхалъ по приглашенію Государя Императора на маневры русскихъ войскъ въ Красномъ Селѣ.

Ген. Жилинскій и ген. Жоффръ «неоднократно собирались въ Петербургѣ и Красномъ Селѣ въ теченіе августа 1913 года»[4], говорится въ протоколѣ этого послѣдняго передъ войной совѣщанія.

«Мы имѣемъ только краткій протоколъ этого совѣщанія», говоритъ ген. Заіончковскій, «изъ котораго трудно уловить всѣ оттѣнки бывшихъ между ген.

---

[1] Его чрезвычайно интересная статья «Documents Historiques; Les Alliés contre la Russie», помѣщена на стр. 103-118 книги «Le «Goeben» dans la Mer Noire».

[2] Тамъ же, стр. 106.

[3] Тамъ же, стр. 118.

[4] Заіончковскій — «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ въ международномъ отношеніи», стр. 297-299.

Жилинскимъ и Жоффромъ разговоровъ... но по тѣмъ справкамъ, которыя давались на совѣщанiи и сохранились въ военныхъ архивахъ, можно судить, что оно не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ совѣщанiе 1912 г. носило характеръ не только экзамена начальника русскаго ген. штаба его французскимъ коллегой, но и инструктированiе его».

Это особенно ярко выступаетъ въ статьѣ 3-й протокола[1]), посвященной обсужденiю практическаго выполненiя § 3-го Конвенцiи.

«Статья 3-я», пишетъ далѣе ген. Заiончковскiй, «касалась начальныхъ военныхъ операцiй и была направлена исключительно въ сторону отвлеченiя русскими войсками нѣмцевъ отъ французской армiи, какъ будто вся задача Россiи въ грядущей войнѣ только въ этомъ и должна состоять»[2]).

«Новый германскiй военный законъ сокращенiемъ срока мобилизацiи предоставлялъ, по словамъ протокола, большее количество времени, чѣмъ раньше, чтобы дѣйствовать противъ Францiи, прежде нежели обернуться противъ Россiи. Поэтому союзники должны были направить операцiи для одновременной атаки нѣмцевъ съ двухъ сторонъ, развивая максимумъ комбинированныхъ усилiй».

«Жоффръ обѣщалъ сосредоточенiе полуторамиллiонной армiи на германской границѣ на 10-й день мобилизацiи и наступленiе на 11-й день... Ген. Жилинскiй обѣщалъ сосредоточить противъ Германiи не меньше 800 тысячъ, причемъ, соредоточенiе большей части этихъ силъ и наступленiе обѣщалось тотчасъ же послѣ 15-го дня».

Такъ было уже окончательно зафиксировано отъ имени Россiи обѣщанiе начать рѣшительныя дѣйствiя противъ Германiи тогда, когда на нашъ Западно-Европейскiй театръ прибывала лишь 1/3 пѣхотныхъ дивизiй[3]).

Ген. Жилинскiй, въ своемъ непониманiи дѣла дошелъ даже до того, что заявилъ, что къ концу 1914 г. окончанiе нашего сосредоточенiя ускорится еще на два дня, т. е. окончится на 13-й день.

Это заявленiе ген. Жилинскаго настолько замѣчательно, что мы считаемъ нужнымъ привести французскiй текстъ протокола[4]).

Вотъ этотъ текстъ:

«Le Général Gilinsky déclare que la Russie engagera contre l'Allemagne un groupement de forces atteignant huit cent mille hommes au moins dont la concentration des éléments combattants, sur la frontière russo_allemande sera terminée, pour la majeure partie, le quinzième jour de la mobilisation et que les opérations offensives de ce groupement de forces commenceront aussitôt après le 15-e jour. A la fin de l'année 1914, la fin de la concentration sera avancée de deux jours».

---

1) Французскiй текстъ этого протокола напечатанъ въ томѣ УШ «Documents diplomatiques français 1871-1914»; напечатанъ также въ «Un livre noir. Diplomatie d'avant guerre d'après les documents des archives Russes. Novembre 1910 — Juillet 1914». Librairie du Travail; Paris; volume II, p. p. 432-437. Переводъ на русскiй языкъ этого протокола можно найти на стр. 211-214 «Воспоминанiй» В. А. Сухомлинова; переводъ этотъ весьма нудаченъ въ смыслѣ стиля.

2) Напомнимъ, что это произвольное и одностороннее толкованiе Конвенцiи 1892 года было впервые формулировано ген. Дюбайлемъ на Совѣщанiи 1911 г.

3) 42 изъ 114-ти.

4) Какъ уже указывалось въ своемъ мѣстѣ, протоколы велись на французскомъ языкѣ,

Вернемся къ оцѣнкѣ ген. Заіончковскаго:

«...протоколъ касался», пишетъ онъ, «исключительно обязательствъ Русской арміи, распоряжаясь ею за счетъ будущаго Русскаго Главнокомандующаго. Указывалось на необходимость направить наступленіе въ центръ Германіи, на полезность сосредоточенія русскихъ силъ такъ, чтобы бить нѣмцевъ или въ Вост. Пруссіи или идти на Берлинъ южнѣе ея, при чемъ, ген. Жоффръ указывалъ, что пораженіе Германіи облегчитъ въ дальнѣйшемъ операціи противъ Австріи и Швеціи. Эта азбучная истина была, очевидно, включена, чтобы избѣжать отвлеченія русскихъ силъ на австрійскій фронтъ. И такъ, резюмировалъ протоколъ — надо во что бы то ни стало преслѣдовать уничтоженіе силъ Германіи въ самомъ началѣ операцій и кончалъ пожеланіемъ Жоффра имѣть еще въ мирное время такую группировку силъ въ Варшавской губерніи(!?!), которая представляла бы для Германіи прямую угрозу».

Опять для точности мы приведемъ французскій текстъ протокола[1])...

«En ce qui concerne la conduite des operations, il est de toutes nécéssité pour les armées alliées d'obtenir le plus rapidement possible un succès décisif: Un échec des armées françaises au début de la guerre permettrait à l'Allemagne de reporter sur sa frontière orientale une partie des forces qui auraient combattu tout d'abord contre la France. Si, au contraire, les armeés françaises obtiennent rapidement un succès sur les forces amenèes par l'Allemagne en face d'elles, ce succès facilitera d'autant les opératons des armées russes puisque les forces amenées par l'Allemagne, sur sa frontière occidentale seront dans l'impossibilité de se reporter vers l'est»:

«Il est donc essentiel que les armées françaises puissent avoir une supériorité numérique marquée sur les forces allemandes de l'ouest. Ces conditions seront facilement réalisées si l'Allemagne est dans l'obligation de se garder avec plus de forces sur la frontière orientale».

«Le Général Joffre expose que, dans cet ordre d'idées, il serait avantageux pour l'ensemble des deux armées, que le groupement dés le temps de paix, des forces russes dans le Gouvernement de Varsovie, soit tel qu'il constitue pour l'Allemagne une menace directe».

«Le Général Gilinsky déclare que le nouveau projet de réorganisation de l'armeée russe prévoit la création d'un corps d'armée dans la région de Varsovie».

Какъ далеко это все было отъ идей подписавшаго отъ имени Россіи Русско-Французскую конвенцію 1892 г. ген. Н. Н. Обручева. Напомнимъ приведенное уже выше его мнѣніе, изложенное въ его запискѣ; написанной въ томъ же году:

«Мы должны», говорится въ этой запискѣ, «сохранить за собой свободу распредѣлять такъ свои войска, чтобы нанести рѣшительный ударъ арміямъ Тройственнаго Союза. Можетъ быть, для достиженія сей цѣли намъ, прежде всего, прійдется направить главныя силы противъ Германіи, какъ опаснѣйшаго противника, но, можетъ быть, представится еще болѣе выгоднымъ сокрушить, какъ можно скорѣе, Австрію, чтобы затѣмъ легче справиться съ изолированной Германіей. Намъ надо сохранить за собой безусловную свободу дѣйствій и потому, въ вопросѣ о совмѣстныхъ съ Франціей операціяхъ, кажется наилучшимъ ограничиться лишь обязательствомъ, въ случаѣ нападенія одной изъ

1) Взято изъ «Un Livre Noir», т. II, стр. 435.

Державъ Тройственнаго Союза на Францію, тотчасъ же мобилизовать свою армію и начать военныя дѣйствія противъ ближайшихъ къ намъ Державъ сего союза — Германіи и Австріи, требуя съ французской стороны соотвѣтственнаго же обязательства».

Въ протоколѣ Совѣщанія 1913 г. много мѣста отведено обсужденію ген. Жоффромъ мѣръ, принимаемыхъ Русскимъ Генеральнымъ Штабомъ для развитія и усовершенствованія нашей желѣзно-дорожной сѣти. Эти мѣста протокола еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, что будто бы представитель Франціи являлся начальникомъ, передъ которымъ представитель Россіи отдаетъ отчетъ.

Само собою разумѣется, что такое взаимоотношеніе отнюдь не вытекало изъ Конвенціи 1892 г. Оно противорѣчило интересамъ Россіи; ибо, при всемъ нашемъ уваженіи къ ген. Жоффру, онъ; все-таки, являлся для насъ французскимъ генераломъ, защищавшимъ, прежде всего, интересы Франціи.

Въ этихъ ненормальныхъ взаимоотношеніяхъ, установившихся передъ войной между союзными Генеральными Штабами, и нужно искать объясненіе тѣхъ тяжелыхъ обязательствъ, которыя въ итогѣ оказались возложенными на плечи Русской Арміи. При этомъ главной причиной такого печальнаго для Россіи результата является стратегическая некомпетентность ген. Сухомлинова и его ближайшаго помощника ген. Жилинскаго, оказавшихся совершенно неспособными защищать то положеніе Россіи въ военномъ союзѣ, которое ей подобало.

Это и привело къ тому ненормальному положенію, которое, бывшій генералъ-квартирмейстеръ Г. У. Г. Ш.; ген. Юрій Даниловъ, характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ[1]):

«Въ сущности, на совѣщаніяхъ дѣло сводилось почти къ тому, что Франція предъявляла свои пожеланія, Россія же выясняла степень возможности и способы ихъ удовлетворенія... несмотря на мою близкую прикосновенность къ оперативнымъ дѣламъ, мнѣ не приходилось слышать, чтобы на совѣщаніяхъ начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Державъ подвергался обсужденію вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана. Едва ли поэтому, когда либо ставился на совѣщаніяхъ вопросъ о наилучшемъ способѣ встрѣчи французскими вооруженными силами удара, подготовлявшагося противъ нихъ Германіей. Повидимому, этотъ послѣдній вопросъ считался не составною частью общаго плана, каковымъ онъ долженъ быть по существу, а исключительно дѣломъ нашего союзника. Возможно, что поэтому на совѣщаніяхъ и не высказывалось никогда съ нашей стороны сомнѣній въ цѣлесообразности, съ общей точки зрѣнія, того плана рѣшительнаго наступленія съ фронта Бельфоръ-Лонгви, которымъ французы предполагали не только парировать ударъ нѣмцевъ, но даже вырвать иниціативу дѣйствій изъ ихъ рукъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, смѣнилъ болѣе осторожныя предположенія французскаго ген. штаба, существовавшія до 1911 г.»[2]).

Выражая мысль ген. Ю. Данилова, болѣе кратко и ярко, можно сказать, что Россіи пріуготовлялась роль Мавра, который долженъ исполнить свое дѣло, послѣ чего его судьба никого не интересовала.

---

[1]) Ген. Ю. Даниловъ: «Россія въ міровой войнѣ 1914-1915 г. г.», стр. 78.

[2]) Т. е. до назначенія на должность Вице-Предсѣдателя Высшаго Военнаго Совѣта ген. Жоффра; прим. Н. Н. Г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА В. Н. КОКОВЦЕВА.

Для того, чтобы болѣе полно возстановить передъ читателемъ ту «нездоровую атмосферу», въ которой оформливались въ послѣдніе годы передъ Міровой войной союзныя взаимоотношенія между Россіей и Франціей, я обращусь къ воспоминаніямъ бывшаго въ это время Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, гр. В. Н. Коковцева.

Приводимая ниже выдержка[1]) описываетъ свиданіе гр. В. Н. Коковцева съ ген. Жоффромъ, пріѣхавшимъ въ 1913 г. въ Петербургъ на междусоюзное совѣщаніе.

«Въ одинъ, поистинѣ прекрасный іюльскій день[2])», вспоминаетъ гр. В. Н. Коковцевъ, «онъ былъ исключительно жаркій — къ моему подъѣзду подъѣхалъ цѣлый поѣздъ изъ нѣсколькихъ автомобилей и парныхъ колясокъ, и въ моей, довольно тѣсной, гостиной скопилось большое общество: генерала Жоффра сопровождало счетомъ 16 человѣкъ его свиты, состоявшей изъ французскихъ офицеровъ и изъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Едва всѣ успѣли размѣститься и обмѣняться обычными привѣтствіями, какъ ген. Жоффръ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Я пріѣхалъ къ Вамъ, господинъ Предсѣдатель, съ просьбой оказать намъ Вашу помощь въ дѣлѣ развитія русской желѣзнодорожной сѣти, т. к. отъ этого зависитъ теперь вся подготовка нашихъ общихъ военныхъ силъ. Вы знаете, въ какихъ тревожныхъ условіяхъ живетъ теперь весь міръ, и французское правительство очень надѣется на Вашу помощь, и, со своей стороны, готово идти широко навстрѣчу Вашихъ желаній».

«Поблагодаривъ генерала за его добрыя слова и объяснивъ ему, что все дѣло нашего желѣзнодорожнаго строительства зависитъ исключительно отъ возможности скорой реализаціи капиталовъ для этой цѣли, и объяснивъ ему, что такіе капиталы мы можемъ найти только во Франціи, я сказалъ ген. Жоффръ, что этотъ вопросъ требуетъ болѣе широкаго обсужденія, и спросилъ его не хочетъ ли онъ посвятить ему болѣе обстоятельную и отдѣльную бесѣду, назначивши мнѣ для этого отдѣльное свиданіе, къ которому я подготовилъ бы необходимые матеріалы».

«Тономъ величайшаго добродушія, обращаясь ко всѣмъ своимъ русскимъ и французскимъ спутникамъ, ген. Жоффръ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я думаю, что всѣ мы, собравшіеся здѣсь, настолько заинтересованы этимъ вопросомъ, что можемъ обмѣняться нашими взглядами, теперь же, тѣмъ болѣе, что я пробуду здѣсь очень короткое время и мнѣ не такъ легко найти свободную минуту для отдѣльной бесѣды». Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, вести разговоръ съ Жоффромъ въ присутствіи всей его русской и французской свиты...».

«Я развилъ подробно, въ какомъ положеніи находится въ настоящую минуту, какъ казенное, такъ и частное желѣзнодорожное строительство, какія средства отпущены на это по бюджету, сколько отдѣльныхъ предпріятій разрѣшено, какія требуются на это средства, въ какой срокъ всѣ разрѣшенныя къ

---

1) Графъ В. Н. Коковцевъ. «Изъ моего прошлаго», т. II, стр. 178-182.

2) По новому стилю это было въ августѣ, прим. Н. Н. Г.

постройкѣ дороги будутъ выстроены и предложилъ генералу снабдить его подробною письменною справкой, съ приложеніемъ карты, на которой всѣ дороги будутъ отмѣчены и которая можетъ быть вообще полезна французскому генеральному штабу для его соображеній объ условіяхъ русской мобилизаціи. Мнѣ показалось, что мое сообщеніе не очень интересовало генерала, т. к. на послѣднее мое предложеніе онъ реагировалъ неожиданнымъ отвѣтомъ: «О, не трудитесь исполнять такую большую работу, я полагаю, что въ нашемъ Штабѣ имѣются всѣ эти свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ мои офицеры постоянно слѣдятъ за всѣми перемѣнами въ русской рельсовой сѣти». Изъ среды его французскихъ спутниковъ раздались возгласы: «конечно»... Я не считалъ себя въ правѣ далѣе настаивать на моемъ предложеніи и сказалъ только, обращаясь къ французскимъ офицерамъ, что, если кому либо изъ нихъ угодно будетъ ближе изучить дѣло, то я представлю имъ всѣ необходимыя данныя. Присутствующіе отвѣтили мнѣ общимъ поклономъ».

«Я попросилъ тогда разрѣшенія ген. Жоффра коснуться болѣе общаго вопроса о положеніи у насъ дѣла государственной обороны. Оговорившись, что по моему мнѣнію, между союзниками не можетъ быть никакой недоговоренности и еще того болѣе не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы одинъ союзникъ не зналъ истиннаго положенія вещей у другого, я началъ мое изложеніе съ того, что выразилъ увѣренность, что во Франціи, какъ и у насъ, вѣроятно, военный министръ никогда не бываетъ доволенъ министромъ финансовъ и часто даже считаетъ его своимъ врагомъ за то, что онъ недостаточно широко идетъ на встрѣчу требованіямъ военнаго вѣдомства. Мое заявленіе внесло веселую нотку въ нашу бесѣду, и не только ген. Жоффръ, но и многіе изъ его спутниковъ обрадовались моимъ словамъ и поспѣшили заявить, что у нихъ происходятъ постоянные споры съ министромъ финансовъ, и что они часто въ своихъ бесѣдахъ говорятъ съ завистью о положеніи русскаго военнаго министра, который всегда можетъ заставить министра финансовъ быть уступчивымъ передъ требованіями своего военнаго коллеги»

«Я подтвердилъ правильность ихъ мысли, покинулъ на минуту гостиную, въ которой всѣ мы сидѣли, поднялся на верхъ въ мой кабинетъ и принесъ всегда лежавшую у меня подъ рукой вѣдомость о состояніи кредитовъ военнаго вѣдомства и о неиспользованныхъ остаткахъ отъ ассигнованныхъ суммъ. Нужно было видѣть съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили французскіе офицеры за моимъ изложеніемъ, и когда я сообщилъ, что въ данную минуту у военнаго министра имѣется на лицо свыше 200.000.000 рублей, т. е. 500 милліоновъ франковъ неиспользованныхъ кредитовъ, то удивленію французовъ не было предѣла, Лично Жоффръ совершенно спокойно реагировалъ на мои объясненія, но изъ его спутниковъ многіе, наперерывъ, просили меня объяснить причину такого непонятнаго для нихъ явленія; т. к. они ни мало не скрываютъ того, что во Франціи замѣчается обратное явленіе: расходы часто производятся впередъ, ранѣе открытія кредитовъ палатами, и изъ за этого происходитъ не мало парламентскихъ инцидентовъ и требуется не мало усилій и ловкости (Souplesse) для того, чтобы сглаживать ихъ остроту. Мнѣ пришлось войти въ очень детальныя объясненія. Не вынося сора изъ избы, я сказалъ, что наши Палаты относятся чрезвычайно сочувственно къ нуждамъ обороны, никогда не отказываютъ военному министру въ его требованіяхъ и этимъ зачастую парализуютъ совершенно естественныя стремленія министра финансовъ къ сокращенію испрашиваемыхъ кредитовъ, въ особенности, когда онъ видитъ,

что и отпущенныя ранѣе суммы, на тѣ же потребности, не издержаны по ихъ назначенію. Этотъ послѣдній результатъ происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что у насъ, въ противоположность Франціи, отпускъ кредитовъ значительно опережаетъ исполнительныя дѣйствія, которыя отличаются у насъ большой медленностью, недостаточной разработанностью деталей, частыми измѣненіями распоряженій и вообще недостаточной подготовленностью всего исполнительнаго аппарата».

«Въ заключеніе моихъ объясненій я просилъ ген. Жоффра не думать, что у насъ все зависитъ въ дѣлѣ обороны отъ добраго расположенія министра финансовъ. Я завѣрилъ его, что я болѣе, нежели кто либо, готовъ идти на встрѣчу развитію арміи и усовершенствованію защиты страны и просилъ его, въ заключеніе нашей бесѣды, ближе ознакомиться, во время пребыванія его у насъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ всего дѣла и просить военнаго министра не только показать ему планъ всякаго рода заказовъ и заготовленій, но, въ особенности, ихъ выполненіе на дѣлѣ. Въ частности, я просилъ его обратить исключительное вниманіе на вопросъ о заказѣ тяжелой артиллеріи, въ которомъ я видѣлъ особое расхожденіе между тѣмъ, что намъ нужно, и тѣмъ, что мы имѣемъ въ дѣйствительности».

«Помню хорошо, что я закончилъ нашу чрезмѣрно затянувшуюся бесѣду слѣдующимъ обращеніемъ къ ген. Жоффру: «Я хорошо знаю нашу взаимную конвенцію, знаю, что Вы пріѣхали для провѣрки того, что у насъ сдѣлано[1]), знаю, что Вамъ будетъ показано не мало интересныхъ вещей изъ жизни отдѣльныхъ воинскихъ частей, но усердно прошу отдать все Ваше вниманіе изученію нашей работы по дѣйствительному усиленію обороны и не покидать насъ ранѣе, нежели Вы сами или Ваши сотрудники не будете знать въ точности, что намъ нужно, что у насъ есть не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, и чего у насъ недостаетъ, а также, когда именно мы пополнимъ всѣ наши недостатки. Говоря съ Вами такимъ образомъ, я хочу честно служить нашему союзу, моему Государю и моей Родинѣ»...

«Черезъ недѣлю послѣ описаннаго, на всеподданнѣйшемъ моемъ докладѣ, я передалъ о моей встрѣчѣ съ Жоффромъ Государю и довелъ до Его свѣдѣнія, со всей подробностью, обо всемъ, что я сказалъ Жоффру. Государь ни разу меня не остановилъ, и, когда я кончилъ, сказалъ мнѣ совершенно спокойно: «военный министръ передалъ мнѣ уже обо всемъ», а на мое замѣчаніе, что вѣроятно и тутъ я въ чемъ либо поступилъ неправильно, по мнѣнію ген. Сухомлинома, Государь сказалъ: «Разумѣется, Вы нажаловались французскому генералу на русскаго военнаго министра и искали поддержки Вашихъ взглядовъ, забывая, что сора не слѣдуетъ выносить изъ избы, но Я такого взгляда совершенно не раздѣляю, что и сказалъ прямо Владиміру Александровичу, и нахожу,

---

1) Конвенція не давала ни одной изъ сторонъ права «провѣрки» другой стороны. Французское правительство ни въ какомъ случаѣ не допустило бы «провѣрку» нашимъ нач. ген. штаба подготовки къ войнѣ французской арміи. Вотъ полный текстъ § 4-го конвенціи: «Генеральные штабы (Les Etats-Majors des Armées) обоихъ государствъ должны быть въ постоянной связи между собой, чтобы подготовить и облегчить выполненіе вышеприведенныхъ мѣръ. Они сообщаютъ другъ другу еще въ мирное время всѣ свѣдѣнія объ арміяхъ Тройственнаго Союза, которыя имъ извѣстны. Пути и способы сношеній во время войны должны быть заблаговременно изучены и намѣчены».

что передъ союзниками мы не имѣемъ права скрывать нашей неготовности. Они скорѣе могутъ помочь намъ и, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ быть добросовѣстнымъ и не бояться открывать своихъ недочетовъ; хуже будетъ, если мы скажемъ, что у насъ все въ порядкѣ, а потомъ, въ грозную минуту, не дадимъ того, что обѣщали»...

«Было ли это», заключаетъ нѣсколько далѣе свой разсказъ гр. Коковцевъ, «такъ на самомъ дѣлѣ или и тутъ Государь не хотѣлъ только говорить мнѣ непріятныя вещи, а въ душѣ раздѣлялъ взглядъ Сухомлинова — кто можетъ это теперь сказать».

Я нарочно занялъ вниманіе читателя только что приведенной длинной выдержкой изъ воспоминаній гр. В. Н. Коковцева, т. к. она обрисовываетъ «нездоровую атмосферу», въ которой происходило у насъ въ послѣдніе годы передъ войной созиданіе плана войны. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, какъ глава правительства обращается къ иностранному генералу съ просьбой тщательно провѣрить работы своего же Военнаго Министра. Характерно то, что тотъ же гр. Коковцевъ, какъ мы увидимъ далѣе, тогда, когда ему приходилось защищать интересы Россіи въ столь хорошо ему знакомой области финансовъ, умѣлъ энергично отстаивать суверенность и свободу дѣйствій Россіи. Здѣсь же, въ области стратегической, «суверенность» имѣла еще большее значеніе. Недаромъ Британское правительство, конечно, прекрасно сознававшее всѣ выгоды «единаго командованія» пошло на таковое лишь въ катастрофическія минуты 1918 г. и то только на «Фоша», котораго хорошо узнало за четыре предшествующихъ года совмѣстныхъ операцій. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что Государь Императоръ, высказывая, хотя и въ очень мягкой формѣ, Свое неудовольствіе гр. В. Н. Коковцеву, руководствовался не мнѣніемъ ген. В. А. Сухомлинова, а Своимъ собственнымъ, и притомъ совершенно правильнымъ стратегическимъ убѣжденіемъ, что нельзя признавать право за союзнымъ генераломъ «провѣрять» или что либо «требовать». Уклончивое поведеніе ген. Жоффра, которое вырисовывается изъ описанія гр. Коковцева, объясняется, мнѣ кажется, какъ разъ тѣмъ, что самъ ген. Жоффръ понималъ всю щекотливость положенія, еслибъ онъ слишкомъ явно занялся бы «повѣркой» русскаго военнаго министра.

Изложенное выше, требуетъ еще нѣкотораго углубленія въ изученіе той обстановки, которая создавалась на верхахъ нашего государственнаго управленія, вслѣдствіе пребыванія на посту военнаго министра ген. В.А. Сухомлинова. Съ этой цѣлью, я опять вернусь къ воспоминаніямъ гр. Коковцева, а именно, къ тому мѣсту, въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ осенью въ 1912 году мы чуть чуть не оказались совершенно неожиданно вовлеченными въ войну.

... «Война на Балканахъ все разгоралась и разгоралась», вспоминаетъ гр. Коковцевъ[1]). «Болгары и Сербы били Турокъ и назрѣвалъ новый внутренній конфликтъ между Сербами и Болгарами... Румынія, по обыкновенію, двуличничала, а поведеніе Австріи становилось все болѣе и болѣе вызывающимъ. Въ это самое время, поздно вечеромъ, 9-го ноября 1912 г., Сухомлиновъ передалъ мнѣ по телефону, что Государь проситъ меня пріѣхать къ Нему завтра, 10-го ноября, въ 10 час. утра. На вопросъ мой, чѣмъ вызвано это приказаніе, онъ отвѣтилъ, что хорошо не знаетъ, потому что Государь ничего ему не объяснилъ и только сказалъ, послѣ сегодняшняго его доклада, чтобы онъ передалъ объ

[1]) Т. II, стр. 122-127.

этомъ мнѣ и Сазонову. Я позвонилъ къ Сазонову и получилъ отъ него только такой же недоумѣнный отвѣтъ съ прибавленіемъ, что это тѣмъ болѣе удивляетъ, что онъ видѣлъ Государя днемъ и не получилъ отъ Него никакихъ указаній».

«На утро, на вокзалѣ, я нашелъ Сухомлинова, начальника Ген. Штаба Жилинскаго, Сазонова и министра путей сообщенія Рухлова, который съ недоумѣніемъ спрашивалъ всѣхъ насъ зачѣмъ мы ѣдемъ и чѣмъ вызвано наше совѣщаніе. Никто не далъ ему никакого отвѣта, и Сухомлиновъ, по обыкновенію, весело болтавшій о самыхъ пустыхъ вещахъ, сказалъ только, что, вѣроятно, Государя интересуетъ какой либо вопросъ въ связи съ войной на Балканахъ».

«Государь принялъ насъ въ своемъ большомъ кабинетѣ, посадилъ меня направо отъ себя, Сухомлинова — налѣво, пошутивъ при этомъ: «Вотъ я очутился между двумя Владимірами, не всегда сходящимися другъ съ другомъ», и сказалъ, что, т. к. предметъ совѣщанія, вѣроятно, всѣмъ хорошо извѣстенъ, то онъ проситъ каждаго, начиная съ меня, какъ старшаго, высказать свое мнѣніе...».

«Мы всѣ трое, штатскіе министры, заявили, что не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о предметѣ совѣщанія, а Сухомлиновъ сказалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, что онъ не предупредилъ насъ, т. к. ему казалось, что будетъ лучше, если министры узнаютъ прямо отъ Государя то, что Его интересуетъ. Намъ оставалось только переглянуться».

«Тогда Государь, раскрывши лежавшую передъ Нимъ карту, сталъ очень спокойно и ясно излагать соотношеніе нашихъ и австрійскихъ военныхъ силъ на нашей границѣ, слабый составъ нашей пѣхоты, имѣющей не болѣе 90 чел. въ ротѣ, въ то время, какъ австрійская пѣхота доведена до 200 чел. въ ротѣ, медленность нашего сосредоточенія войскъ и вытекающую отсюда необходимость значительно усилить составъ войсковыхъ частей, стоящихъ близъ границы. «Для достиженія этой цѣли», сказалъ Государь, «вчера, на совѣщаніи съ командующими войсками Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ, рѣшено произвести мобилизацію всего Кіевскаго и части Варшавскаго округа и подготовить мобилизацію Одесскаго. Я особенно подчеркиваю, — прибавилъ Государь, — что вопросъ идетъ только о нашемъ фронтѣ противъ Австріи и не имѣю рѣшительно въ виду предпринимать чего-либо противъ Германіи. Наши отношенія съ ней не оставляютъ желать ничего лучшаго, и Я имѣю всѣ основанія полагаться на поддержку Имп. Вильгельма». На предложеніе Государемъ Сухомлинову сдѣлать дополнительное объясненіе, тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ прибавить ни одного слова къ столь ясно сказанному Государемъ, и что всѣ телеграммы о мобилизаціи имъ уже заготовлены и будутъ отправлены сегодня же, какъ только окончится совѣщаніе».

«Государь, обращаясь ко мнѣ, добавилъ: «Военный министръ предполагалъ распорядиться еще вчера, но Я предложилъ ему обождать одинъ день, т. к. Я предпочитаю переговорить съ тѣми министрами, которыхъ полезно предупредить ранѣе, нежели будетъ отдано окончательное распоряженіе». Мы трое глядѣли другъ на друга съ величайшимъ недоумѣніемъ, и только присутствіе Государя сдерживало въ каждомъ изъ насъ тѣ чувства, которыя владѣли каждымъ изъ насъ вполнѣ одинаково».

«Мнѣ было предложено высказаться первому. Не хочется мнѣ теперь, спустя много лѣтъ послѣ этого дня, когда нѣтъ болѣе въ живыхъ Государя, нѣтъ никого изъ участниковъ и свидѣтелей этихъ событій, когда погибла Россія подъ натискомъ безумной революціи, не хочется мнѣ записывать подробно все то,

что вылилось у меня тогда въ горячую, взволнованную рѣчь. Попросивши у Государя извиненія за то, что я не смогу, вѣроятно, найти достаточно сдержанности, чтобы спокойно изложить все то, что такъ неожиданно встало передо мной, я сказалъ, не обинуясь, что очевидно совѣтники Государя — военный министръ и два командующихъ войсками — не поняли, въ какую бѣду ведутъ они Государя и Россію, высказываясь за мобилизацію двухъ военныхъ округовъ, что они, очевидно, не разъяснили Государю, что они толкаютъ Его прямо на войну съ Германіей и Австріей, не понимая того, что при томъ состояніи нашей обороны, которое извѣстно всѣмъ намъ, только тотъ, кто не даетъ себѣ отчета въ роковыхъ послѣдствіяхъ, можетъ допускать возможность войны съ такимъ легкимъ сердцемъ и, даже, не попробовавши всѣхъ мѣръ, способныхъ предотвратить эту катастрофу».

«Государь прервалъ меня, сказавши буквально слѣдующее: «Я такъ же, какъ и Вы, Владиміръ Николаевичъ, не допускаю и мысли о войнѣ. Мы къ ней не готовы и Вы совершенно правильно называете легкомысліемъ самую мысль о войнѣ. Но дѣло идетъ не о войнѣ, а о простой мѣрѣ предосторожности, о пополненіи рядовъ нашей слабой арміи на границѣ и о томъ, чтобы нѣсколько приблизить къ границѣ слишкомъ далеко оттянутыя назадъ войсковыя части»[1]).

«Я продолжалъ мою рѣчь, доказывая Государю, что какъ бы ни смотрѣли мы на проектированныя мѣры, — мобилизація остается мобилизаціей, и на нее наши противники отвѣтятъ прямо войной, къ которой Германія готова и ждетъ только повода начать ее».

«Государь опять прервалъ меня словами: «Вы преувеличиваете Владиміръ Николаевичъ. Я и не думаю мобилизовать наши части противъ Германіи, съ которой мы поддерживаемъ самыя доброжелательныя отношенія и онѣ не вызываютъ въ насъ никакой тревоги, тогда какъ Австрія настроена опредѣленно враждебно и предприняла цѣлый рядъ мѣръ противъ насъ, до явнаго усиленія укрѣпленій Кракова, о чемъ постоянно доноситъ наша контръ-развѣдка командующему войсками Кіевскаго военнаго округа»[2]).

«Послѣ этого мнѣ не оставалось ничего иного, какъ развить подробно, очевидно, упущенную и Государемъ мысль о невозможности раздѣльнаго отношенія къ Австріи и Германіи, о томъ, что, связанныя союзнымъ договоромъ, вылившимся въ полное подчиненіе Австріи Германіи, эти страны солидарны между собою, какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ самыхъ мелкихъ условіяхъ его осуществленія и что, мобилизуя части нашей арміи, мы беремъ на себя тяжелую отвѣтственность не только передъ своею страной, но и передъ союзною намъ Франціей. Я поставилъ самымъ рѣзкимъ образомъ вопросъ о томъ, что мы не имѣемъ, по нашему военному соглашенію съ Франціей, даже право предпринять что либо, не войдя въ предварительное сношеніе съ нашимъ союзникомъ и сказалъ, что совѣтники Государя просто не поняли этого элементарнаго положенія, что, дѣйствуя такъ, какъ они считали возможнымъ, они просто разрушаютъ военную конвенцію и даютъ Франціи право отказаться отъ исполненія ея обязательствъ передъ нами, коль скоро мы рѣшаемся на такой роковой шагъ, не только не условившись съ союзникомъ, но даже не предупредивши его. Я ска-

[1]) Напомнимъ, что «Сухомлиновская реформа» въ области дислокаціи нашихъ войскъ, какъ разъ и заключалась въ оттяжкѣ войскъ изъ Передового театра вглубь страны (прим. Н. Н. Г.).

[2]) Очевидно, не «контръ-развѣдка», а «тайная развѣдка» (прим. Н. Н. Г.).

залъ Государю, что военный министръ не имѣлъ права даже обсуждать такой вопросъ безъ сношенія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и со мной, что, зная честность и личное благородство генералъ-адъютантовъ Иванова [1]) и Скалона[2]), я глубоко сожалѣю, что они не слышатъ моихъ разъясненій, потому что заранѣе знаю, что присутствующіе министры вполнѣ солидарны со мной».

«Въ заключеніе, зная хорошо характеръ Государя, которому всегда нужно найти выходъ изъ создавшагося тяжелаго положенія, я предложилъ Ему, идя на встрѣчу высказаннымъ Имъ соображеніямъ, взамѣнъ такой роковой мѣры, какъ мобилизація, сдѣлать то, что всецѣло принадлежитъ Его власти, а именно, воспользоваться тою статьей Устава о воинской повинности, которая даетъ Государю право, простымъ указомъ Сенату, задержать на 6 мѣсяцевъ весь послѣдній срокъ службы по всей Россіи и этимъ путемъ увеличить составъ нашей арміи на цѣлую четверть. Объ этой статьѣ была недавно рѣчь въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Министровъ, по поводу усиленія продовольственнаго кредита по военному вѣдомству»...

«Я закончилъ горячимъ обращеніемъ къ Государю не допустить роковой ошибки, послѣдствія которой неисчислимы, потому что мы не готовы и наши противники прекрасно знаютъ это, и играть имъ въ руку можно только закрывая себѣ глаза на суровую дѣйствительность».

«Государь выслушалъ меня совершенно спокойно. Ему, видимо, нравился подсказанный мною выходъ, но Его смущала моя горячность и рѣзкіе выпады противъ военнаго министра. Желая смягчить это впечатлѣніе и въ тоже время успокоить меня, Онъ сказалъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ: «Мы всѣ одинаково любимъ Родину, и Я думаю, что всѣ вмѣстѣ со Мною, мы благодарны Владиміру Николаевичу за его прекрасное разъясненіе и за то, что онъ намъ предложилъ отличный выходъ изъ нашего труднаго положенія».

«Послѣ меня говорили только Сазоновъ и Рухловъ — оба, впрочемъ, очень кратко. Сазоновъ сказалъ, что онъ былъ просто уничтоженъ тѣмъ, что узналъ о готовившейся катастрофѣ и можетъ только подтвердить правильность всего мною сказаннаго и, въ особенности, того, что мы не имѣемъ права на такую мѣру безъ соглашенія съ нашими союзниками, даже если бы мы были готовы къ войнѣ, а не только теперь, когда мы къ ней совершенно не готовы».

«Рухловъ былъ еще короче. Сказавши Государю, что никогда ни одна страна не бываетъ готова къ войнѣ, и что онъ не раздѣляетъ, вообще, моего мрачнаго взгляда на состояніе нашей обороны, но что онъ присоединяется, однако, къ моему выводу и прибавилъ, что принятіемъ такой мѣры облегчится, даже, будущая мобилизація, т. к. не нужно будетъ передвигать по желѣзнымъ дорогамъ цѣлую четверть нашей арміи и при томъ въ двойномъ направленіи».

«Сухомлиновъ, на предложеніе Государя сказать свое мнѣніе, отвѣтилъ буквально такими словами: «Я согласенъ съ мнѣніемъ Предсѣдателя Совѣта и прошу разрѣшенія послать генераламъ Иванову и Скалону телеграммы о томъ, что мобилизаціи производить не слѣдуетъ».

«Государь отвѣтилъ однимъ словомъ: «Конечно», и, обращаясь ко мнѣ, самымъ ласковымъ тономъ сказалъ: «Вы можете быть совсѣмъ довольны такимъ рѣшеніемъ, а Я имъ больше Вашего», и затѣмъ, подавая руку Сухомлинову, ска-

[1]) Командующій войсками Кіев. воен. окр. (прим. Н. Н. Г:).
[2]) Командующій войсками Варш. воен. окр. (прим. Н. Н. Г:).

залъ ему: «и Вы должны быть благодарны Владиміру Николаевичу, т. к. можете спокойно ѣхать заграницу».

«Эти послѣднія слова озадачили всѣхъ насъ. Мы пошли завтракать на верхъ. Сазоновъ остался на нѣсколько минутъ у Государя, и когда мы пришли въ приготовленное намъ помѣщеніе, то Рухловъ и я спросили Сухомлинова, о какомъ его отъѣздѣ упомянулъ Государь. Каково же было наше удивленіе, когда Сухомлиновъ самымъ спокойнымъ тономъ отвѣтилъ намъ: «моя жена заграницей, на Ривьерѣ, и я ѣду на нѣсколько дней навѣстить ее». На мое недоумѣніе, какимъ же образомъ, предполагая мобилизацію, могъ онъ рѣшиться на отъѣздъ, этотъ легкомысленнѣйшій въ мірѣ господинъ, безъ всякаго смущенія и совершенно убѣжденно, отвѣтилъ: «Что за бѣда, мобилизацію производитъ не лично военный министръ, и пока всѣ распоряженія приводятся въ исполненіе, я всегда успѣлъ бы вернуться во время. Я не предполагалъ отсутствовать болѣе 2-3 недѣль».

«На эти слова подошелъ Сазоновъ. Не сдерживая больше своего возмущенія противъ всего, только что происшедшаго, не выбирая выраженій и не стѣсняясь присутствіемъ дворцовой прислуги, онъ обратился къ Сухомлинову со словами: «Нужели Вы не понимаете, куда Вы едва-едва не завели Россію и Вамъ не стыдно, что Вы играете судьбою Государя и Вашей Родины. Ваша совѣсть, неужели не подсказываетъ Вамъ, что не рѣшись Государь позвать насъ сегодня и не дай Онъ намъ возможность поправить то, что Вы чуть-чуть не надѣлали, Ваше легкомысліе было бы уже непоправимо, а Вы тѣмъ временемъ даже собирались уѣзжать заграницу».

«Съ тѣмъ же безразличіемъ въ тонѣ и съ тѣмъ же ребяческимъ лепетомъ, Сухомлиновъ отвѣтилъ только: — «А кто же, какъ не я предложилъ Государю собрать васъ сегодня у себя. Еслибъ я не нашелъ этого нужнымъ, мобилизація была бы уже начата, и въ этомъ не было бы никакой бѣды; все равно войны намъ не миновать, и намъ выгоднѣе начать ее раньше, тѣмъ болѣе, что это ваше и Предсѣдателя Совѣта убѣжденіе въ нашей неготовности, а Государь и я, мы вѣримъ въ армію и знаемъ, что изъ войны произойдетъ только одно хорошее для насъ».

Нарисованная гр. В. Н. Коковцевымъ картина настолько ярка, что комментаріевъ къ ней какъ будто и требуется. И, все-таки, я добавлю одно свѣдѣніе: затѣвавшаяся въ 1912 г. ген. В. А. Сухомлиновымъ частная мобилизація Кіевскаго и Одесскаго округовъ, не была заранѣе подготовлена, и, что хуже всего, *разрушала* общую мобилизацію; послѣ выполненія этой частной мобилизаціи Россія, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находилась бы безоружной, въ случаѣ выступленія Германіи.

Въ приведенной только что выдержкѣ изъ воспоминаній есть одно интересное для разбираемаго нами здѣсь вопроса мѣсто. По словамъ гр. В. Н. Коковцева ему удалось убѣдить Государя не прибѣгать къ частной мобилизаціи, только указавъ на то, что нашъ союзъ съ Франціей не даетъ намъ на это права. Разсуждая въ широкихъ рамкахъ, а именно, «морально», конечно, мы не имѣли права это дѣлать, т. к., рискуя войной съ Германіей, мы подвергали этому риску и Францію. Но, указывая на это Государю, гр. В. Н. Коковцевъ настаивалъ на томъ, что мы не имѣемъ и формальнаго права, самостоятельно, безъ согласія съ Франціей, приступить къ мобилизаціи противъ Австро-Венгріи. Конвенція 1892 года отнюдь этого намъ не воспрещала, т. к. это было бы

нарушеніемъ суверенности Россіи; она только предусматривала фактъ одновременной, «автоматической» мобилизаціи обоихъ союзниковъ въ случаѣ, если Германія, Австрія и Италія нападутъ на одного изъ нихъ. На междусоюзномъ же совѣщаніи начальниковъ Ген. Штабовъ въ 1910 году, былъ окончательно зафиксированъ отказъ отъ взаимной «автоматической» поддержки союзниковъ другъ друга въ случаѣ нападенія на одного изъ нихъ Австріи или Италіи. Насколько можно судить изъ воспоминаній гр. В .Н. Коковцева, ему это не было извѣстно. Если сопоставить это, съ тѣмъ мѣстомъ его воспоминаній, гдѣ онъ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ ген. Жоффромъ и говоритъ о томъ, что, будто бы, конвенція предоставляла начальнику Французскаго Ген. Штаба права «провѣрки» русской военной подготовки, то мы можемъ придти къ заключенію, что гр. В. Н. Коковцевъ не вполнѣ вѣрно представлялъ себѣ самую сущность этой конвенціи. Какъ могло это случиться? Вѣдь въ лицѣ гр. В. Н. Коковцева мы имѣли выдающагося русскаго министра финансовъ.

Не является ли это яркимъ доказательствомъ на то, сколь велика была ошибка уничтожать въ 1908 году, созданный въ 1905 году, «Совѣтъ Государственной Обороны»? Въ этомъ Совѣтѣ всѣ министры получали возможность быть въ полномъ курсѣ стратегической подготовки Россіи къ войнѣ.

Именно въ виду особенностей устройства аппарата центральной Россійской власти былъ нуженъ такой «Совѣтъ Государственной Обороны». Россійскій Совѣтъ Министровъ не представлялъ собой «единаго кабинета», подчиняющагося премьеръ-министру, находящемуся во главѣ, который и являлся бы отвѣтственнымъ за политику всего кабинета. Наши министры были совершенно самостоятельны и роль Совѣта Министровъ заключалась лишь въ томъ, чтобы сглаживать несогласія между ними. Въ томъ случаѣ, когда министры не соглашались между собой, ихъ несогласія шли на разрѣшеніе Государя. Такимъ образомъ, нашъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ фактически являлся лишь «Предсѣдателемъ» собранія независимыхъ отъ него членовъ. Однимъ изъ послѣдствій подобнаго порядка вещей и явилось, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ считалъ себя по настоящему отвѣтственнымъ лишь за дѣятельность своего собственнаго министерства. Естественно, что онъ и не удѣлялъ напряженнаго вниманія всему тому, что выходило изъ рамокъ его министерства. Отсюда и создалась возможность ошибочнаго толкованія гр. Коковцевымъ смысла заключенной нами въ 1892 г. съ Франціей военной конвенціи. Правда, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, когда въ немъ заговорилъ министръ финансовъ, онъ сумѣлъ при заключеніи желѣзнодорожнаго займа отстоять полностью суверенность Россіи.

Мы видѣли какія мѣры принималъ ген. Сухомлиновъ, чтобы держать гр. В. Н. Коковцева въ полномъ невѣдѣніи того, что происходитъ въ области подготовки Россіи къ войнѣ. Это могло только чрезвычайно затруднить Предсѣдателю Совѣта Министровъ настоящее пониманіе создающейся для Россіи стратегической обстановки. Продолжая оставаться на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ такой совершенно не нормальной обстановкѣ, гр. Коковцевъ пытался парализовать тлетворную дѣятельность ген.Сухомлинова слишкомъ расширеннымъ толкованіемъ правъ нашего союзника. А это только еще болѣе усилило тотъ психическій процессъ, который уже происходилъ во взаимоотношеніяхъ верховъ Русскихъ и Французскихъ Армій, вслѣдствіе несостоятельности того же Сухомлинова и избранныхъ имъ помощниковъ. И въ конечномъ результатѣ равноправный оборонительный военный союзъ между Россіей и Франціей,

заключенный въ 1892 году для защиты противъ Тройственнаго Союза, ко времени Міровой войны превратился въ союзъ противъ Германіи, въ которомъ Россіи отводилась совершенно подчиненная Франціи стратегическая роль.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ЗАЙМА ВЪ 1913 Г.

Фактическія взаимныя отношенія Россіи и Франціи опредѣлились передъ самой войной тѣмъ положеніемъ, которое Французское Правительство заняло осенью 1912 г. въ отношеніи Балканскаго кризиса, признавъ его дѣломъ общесоюзнымъ, а не частнымъ дѣломъ Россіи. Выше, въ одномъ изъ начальныхъ очерковъ («Международная политическая обстановка») я привелъ весьма показательный въ этомъ отношеніи разговоръ, происходившій 5/18 дек. 1912 г. между французскимъ Военнымъ Министромъ г. Мильераномъ и нашимъ военнымъ агентомъ полк. гр. Игнатьевымъ.

Въ январѣ 1913 г. Президентомъ Французской Республики былъ избранъ г. Раймондъ Пуанкаре.

«Избраніе Пуанкаре Президентомъ Республики», доноситъ нашъ посолъ въ Парижѣ Извольскій, министру Иностранныхъ Дѣлъ, С. Д. Сазонову[1]), «знаменуетъ рѣшительное торжество умѣренныхъ политическихъ элементовъ надъ крайнимъ радикализмомъ, всегда проявляющимъ враждебность къ Россіи и Франко-Русскому союзу. Энергія, рѣшительность и цѣльность характера Пуанкаре являются ручательствомъ въ томъ, что въ качествѣ Президента Республики, онъ не удовольствуется чисто пассивной ролью, а будетъ всемѣрно и ежечасно вліять на ходъ французской политики, главнымъ образомъ, въ области внѣшнихъ дѣлъ»...

Наиболѣе сильно отразился рѣшительный характеръ Пуанкаре въ политикѣ по отношенію къ Россіи. Посломъ въ Петербургъ былъ назначенъ Делькассэ, опытный въ дѣлѣ военной подготовки страны, и на него была возложена спеціальная миссія, въ видѣ надзора и понужденія Русскаго Правительства въ принятіи мѣръ по улучшенію военной подготовки Россіи въ желательномъ для Франціи направленіи. Это подтверждается слѣдующими словами г. Р. Пуанкаре, обращенными къ нашему Государю[2]):

«когда я имѣлъ счастье быть въ прошломъ году принятымъ Вашимъ Величествомъ въ Петергофѣ, я обратилъ Ваше высокое вниманіе на пользу, которая, по мнѣнію нашихъ Генеральныхъ Штабовъ, заключалась бы въ ускореніи постройки нѣкоторыхъ линій желѣзныхъ дорогъ на Западной границѣ Имперіи. То большое военное напряженіе, къ которому Французское Правительство намѣрено прибѣгнуть для поддержанія равновѣсія европейскихъ силъ, дѣлаетъ въ настоящее время особенно неотложнымъ взаимно согласованныя мѣры, насчетъ которыхъ пришли къ соглашенію Генеральные Штабы союзныхъ армій. Делькассэ будетъ держать въ курсѣ дѣла какъ Ваше Величество, такъ и свое Правительство въ отношеніи этихъ неотложныхъ мѣръ, также и всего того, что

---

[1]) Письмо отъ 17/30 янв. 1913 г.; цитировано въ книгѣ Заіончковскаго «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ въ международномъ отношеніи», стр. 295.

[2]) Приведены во французскомъ текстѣ въ книгѣ Заіончковскаго: «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ въ международномъ отношеніи», стр. 297.

касается дѣятельности союза и можетъ намъ позволить болѣе бдительно слѣдить за сохраненіемъ мира».

Эту особую миссію Делькассэ подтверждалъ и Извольскій[1]).

«Ему» — писалъ нашъ посолъ — «спеціальнымъ образомъ поручено убѣдить наше Военное Вѣдомство въ необходимости умножить число нашихъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ съ цѣлью сосредоточенія нашей арміи къ Западной границѣ.. При этомъ, онъ уполномоченъ предложить Россіи всѣ денежныя средства, которыя могли бы на это потребоваться, въ видѣ желѣзнодорожныхъ займовъ».

«Надо отдать справедливость французамъ», заключаетъ ген. Заіончковскій[2]), «что, ставя въ очень тяжелыя условія на случай войны Русскую Армію, они шли на помощь Россіи въ денежномъ отношеніи... Французскій посолъ при Русскомъ Дворѣ — Делькассэ, увѣдомилъ Сазонова[3]), что Россіи предоставляется ежегодный заемъ на Парижскомъ рынкѣ въ размѣрѣ 400-500 милліоновъ франк. въ годъ, если: 1) постройка стратегическихъ рельсовыхъ путей, предусмотрѣнныхъ въ согласіи съ Французскимъ Генеральнымъ Штабомъ, будетъ немедленно принята и 2) наличный составъ Русской Арміи въ мирное время будетъ значительно увеличенъ».

Условія Французскаго Правительства объ увеличеніи штатнаго состава Русской Арміи въ мирное время было нами принято и было выполнено въ «большой программѣ 1914 года». Но постройка желѣзныхъ дорогъ, проектированныхъ Фанцузскимъ Генеральнымъ Штабомъ, не соотвѣтствовала общему плану развитія сѣти русскихъ рельсовыхъ путей. Пріѣхавшій въ Парижъ осенью 1913 г. для окончательнаго заключенія вышеуказаннаго займа гр. В. Н. Коковцевъ и задался цѣлью добиться изложенія этого французскаго требованія въ самыхъ общихъ словахъ, дабы оно не стѣсняло бы общаго экономическаго развитія Россіи. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о выполненіи имъ этой задачи[4]).

«Въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ», вспоминаетъ гр. Коковцевъ, «было назначено заключительное собраніе для того, чтобы оформить подписаніемъ наше соглашеніе по желѣзнодорожному вопросу. Собрались всѣ участники соглашенія: Барту, Пишонъ, Шарль Дюмонъ, ген. Жоффръ и я. Обязанности дѣлопроизводителя принялъ на себя директоръ Политическаго Департамента, впослѣдствіи посолъ Республики въ Россіи — Морисъ Палеологъ. Прочитали совершенно точно изложенный протоколъ предшествующихъ собраній и стали готовиться приложить свои подписи, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, ген. Жоффръ заявилъ, что необходимо дополнить протоколъ указаніемъ на то, что Русское Правительство, въ лицѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, обязуется выполнить, въ кратчайшій срокъ, постройку желѣзнодорожныхъ линій, предусмотрѣнныхъ въ планѣ, утвержденномъ Государемъ Императоромъ въ Ливадіи, въ началѣ сентября, по докладу Военнаго Министра, основанному на заключеніи обоихъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Государствъ».

---

1) Извольскій Сазоному 28-го февр. (13 марта) 1913 г.; приведено въ вышеназванной книгѣ Заіончковскаго, на стр. 297.

2) Тамъ же, стр. 299.

3) Нотой отъ 11/24 августа 1913 года.

4) Стр. 206.

«Не имѣя никакого понятія о такомъ планѣ, я заявилъ собравшимся, что такой планъ сообщенъ мнѣ не былъ, и я просилъ бы показать мнѣ его, дабы я имѣлъ возможность, хотя бы поверхностно, ознакомиться съ нимъ и обсудить, насколько отвѣчаетъ онъ тѣмъ предположеніямъ, которыя уже намѣчены ко внесенію, какъ только разрѣшится финансовый вопросъ».

«Велико было удивленіе присутствующихъ, когда вмѣсто разработаннаго плана ген. Жоффръ показалъ небольшую карту Россіи, обычно прилагаемую къ казенному путеводителю по желѣзнымъ дорогамъ, на которой были нанесены, отъ руки, синимъ карандашемъ линіи магистральныхъ дорогъ, частью давно построенныхъ, частью предположенныхъ къ постройкѣ въ первую очередь, частью же вовсе нигдѣ не обсуждавшихся и не имѣвшихъ никакого военнаго значенія, какъ напримѣръ, — соединеніе р. Оби съ Архангельскомъ и далѣе — съ Мурманскимъ побережьемъ».

«Мнѣ пришлось разъяснить присутствующимъ всю невозможность внесенія проектируемой оговорки въ видѣ категорическаго условія и для того, чтобы упростить пренія, я привелъ, между прочимъ, то соображеніе, что введеніе такого требованія въ соглашеніе можетъ даже оказаться вреднымъ для дѣла, такъ какъ, оно можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, и въ такомъ случаѣ, въ нашихъ Законодательныхъ Палатахъ, столь же чувствительныхъ къ охранѣ своихъ правъ, какъ и французскія, возникнетъ обвиненіе Правительства въ томъ, что оно предрѣшаетъ вопросы и тѣмъ нарушаетъ прерогативы законодательной власти. Предсѣдатель Совѣта Барту быстро ликвидировалъ вопросъ, предложивши помѣстить въ протоколѣ заявленіе, что Совѣщаніе не сомнѣвается въ томъ, что при выборѣ линій желѣзныхъ дорогъ къ постройкѣ, интересы государственной обороны будутъ приняты въ самое серьезное вниманіе. Этимъ весь вопросъ и оказался благополучно исчерпаннымъ».

Выше приведенная выдержка совершенно разрушаетъ легенду, усиленно распространявшуюся большевиками въ первые годы послѣ войны: Царское Правительство, яко-бы, продавало французамъ кровь своихъ солдатъ, а Франція, какъ Шейлокъ, покупала живое мясо; наши неудачи въ Вост. Пруссіи являлись, будто бы, такимъ образомъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ нашихъ денежныхъ обязательствъ.

Между тѣмъ, мы только что могли убѣдиться, что мудрость гр. В. В. Коковцева именно сняла съ Россіи всѣ денежные путы, чѣмъ либо могущіе стѣснить ея экономическое развитіе и ея стратегію.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРОВѢРКА, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ЖИЗНЬЮ.

ПЕРВЫЕ ДНИ МОБИЛИЗАЦІИ И НАЗНАЧЕНІЕ ВЕЛ. КН. НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЕРХОВНЫМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ

На протяженіи всего труда я давалъ попутно мою оцѣнку по поводу каждаго мѣропріятія плана войны. Дѣлалъ я эту оцѣнку съ горячимъ желаніемъ быть строго научно объективнымъ. Однако, избѣгнуть, хотя бы даже небольшой доли субъективизма, не можетъ ни одинъ историкъ, въ особенности же современникъ. Вотъ почему, я и счелъ полезнымъ мое общее заключеніе построить не въ видѣ подведенія итога уже высказанныхъ мною въ предшествующихъ главахъ частныхъ заключеній, а обосновать его на томъ страшномъ экзаменѣ, который произвела нашему плану войны, осенью 1914 года, сама жизнь. Слѣдуя подобному методу, мы гарантированы въ абсолютной объективности оцѣнки, ибо, сейчасъ же за практическимъ выполненіемъ предначертаній плана войны — жизнь безпристрастно и властно произнесла свой приговоръ.

Несомнѣнно, что сильныя и слабыя стороны плана войны сказываются въ теченіе всей войны[1]). Но наиболѣе полное и яркое отраженіе онѣ находятъ въ первыхъ операціяхъ.

Подробному разсмотрѣнію первыхъ операцій на русскомъ фронтѣ посвящены слѣдующіе томы моей работы. Изучивъ ихъ, читатель сможетъ самъ сдѣлать свои выводы о нашемъ планѣ войны. Два тома уже напечатаны[2]). Въ этой же, заключительной, главѣ, я затрону только главнѣйшее, нужное для общей повѣрки сдѣланныхъ мною выше, на протяженіи всего труда, выводовъ.

28-го іюля Австро-Венгрія объявила войну Сербіи и начала свою мобили-

---

1) Желающихъ ознакомиться, какъ недостаточная степень научнаго предвидѣнія нашего плана войны отразилась на всемъ ходѣ войны, я отсылаю къ моему труду, напечатанному, къ сожалѣнію, только по англійски: «Russian Army in the World War» — published by Yale University Press; New Hanca. Connecticut. U.S.A. 1931.

2) 1) «Начало войны и операціи въ Восточной Пруссіи». Изд. «Пламя». Praha II, Jecna 32.

2) «Галиційская Битва (первый періодъ)». изд. «Родникъ». 6. rue Daviel. Paris 13.

зацію; при этомъ мобилизовались не только корпуса, расположенные вдоль Сербской границы, но и нѣкоторые другіе — напр., расположенные въ Богеміи.

Все поведеніе монархіи Габсбурговъ внушало Россіи самыя серьезныя опасенія. Нужно было ожидать, что, закончивъ мобилизацію большей части своихъ силъ, Австро-Венгрія станетъ еще требовательнѣе къ Сербіи. Аннексія Босніи и Герцеговины въ 1908 году, когда, считая Россію слабой, правительство Австро-Венгріи не постѣснялось цинично нарушить Берлинкій трактатъ, была на памяти у всѣхъ. Положеніе Россіи осложнялось еще тѣмъ, что, стремясь во что бы то ни стало сохранить миръ въ Европѣ, она дала настойчивый совѣтъ Сербіи быть уступчивой. Давая этотъ совѣтъ, Россія въ то же время взяла на себя моральную отвѣтственность передъ братскимъ Сербскимъ народомъ, довѣрившимъ ей свою судьбу, въ томъ, что всѣ сдѣланныя послѣднимъ уступки, во имя сохраненія обще-европейскаго мира, не поведутъ къ уничтоженію независимости Сербіи и къ уменьшенію ея и безъ того урѣзанной территоріи.

Начавшаяся 28-го іюля мобилизація А.-В. Арміи представляла также и непосредственную угрозу самой Россіи. Поэтому, совершенно естественнымъ явилось желаніе Государя Императора принять мѣры для обезпеченія Россіи со стороны Австро-Венгріи, но, при томъ, такія, которыя показывали бы Германіи, что онѣ принимаются не противъ послѣдней. Это могло быть достигнуто производствомъ частной мобилизаціи войскъ, необходимыхъ для охраненія Россіи со стороны Австро-Венгріи.

Здѣсь то и пришлось, прежде всего, натолкнуться на порочность нашего плана. Какъ мы говорили уже въ началѣ этого труда, нашъ планъ войны предвидѣлъ, при военной угрозѣ Россіи на ея Западной границѣ, только одинъ случай: общую мобилизацію. Вслѣдствіе этого, когда было приступлено къ выполненію настойчиваго желанія Государя Императора о производствѣ частной мобилизаціи только противъ Австро-Венгріи, сразу же выяснилось, что создается катастрофическое положеніе. Объявленная на 30-ое іюля мобилизація Кіевскаго, Одесскаго, Московскаго и Казанскаго воен. округовъ, могла быть произведена лишь съ *полнымъ разрушеніемъ плана общей мобилизаціи*. Слѣдовательно, произведя эту неподготовленную заранѣе мобилизацію, Россія на долгій срокъ становилась беззащитной въ отношеніи Германіи.

Чрезвычайная опасность создающагося стратегическаго положенія увеличивалась еще однимъ обстоятельствомъ. Варшавскій воен. округъ граничилъ не только съ Австро-Венгріей, но и, въ еще большей мѣрѣ, съ Германіей. Для того, чтобы не возбуждать послѣдней, этотъ военный округъ и не былъ включенъ въ проектируемую частную мобилизацію.

Бѣглый взглядъ на прилагаемую схему покажетъ, что изъ этого получалось: А.-В. арміи, заканчивавшія свое стратегическое развертываніе въ Галиціи на 15-й день мобилизаціи,могли, заслонившись отъ мобилизованныхъ нами войскъ Кіевскаго воен. округа, быстрымъ движеніемъ на сѣверъ разбить наши не мобилизованныя войска Варшавскаго воен. округа и легко овладѣть всѣмъ Передовымъ Театромъ. Такой результатъ являлся бы въ полномъ смыслѣ слова катастрофой, послѣ которой Германія могла продиктовать какія угодно условія не только Россіи, но и Франціи. Нужно было исключительное миролюбіе Императора Николая II, чтобы рѣшиться на подобное распоряженіе, вопреки предупрежденіямъ, дѣлавшимися ему Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Военнымъ Министромъ и Начальникомъ Генеральнаго Штаба.

СХЕМА

Военные округа, въ которыхъ была объявлена частная мобилизація, наканунѣ общей.

Вотъ почему эти лица употребили все свое вліяніе на то, чтобы убѣдить Государя объявить на слѣдующій же день общую мобилизацію. Дѣло въ томъ, что по русскимъ мобилизаціоннымъ правиламъ, первый день мобилизаціи предоставляется призываемому запасному для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Мобилизаціонныя перевозки начинаются только на второй день. Поэтому, послѣ посылки, вечеромъ 29-го іюля, телеграммы о частной мобилизаціи, оставались еще сутки (30-го іюля), въ теченіе которыхъ наша общая мобилизація не была еще разрушена.

Настаивая въ этотъ день передъ Государемъ на объявленіи въ тотъ же день общей мобилизаціи въ Россіи, ни Сазоновъ — Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, ни ген. Сухомлиновъ — Военный Министръ, ни ген. Янушкевичъ — Начальникъ Генеральнаго Штаба, никакого шовинизма не проявляли — для нихъ ставился вопросъ о спасеніи Россіи отъ катастрофическаго положенія, въ которое она попадала, послѣ приведенія въ исполненіе частной мобилизаціи.

Государь уступилъ, и между 6 и 7-ю часами вечера 30-го іюля была послана телеграмма, объявлявшая общую мобилизацію, съ назначеніемъ ея первымъ днемъ — 31-го іюля. Этимъ распоряженіемъ наша общая мобилизація поглощала въ себѣ уже объявленную въ 4-хъ воен. округахъ частную мобилизацію. Никакого ускоренія отъ этого не произошло, ибо въ этихъ округахъ оказалось теперь, просто, два первыхъ дня, такъ какъ всѣ мобилизаціонныя перевозки начинались лишь 1-го августа т. е. на 2-й день общей мобилизаціи.

Объявленіе нами общей мобилизаціи вызвало со стороны Германіи объявленіе намъ войны.

Мы не будемъ разбирать здѣсь вопросъ — представляла ли наша общая мобилизація дѣйствительно столь большую угрозу Германіи, что вынудила послѣднюю къ объявленію войны. Разсмотрѣнію этого вопроса посвящена первая глава слѣдующаго тома*). Мы ограничимся лишь указаніемъ на непосредственно насъ интересующій фактъ: нашъ планъ войны не обладалъ той степенью гибкости, которая требовалась отъ него условіями, создавшимися въ Европѣ международной обстановкой. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, эта гибкость заключалась бы въ томъ, что общая мобилизація должна была быть составлена изъ ряда частныхъ, которыя могли бы проводиться одновременно, или послѣдовательно. Отсутствіе такой гибкости въ мобилизаціи — неминуемо вызываетъ излишнюю нервность Правительства, какъ разъ въ тѣ моменты народной жизни, когда только полное хладнокровіе можетъ предотвратить отъ самовозгоранія войны.

Съ объявленіемъ мобилизаціи, согласно плану войны, Верховнымъ Главнокомандующимъ становился самъ Государь. Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, или по русской номенклатурѣ — "Ставка", составлялся изъ чиновъ центральнаго органа Генеральнаго Штаба.

Но Совѣтъ Министровъ, собравшійся 1-го авг. подъ предсѣдательствомъ самого Государя Императора, единогласно просилъ Его не вступать въ командованіе. Внявъ голосу Совѣта Министровъ, Императоръ Николай II назначилъ 2-го авг. Вел. Кн. Николая Николаевича. Это былъ уже третій день мобилизаціи и второй день войны съ Германіей.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ не былъ знакомъ съ послѣднимъ планомъ войны, т. к. съ 1908 г. его держали въ сторонѣ отъ общихъ работъ по составленію этого плана.

Такимъ образомъ, онъ принялъ Верховное Главнокомандованіе въ моментъ, когда весь сложный механизмъ по приведенію въ исполненіе плана войны находился въ полномъ ходу. Это трудное положеніе осложнялось еще тѣмъ, что всѣ высшіе командные посты и, даже,высшія должности Ставки были уже замѣщены и Великому Князю предстояло работать съ ближайшими сотрудниками, не имъ избранными.

Насколько въ этомъ отношеніи болѣе благопріятнымъ было положеніе ген. Жоффра. Съ 1911 года, состоя въ должности Вице-Предсѣдателя Высшаго Военнаго Совѣта, онъ не только руководилъ разработкой плана войны, но отъ него непосредственно зависѣлъ и выборъ чиновъ его Штаба, и подборъ генераловъ на высшія командныя должности.

Вотъ какъ самъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ разсказываетъ, какимъ

---

*) «Начало войны и операціи въ Вост. Пруссіи», глава І-я — «Является-ли русская мобилизація причиной войны», стр. 1-26.

образомъ онъ оказался вынужденъ принять совершенно чуждый ему штабъ. Передаю этотъ разсказъ по записи, сдѣланной мною сейчасъ же послѣ бесѣды съ Великимъ Княземъ.

Съ объявленіемъ общей мобилизаціи Вел. Кн. вступилъ, согласно плану войны, въ командованіе 6-ой арміей*).

2-го августа, т. е. уже на 2-й день объявленія войны, онъ былъ во время своего завтрака экстренно вызванъ въ Петергофъ къ Государю Императору. Зная о томъ, что произошло наканунѣ на Совѣтѣ Министровъ, онъ понялъ, что Государь вызываетъ его для того, чтобы возложить на него Верховное Главнокомандованіе. Поэтому, по пути въ Петергофъ, онъ тщательно обдумалъ, кого нужно ему привлечь въ качествѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Его выборъ остановился на ген. Ф. Ф. Палицынѣ, какъ Начальникѣ Штаба, и ген. М. В. Алексѣевѣ, какъ генералъ-квартирмейстерѣ Ставки. Великій Князь такъ объяснилъ мотивы такого выбора: съ ген. Палицынымъ Вел. Кн. долгое время совмѣстно работалъ и предназначалъ его въ прежнее время, въ случаѣ войны, на роль своего Начальника Штаба: ген. Палицынъ, бывшій съ 1905 по 1908 г. г. выдающимся Начальникомъ Ген. Штаба, былъ вполнѣ знакомъ съ характеромъ той работы, которая выпадала на долю Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго; съ ген. М. В. Алексѣевымъ Вел. Кн. не приходилось совмѣстно работать, но онъ зналъ, что ген. Палицынъ считалъ ген. Алексѣева своимъ наиболѣе цѣннымъ помощникомъ; онъ зналъ также, что ген. М. В. Алексѣевъ являлся главнымъ работникомъ по составленію плановъ войны, предшествовавшихъ Сухомлиновскому плану 1910 г. и что замѣна этого неудачнаго плана — планомъ 1912 г. во многомъ обязана иниціативѣ ген. Алексѣева.

Я не буду передавать той драматически-трогательной сцены, которая произошла при возложеніи Государемъ на Вел. Кн. тяжкаго бремени Верховнаго Водителя Русскихъ Армій во вспыхнувшей грозной войнѣ. Взволнованный Государь отошелъ въ выступъ окна Своего кабинета (все это происходило въ Александрійскомъ Дворцѣ). Не менѣе взволнованный Вел. Кн. остался сидѣть. Онъ собирался съ мыслями и только что хотѣлъ доложить Государю объ избранныхъ имъ ближайшихъ сотрудникахъ, какъ Государь неожиданно повернулся къ нему. Перебивъ начавшаго говорить Вел. Кн., Государь сказалъ ему: "У меня есть къ Тебѣ просьба, или вѣрнѣе сказать повелѣніе — Ты долженъ оставить при Себѣ штабъ такимъ, какимъ онъ уже сформированъ; Ты плана войны не знаешь и потому лучше, чтобы около Тебя были люди его составлявшіе. Янушкевича же я знаю съ лучшей стороны".

"Я не счелъ себя въ правѣ противорѣчить Государю", сказалъ мнѣ Вел. Кн., заключая свой разсказъ, "и это меня теперь всегда мучаетъ. Пусть меня осудитъ Исторія. Но въ свое оправданіе скажу слѣдующее: во всѣхъ Государствахъ Ставка составлялась изъ высшихъ чиновъ Большого Ген. Штаба. Такое превращеніе было нормально, ибо это были какъ разъ тѣ люди, которые являлись непосредственными сотавителями плана войны. Ген. Янушкевича и ген. Данилова я не зналъ. Послѣ рекомендаціи Государя у меня не было никакихъ причинъ смѣщать ген. Янушкевича и его ближайшаго помощника. Кромѣ того, это могло произвести неблагопріятное впечатлѣніе на наше и безъ того крайне нервное общественное мнѣніе".

---

*) Армія второстепеннаго, обсерваціоннаго, назначенія, формировавшаяся въ Петербургскомъ воен. округѣ для охраны столицы и побережья Балтійскаго моря.

Несомнѣнно, что мотивы, высказанные самимъ Вел. Кн., въ нормальныхъ условіяхъ являются неоспоримыми; трагедія же какъ разъ и заключалась въ томъ, что положеніе, создавшееся въ нашемъ центральномъ органѣ Ген. Штаба, не являлось нормальнымъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о томъ, какъ проектъ плана, составленный въ февралѣ 1912 г. въ Москвѣ, подъ давленіемъ начальниковъ штабовъ округовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ, шагъ за шагомъ, разрушался руководителями Г. У. Г. Ш. Противъ этого проекта, возвращавшаго нашъ планъ войны къ здоровымъ идеямъ Милютинской стратегіи, упорно велась "тихая сапа", съ цѣлью вернуться къ несчастнымъ идеямъ Сухомлиновскаго плана 1910 г. Порча плана 1912 г. достигла кульминаціоннаго пункта въ планѣ стратегическаго развертыванія, разработаннаго въ 1913 г. въ тайникахъ Г. У. Г. Ш.

Высочайше утвержденный 25-го сент. 1913 г. — этотъ планъ долженъ былъ вступить въ силу въ ноябрѣ 1914 г., "подъ видомъ мобилизаціоннаго расписанія № 20"[1]). Но война началась раньше и наша армія мобилизовалась по старому расписанію и стратегическое развертываніе производилось согласно плану 1912 года, съ внесеніемъ тѣхъ измѣненій изъ проекта 1913 г., которыя признавались уже возможнымъ осуществить.

Такимъ образомъ, дальнѣйшее затушевываніе идей Милютинской стратегіи было всецѣло въ рукахъ составителей плана войны, перешедшихъ изъ Г. У. Г. Ш. въ Ставку. Трудно было ожидать, чтобы эти составители, сразу же, совершенно перемѣнятъ свои стратегическіе взгляды. Въ такихъ условіяхъ Ставка не могла стать послушнымъ органомъ въ рукахъ Вел. Кн. Николая Николаевича, въ томъ случаѣ, если бъ онъ пожелалъ исправить ошибки нашего плана войны. Въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ бы піаниста, играющаго на невѣрно настроенномъ роялѣ. Затрудненія увеличивались для Великаго Князя еще тѣмъ, что "Положеніе о полевомъ управленіи войскъ", спѣшно представленное ген. Сухомлиновымъ на утвержденіе Государя 29-го іюля 1914 г., было составлено на основаніи идеи, что Верх. Главнокомандующимъ будетъ самъ Государь. Я отсылаю читателя къ главѣ VII-й[2]), здѣсь же повторю только мое заключеніе, что въ создаваемыхъ этимъ "Положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ" условіяхъ, власть Верх. Главнокомандующаго, не монарха — была стѣснена... Верх. Главнокомандующій ставился въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ въ зависимость отъ Главнокомандующихъ фронтами и Военнаго Министра. Такимъ образомъ, ген. Сухомлиновъ со своимъ бывшимъ ближайшимъ сотрудникомъ — ген. Янушкевичемъ, ставшимъ Нач. Штаба Вел. Кн. Николая Николаевича, и ген. Жилинскимъ, ставшимъ Главнокомандующимъ арміями Сѣв.-Зап. фронта, получали возможность тормозить всякое желаніе Вел. Кн. къ измѣненію плана войны въ нежелательномъ для нихъ направленіи.

Отсюда мы видимъ, что создавались такія условія, при которыхъ волѣ Вел. Кн. потребовался значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ она могла дѣйствительно проявить себя. Вотъ почему мы и раздѣлимъ разсмотрѣніе хода выполненія плана войны на два періода:

1) періодъ первый (1-29 дни мобилизаціи) — когда въ Верх. Управленіи Арміи господствовали идеи составителей плана войны

и 2) періодъ второй (послѣ 29 дня мобилизаціи) — когда воля Вел. Кн.

---

1) Ген. Заіончковскій: «Подготовка Россіи къ міровой войнѣ (планы войны)», стр. 320.

2) Очеркъ «Основныя идеи развертыванія 1913 г.».

Николая Николаевича, наконецъ, пробилась и порочныя стороны плана войны начали выправляться.

ПЕРІОДЪ (1-29 ДНИ МОБИЛИЗАЦІИ) ГОСПОДСТВА ВЪ ВЕРХ. УПРАВЛЕНІИ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ ИДЕЙ СОСТАВИТЕЛЕЙ ПЛАНА ВОЙНЫ.

Выяснившаяся возможность расчитывать на нейтралитетъ Швеціи, Румыніи и Японіи, позволила направить на нашъ Западный Театръ и тѣ три корпуса, которые, согласно плану войны, оставлялись въ составѣ обсерваціонныхъ армій, въ Петербургскомъ и Одесскомъ воен. округахъ. Изъ Сибири же, Туркестана и Кавказа признавалось возможнымъ привезти шесть корпусовъ изъ десяти.

Сама перевозка войскъ, благодаря усовершенствованію жел.-дор. сѣти, была, по сравненію съ расчетомъ 1912 г., нѣсколько ускорена. Прилагаемый графикъ даетъ общую картину сроковъ, въ которые были совершены эти перевозки на дѣлѣ .

Въ результатѣ, размѣры силъ, назначенныхъ въ Дѣйствующую Армію (армій ном. 1, 2, 3[1]), 8[1]), 4, 5, 6 и 7), доводились до слѣдующей величины:

1) къ концу перваго мѣсяца прибывало 71 пѣх. дивизій;

2) въ теченіе второго мѣсяца подвозилось еще 18 пѣх. див;

3) наконецъ, въ теченіе третьяго мѣсяца прибывалъ самый дальній Сибирскій корпусъ, въ составѣ 2-хъ пѣх. див.

Всего, къ 80-му дню мобилизаціи на театрѣ войны сосредотачивалось 94 пѣх. дивизіи, что составляло болѣе 82% всей нашей вооруженной силы. Принимая во вниманіе, что Россіи приходилось считаться съ вѣроятностью объявленія войны со стороны Турціи, нужно отдать справедливость нашей Ставкѣ, что она проявила здѣсь уваженіе къ принципамъ сосредоченія силъ на главномъ театрѣ и экономіи на второстепенныхъ. Это нужно отнести также и въ заслугу нашему плану войны, давшему возможность произвести подобное сосредоточеніе силъ на главномъ театрѣ борьбы.

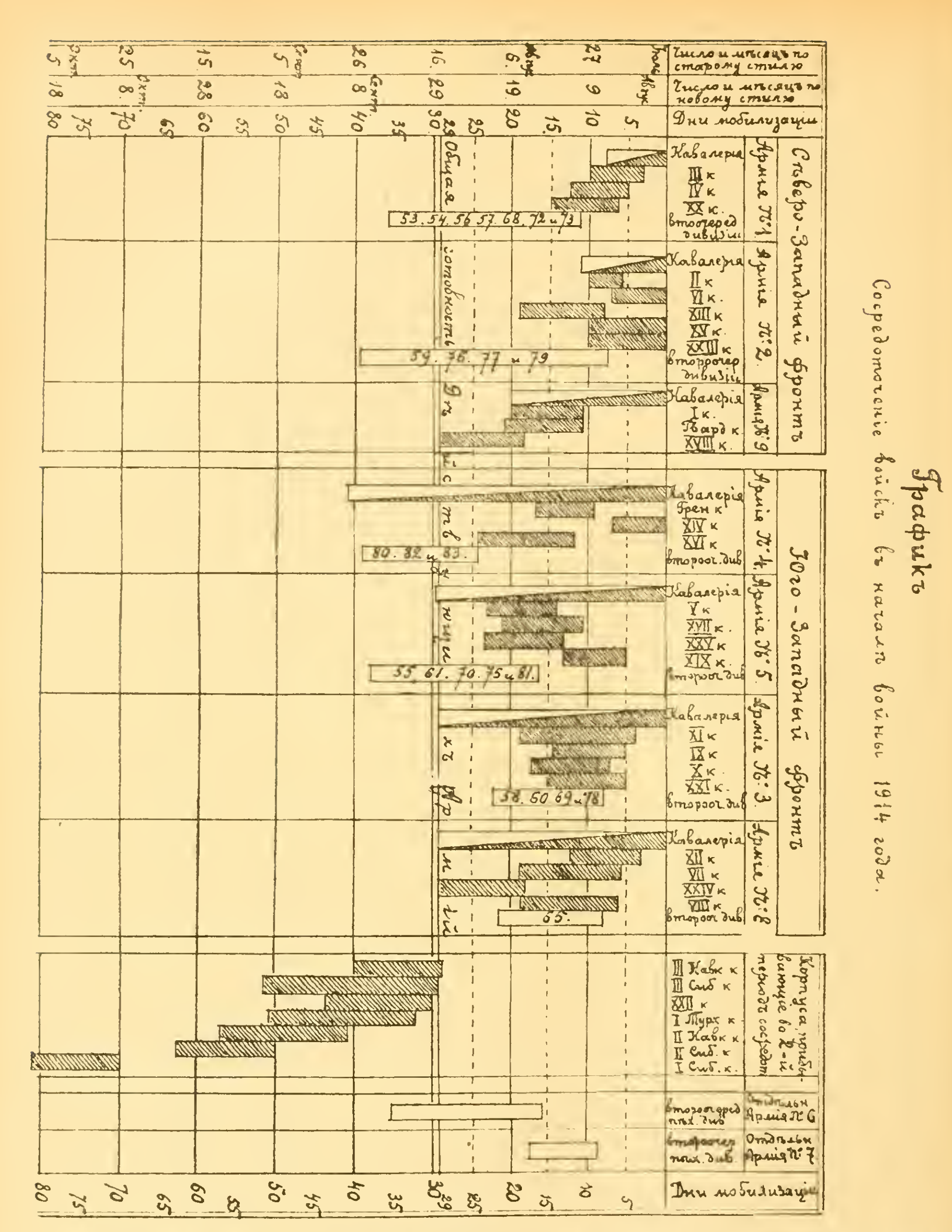
Однако, это рѣшеніе отразилось, главнымъ образомъ, на силѣ стратегическаго резерва, т. е. корпусовъ прибывающихъ на 2-й и 3-й мѣсяцы. Силу же самихъ армій въ теченіе перваго мѣсяца мобилизаціи это увеличивало всего на пять пѣх. дивизій[2]).

Вслѣдствіе этого, опасность разброски силъ для одновременнаго рѣшительнаго наступленія по двумъ расходящимся операціоннымъ направленіямъ, не ожидая окончанія стратегическаго сосредоточенія нашихъ силъ, задуманная приводившимся въ исполненіе варіантомъ "А" плана войны оставалась неизмѣнной. Создавшаяся же политическая обстановка не только не содѣйствовала исправленію этой краеугольной стратегической ошибки, но, наоборотъ, толкала на дальнѣйшее ея углубленіе.

---

1) Предусмотрѣнная планомъ 1912 г. армія № 3, была подраздѣлена на двѣ: № 3 и № 8, какъ это и предусматривалось проектомъ 1913 года.

2) 14-ая и 15-ая пѣх. див. и 4-я стр. бригада УIII-го корпуса, 23-я и 24-я пѣх. див. ХУIII корпуса и Гв. стр. бригада.

Телеграмма объ общей мобилизацiи Русской армiи была послана между 6-ю и 7-ю часами вечера, 17/30 iюля 1914 г. Первымъ днемъ этой мобилизацiи было 18/31 iюля. Въ этотъ же день была получена отъ нашего военнаго агента въ Парижѣ, Полк. гр. Игнатьева, слѣдующая телеграмма:

«Военный министръ въ очень дружественномъ тонѣ заявилъ мнѣ, что Правительство твердо рѣшилось идти на войну. Онъ меня просилъ подтвердить надежды Французскаго Генеральнаго Штаба, который разсчитываетъ, что всѣ

наши усилія будутъ направлены противъ Германіи и что Австрія будетъ разсматриваться какъ ничего не стоющая величина»[1]).

На слѣдующій день, 1-го авг. (19-го іюля), т. е. въ день объявленія намъ войны Германіей, пришла вторая телеграмма нашего воен. агента въ Парижѣ.

«Общая мобилизація», телеграфируетъ гр. Игнатьевъ, «объявлена въ 3 ч. 40 м. Военный Министръ выразилъ пожеланія:

1) использовать все наше вліяніе на Сербію, дабы понудить ее перейти въ кратчайшій срокъ въ наступленіе;

2) быть освѣдомленнымъ о днѣ, въ который мы предполагаемъ перейти въ наступленіе противъ Германіи. Французы продолжаютъ считать операціонную линію Варшава-Познань за наиболѣе выгодное направленіе нашего наступленія[2]).

Принимая во вниманіе, что по французскимъ законамъ права Верховнаго Главнокомандованія принадлежатъ самому Правительству, которое осуществляетъ ихъ черезъ посредство Военнаго Министра, и то, что заявленіе Французскаго Воен. Министра было сдѣлано какъ разъ въ минуты выступленія Франціи на нашей сторонѣ, нельзя не согласиться, что они пріобрѣтали для насъ чрезвычайно важное значеніе.

Если мы вдумаемся въ ихъ текстъ, то мы увидимъ, что эти телеграммы повторяютъ тѣ заявленія, которыя были сдѣланы ген. Дюбайлемъ на Совѣщаніи 1911 г. и ген. Жоффромъ на Совѣщаніяхъ 1912 и 1913 г. г. А.-В. мы должны были почитать за не стоющую вниманія величину и своей главной операціонной линіей должны были сразу же избрать *кратчайшее направленіе на Берлинъ*. Я думаю, что мнѣ не нужно болѣе объяснять, что подобное заданіе являлось теоретически — "максимальнымъ стратегическимъ запросомъ", практически же — стратегическимъ заданіемъ совершенно неосуществимымъ. Эта неосуществимость усугублялась еще новымъ пожеланіемъ Французскаго Правительства, высказаннымъ во второй телеграммѣ. Насъ просили посовѣтовать Сербіи немедленно же атаковать Австро-Венгрію. Не могло быть никакого сомнѣнія, что Сербія, благодарная за благородное заступничество Россіи, послушается этого "совѣта". Толкая маленькую Сербскую Армію на значительно превосхо-

---

1) Для точности привожу французскій текстъ этой телеграммы, такимъ, какъ онъ напечатанъ въ книгѣ:

«Documents Historiques» — «Les Alliés contre la Russie». Editeur André Depneuch, Paris, page 34. Вотъ этотъ текстъ: L'attaché militaire à Paris à Mr. le Ministre de la Guerre, le 18/31 Juillet,1914: «Le Ministre de la Guerre m'a déclaré sur un ton très cordial que le gouvernement est tout à fait résolu à la guerre. Il m'a demandé de lui confirmer les espérances de l'état major français qui *compte que tous nos efforts seront dirigés contre l'Allemagne et que l'Autriche sera considerie comme une quantité négligeable*».

2) Вотъ французскій текстъ телеграммы, напечатанной тамъ же:

L'Attaché militaire à Paris, le 1-er Août 1914 — No 221. «La mobilisation générale est proclamée à 3 h. 40 m. Le ministre de la Guerre a exprimé le désir:

1) d'user de toute notre influence sur la Serbie pour la décider à prendre l'offensive le plus rapidement possible;

2) d'être avisé de la date à laquelle nous pensons commencer notre offensive contre l'Allemagne. Les Français continuent à considérer la ligne Varsovie-Posen comme la direction la plus avantaguese pour notre offensive.

дящую ее въ силахъ А.-В. Армію, мы этимъ самымъ брали на себя моральную отвѣтственность — не позволить А.—В. раздавить героическую Сербію въ неравномъ бою. А, слѣдовательно, мы брали на себя обязательство атаковать А.-В. и при томъ, въ кратчайшій срокъ, ибо, "совѣтуя" Сербіи скорѣйшій переходъ въ наступленіе, мы ускоряли кризисъ. Собственно говоря, это пожеланіе Французскаго Воен. Министра противорѣчило высказанному имъ пожеланію въ 1—ой телеграммѣ, въ которой было сказано — чтобы мы смотрѣли на А.-В. вооруженныя силы, какъ на «quantité négligeable».

Несомнѣнно, что приведенныя только что пожеланія Французскаго Правительства свидѣтельствовали о крайнемъ эгоизмѣ нашего союзника. Но въ психической обстановкѣ первыхъ дней августа, трезвая оцѣнка была трудна: вся Россія была подъ вліяніемъ горячей благодарности французамъ за то, что они безъ колебанія и сразу же выступили на ея защиту. Ставка не могла не поддаться этому настроенію и потому просьбы, шедшія изъ Франціи, не могли не оказывать сильнаго моральнаго давленія на наши стратегическія рѣшенія.

Французскій посолъ въ Петербургѣ энергично используетъ это настроеніе. Уже 5-го августа онъ обратился къ Государю съ "мольбой", какъ онъ самъ выражается, о скорѣйшей помощи. Когда же приходящія изъ Франціи извѣстія начали принимать крайне тревожный характеръ, то наше желаніе немедленно помочь Франціи достигло такой степени, что на повторную просьбу Французскаго посла о спасеніи, Государь отвѣтилъ: "Я приказалъ Вел. Кн. Николаю Николаевичу возможно скорѣе и во что бы то ни стало открыть путь на Берлинъ. Я придаю нашимъ операціямъ въ Австріи лишь второстепенное значеніе". 7-го авг. ген. Янушкевичъ телеграфируетъ ген. Жилинскому: "Въ виду направленія главныхъ силъ Германіи противъ Франціи и необходимости поддержать нашу союзницу", принять слѣдующія мѣры: 1) Гвардейскій и 1 корпусъ изъять изъ 1-й арміи и направить въ Варшаву, куда они прибываютъ на 12-22 день мобилизаціи; 2) включить въ 1-ю армію XX-й корпусъ; 3) въ Варшаву же перевезти XVIII корпусъ; 4) эти части у Варшавы образуютъ авангардъ новой арміи противъ Германіи...[1]).

Операціонное направленіе, по которому должна была затѣмъ дѣйствовать 9—ая армія, шло на Познань.

Французскій военный историкъ и бывшій начальникъ Парижской Военной Школы — ген. Дюффуръ, такъ характеризуетъ создавшееся стратегическое положеніе:

Le Commandement Russe déjà engagé du fait de son plan d'opération, dans deux directions offensives divergentes, en adopte une troisième pour satisfaire aux suggestions peu muries de son partenaire Français » [2])

Сравнимъ теперь какъ группировались корпуса, которые были собраны Ставкой для начала рѣшительнаго наступленія, съ тѣмъ стратегическимъ развертываніемъ, которое было намѣчено планомъ войны 1912 г.

Мы видимъ изъ этой схемы не только указанную выше разброску силъ по тремъ расходящимся операціоннымъ линіямъ, но и ухудшеніе самаго стратегическаго развертыванія Сѣв.-Зап. и Юго-Зап. фронтовъ. Три арміи (ном: 1,

---

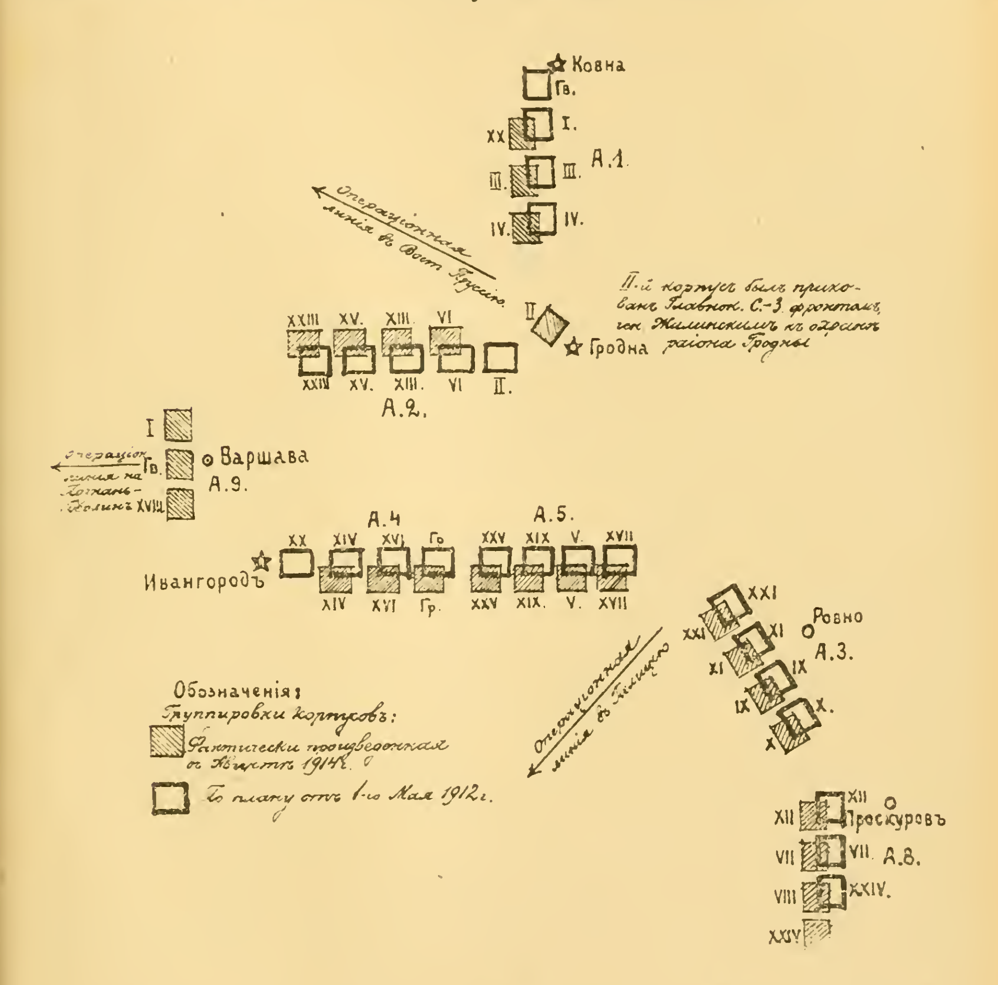
[1]) Краткій стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г., выпускъ I, стр. 29, изданіе Военное Дѣло, Москва 1918 г.

[2]) Ecole Supérieure de Guerre. Cours d'Histoire «La Guerre de 1914-1918» par le Colonel Duffour, professeur du Cours. стр. 202.

2 и 4) ослаблены каждая на одинъ корпусъ. Одна только армія усилена — это армія ном. 8, имѣющая для активныхъ дѣйствій наименьшее стратегическое значеніе. Особенно знаменательно ослабленіе армій ном. 2 и 4; это были, какъ разъ, арміи, предназначенныя для дѣйствій вблизи Вислы и оцѣниваемыя "Милютинской" стратегіей, какъ имѣющія наибольшее стратегическое значеніе.

ГРАФИКЪ.

Сравненіе произведеннаго въ 1914 году стратегическаго развертыванія и таковаго же по плану 1912 года.

Время начала наступленія для Сѣв.-Зап. группы армій было, по прежнему, фиксировано на 15-й день. Общій же переходъ въ наступленіе Юго-Зап. группы былъ назначенъ на 24-й день.

Въ эти сроки арміи могли выступить лишь въ слѣдующемъ числѣ пѣхотныхъ дивизій:

Армія № 1	6½	пѣх. див.
Армія № 2	10½	пѣх. див.
Итого въ Сѣв-Зап. группѣ на 15-й день мобилизаціи	17	пѣх. див.
Армія № 4	6½	пѣх. див.
Армія № 5	10	пѣх. див.
Армія № 3	12	пѣх. див.
Армія № 8	8*)	пѣх. див.
Итого въ Юго-Зап. группѣ на 24-й день мобилизаціи	36½	пѣх. див.

Посмотримъ теперь каковы были тѣ непріятельскія силы, противъ которыхъ такъ смѣло бросала Ставка вышеуказанныя русскія силы.

СХЕМА.

Стратегическое развертываніе, произведенное въ августѣ 1914 г.

*) Двѣ дивизіи XXV корпуса нѣсколько запаздывали.

Какъ я говорилъ уже неоднократно, вслѣдствіе болѣе могущественнаго артиллерійскаго вооруженія, боевая сила одной нѣмецкой дивизіи должна быть приравнена къ 1 1/2 русскимъ. Такимъ образомъ, германскія силы, съ которыми пришлось встрѣтиться въ первыхъ бояхъ Сѣв.-Зап. группѣ, должны были почитаться равносильными 22 рус. пѣх. дивизіямъ.

Повидимому, уже въ первые дни войны Ставка начала сознавать то опасное положеніе, въ которое ставилъ нашъ планъ войны арміи Сѣв.-Зап. фронта; но не предпринимать эту операцію не считалось уже возможнымъ. 13-го авг., (т. е. на 14-й день мобилизаціи) нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, С. Д. Сазоновъ, въ отвѣтъ на очередную мольбу о помощи Французскаго посла, сказалъ, что, хотя наше высшее командованіе и "отдаетъ себѣ отчетъ о томъ, что наше поспѣшное наступленіе въ Вост. Пруссію осуждено на неизбѣжную неудачу... но, такъ какъ мы не имѣемъ права дать погибнуть нашему союзнику, то, не смотря на неоспоримый рискъ предпринимаемой операціи, нашъ долгъ немедленно же наступать, что Великій Князь и приказалъ".

На Юго-Зап. фронтѣ судьба поднесла намъ цѣннѣйшій стратегическій подарокъ. Расчеты А.-В. Генеральнаго Штаба на то, что они успѣютъ раздавить маленькую Сербію, пока Россія будетъ, запугиваемая Германіей, колебаться въ производствѣ мобилизаціи, не оправдались. Австро-Венгріи пришлось перенаправлять армію № 2 съ Сербскаго фронта на Русскій. Это затянуло ихъ сосредоточеніе въ Галиціи до такой степени, что А.-В. арміи смогли начать наступленіе не на 16-й день, а лишь на 24-й — и, при этомъ, все еще не съ полнымъ числомъ пѣх. дивизій. Съ 2-мя нѣмецкими дивизіями, шедшими на присоединеніе изъ Познани, А.-В. силы достигали 39 пѣх. див., вмѣсто ожидаемыхъ нами 42-47 пѣх. див. Но цѣнность этого стратегическаго подарка значительно уменьшалась, вслѣдствіе той неудачной группировки, которая была принята нами для исходнаго положенія: мы вторгались въ Галицію съ до крайности ослабленнымъ правымъ флангомъ.

Ошибочность основныхъ идей, которыми руководились составители нашего плана войны, не замедлила ярко выявиться. Къ 30-му дню мобилизаціи, мы одержали побѣды въ 1-й арміи (ген. Ренненкампфа) подъ Гумбиненомъ и въ 3-й арміи (ген. Рузскаго) на Золотой Липѣ (Золочевское сраженіе); но за то мы понесли пораженія во 2-й арміи (Самсоновская катастрофа) и въ 4-й арміи (ген. барона Зальца) подъ Красникомъ въ первый періодъ Люблинскаго сраженія. У Томашева же наша 5-я армія вела сраженіе съ перемѣннымъ успѣхомъ.

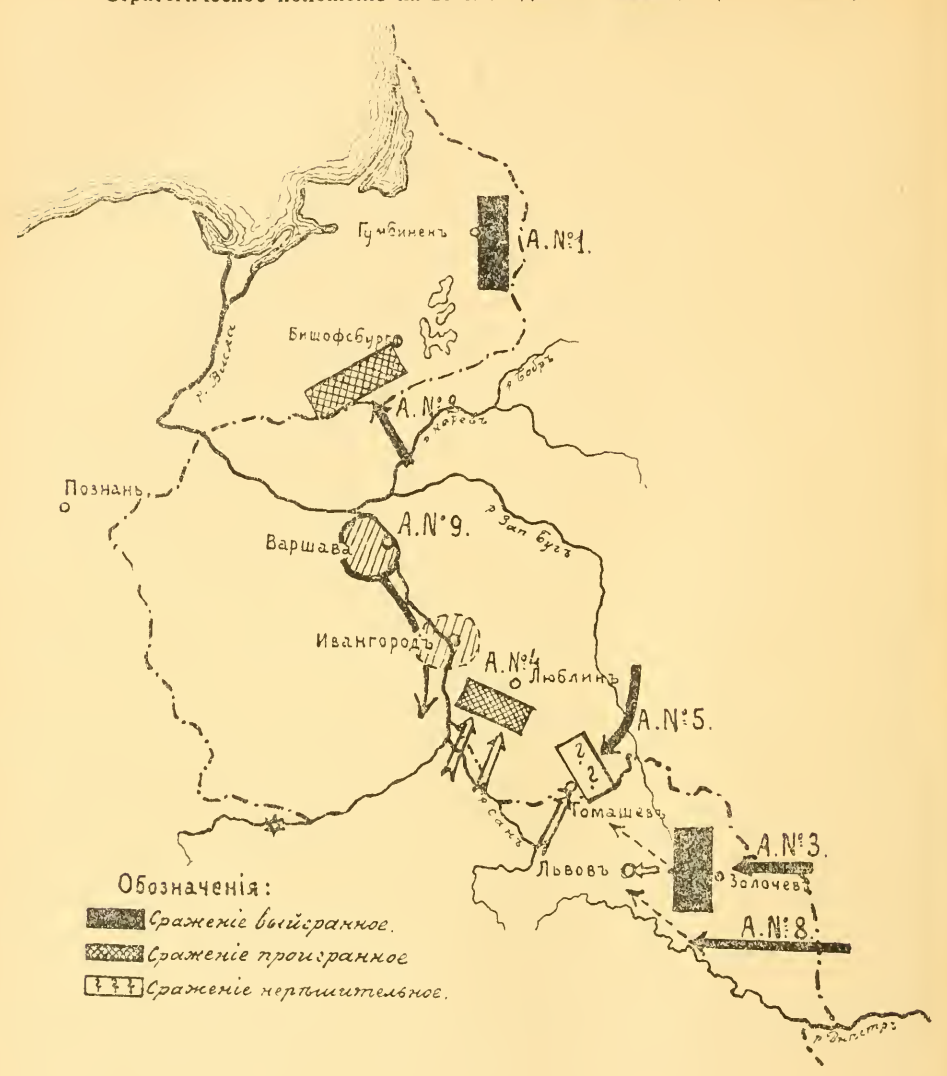
Такимъ образомъ, мы одержали побѣды на внѣшнихъ флангахъ нашихъ группъ армій, флангахъ имѣвшихъ наименьшее стратегическое значеніе: въ тоже время, мы проиграли сраженія на внутреннихъ флангахъ, прилегавшихъ къ р. Вислѣ, имѣвшихъ наибольшее стратегическое значеніе. Создавалось столь трудное стратегическое положеніе, что Ставка, приготовлялась уже къ очищенію Передового Театра и къ оттяжкѣ фронтовъ на линію стратегическаго развертыванія плана 1910 г. Это означало проигрышъ первой кампаніи.

Вѣрность стратегическихъ идей Милютина и Обручева, считавшихъ, что рѣшительныя въ стратегическомъ отношеніи сраженія разыграются въ раіонахъ, прилегающихъ къ Вислѣ, подтверждались жизнью воочію.

Къ счастью для Россіи, катастрофическое положеніе дѣлъ, созданное планомъ войны, было въ концѣ концовъ выправлено волей Верховнаго Главнокомандующаго, избавившейся, наконецъ, отъ наложенныхъ на нее путъ.

СХЕМА.

Стратегическое положеніе на 29 и 30 дни мобилизаціи (28 и 29 авг.).

ВЫПРАВЛЕНІЕ ПЛАНА ВОЙНЫ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ НИКОЛАЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ

Не имѣя возможности ознакомиться сразу во всѣхъ деталяхъ съ такимъ чрезвычайно сложнымъ механизмомъ, какъ перевозки по сосредоточенію, сознавая въ тоже время, что всякое измѣненіе въ этомъ сложномъ механизмѣ можетъ внести опасную путаницу, Вел. Кн. Николай Николаевичъ, вынужденъ былъ первое время мириться съ тѣмъ, что его собственныя стратегическія идеи

не совпадали съ тѣми, которыя приводились въ исполненіе; но на 29-й и 30-й дни мобилизаціи, въ Верховномъ Главнокомандованіи происходитъ, наконецъ, переломъ. Воля Великаго Князя выбивается изъ подъ вліянія, оказываемаго на нее Ставкой.

Онъ отмѣняетъ распоряженія Ставки, подготовляющія наступленіе арміи № 9, сосредотачивающейся у Варшавы, въ направленіи на Познань.

Онъ передаетъ эту армію въ составъ Ю.-З. группы, направляя ее къ Иванъ-городу; отсюда, примкнувъ къ правому флангу арміи № 4, она должна была наступать по обоимъ берегамъ Вислы, дабы охватить западный флангъ главныхъ А.-В. силъ, дерущихся къ сѣверу отъ Сана, стремясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣзать ихъ отъ Кракова.

Въ одной изъ военно-историческихъ работъ, изданныхъ большевиками, не смотря на все ихъ желаніе подорвать престижъ Великаго Князя, который былъ очень высокъ въ солдатскихъ массахъ, они не посмѣли вычеркнуть слѣдующую оцѣнку о только что изложенномъ оперативномъ рѣшеніи, принятомъ Верховнымъ Главнокомандующимъ на 30-й день: "... съ этого дня Ставка сосредотачиваетъ всѣ свои силы на Ю.-З. фронтѣ для достиженія побѣды, *причемъ, сборъ силъ въ одну массу дѣлается всецѣло по иниціативѣ самого Верховнаго Главнокомандующаго*"*).

Если мы еще разъ взглянемъ на приведенную въ предыдущемъ очеркѣ схему, мы увидимъ, что Вел. Кн. Николай Николаевичъ исправлялъ нашъ планъ войны не только тѣмъ, что сосредоточивалъ свои усилія на одномъ операціонномъ направленіи, но и тѣмъ, что подготовлялъ нанесеніе главнаго удара правымъ флангомъ Ю.-З. группы, т. е. тамъ, гдѣ побѣда надъ противникомъ сулила наибольшіе стратегическіе результаты.

Измѣненія, которыя внесъ на 29-й и 30-й день въ наше стратегическое развертываніе Вел. Кн. Николай Николаевичъ, дѣйствительно, знаменовали собою возвращеніе къ идеямъ Милютина и Обручева, такъ легкомысленно оставленныя Сухомлиновымъ и его ближайшими сотрудниками. Къ сожалѣнію, даже сильная воля Великаго Князя не смогла совершенно освободиться отъ вліянія ошибочныхъ стратегическихъ тенденцій Ставки. Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ катастрофы, происшедшей въ арміи Самсонова, Ставка опасается наступленія нѣмцевъ въ южномъ направленіи (на Сѣдлецъ), съ цѣлью захвата въ клещи, совмѣстно съ А.-В. арміями, наступающими въ направленіи на Бр.-Литовскъ, Русскихъ армій, находящихся вблизи Вислы.

Хотя къ арміи № 2, на Наревѣ, и присоединились четыре второлинейныя дивизіи, не принимавшія участія въ ея несчастливомъ наступленіи, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе моральное потрясеніе только что испытанное этой арміей, Ставка не разсчитываетъ на способность ея къ противодѣйствію въ ближайшее время. Поэтому, она формируетъ, въ раіонѣ Осовца, новую армію № 10, направляя въ этотъ раіонъ, уже предназначенный въ составъ арміи № 9, XXII-й корпусъ, начавшій прибывать изъ Финляндіи.

Вмѣстѣ съ этимъ, она оставляетъ 1-ую армію (ген. Ренненкампфа) въ глубоко выдвинутомъ положеніи, полагая этимъ не позволить нѣмцамъ произвести ударъ въ направленіи на Сѣдлецъ. Несомнѣнно, что въ основѣ этой

---

*) «Краткій стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.», «Русскій Фронтъ», вып. I, стр. 172; изданіе редакціи «Военное Дѣло». Москва, 1919 г.

мысли лежала таже ошибочная стратегическая мысль маневра вокругъ Мазурскихъ озеръ, безъ обладанія подавляющими надъ противникомъ силами, которая только что привела армію ген. Самсонова къ катастрофѣ. Это упорство техническаго оперативнаго органа Вел. Кн. Николая Николаевича, въ своихъ ошибочныхъ стратегическихъ идеяхъ, психологически вполнѣ понятно. Самолюбіе, привычка, упрямство, вынуждаютъ умы, не способные къ широкому и глубокому научному мышленію, цѣпляться за выношенныя во время долгой работы мирнаго времени идеи. Вотъ почему, также естественъ и тотъ прувеличенный страхъ, который испытывала Ставка передъ рѣшеніемъ Вел. Князя, перенести центръ тяжести перваго періода кампаніи на поля неудачно для насъ начавшагося Люблинскаго сраженія; здѣсь сказывалась "Сухомлиновская" стратегія, видѣвшая въ нашемъ Передовомъ Театрѣ не выгодный плацдармъ для центральнаго маневра, а лишь опасный "Польскій мѣшокъ". Этотъ страхъ находитъ свое отраженіе не только въ томъ, что корпуса стратегическаго резерва, намѣченные въ составъ арміи № 9, теперь направляются въ армію № 10, т. е. на С. З. фронтъ. Онъ выражается и въ томъ, что Ставка считаетъ, что срокъ, который могъ быть предоставленъ правому крылу Ю.-З. фронта для одержанія побѣды въ Люблинскомъ сраженіи, ограничивается 37-мъ днемъ (5-го сентября), т. е. временемъ ожидаемаго прибытія германскихъ корпусовъ, взятыхъ съ французскаго фронта. Если къ этому времени побѣда подъ Люблинымъ не будетъ одержана, Ставка предполагала увести наши арміи изъ Передового Театра на линію Гродна-Бр. Литовскъ-Ковель (линія стратегическаго развертыванія Сухомлиновскаго плана войны 1910 года).

Къ счастью, Вел. Князь отказался отъ этого предположенія и, со свойственной ему энергіей, рѣшилъ добиваться побѣды на Ю.-З. фронтѣ. Но все же, неспособность Ставки воспріять здоровыя идеи Милютинской стратегіи, оказало нѣкоторое вліяніе на Верховнаго Главнокомандующаго, понуждая его съ излишней осторожностью относиться къ тому, что происходило въ эти дни на Ю.-З. фронтѣ.

А тамъ происходило слѣдующее.

Хотя правый флангъ и центръ арміи № 4 и держался прочно въ раіонѣ Люблина, обезпечивая этимъ сосредоточеніе арміи № 9, однако Австро-Венграмъ удалось прорваться крупными силами между арміями № 4 и № 5. Послѣдняя, съ цѣлью заслонить пути на Брестъ, отошла съ Томашевскаго поля сраженія къ Холму.

Прорывъ Австро-Венгровъ между арміями № 4 и № 5 возбуждалъ тѣмъ большія опасенія Ставки, что наши арміи № 3 и № 8 не продвинулись въ сѣв.-зап. направленіи,какъэто было имъ приказано: онѣ сцѣпились съ противникомъ къ востоку и къ югу отъ Львова, гдѣ, на 30-й и 31-й дни мобилизаціи (29-го и 30-го авг.) онѣ одержали блестящую побѣду на р. Гнилой Липѣ.

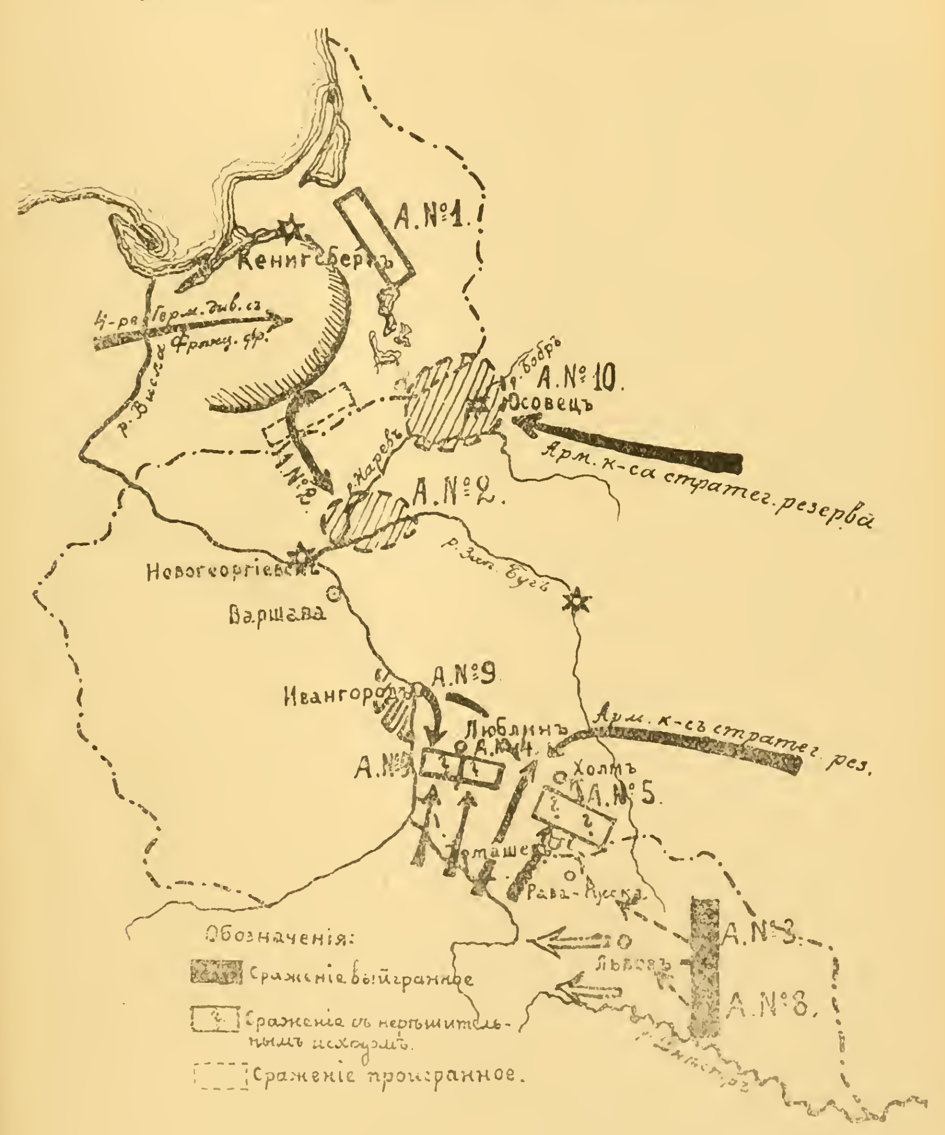
Не разсчитывая на возможность скораго воздѣйствія этихъ армій на тылъ А.-В. силъ, дерущихся противъ нашихъ армій къ сѣверу отъ р. Сана, Ставка, въ связи съ указаннымъ выше ея мнѣніемъ, что время для операціи на правомъ крылѣ Ю.-З. фронта ограничено (до 37-го дня — 5-ое сент.), побуждаетъ Вел. Князя съузить задачу, возложенную на этотъ фронтъ. Ю.-З. группѣ армій ставится теперь цѣлью — не одержаніе сокрушающей побѣды надъ всѣми А.-В. силами, собранными въ Галиціи, а лишь скорѣйшій выигрышъ Люблинскаго сраженія. Это съуженіе общей задачи вызываетъ слѣдующее измѣненіе въ группировкѣ силъ:

а) армія № 9 направляется теперь цѣликомъ на восточный берегъ Вислы, что знаменуетъ собою отказъ отъ охвата западнаго фланга Австро-Венгровъ, т. е. отъ полнаго проведенія въ жизнь Милютинскихъ идей;

б) Гвардейскій и III Кавк. корпуса, предназначенные для дѣйствій въ составѣ арміи № 9 на западномъ берегу Вислы, направляются теперь на лѣвый флангъ арміи № 4 для контръ-атаки прорвавшихся между арміями № 4 и № 5 Австро-Венгровъ.

СХЕМА.

Стратегическое положеніе на 35-й день мобилизаціи (3 сент.).

Въ этой контръ-атакѣ должна принять участіе и армія № 5, перейдя въ наступленіе въ юго-зап. направленіи.

Арміямъ № 3 и № 8 приказывалось измѣнить направленіе своего наступленія съ западнаго на сѣв.-западное съ тѣмъ, чтобы возможно скорѣе воздѣйствовать на тылъ А.-В. войскъ, дерущихся къ сѣверу отъ р. Сана.

Ограничивъ оперативную задачу, поставленную Ю.-З. группѣ армій, Вел. Кн. потребовалъ отъ нихъ, чтобы "войска наступали самымъ стремительнымъ образомъ", а, въ случаѣ вынужденной обороны, защищались бы "до послѣдняго человѣка".

На схемѣ указана стратегическая обстановка, создавшаяся на 35-й день мобилизаціи (3-го сент.) ко времени перехода армій нашего Ю.-З. фронта въ общее наступленіе.

Судьба готовила Вел. Кн. пріятный стратегическій сюрпризъ. Австро-Венгерскій Верховный Главнокомандующій переоцѣнилъ успѣхи своихъ войскъ въ Томашевскомъ сраженіи. Отходъ нашей арміи № 5 былъ принятъ имъ за пораженіе этой арміи. Исходя изъ этого ошибочнаго предположенія, А.-В. Главнокомандующій приказалъ своей арміи № 4, дравшейся въ Томашевскомъ сраженіи, повернуть кругомъ и наступать въ южномъ направленіи противъ лѣваго фланга нашей арміи № 3. Это приводило къ тому, что въ то время, какъ Вел. Кн. сосредоточивалъ для выигрыша Люблинскаго сраженія 27 пѣх. дивизій, у Австро-Венгровъ оставалось здѣсь всего 19-ть.

Пока Арміи Юго-Зап. группы перешли въ приказанное Вел. Кн. наступленіе, германцы, сейчасъ по прибытіи двухъ корпусовъ изъ Франціи, атаковали армію №1. Главный ударъ они повели черезъ Мазурскія озера, перешейки между которыми находились въ ихъ рукахъ. Это наступленіе началось на 39-й день (7-го сент.). Изъ состава нашей арміи № 10 прибыли только 2 пѣх. дивизіи, которыя не могли помѣшать развитію сильнаго нѣмецкаго удара въ тылъ лѣваго фланга арміи № 1. На сторонѣ нѣмцевъ было и большое превосходство въ силахъ: на 15 1/2 пѣх. дивизій арміи № 1 и двѣ пѣх. дивизіи арміи № 10, т. е. на 17 1/2 пѣх. дивизій при 116 батареяхъ, навалилось 18 1/2 пѣх. дивизій при 190 батареяхъ; эти нѣмецкія силы были равновелики 27 русскимъ дивизіямъ.

На 41-й день (9-го сент.) армія № 1, начала свое трудное отступленіе.

Новое пораженіе въ Вост. Пруссіи нашихъ армій, не уменьшило энергіи, съ которой Вел. Кн. добивался окончательной побѣды въ Галиціи. На 41-й день, т. е. въ тотъ самый день, когда армія № 1 начала свое отступленіе изъ Вост. Пруссіи, было закончено побѣдой Люблинское сраженіе. Эта наша побѣда находитъ свой немедленный отзвукъ на полѣ другого сраженія, разыгрывавшагося въ тоже время въ Галиціи. У Рава-Русской и на р. Верещицѣ, три А.-В. арміи, силой въ 27 пѣх. дивизій, атаковали, начиная съ 38-го дня (6-го сент.), наши арміи № 3 и № 8. Сраженіе это протекало безъ опредѣленнаго рѣшенія въ ту или иную сторону. Но выигрышъ Люблинскаго сраженія освободилъ нашу армію № 5, которая со своими 10-ю пѣх. дивизіями была направлена въ тылъ лѣваго фланга Австро-Венгровъ, дравшихся на Рава Русскомъ полѣ сраженія. Другія двѣ русскія арміи, дравшіяся въ Люблинскомъ сраженіи, а именно — арміи № 9 и № 4, перешли въ энергичное преслѣдованіе разбитыхъ Австро-Венгровъ, тѣсня ихъ къ Сану. А.-В. Главнокомандующій понялъ, что его арміямъ грозитъ полный разгромъ. Особенно кри-

тическимъ стало положеніе, когда выяснилось, что р. Санъ, хотя и укрѣпленная еще въ мирное время, не сможетъ быть удержана. Тогда онъ приказалъ своимъ арміямъ отступать къ Кракову.

СХЕМА.
Стратегическое положеніе на 41-й день мобилизаціи (9 сент.).

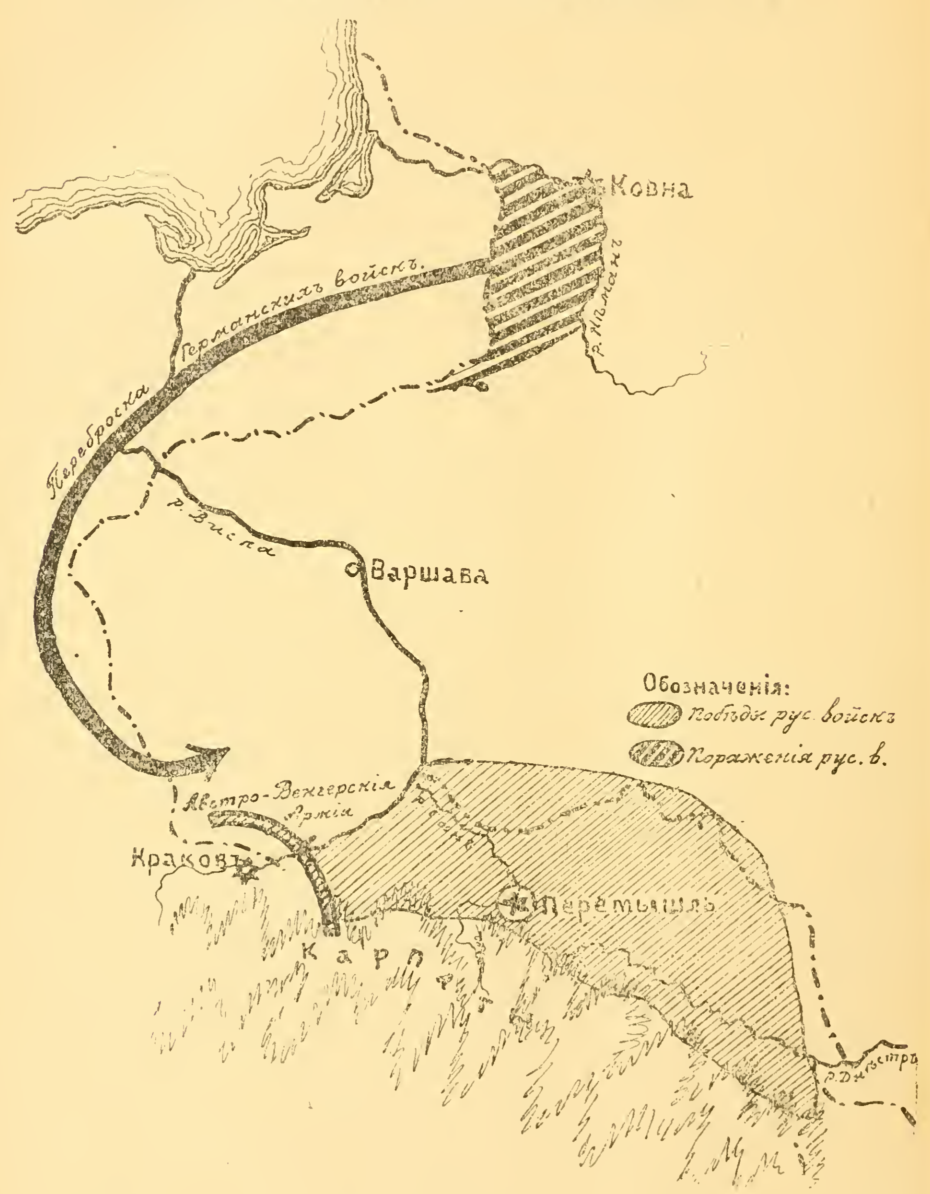

Послѣ 41-го дня дальнѣйшія дѣйствія развиваются такъ: на Сѣв.-Зап. фронтѣ нѣмцы, используя свою побѣду въ сраженіи у Мазурскихъ озеръ, про-

двигаются вслѣдъ за нами къ р. Нѣману; на Юго-Зап. фронтѣ мы, эксплоатируя нашу побѣду, энергично наступаемъ въ Галиціи по направленію къ Кракову.

СХЕМА.

Стратегическое положеніе на 45-й день мобилизаціи (13 сент.).

Создалось своего рода стратегическое состязаніе на чувствительность удара: кто изъ противниковъ раньше откажется отъ стратегическихъ плодовъ своей побѣды: русскіе или нѣмцы.

Вотъ, какъ оцѣниваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Людендорфъ создавшееся въ Галиціи положеніе:

«L'armée austro-hongroise fut complètement battue (vollstaendig geschlagen) et se retira derrière le San, en essuyant des pertes d'une importance extraordinaire. Les Russes la poursuivaient et ils pouvaient faire irruption en Moravie et en Haute-Silésie. Il fallait porter un secours à l'armée austro-hongroise si l'on ne voulait pas qu'elle fût anéantie... Il fallait la soutenir directement mais cette aide ne pouvait être suffisament puissante....»

На 45-й день нѣмцы рѣшили оттянуть около половины своихъ силъ изъ Вост. Пруссіи и перебросить ихъ въ Верхнюю Силезію для того, чтобы примкнуть непосредственно къ флангу собиравшихся въ раіонѣ Кракова разбитыхъ А.-В. армій.

Такимъ образомъ, наша побѣда въ Галиціи стратегически ликвидировала наши неудачи въ Вост. Пруссіи. Мы получали возможность перенести теперь наши рѣшительныя дѣйствія на лѣвый берегъ Вислы.

Для дѣйствій къ западу отъ р. Вислы, т. е. на кратчайшихъ путяхъ на Берлинъ и Вѣну, мы могли сосредоточить теперь: пять армій — №№ 1, 2, 4, 5 и 9, оставляя для прикрытія со стороны Вост. Пруссіи всего одну армію (№ 10), а для занятія Галиціи — двѣ арміи (№№ 8 и 3). Это заставитъ нѣмцевъ усилить свой восточный фронтъ еще четырьмя германскими корпусами.

Непосредственное оперативное вліяніе плана войны, съ окончаніемъ разсмотрѣнныхъ нами военныхъ дѣйствій, оканчивалось; поэтому мы не будемъ разсматривать операцій къ западу отъ р. Вислы, а перейдемъ къ общимъ выводамъ.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Всѣ задачи, которыя должны быть разрѣшены планомъ войны, могутъ быть грубо раздѣлены на двѣ категоріи:

1) задачи организаціоннаго характера; къ нимъ относятся — принятіе соотвѣтствующей организаціи войскъ, ихъ вооруженіе, снабженіе, мобилизація;

2) задачи стратегическаго характера; къ нимъ относятся — постановка основныхъ и ближайшихъ цѣлей войны и соотвѣтствующее этимъ задачамъ развертываніе силъ.

Разрѣшеніе задачъ организаціоннаго характера въ разсматриваемомъ нами планѣ войны тормозилось экономическими трудностями. Однако, тормозящее воздѣйствіе въ этомъ отношеніи оказало и недостаточное осознаніе огневого характера предстоящей войны: мы выступили съ пѣхотными дивизіями, т. е. съ основными оперативными единицами, въ полтора раза болѣе слабыми, чѣмъ соотвѣтствующія единицы нашего главнаго противника — Германіи. Отрицательныя послѣдствія этого обстоятельства были огромны. Для того, чтобы оказаться на поляхъ сраженій въ равной боевой силѣ съ нѣмцами, намъ приходилось сосредотачивать въ полтора раза болѣе людей. Это дѣлало наши арміи менѣе гибкими и менѣе маневренно-способными, нежели нѣмецкія.

Въ мобилизаціонномъ отношеніи главнымъ недостаткомъ нашего плана войны являлось то, что онъ исходилъ изъ устарѣлаго пониманія мобилизаціи, какъ акта, хотя и напряженнаго, но короткаго. Онъ совершенно упускалъ

изъ виду, что война современнаго большого народа, вслѣдствіе массы средствъ, которыя вводятся въ борьбу, представляетъ собою все возростающее разворачиваніе силъ; вслѣдъ за первой мобилизацией долженъ происходить рядъ другихъ, захватывающихъ не только армію, но всю страну и, прежде всего, ея промышленность. Упрекать нашъ планъ войны за то, что онъ этого не предвидѣлъ — несправедливо; этого никто не предвидѣлъ. Но, все-таки, можно поставить нашему плану войны упрекъ — слишкомъ узкое пониманіе самой идеи мобилизаціи, что видно изъ того, что онъ, какъ мы уже отмѣчали выше, подготовлялъ только одновременную общую мобилизацію, вмѣсто того, чтобы разработать рядъ частныхъ мобилизацій, которыя могли бы выполнятсья послѣдовательно или одновременно, образуя въ послѣднемъ случаѣ общую мобилизацію.

На этомъ я ограничу свои замѣчанія объ организаціонной сторонѣ нашего плана войны и перейду къ его стратегической сторонѣ.

Начнемъ съ основной идеи войны.

"Война", говоритъ Клаузевицъ, "есть продолженіе политики, но иными средствами". Поэтому, основныя стратегическія идеи плана войны должны логически вытекать изъ политическаго заданія. Русско-французская военная конвенція представляла собою соглашеніе чисто оборонительнаго характера противъ все возрастающей агрессивности Германіи. Эта политическая предпосылка не требовала отъ Франко-Русскаго плана войны того крайне торопливаго перехода въ наступленіе, которое составило сущность задуманныхъ первыхъ франко-русскихъ операцій.

Изъ всего приведеннаго въ этой книгѣ, читатель могъ самъ убѣдиться въ томъ, что стратегическія условія не благопріятствовали подобной торопливости; сосредоточеніе русскихъ армій требовало много времени, а переходъ въ наступленіе этихъ армій до окончанія ихъ сбора былъ чреватъ для Россіи катастрофическими послѣдствіями.

Такимъ образомъ, Франко-Русскій планъ войны былъ пороченъ въ самомъ своемъ основаніи.

Эта порочность отразилась на нашихъ первыхъ операціяхъ, прежде всего, въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы вылиться въ одну стройную операцію, наши дѣйствія превратились въ двѣ одновременныхъ, но раздѣльныхъ операціи, ведомыхъ по расходящимся направленіямъ.

На приведенномъ графикѣ можно наглядно увидѣть, какъ выполнилъ нашъ планъ войны свое основное стратегическое обязательство передъ войсками: обезпечить на поляхъ сраженія превосходство въ силахъ.

Изъ 9-ти сраженій (въ Люблинскомъ сраженіи мы беремъ его два періода раздѣльно) только въ трехъ случаяхъ такое превосходство оказывается на нашей сторонѣ; въ шести же случаяхъ доблести русскихъ войскъ пришлось разсчитываться за отсутствіе стратегическаго предвидѣнія въ планѣ войны.

Но этого еще мало. Совершенно ясно, что стратегическая значимость сраженій не одинакова. Уже за 50 лѣтъ до начала войны 1914-18 г. г. гр. Милютинъ, а затѣмъ Обручевъ, предвидѣли, что стратегическая цѣнность нашихъ первыхъ боевыхъ дѣйствій возрастетъ по мѣрѣ углубленія ихъ въ западномъ направленіи, этимъ и объяснялось то большое значеніе, которое придавала Милютинская стратегія нашему Передовому Театру.

Оцѣнимъ съ этой точки зрѣнія выигранныя и проигранныя нами сраженія. Изъ 9-ти сраженій мы выиграли пять, но изъ нихъ четыре (Гумбиненъ,

ГРАФИКЪ.

Соотношеніе силъ въ различныхъ сраженіяхъ въ первыхъ операціяхъ (въ числѣ дивизій).

Злочевъ*), Гнилая Липа, Рава Русская-Верещица) разыгрывались на второстепенныхъ стратегическихъ направленіяхъ. Только одно, а именно, 2-й періодъ Люблинскаго сраженія, представлялъ собою побѣду, одержанную на важнѣйшемъ стратегическомъ направленіи. Но выигрышъ этого сраженія ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть занесенъ въ активъ плана войны. Напротивъ того, оно было выиграно потому, что Вел. Кн. Николай Николаевичъ внесъ исправленія въ планъ войны. Интересно замѣтить еще здѣсь, что Вел. Князю не удалось провести эти исправленія въ полной мѣрѣ, а именно направить сильный ударъ по обѣимъ берегамъ Вислы, т. е. разыграть рѣшительную часть сраженія возможно западнѣе, что до чрезвычайности затруднило бы отходъ А.-В. армій къ Кракову.

Разсматривая этотъ же графикъ, нельзя не обратить вниманіе на то, что изъ 9-ти случаевъ въ семи — поле сраженія очищается слабѣйшими по количеству силами. Начальныя сраженія ведутся съ обѣихъ сторонъ войсками, которыя, по своимъ свойствамъ ближе къ профессіональнымъ войскамъ, чѣмъ къ милиціи, а потому, большое качественное различіе не могло имѣть мѣста и формула Наполеона — «Les gros bataillons ont toujours raison» — получала большую силу, чѣмъ въ послѣдующіе періоды войны. *Оба случая, представляющіе собою исключенія изъ этого правила, выиграны Русскими войсками.* Гумбиненъ противъ нѣмцевъ, Рава Русская-Верещица противъ Австро-Венгровъ. Несомнѣнно, что это должно быть отнесено къ доблести Русскихъ войскъ. Но кромѣ того, въ обоихъ случаяхъ на лицо привходящая данная, которая не позволяетъ считать эти два случая исключеніями изъ общаго правила. Подъ Гумбиненомъ на рѣшеніе командующаго Германской арміей — ген. Притвица, отступить — повліяло извѣстіе о вторженіи русской арміи № 2 (ген. Самсонова) въ Вост. Пруссію къ западу отъ Мазурскихъ озеръ. Отступленіе же изъ сраженія у Рава Русской и на Верещицѣ было рѣшено А.-В. Главнокомандующимъ, послѣ выясненія о выходѣ въ непосредственный тылъ дерущихся у Равы Русской А.-В. армій цѣлой русской арміи № 5 (ген. Плеве) и объ угрозѣ выхода въ дальній тылъ, на пути сообщенія съ Краковымъ, еще двухъ русскихъ армій — №№ 9 и 4.

Отсюда видно, что въ обоихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто угроза большого прироста силъ противника и при этомъ на стратегически крайне опасныхъ направленіяхъ.

Изученіе первыхъ операцій на русскомъ фронтѣ подтверждаетъ основной законъ стратегіи: окончательная побѣда является результатомъ побѣды на рѣшающемъ направленіи. Такимъ рѣшающимъ направленіемъ оказалось въ первыхъ операціяхъ на Русскомъ фронтѣ Галиційское направленіе. Побѣда нашихъ армій Ю.-З. фронта *стратегически ликвидировала пораженіе нашихъ армій С.-З. фронта.*

Но наше наступленіе въ Галиційскомъ направленіи не представляло собой прямого стратегическаго воздѣйствія на главнаго врага — Германію. Какъ говорилось въ своемъ мѣстѣ выше, наша побѣда на этомъ направленіи могла заставить Германію оттянуть часть своихъ силъ изъ Франціи лишь въ томъ случаѣ, если наша побѣда грозила сокрушеніемъ А.-В. армій. Въ этомъ случаѣ, прибытіе нѣмецкихъ войскъ было несомнѣнно, ибо Германія, конечно, не могла допустить выбытія изъ рядовъ своего союзника. Между тѣмъ,

*) Золотая Липа.

ѣенно-географическія условія, въ которыхъ находились А.-В. арміи, собранныя въ Галиціи, были таковы, что атакующіе Русскіе, заносившіе свой главный ударъ вдоль Вислы, грозили, въ случаѣ своей побѣды, поставить А.-В. арміи въ катастрофическое положеніе. На приведенномъ нѣсколькими страницами выше графикѣ о стратегическомъ сосредоточеніи нашей Дѣйствующей Арміи осенью 1914 г.*), наглядно видно раздѣленіе нашего сосредоточенія на два эшелона: первый заключалъ въ себѣ всѣ корпуса Европейской Россіи (за исключеніемъ XXII Финляндскаго), второй заключалъ въ себѣ корпуса Азіатской Россіи, Кавказскіе и Финляндскій.

Раньше окончанія прибытія корпусовъ перваго эшелона, Россія не могла начать рѣшительное наступленіе. Это приводитъ насъ къ 30-му дню. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы считать такимъ срокомъ и 24-й день, но это былъ уже крайній предѣлъ ускоренія. Какъ мы знаемъ, на 24-й день и началось общее наступленіе нашей Ю.-З. группы армій.

Изъ 26 корпусовъ перваго эшелона, 20 могли быть сосредоточены на Ю.-З. фронтѣ, образуя въ предѣлахъ нашего Передового Театра массу до 14 корпусовъ, вмѣсто 7 корпусовъ, сосредоточенныхъ тамъ нашимъ планомъ войны. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, зная теперь ходъ событій, что при подобной группировкѣ силъ А.-В. Армія была бы отрѣзана отъ Кракова и прижата къ Карпатамъ, если бы Германцы спѣшно не подвезли на помощь значительныя силы.

Остается только отмѣтить въ какихъ предѣлахъ времени могло оказать свое стратегическое воздѣйствіе наше наступленіе въ Галиціи, веденное въ указанныхъ нами выше условіяхъ силы.

Для выясненія этого вопроса мною составленъ нижеприведенный графикъ . Вертикальныя линіи, проведенныя на этомъ графикѣ какъ меридіаны, представляютъ собою дни русской мобилизаціи. Ломанная линія, пересѣкающая діаграмму и начинающаяся на лѣвомъ краю цифрой 42, изображаетъ кривую наростанія числа пѣх. дивизій въ русскихъ дѣйствующихъ арміяхъ. Другая линія, начинающаяся цифрой 47 изображаетъ число непріятельскихъ пѣхотныхъ дивизій, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ. Надъ этой линіей проведена еще одна линія, выражающая фактическую боевую силу непріятеля, выраженную въ оперативныхъ единицахъ эквивалентныхъ русскимъ пѣхотнымъ дивизіямъ.

Мы видимъ, что пересѣченіе послѣдней линіи съ кривой "русскихъ пѣхотныхъ дивизій" происходитъ около 25-го дня.

Такимъ образомъ, благодаря запаздыванію А.-В. сосредоточенія, начало нашего рѣшительнаго наступленія совпадало бы съ моментомъ, послѣ котораго мы переходили въ періодъ нашего общаго превосходства въ силахъ.

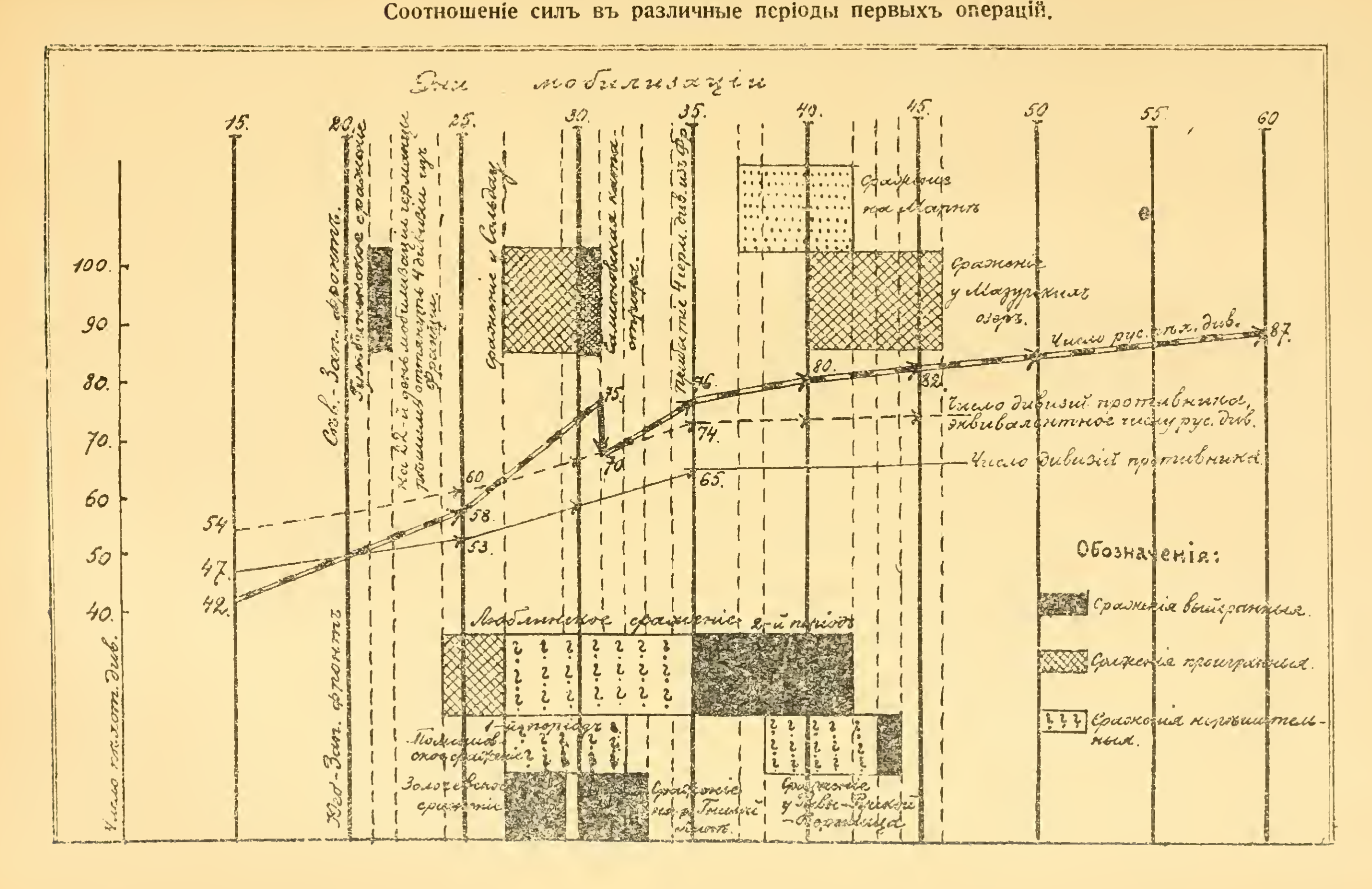
Въ нижней части графика, въ соотвѣтствующіе дни русской мобилизаціи, обозначены сраженія, разыгранныя въ Галиціи. Въ верхней части той же діаграммы, такимъ же образомъ, нанесены сраженія, происходившія въ Вост. Пруссіи. Наконецъ, на самомъ верху, обозначено время Марнскаго сраженія.

Если сопоставить даты этихъ сраженій, то мы увидимъ, что сокрушающій характеръ Русской побѣды въ Галиційской операціи, проведенной въ указанной нами выше желательной формѣ, могъ бы уже начать выясняться

*) См. стр. 234.

ГРАФИКЪ.

Соотношеніе силъ въ различные періоды первыхъ операцій.

не позднѣе 35-го дня. Въ самомъ дѣлѣ, при наличіи очень сильнаго праваго крыла нашей Ю.-З. группы армій, не было бы неудачнаго начала Люблинскаго сраженія и послѣднее сократилось бы, по крайней мѣрѣ, на тѣ три дня, въ которые наша Армія № 4 понесла частичное пораженіе. Весьма вѣроятно, что сокрушающій характеръ русской побѣды выяснился бы еще раньше, но для убѣдительности я исхожу изъ самаго осторожнаго оперативнаго расчета.

Марнское сраженіе началось на 37-ой день. Такимъ образомъ, воздѣйствіе нашей побѣды въ Галиціи могло бы не успѣть отразиться на французскомъ фронтѣ.

Въ этомъ лежитъ моральное оправданіе Вел. Кн. Николая Николаевича, костхрый не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ обѣщанія ген. Жилинскаго — вторгнуться въ Вост. Пруссію.

Но если мы посмотримъ на интересующій насъ вопросъ не съ точки зрѣнія Верховнаго Главнокомандующаго, выполняющаго установленный уже планъ войны, а съ точки зрѣнія самаго составленія этого плана, то мы прійдемъ къ другимъ, особенно интереснымъ для нашего общаго заключенія стратегическимъ выводамъ: если французы не начали бы войну съ немедленнаго же, послѣ окончанія ихъ сосредоточенія, рѣшительнаго наступленія, съ цѣлью захвата Эльзаса-Лотарингіи, а придержались бы выжидательной стратегіи, то "кризисъ", подобный Марнѣ, если вообще ему было бы суждено разыграться, произошелъ бы позже и, во всякомъ случаѣ, настолько позже, что наше непрямое стратегическое воздѣйствіе посредствомъ побѣды въ Галиціи, успѣло бы оказать свое воздѣйствіе на французскій фронтъ.

Такимъ образомъ, катастрофа, происшедшая въ арміи ген. Самсонова, явилась, въ полномъ значеніи этихъ словъ, искупительной жертвой за ошибки Франко-Русскаго плана войны.

Какъ видно изъ этого графика, рѣшеніе нѣмцевъ оттянуть изъ Франціи два корпуса послѣдовало на 22-й день, т. е. на слѣдующій день послѣ Гумбиненскаго сраженія. Эти корпуса въ, такъ называемомъ нѣмцами, "Танненбергѣ" участія не приняли.

Такимъ образомъ, они были не нужны въ Вост. Пруссіи; уходъ же ихъ изъ Франціи повліялъ на проигрышъ нѣмцами Марны. Можно безъ преувеличенія сказать, что переброска этихъ двухъ корпусовъ съ Западнаго Германскаго фронта на ихъ Восточный фронтъ, представляла собою самую грубую стратегическую ошибку, совершенную во время Великой войны какой либо воюющей стороной.

Здѣсь невольно возникаетъ одинъ привходящій вопросъ, отвѣтъ на который тѣсно связанъ съ нашимъ общимъ заключеніемъ. Можно ли строить планъ войны на предположеніи ошибокъ противника? Вышеупомянутая оттяжка Германскимъ Главнокомандующимъ двухъ корпусовъ изъ Франціи подсказываетъ, какъ будто, утвердительный отвѣтъ. Грубая ошибка нашего главнаго врага покрыла собою крупные дефекты нашего плана войны и привела къ тому, что начальный періодъ былъ нами выигранъ не только для себя, но и для союзниковъ.

Но это только поверхностное заключеніе. Подобно тому, какъ шахматный игрокъ не долженъ строить своихъ комбинацій въ расчетѣ на зѣвки противника, подобно этому и стратегическіе расчеты должны быть основаны на совершенно положительныхъ данныхъ.

Ошибки, конечно, будутъ. Но при научно составленномъ планѣ войны ошибки противника явятся только цѣнными подарками, облегчающими веденіе задуманныхъ операцій.

Несомнѣнно, что использованіе этихъ ошибокъ требуетъ отъ полководца дара интуиціи. Но это только лишній разъ указываетъ на то, что стратегія есть одновременно и наука и искусство.

Въ какой же мѣрѣ современная стратегія стала наукой, наиболѣе ярко доказывается той вѣрностью предвидѣнія, которая оказалась доступной ген. гр. Милютину и его сотрудникамъ.

Потоками лишней крови и пораженіями заплатила Русская Армія за отказъ ея послѣднихъ руководителей отъ Милютинскихъ предвидѣній. Возвращеніе же къ этимъ идеямъ, было немедленно же увѣнчано побѣдами и выйгрышемъ осенней кампаніи 1914 года.

Приложеніе

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТЪ ОПЕРАЦІИ ВЪ ГАЛИЦІИ, СОСТАВЛЕННЫЙ АВТОРОМЪ ВЪ ДУХѢ «МИЛЮТИНСКОЙ СТРАТЕГІИ».

Намъ такъ часто приходилось сѣтовать па непримѣненіе оперативнаго метода Мольтке въ предвоенныхъ стратегическихъ работахъ нашего Генеральнаго Штаба, что теперь, дабы не ограничиваться одной только критикой, мы попытаемся разсмотрѣть — во что могъ бы вылиться планъ нашей первой операціи въ Галиціи, если бы этотъ методъ былъ бы примѣненъ.

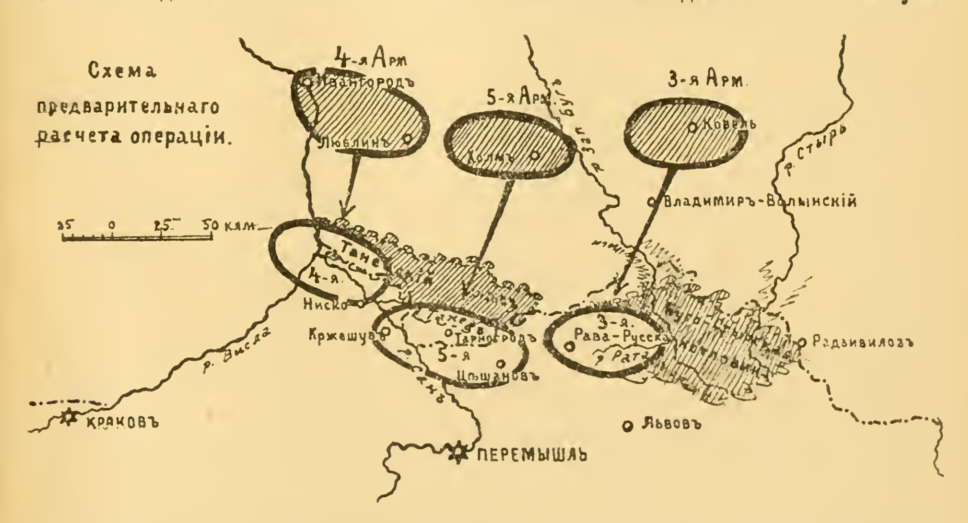
Исходить мы будемъ изъ тѣхъ силъ, которыя были предназначены въ составъ Ю.-З. фронта, по плану войны 1912 г.

Это были:

XIV и XIX кор-са Варшав. воен. окр.,
IX, X, XI, XII, XXI кор-са Кіев. воен. окр.,
Грен., V, XVII, XXV кор-са Моск. воен. окр.,
XVI, XXIV кор-са Казан. воен. окр.,
VII кор-съ Одес. воен. окр.,
XX кор-съ Вилен. воен. окр.,
III Кавк. кор-съ съ Кавказа.
Всего: 33½ перволинейныхъ и 13 второлинейныхъ пѣх. див.
18½ кон. див.

Не будемъ повторять здѣсь доказательствъ того, почему нельзя было задаваться идеей розыгрыша въ Галиціи генеральнаго сраженія въ видѣ «Каннъ». Нужно было искать другой формы операціи, которая могла бы тоже привести къ сокрушающей побѣдѣ надъ врагомъ. Такой формой являлось наступленіе съ сильнымъ правымъ флангомъ, отрѣзывающимъ австро-венгерскія арміи отъ ихъ главныхъ коммуникаціонныхъ путей, отходящихъ изъ Зап. Галиціи.

Для этого, прежде всего, намъ надлежало овладѣть нижнимъ теченіемъ р. Сана. Это и должно было быть поставлено ближайшей задачей нашего наступле-

нія. Но на пути къ р. Сану русскіе войска должны были пройти черезъ полосу Таневскихъ лѣсовъ, протягивающихся отъ р. Вислы у устья р. Сана до раіона Рава-Русской. Эта полоса, имѣвшая въ длину около 100 клм. и въ ширину

18-25 клм., представляла собою покрытую сплошнымъ лѣсомъ, мѣстами болотистую, мѣстами песчаную, низменность. Дорожная сѣть, проходящая по этой лѣсной полосѣ, была сравнительно съ прилегающими съ сѣвера и, въ особенности, съ юга раіонами, рѣдкой; между дорогами, пересѣкающими насквозь Таневскую лѣсную полосу, не было ни одной шоссированной. Вслѣдствіе этого, прохожденіе нашими войсками Таневскихъ лѣсовъ могло быть сопряжено съ потерей времени. Для облегченія этого прохожденія имѣлъ большое значеніе захватъ нами раіона Рава-Русской. Появленіе крупныхъ нашихъ силъ въ этомъ раіонѣ, лежащемъ внѣ и на флангѣ Таневскихъ лѣсовъ, облегчало дебушированіе нашихъ войскъ изъ этихъ лѣсовъ.

Раіонъ Рава-Русской имѣлъ еще одно важное стратегическое значеніе. Къ востоку отъ него начиналась лѣсисто-болотистая полоса р. Раты, притока р. Буга. По другую сторону р. Буга продолженіемъ этой лѣсисто-болотистой полосы являлась Буго-Стырская котловина, тянущаяся отъ устья р. Раты на Радзивилловъ. Эта котловина была въ значительной своей части покрыта лѣсами и пересѣчена рѣчками въ болотистыхъ долинахъ. Хотя Буго-Стырская котловина и обладала достаточно развитою сѣтью дорогъ и была доступна для марша-маневра даже значительныхъ массъ, въ особенности въ сухое время года, тѣмъ не менѣе она не могла служить для веденія крупнаго маневреннаго армейскаго сраженія. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ долиной р. Раты и полосой Таневскихъ лѣсовъ, Буго-Стырская котловина являлась разъединяющимъ рубежомъ между генеральнымъ маневреннымъ сраженіемъ, завязавшимся на подступахъ къ Люблину, Холму, Владиміру-Волынску, и таковымъ же на подступахъ къ Львову. Связующимъ перешейкомъ между ними могъ служить лишь раіонъ Рава-Русской. У послѣдней и образовался важный узелъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ.

Вышеуказанная военно-географическая данная усиливала стратегическое значеніе захвата нами крупными силами Рава-Русскаго раіона, такъ какъ это облегчало намъ дальнѣйшій маневръ въ томъ случаѣ, если бы главныя силы австро-венгровъ оказались бы не въ Западной, а въ Восточной Галиціи. Въ этомъ случаѣ главныя силы нашего Ю.-З. фронта должны были продолжать свое наступленіе не на ю.-з., а на ю.-в., въ общемъ направленіи на Львовъ.

Итакъ мы поставили двѣ вѣхи для того фронта, на который должны были прежде всего выйти силы Ю.-З. фронта, предназначенныя для участія въ главной операціи, — это были Нижній Санъ и Рава-Русскій раіонъ.

Совершенно естественна наша тенденція сдѣлать наши главныя силы наиболѣе могущественными. Для предварительнаго расчета будемъ считать, что мы оставимъ для выполненія второстепенныхъ и вспомогательныхъ стратегическихъ операцій не болѣе 1/4 силъ фронта. Это даетъ намъ, для нанесенія главнаго удара около 35 пѣх. дивизій. Общій фронтъ при подходѣ къ полю генеральнаго сраженія можетъ исчисляться въ 5 клм. на 1 пѣх. дивизію; слѣдовательно, нуженъ фронтъ въ 175 клм.

Раіонъ Рава-Русской отстоитъ отъ р. Вислы въ 150 клм. Слѣдовательно, направивъ лѣвофланговую нашу армію на Рава-Русскую, наша правофланговая армія пойдетъ по обѣимъ берегамъ р. Вислы. Такое положеніе правофланговой арміи «à cheval» на Вислѣ, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ тому случаю, если бы главныя австро-венгерскія силы оказались бы не въ Вост., а въ Зап. Галиціи.

Управленіе 35-ю пѣх. дивизіями должно было быть распредѣлено между тремя Штабами армій. Слѣдовательно, въ маршѣ-маневрѣ на фронтъ Ниж. Сана - Рава-Русская должны участвовать Штабы всѣхъ трехъ нашихъ армій Ю.-З. фронта.

Распредѣляя теперь ближайшую стратегическую задачу фронта между арміями, мы можемъ формулировать армейскія заданія такъ:

армія № 4 — овладѣть Ниж. Саномъ до Ниско, вкл.

армія № 5 — выйти на фронтъ Кржешувъ-Цѣшанувъ,

армія № 3 — выйти въ раіонъ Рава-Русской.

Рѣшивъ, такимъ образомъ, первый ходъ нашей наступательной операціи, посмотримъ теперь, какое исходное положеніе должно было быть создано для того, чтобы этотъ ходъ былъ возможенъ.

Московское Совѣщаніе Нач. Окр. Штабовъ и ихъ ген.-квартирмейстеровъ рекомендовало главный ударъ противъ австро-венгровъ вести въ самомъ опасномъ для нихъ направленіи, съ фронта Ивангородъ-Люблинъ-Холмъ-Ковель[1]).

Подобное развертываніе вполнѣ отвѣчаетъ задуманному нами первому «ходу».

Теперь надлежитъ рѣшить другой существенный вопросъ, вопросъ о соотвѣтствующей организаціи перевозокъ по сосредоточенію.

На прилагаемой схемѣ указано, какъ эти перевозки были намѣчены планомъ 1912 г. и какъ слѣдовало организовать ихъ въ случаѣ предположеннаго нами стратегическаго развертыванія главныхъ силъ на фронтѣ Ивангородъ-Ковель.

Сравнивая между собою эти перевозки, мы увидимъ слѣдующее различіе:

а) одинъ Казанскій корпусъ (XXIV), направляемый планомъ войны въ Проскуровскую группу 3-й арміи, направляется нами къ Ивангороду; напомнимъ читателю, что ген. М. В. Алексѣевъ въ своей запискѣ отъ 15-го марта 1912 г. поступалъ также[2]).

б) Перевозки корпусовъ Кіевскаго воен. окр. продолжены нами до Ковеля, а Кавказскаго корпуса (III-го) до Ивангорода.

в) Перевозки корпусовъ Московскаго воен. окр. изъ Бр.-Литовска повернуты не на Ковель, а на Люблинъ.

Всѣ эти перевозки могли быть закончены:

въ 3-й арміи — на 30 день мобилизаціи,

въ 5-й арміи — на 35 день мобилизаціи,

въ 4-й арміи — на 40 день мобилизаціи.

Такимъ образомъ 3-я армія могла начать наступленіе въ операціонномъ направленіи на Рава-Русскую первой. Это вполнѣ отвѣчало интересамъ нашего перваго стратегическаго хода, такъ какъ, во-первыхъ, операціонная линія 3-й арміи была болѣе длинной, чѣмъ операціонныя линіи 4-й и 5-й армій; во-вторыхъ, выдвиженіе 3-й арміи въ раіонъ Рава-Русской уступомъ впередъ, облегчало дебушированіе изъ Таневскихъ лѣсовъ арміи № 5; въ-третьихъ, начавшееся ранѣе, чѣмъ въ 4-й и 5-й арміяхъ наступленіе 3-й арміи, могло отвлечь вниманіе противника отъ первыхъ двухъ.

Переходъ въ наступленіе 4-й и 5-й армій могъ начаться на 35-й день. Въ 4-й арміи опаздывали къ этому сроку: III-й Кавк. корпусъ и одна второочередная пѣх. дивизія. Эти силы могли составить уступъ за правымъ флангомъ этой арміи.

До сихъ поръ всѣ наши оперативные расчеты являлись отвѣтомъ на первый вопросъ метода Мольтке: «чего мы хотимъ?». Теперь мы продумаемъ отвѣтъ на другой вопросъ: «какъ можетъ непріятель помѣшать выполне-

---

1) См. стр. 48.

2) См. стр. 60.

СХЕМА.

перевозокъ по плану 1912 г. и въ случаѣ стратегическаго развертыванія глав. силъ на фронтѣ Ивангородъ-Ковель.

нію нами того, чего мы хотимъ»; на основаніи этихъ отвѣтовъ мы и введемъ въ принятое нами здѣсь рѣшеніе тѣ поправки, которыя окажутся безусловно необходимыми.

Значительно болѣе ранняя готовность австро-венгровъ позволяла имъ начать свое наступленіе на 20 дней раньше насъ. Въ этотъ періодъ нашего вынужденнаго стратегическаго выжиданія, лейтъ-мотивомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій должна была быть не остановка непріятеля на всѣхъ операціонныхъ направленіяхъ, а лишь *канализація* его на тѣхъ изъ нихъ, продвиженіе по которымъ главныхъ силъ врага облегчало бы рѣшенное нами нанесеніе удара съ фронта Ивангородъ-Ковель.

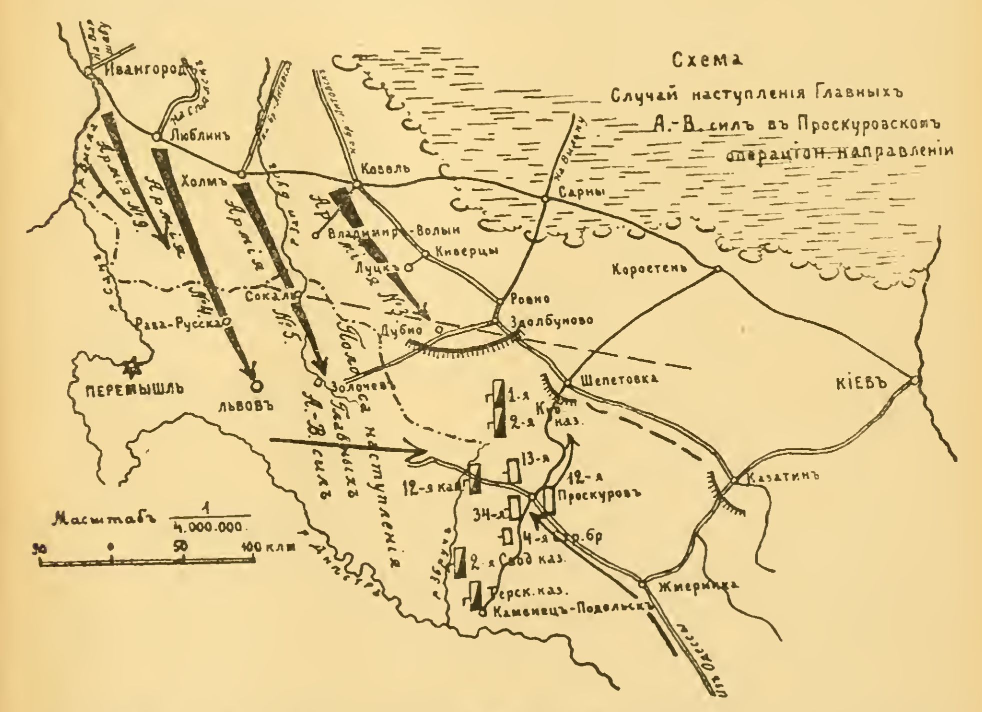
Съ этой точки зрѣнія наиболѣе желательнымъ для насъ являлось углубленіе противника въ Проскуровскомъ направленіи.

Углубленіе непріятеля въ Дубно-Ровненскій районъ было намъ стратегически непріятно лишь постолько — посколько оно могло прервать стратегическія перевозки по жел.-дор. магистрали Казатинъ-Шепетовка-Ковель. Однако, и этотъ перерывъ не могъ имѣть рѣшающаго стратегическаго значенія.

Наступленіе непріятеля на Бр.-Литовскъ по правому берегу р. Буга грозило намъ въ первую очередь потерей Ковельскаго жел.-дор. узла. Эта потеря была намъ болѣе чувствительна, нежели потеря Ровненскаго узла.

Наконецъ, проникновеніе непріятеля между р. Бугомъ и р. Вислой являлось для насъ стратегически очень непріятнымъ, причемъ, съ приближеніемъ къ р. Вислѣ, уступка нами территоріи была для будущихъ активныхъ нашихъ дѣйствій очень опасной. Здѣсь, въ районѣ Ивангорода, непріятель долженъ былъ быть остановленъ во что бы то ни стало. Иначе, задуманное нами наступленіе подрывалось въ своей основѣ. Отсюда и безусловная необходимость наличія въ Ивангородѣ крѣпости, которая должна была послужить устоемъ праваго фланга Ю.-З фронта въ критическій для насъ періодъ обладанія противникомъ инициативой въ дѣйствіяхъ.

Начнемъ нашъ анализъ съ разсмотрѣнія наступленія главныхъ австро-венгерскихъ силъ въ Проскуровскомъ направленіи.

Примемъ силу австро-венгровъ, по даннымъ нашего Г. У. Г. Ш. равной 42-47 пѣх. дивизіямъ и предположимъ, что наши враги съумѣютъ сосредоточить для выполненія своей главной задачи 31-36 пѣх. дивизій (три четверти своихъ силъ). Для наступленія этихъ силъ, считая по 5 клм. на дивизію, требовалось пространство шириной въ 150-180 клм.

Стало быть, лѣвый флангъ главныхъ австро-венгерскихъ силъ пойдетъ вблизи условной линіи Сокаль-Шепетовка.

Въ томъ случаѣ, если сосредоточеніе А.-В. армій произойдетъ въ Вост. Галиціи, онѣ могли, выступивъ на 16-й день мобилизаціи, подойти къ Проскурову на 23-й день. Захватъ Проскурова и дальнѣйшее продвиженіе вглубь страны, вплоть до Казатинскаго жел. дор. узла, при готовящемся нами ударѣ съ линіи Ивангородъ-Ковель, являлись стратегически опасными не намъ, а австро-венграмъ. Углубленіе главныхъ австро-венгерскихъ силъ въ Проскуровскомъ операціонномъ направленіи создавало для насъ столь выгодное стратегическое положеніе, что мы могли начать общее наступленіе 4-й, 5-й и 3-й армій до окончательнаго сосредоточенія. Важно было скорѣе использовать возможность нашего выхода въ раіонъ Львова на главные коммуникаціонные пути А.-В. армій.

Съ этой цѣлью 4-я армія должна была быть двинута по операціонной линіи Люблинъ-Рава Русская-Львовъ; 5-я армія — по операціонной линіи Холмъ-Сокаль-Золочевъ; 3-я же армія должна была дѣйствовать въ Дубно-Ровненскомъ раіонѣ, сковывая лѣвый флангъ врага.

Этотъ общій переходъ въ наступленіе могъ быть начатъ на 25-й день. Къ этому времени армія № 3 могла быть собрана полностью; въ арміи № 5 не хватало бы двухъ второочередныхъ пѣх. дивизій; въ армію же № 4 не могли еще прибыть XX, XXIV арм. и III Кавк. корпуса и три второочередныхъ пѣх. дивизіи.

Двѣ второочередныя дивизіи 5-й арміи могли составить резервъ командующаго этой арміи. Изъ частей же 4-й арміи у Люблина могла быть сформирована новая армія (№ 9), задачей которой было бы поставлено охраненіе тыла 4-й арміи со стороны р. Сана и выдвиженіе сильнаго уступа за правымъ флангомъ этой арміи.

На Проскуровскомъ направленіи намъ достаточно было имѣть лишь упругую завѣсу, которая не должна была позволить непріятельской кавалеріи заглянуть за эту завѣсу, дабы отсутствіе у насъ крупныхъ пѣхотныхъ силъ не заставило бы австро-венгерское Главнокомандованіе опомниться и отказаться отъ углубленія своихъ главныхъ силъ въ Проскуровскомъ операціонномъ направленіи. Для образованія нужной намъ завѣсы могли послужить: расквартированныя въ мирное время: въ г. Проскуровѣ 12-я кав. дивизія и въ г. Каменецъ-Подольскѣ 2-я Свод. каз. див. Къ нимъ прибывали: на 19-й-22-й дни — 1-я Куб. каз. див., на 20-29 дни — 2-я Куб. каз. див. и на 25-29 дни — Терская каз. див.

Кромѣ того, къ Проскурову, начиная съ 9-го дня, прибывали изъ Одес. воен. округа 4-я стр. бр. и VII арм. корп. (13-я и 34-я пѣх. див.). Войсковыя части этого корпуса заканчивали свое прибытіе на 17-й день мобилизаціи, а парки и тылы — на 21-й день. До прибытія въ Проскуровъ головныхъ войсковыхъ эшелоновъ Одес. воен. окр., поддержкой для нашей кав. завѣсы на пограничной р. Збручъ могли служить части 12-й пѣх. див. (XII к.), расквартированныя въ мирное время въ Проскуровѣ.

Имѣть на Проскуровскомъ направленіи болѣе одного корпуса (въ данномъ случаѣ VII-го съ 4-й стр. бр.), было не только излишне, но стратегически вредно. Оно могло соблазнить командующаго этой группой преждевременно ввязаться съ главными А.-В. силами въ слишкомъ рѣшительные бои, что, какъ мы видѣли, противорѣчило бы нашей основной стратегической идеѣ нанесенія главнаго удара съ фронта Люблинъ-Ковель. Составъ группы въ 5 конныхъ и 2½ пѣх. дивизіи вполнѣ отвѣчалъ маневренному характеру ея дѣйствій. Позиціонный характеръ борьба Проскуровской группы могла принять лишь для защиты непосредственныхъ подступовъ къ жел. дор. магистрали Шепетовка-Казатинъ, дабы не позволить прервать идущія по ней наши перевозки. Это предрѣшало посадку на жел.

дорогу частей XII корпуса, съ 9-го дня мобилизаціи, для переброски къ Ковелю.

Сохраненіе въ нашихъ рукахъ продолженія этой магистрали отъ Шепетовки на Здолбуново и Ровно, выпадало на долю группы 3-й арміи, которую нужно было оставить въ Дубно-Ровненскомъ раіонѣ.

Для опредѣленія силы этой группы мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другого возможнаго случая наступленія главныхъ силъ австро-венгровъ, а именно наступленія ихъ въ операціонномъ направленіи на Дубно-Ровно.

Наступленіе главныхъ силъ австро-венгровъ въ операціонномъ направленіи на Дубно-Ровно происходило бы въ полосѣ мѣстности, ограниченной съ с.-з. условной линіей Белжецъ-Владиміръ Вол.-Ковель, съ ю.-з. условной линіей Тарнополь-Шепетовка.

Случай наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Дубно-Ровненскомъ операціонномъ направленіи.

Въ томъ случаѣ, если сосредоточеніе А.-В. армій состоялось бы въ Вост. Галиціи, онѣ могли бы подойти къ Дубно на 21-й день мобилизаціи. На пути къ нему онѣ могли встрѣтить нашъ XI корпусъ, части котораго въ мирное время были расквартированы: 11-ая кав. див. въ Дубно, 11-я пѣх. див. въ Луцкѣ и 32-я пѣх. див. въ Ровно. На усиленіе XI-го корпуса могъ прибыть еще IX-й корпусъ: 9-я кав. див. на 5-й день, войска 5-й и 42-й пѣх. дивизій на 7-12 дни, парки и тылы — на 12-18 дни. На 7-й день могли прибыть 10-я кав. див. и 3я стр. бриг. Къ 21-му дню могли быть подвезены еще двѣ второочередныхъ пѣх. дивизіи (58-я и 78-я).

Можно было расчитывать, что силы группы въ 6½ пѣх. и 3 кон. дивизіи, собираемыя въ раіонѣ Луцкъ-Дубно-Ровно, окажутся достаточными, чтобы обезпечить главныя стратегическія перевозки 3-й арміи по магистрали Шепетовка-Ковель, оканчивающіяся на 25-й день [1]). Используя долину р. Иквы и очень удоб-

1) Послѣ 25-го дня по этой магистрали должна была пойти часть эшелоновъ III

ный для обороны пересѣченный раіонъ Дубно-Ровненскихъ садовъ, эта группа могла задержать продвиженіе противника и еще дольше.

Къ 25-му дню мобилизаціи присутствіе главныхъ А.-В. силъ на Дубно-Ровненскомъ направленіи могло быть уже точно выяснено, а потому 4-я и 5-я арміи могли начать рѣшительное наступленіе, не дожидаясь своего окончательнаго сосредоточенія.

На 30-й день въ 5-й арміи не хватало бы одной второочередной пѣх. дивизіи. Въ 4-й же: XXIV-го Арм. и III-го Кавк. корпусовъ и трехъ второочередныхъ пѣх. дивизій. 5-я армія, продвинутая по операціонной линіи Холмъ-Сокаль, могла бы на 35-й день, совмѣстно съ Ковельской группой 3-й арміи, начать рѣшительныя дѣйствія противъ лѣваго фланга А.-В. главныхъ силъ. Армія № 4 могла бы быть двинута впередъ на 30-й день по операціонной линіи Люблинъ-Рава Русская и выйти въ раіонъ послѣдней къ 40-му дню. Отсюда она угрожала бы, захватомъ Львовскаго жел.-дор. узла, прервать всѣ сообщенія главныхъ А.-В. силъ съ Зап. Галиціей. Обезпеченіе этого марша-маневра 4-й арміи со стороны р. Сана могло быть произведено тѣмъ же способомъ, который былъ уже указанъ выше, а именно — образованіемъ у Люблина новой арміи (№ 9), состоящей изъ запаздывающихъ къ 30-му дню прибытіемъ XXIV и III Кавк. корпусовъ, и трехъ второочередныхъ пѣх. дивизій.

Изслѣдованіе варіантовъ наступленія главныхъ А.-В. силъ по Проскуровскому и по Дубно-Ровненскому направленіямъ указало намъ на размѣры тѣхъ силъ, которыя должны быть тамъ оставлены для стратегическаго обезпеченія задуманной нами операціи. За израсходованіемъ этихъ частей, изъ войскъ Кіевскаго воен. окр. оставались: X, XII и XXI корпуса въ составѣ шести полевыхъ пѣх. дивизій (9-я, 12-я, 19-я, 31-я, 33-я и 34-я) и три второочередныхъ пѣх. дивизіи (60-я, 65-я и 69-я). Эти девять пѣх. дивизій и могли быть перевезены въ Ковель, дабы составить ту группу 3-й арміи, которая должна была участвовать совмѣстно съ 5-й и 4-й арміями въ нанесеніи главнаго удара. Прибытіе въ Ковель этихъ частей могло произойти въ слѣдующіе сроки: корпуса — между 9 и 18 днями, второочередныя дивизіи — между 21 и 25 днями.

Кавалерію группы корпусовъ, сосредоточивающихся въ раіонѣ Ковеля, могли составить: 7-я кав. див., расквартированная въ мирное время во Владимиръ-Волынскѣ, и 3-я Кавк. каз. див., могущая прибыть къ 20-му дню.

Такимъ образомъ, согласно нашему плану, стратегическое развертываніе 3-й арміи должно было быть произведено въ трехъ группахъ:

1) Ковельская — въ составѣ 9 пѣх. и 2 кон. див.

2) Дубно-Ровненская — въ составѣ 6½ пѣх. и 3 кон. д.

3) Проскуровская — въ составѣ 2½ пѣх. и 5 кон. див.

Какъ мы говорили выше[1]), Совѣщаніе Начальниковъ Окр. Штабовъ и ихъ ген.-квартирмейстеровъ, имѣвшее мѣсто въ Москвѣ въ мартѣ 1912 г., указало на желательность раздѣленія 3-й арміи на двѣ арміи: № 3 и № 8. При нашемъ проектѣ операціи, это является не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ. Характеръ оперативныхъ задачъ, возлагаемыхъ на Ковельскую группу, съ одной стороны, и на Дубно-Ровненскую и Проскуровскую, съ другой, былъ стратегически слишкомъ различенъ. Ковельская группа участвовала въ

Кавк. корпуса; въ томъ случаѣ, если эта магистраль оказалась бы подъ угрозой непріятельскаго прорыва, эти перевозки могли быть перенесены на магистраль Гомель-Брестъ-Литовскъ.

[1]) См. стр. 50.

главномъ ударѣ, Дубно-Ровненская и Проскуровская группы выполняли второстепенныя стратегическія задачи. При объединеніи руководства всѣми тремя группами въ рукахъ одного командующаго арміей, являлась опасность психологическаго рода. Подъ давленіемъ чувства отвѣтственности за Дубно-Ровненское и Проскуровское направленія, командующій арміей могъ соблазниться усилить находящіяся тамъ группы за счетъ Ковельской. При превращеніи же Дубно-Ровненской и Проскуровской группъ въ армію № 8, командующій арміей № 3, которому подчинялась бы только Ковельская группа, подобнаго рѣшенія принять не могъ. Оно зависѣло бы непосредственно отъ Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ «связь по фронту» ослаблялась и опасность прорыва непріятеля на стыкѣ между Ковельской и Дубно-Ровненской группами увеличивалась. Но для выполненія того, «чего мы хотимъ», этотъ прорывъ стратегически былъ менѣе опасенъ, нежели уменьшеніе силъ Ковельской группы войскъ, которая должна была участвовать въ нанесеніи нами главнаго удара въ лѣвый флангъ Австро-Венгровъ.

Разсмотримъ теперь другіе два возможныхъ случая наступленія главныхъ силъ врага, а именно: по Брестъ-Литовскому и по Сѣдлецкому операціоннымъ направленіямъ.

Наступленіе главныхъ А.-В. силъ въ Бр.-Литовскомъ операціонномъ направленіи происходило бы въ полосѣ мѣстности, ограниченной съ запада р. Вислой, а съ востока р. Стырью. На 21-й день мобилизаціи Австро-Венгры могли подойти къ линіи Люблинъ - Владимиръ Вол. - Луцкъ.

Разсмотримъ сначала обстановку, создавшуюся въ раіонѣ между р. Вислой и р. Бугомъ. Необходимость удержанія въ нашихъ рукахъ до времени окончанія нашего сосредоточенія Люблинскаго и Холмскаго ж. д. узловъ сама собой понятна. Поэтому, собирающіяся здѣсь наши 4-ая и 5-ая арміи должны были встрѣтить наступающаго противника на заблаговременно укрѣпленныхъ позиціяхъ, защищающихъ подступы къ Люблину и Холму и протягивающихся отъ р. Вислы до р. Буга.

Атака такихъ позицій должна была потребовать отъ Австро-Венгровъ нѣсколькихъ подготовительныхъ дней. Поэтому мы вправѣ предполагать, что рѣшительная непріятельская атака можетъ послѣдовать лишь около 25-го дня мобилизаціи.

Къ этому дню къ находящимся уже здѣсь XIV и XIX корпусамъ Варш. воен. округа, прибывали еще Грен. V, XVII, XXV корпуса изъ Моск. воен. округа, XVI изъ Казанскаго воен. округа и 3 второочередныя пѣх. дивизіи — итого 17½ пѣх. дивизій. Фронтъ, на которомъ этимъ войскамъ приходилось принимать оборонительный бой, достигалъ 150 клм. Сила наступающихъ А.-В. войскъ могла быть двойной (31-36 пѣх. дивизій*).

Положеніе нашихъ — 4-ой и 5-ой армій создавалось трудное. Однако, оно облегчалось слѣдующимъ обстоятельствомъ: не на всемъ протяженіи занятая нашими войсками укрѣпленная позиція была стратегически равноцѣнной. Лишь западная ея часть, отъ р. Вислы до г. Люблина включительно, протяженіемъ въ 60 клм., представляла собой участокъ, который долженъ былъ быть удер-

*) Какъ мы указывали выше, мы предполагаемъ, что наши враги съумѣютъ сосредоточить для выполненія своей главной задачи 3/4 своихъ силъ (изъ 42-47 пѣх. див.).

жанъ нами во что бы то ни стало. Въ самомъ дѣлѣ, только въ томъ случаѣ, если бы въ нашихъ рукахъ оставался Ивангородо-Люблинскій раіонъ, мы сохраняли за собой возможность исполнить послѣ окончанія сосредоточенія то «чего мы хотимъ», а именно, нанося врагу главный ударъ нашимъ правымъ флангомъ, отрѣзать его отъ Кракова. Остальная часть позиціи, протяженіемъ въ 90 клм., представляла собой гораздо меньшую стратегическую цѣнность. Прикрываемый ею Холмскій ж. д. узелъ терялъ часть своего стратегическаго значенія послѣ 25-го дня, когда главныя перевозки по сосредоточенію, обслуживаемыя этимъ ж. д. узломъ, были закончены. Исходя изъ этихъ соображеній и должны были быть формулированы задачи 4-й и 5-й армій и распредѣлены между ними прибывающія до 25-го дня силы.

Изъ 7-ми перечисленныхъ выше корпусовъ, четыре должны были быть назначены въ 4-ую армію. Такимъ образомъ, къ тремъ — XIV, Грен. и XVI корпусамъ, предназначеннымъ планомъ войны 1912 г., какъ мы знаемъ, въ составъ 4-й арміи, нужно было прибавить еще одинъ изъ Московскихъ корпусовъ, напримѣръ, XXV корпусъ. Направивъ въ 4-ую армію двѣ изъ трехъ прибывающихъ къ 25-му дню второочередныхъ дивизій, мы получимъ составъ этой арміи таковымъ: XIV к. (18 и 45 пѣх. див., 2 стр. бриг.). XVI к. (41 и 47 п. д.), Грен. (1-ая и 2-ая гр. див.), XXV к. (3-я гр. и 46 пѣх. див.), двѣ второочередныхъ пѣх. дивизіи (70 и 75), всего 10½ пѣх. дивизій.

При наличіи такихъ силъ, мы могли потребовать отъ 4-ой арміи удержанія Ивангорода и участка укрѣпленной позиціи отъ р. Вислы до Люблина включительно *во чтобы то ни стало.*

Назначивъ въ распоряженіе 4-ой арміи 10½ изъ 17½ пѣх. дивизій, собирающихся къ 25-му дню, мы могли передать въ распоряженіе 5-ой арміи лишь 7 пѣх. дивизій, а именно: XIX к. (17 и 38 пѣх. див.), V-й к. (7 и 10 п. д.), XVII к. (3 и 35 п. д.) и одну второочередную пѣх. дивизію (61-ю). Разсчитывать, что эти силы, развернутыя на фронтѣ въ 90 клм., въ состояніи оказать столь же упорную оборону, какъ 4-ая армія, было бы неправильно. Поэтому надлежало предвидѣть ихъ осаживаніе. Послѣднее могло быть произведено послѣ 25-го дня на линію Люблинъ-Влодава, для чего по этой линіи должна была быть заготовлена тыловая укрѣпленная позиція. Удержаніе 5-ой арміей этой новой укрѣпленной позиціи во что бы то ни стало до 35-го дня можно было потребовать. За эти десять дней на усиленіе 5-ой арміи могли прибыть четыре второочередныя пѣх. дивизіи (55, 80, 81 и 83). Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, если главнокомандующій призналъ бы это нужнымъ, на усиленіе 5-ой арміи могъ быть направленъ III-й Кавк. корпусъ, головные эшелоны котораго прибывали на 29-й день. Конечно, подобное рѣшеніе главнокомандующаго могло послѣдовать лишь въ случаѣ крупной неустойки въ 5-ой арміи. Иначе, III-й Кавк. корпусъ долженъ былъ бы продолжать свою перевозку къ Ивангороду.

Осаживаніе лѣваго фланга 5-ой арміи къ Влодавѣ, въ случаѣ наступленія главныхъ А.-В. силъ въ направленіи на Бр.-Литовскъ, шло намъ даже на пользу.
Создавалось выгодное исходное положеніе для наступленія нашей 4-ой арміи въ охватъ лѣваго австро-венгерскаго фланга.

Это наступленіе могло начаться между 35 и 40 днями. Къ 35-му дню, въ раіонѣ 4-й арміи заканчивалось прибытіе XX-го (28 и 29 п. д.), XXIV (48 и 49 п. д.), а къ 40-му дню III Кавк. корп. (21 и 52 п. д.) и одной второочередной пѣх. див. (82).

Собравшiяся въ 4-ой армiи силы достигали, въ этомъ случаѣ, 7 корпусовъ, при 17½ пѣх. див. Это вызывало желательность, для удобства управленiя, подраздѣленiя ихъ на двѣ армiи: 4-ую и 9-ую.

Изслѣдовавъ вопросъ о наиболѣе выгодномъ распредѣленiи по армiямъ нашихъ пѣх. дивизiй, собирающихся къ западу от. р. Буга, разсмотримъ аналогичный вопросъ для нашихъ кав. дивизiй.

Къ вечеру перваго же дня мобилизацiи, на мѣстѣ, въ полной готовности, находилась 14-ая кав. див. и 1-я Дон. каз. див. Расположенiе штабовъ этихъ дивизiй — 14-й въ г. Ченстоховѣ и 1-й Дон. каз. див. въ Замостьѣ предрѣшало ихъ вхожденiе въ составъ армiй: 14-й въ 4-ую армiю, 1-ой Дон. каз. въ 5-ую армiю. Рѣшающая стратегическая роль предназначалась 4-ой армiи. Задуманный нами маневръ, въ связи съ ея фланговымъ положенiемъ, требовалъ придачи ей очень многочисленной кавалерiи. Въ особенности же нужна была сильная конница на западномъ берегу Вислы. Поэтому, сюда то и должна была быть направлена подавляющая часть изъ сосредоточивающихся на Передовомъ театрѣ частей конницы.

Первой могла собраться здѣсь 13-ая кав. див. (штабъ въ Варшавѣ); затѣмъ на 20-й день мобилизацiи могла прибыть 3-я Дон. каз. див.; на 28-й день — 4-ая Дон. каз. див.; на 31-й день — 5-ая Дон. каз. див. Собранныя на лѣвомъ берегу Вислы эти пять конныхъ дивизiй составили бы достаточную силу для того, чтобы дать 4-ой армiи возможность углубить возможно больше свой охватный маневръ.

Позднее прибытiе трехъ Дон. каз. дивизiй заставляло предвидѣть усиленiе конницы дѣйствующей на лѣвомъ берегу Вислы для выполненiя выпадающей на нее задачи въ перiодъ стратегическаго сосредоточенiя — прикрыть пути, ведущiе отъ Кракова на Ивангородъ. Для такого усиленiя могла быть использована 2-ая стр. бригада. (XIV корпусъ), штабъ которой въ мирное время былъ расположенъ въ г. Радомѣ.

Возникалъ также вопросъ о снабженiи 4-й армiи дополнительной конницей для дѣйствiй на восточномъ берегу р. Вислы, непосредственно передъ фронтомъ этой армiи. Для сего могли бы послужить: прибывавшая на 6-й день Отдѣльная гв. кав. бриг., прибывавшая на 8-й день 2-ая отд. кав. бриг. и на 9-й день 3-я отд. кав. бриг. Бригадная организацiя кавалерiи, предназначаемой нами для дѣйствiй передъ фронтомъ 4-й армiи отвѣчала мѣстнымъ военно-географическимъ условiямъ.

Тянущаяся вдоль нашей границы съ Галицiей полоса Таневскихъ лѣсовъ не благопрiятствовала дѣйствiю крупныхъ соединенiй конницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, работающая здѣсь кавалерiя нуждалась въ непосредственной и сильной пѣхотной поддержкѣ. Поэтому, наиболѣе правильнымъ способомъ развѣдывательныхъ дѣйствiй передъ фронтомъ 4-й армiи являлось сформированiе смѣшанныхъ развѣдывательныхъ отрядовъ.

Изъ конныхъ дивизiй, предназначенныхъ планомъ войны на Ю.-З. фронтѣ, оставалась еще Уральская каз. див., прибывавшая лишь на 41-й день мобилизацiи. Въ виду столь поздняго прибытiя, эта дивизiя могла оставаться вплоть до подхода ея головныхъ ж. д. эшелоновъ къ Бр.-Литовску (около 35 дня) въ распоряженiи Главнокомандующаго. Послѣднiй могъ, въ случаѣ прорыва А.-В. въ Бр.-Литовскомъ направленiи, использовать ее для затягиванiя вершины этого прорыва. Если же такой надобности не явилось бы, головные эшелоны Ур. каз. див. должны были быть направлены въ Ивангородъ для еще большаго усиленiя дѣйствовавшей на западномъ берегу Вислы конницы.

Разсмотримъ теперь обстановку, создающуюся въ случаѣ наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Бр.-Литовскомъ операціонномъ направленіи въ раіонѣ къ востоку отъ р. Буга.

На 21-й день правое крыло А.-В. главныхъ силъ, наступающихъ на Бр.-Литовскомъ операціонномъ направленіи,подходило къ Владиміру-Вол. и Луцку.

Какъ мы знаемъ изъ сказаннаго выше, къ Ковелю могли быть подвезены изъ Кіев. воен. округа 6 полевыхъ пѣх. дивизій (X, XII и XXI корпуса) и три второочередныхъ дивизіи. Это прибытіе происходило въ слѣдующіе сроки: полевыя дивизіи между 9 и 18 днями, второочередныя — между 21 и 25 днями.

Совершенно естественно наше желаніе не допустить захвата небольшими А.-В. силами Владиміра Вол., представлявшаго собой головную станцію ж. д., нужной намъ въ случаѣ наступленія 3-й арміи на Рава Русскую.

Уже съ вечера перваго дня мобилизаціи раіонъ Владиміра Вол. былъ прикрытъ расквартированной здѣсь 7-й кав. див. На поддержку этой дивизіи, начиная съ 8-го дня, могли начать прибывать части XXI корпуса, который могъ закончить свое сосредоточеніе въ раіонѣ Владиміра Вол.: войскъ на 16-й день, обозовъ — на 18-й. На 20-й день къ Ковелю могла прибыть 3 кавк. каз. дивизія. Однако, въ случаѣ наступленія главныхъ силъ австро-венгровъ въ Бр.-Литовскомъ направленіи, нашей 3-й арміи выгодно было затянуть эти главныя силы подальше вглубь страны, что улучшало условія для задуманнаго нами въ предстоящемъ нашемъ наступленіи выхода нашей 4-й арміи на сообщенія австровенгровъ съ Зап. Галиціей.

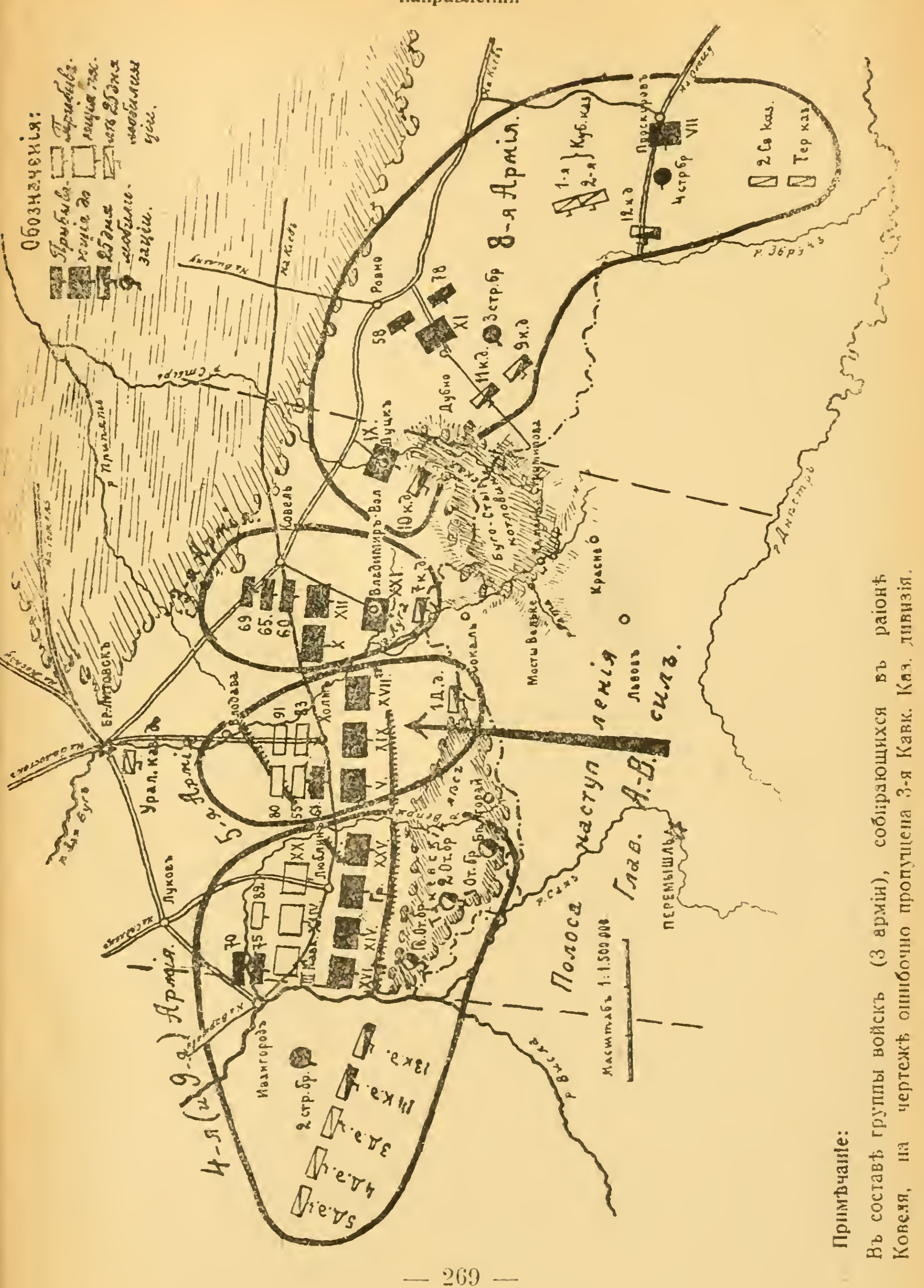
Исходя изъ этихъ соображеній, наша 3-я армія должна была создать на р. Бугѣ заблаговременный укрѣпленный рубежъ, долженствующій ей служить лишь какъ авангардная позиція. Съ главными же А.-В. силами, наступающими въ Бр.-Литовскомъ операціонномъ направленіи, 3-я армія должна была вести лишь *затяжной бой*. Переходъ къ рѣшительной оборонѣ долженъ былъ произойти лишь на ближайшихъ подступахъ къ Ковельскому жел.-дор. узлу. Также, какъ и 5-ая армія, вынужденная осаживать, 3-я армія должна была «держаться локтемъ» къ своему западному сосѣду, не боясь отрыва съ восточнымъ (съ 8-й арміей). Поэтому, на Ковельскомъ направленіи долженъ былъ отходить ея лѣвый флангъ, правый же долженъ былъ придерживаться р. Буга.

Подобнымъ рѣшеніемъ лучше всего проводилась бы въ жизнь основная стратегическая идея — сохранить въ нашихъ рукахъ фронтъ Ивангородъ-Люблинъ-Ковель, какъ наиболѣе выгодное исходное положеніе для нашего будущаго наступленія. Прорывъ крупныхъ А.-В. силъ къ востоку отъ Ковеля былъ опасенъ не для насъ, а для самихъ Австро-Венгровъ. Выдвинувшіяся здѣсь клиномъ ихъ войска, попадали въ положеніе чреватое тяжелыми для нихъ стратегическими послѣдствіями. Кромѣ угрозы ихъ лѣвому флангу, они подвергались опасности удара въ тылъ ихъ праваго фланга со стороны войскъ нашей 8-й арміи, сосредотачивавшихся въ Дубно-Ровненскомъ раіонѣ на 21-й день.

Появленіе главныхъ силъ австро-венгровъ въ полосѣ между р. Вислой и р. Стырью, развязывало руки нашей 8-й арміи. Поэтому, какъ только это выяснялось, вся наша 8-ая армія должна была перейти въ рѣшительное наступленіе съ цѣлью оттянуть на себя возможно болѣе сильные заслоны противника. Избравъ оперативной осью своего наступленія стратегическое направленіе на Каменку Струмилову (и далѣе на Мосты Вельке), она выходила къ переправамъ черезъ верхній Бугъ (и на р. Рату), откуда она угрожала сообщеніямъ съ Львовымъ главныхъ А.-В. силъ, углубившихся въ Б.-Литовскомъ направленіи. 8-я армія должна была предвидѣть и тотъ случай, если отъ нея потребовалось бы принятіе

СХЕМА.

Случай наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Бр.-Литовскомъ операціонномъ направленіи.

Примѣчаніе:
Въ составѣ группы войскъ (3 арміи), собирающихся въ районѣ Ковеля, на чертежѣ ошибочно пропущена 3-я Кавк. Каз. дивизія.

непосредственнаго участья частью ея силъ въ генеральномъ сраженіи, разыгрывающемся въ раіонѣ къ сѣверу отъ Буго-Стырской котловины. На этотъ случай 8-я армія должна была образовать на своемъ правомъ флангѣ сильный кулакъ, который былъ бы готовъ, въ случаѣ требованія Главнокомандующаго, наступать въ операціонномъ направленіи Луцкъ-Сокаль. Для созданія подобнаго кулака необходимо было перенести сосредоточеніе IX корпуса, назначеннаго планомъ 1912 г. въ раіонѣ г. Кременца, въ раіонъ г. Луцка. Такое сосредоточеніе могло быть закончено на 14-й день мобилизаціи.

Къ 40-му дню мобилизаціи, когда заканчивалось прибытіе всѣхъ силъ, предназначенныхъ на Ю.-З. фронтъ, стратегическая обстановка въ генеральномъ сраженіи, которое завязалось бы къ сѣверу отъ Таневскихъ лѣсовъ и Буго-Стырской котловины, могла быть таковой:

противъ 31-36 А.-В. пѣх. дивизій, углубившихся на Бр.-Литовскомъ операціонномъ направленіи, переходили въ наступленіе:

въ охватъ ихъ лѣваго фланга, отрѣзывая ихъ отъ сообщеній съ Зап. Галиціей, направлялись — 17 пѣх. дивизій нашихъ 9-ой и 4-ой армій;

съ фронта А.-В. главныя силы были бы атакованы 19-ю пѣх. дивизіями нашихъ 5-й и 3-й армій;

въ тылъ праваго фланга главныхъ А.-В. силъ, угрожая ихъ сообщеніямъ со Львовымъ, двигалось не менѣе 3-хъ пѣх. див. нашей 8-ой арміи.

При превосходствѣ въ силахъ на нашей сторонѣ создавалась также чрезвычайно выгодная для насъ стратегическая группировка, для выполненія того, — «чего мы хотимъ».

При наступленіи главныхъ А.-В. силъ въ Сѣдлецкомъ операціонномъ направленіи, ихъ правый флангъ двигался бы примыкая къ р. Бугу, а лѣво-фланговые корпуса шли бы по лѣвому (зап.) берегу р. Вислы. Подобному наступленію наиболѣе соотвѣтствовало стратегическое развертываніе А.-В. силъ не въ Вост. Галиціи (къ в. отъ р. Сана), а въ Западной (къ з. отъ этой рѣки). Въ этомъ случаѣ ихъ главныя силы могли подойти къ фронту нашихъ, собиравшихся на подступахъ къ Люблину и Холму, 4-й и 5-й армій на 21-й день мобилизаціи. Однако, корпуса, двигающіеся отъ Кракова по зап. берегу р. Вислы, вслѣдствіе своего болѣе удаленнаго исходнаго положенія, должны были отстать на нѣсколько переходовъ, образуя уступъ назадъ. Только къ 25-му дню эти корпуса могли выйти на линію фронта непріятельскихъ корпусовъ, наступающихъ на вост. берегу р. Вислы.

Если принять распредѣленіе силъ между 4-й и 5-й арміями, указанное въ предыдущемъ случаѣ[1], то мы будемъ имѣть къ 25-му дню въ 4-й арміи: 8½ перевоочередныхъ дивизіи (XIV, XVI, XXV и Грен. корпуса), 2 второочередныхъ дивизіи (70-я и 75-я), 2 кав. дивизіи (13-я и 14-я) и 3 отд. кав. бригады (Гвард., 2-я и 3-я).

Сохраненіе въ нашихъ рукахъ возможно широкаго плацдарма впереди Ивангорода имѣло для насъ первостепенное стратегическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ мы наилучше обезпечивали за собой возможность выполненія въ предстоящемъ нашемъ наступленіи, того, *чего мы хотимъ,* а именно маневра нашимъ правымъ флангомъ, отрѣзывающимъ А.-В. арміи отъ Кракова.

Предназначенныя нами [2]) для дѣйствій на зап. берегу р. Вислы силы

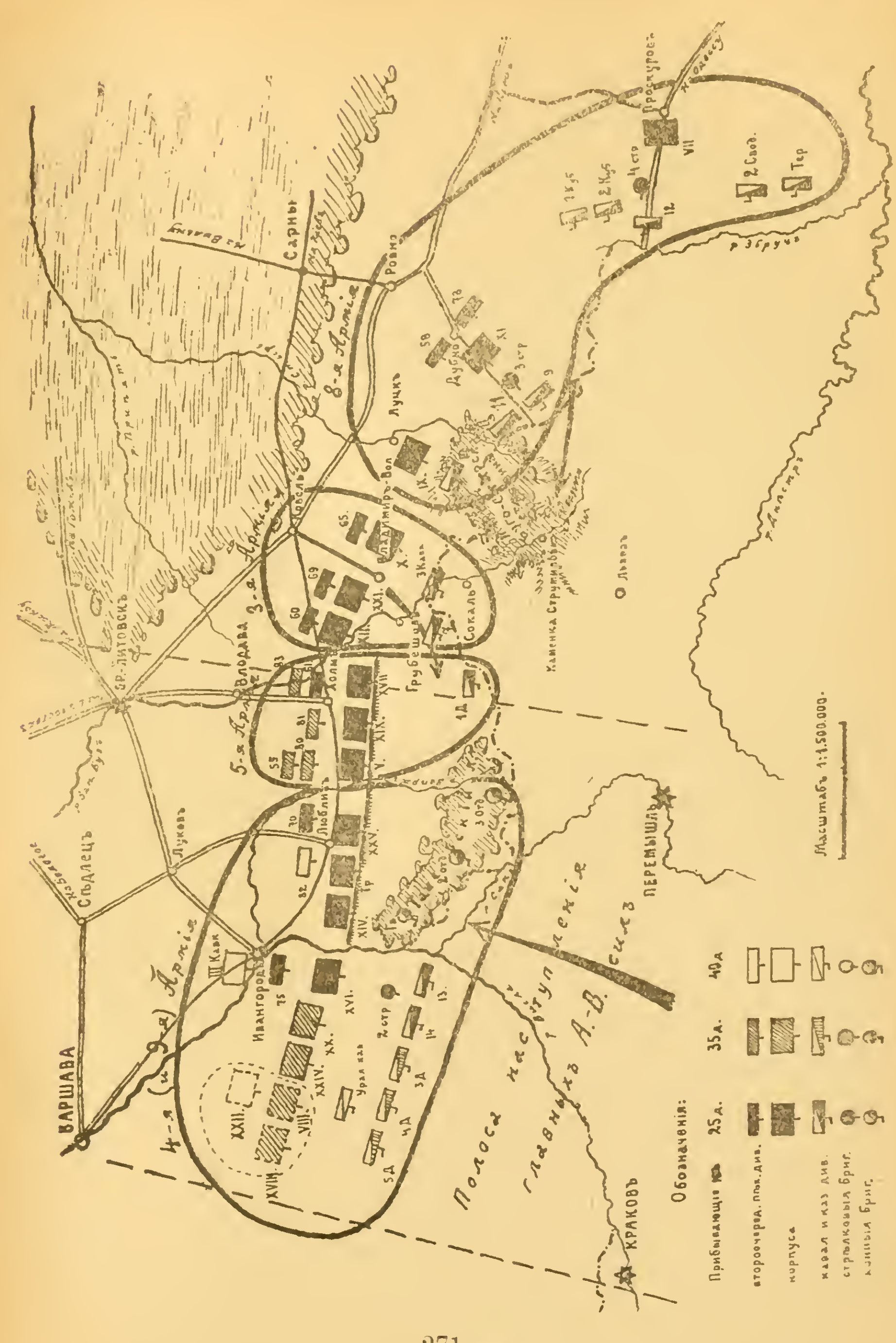
---

[1]) См. стр. 265-266.

[2]) См. стр. 267 .

СХЕМА.

Случай наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Сѣдлецкомъ операціонномъ направленія:

въ двѣ кав. дивизіи, поддержанныя 2-й стр. бригадой, достаточныя, если главныя А.-В. силы наступали бы въ Бр.-Литовскомъ направленіи, оказались бы, въ случаѣ наступленія А.-В. главныхъ силъ въ Сѣдлецкомъ направленіи, слишкомъ малыми. Необходимо было имѣть сразу же для дѣйствій на зап. берегу р. Вислы цѣлый корпусъ.

Мы предназначаемъ для этой цѣли XVI-й корп., войска котораго могли закончить свое прибытіе изъ Казанскаго воен. окр. въ Ивангородъ на 21-й день мобилизаціи. XIV-й корп. и другіе корпуса, прибывавшіе въ 4-ю армію нѣсколько раньше, должны были быть оставлены для защиты укрѣпленной позиціи, прикрывающей подступы къ Ивангороду и Люблину по вост. берегу р. Вислы, въ виду того, что здѣсь главныя А.-В. силы могли уже на 21-й день начать свои подготовительныя дѣйствія къ рѣшительной атакѣ этой укрѣпленной позиціи.

Въ случаѣ проявленія Австро-Венграми сильнаго боевого напряженія, они могли заставить осадить къ 35-му дню наши силы, дѣйствующія на зап. берегу р. Вислы къ самому Ивангороду. Но къ этому времени къ послѣднему могли уже прибыть XX корп. (изъ Виленскаго окр.), XXIV (изъ Казанскаго окр.) и казачьи дивизіи (3-я, 4-я и 5-я Донскія); къ 40-му дню здѣсь же заканчивали свое прибытіе III Кавк. корп. и одна второочередная дивизія (82-я), а также одна каз. дивизія (Уральская).

Еестественно, что было желательно объединеніе всѣхъ силъ, собиравшихся у Ивангорода, въ особую армію (№ 9).

Отсутствіе наступленія главныхъ А.-В. силъ къ востоку отъ р. Буга позволяло нашей 3-й арміи собраться въ раіонѣ Владимира-Волынска и отсюда дѣйствовать черезъ р. Бугъ въ правый флангъ наступающихъ въ Сѣдлецкомъ операціонномъ направленіи главныхъ А.-В. силъ, отвлекая этой угрозой значительную ихъ часть на себя.

Этимъ же обстоятельствомъ должна была воспользоваться и наша 8-я армія, перейдя въ наступленіе, имѣя своею операціонной осью направленіе на Каменку Струмилову, отрѣзая этимъ тылы А.-В. главныхъ силъ, наступающихъ въ Сѣдлецкомъ направленіи, отъ Львова. Для ускоренія оказанія помощи нашимъ 4-й, 5-й и 3-й арміямъ, участвующимъ въ генеральномъ сраженіи, разыгрывающемся къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ, правофланговый корпусъ 8-й арміи, сосредоточенный у Луцка (IX-й[1]) съ 10-й кав. дивизіей, долженъ былъ вести свое наступленіе сѣвернѣе Буго-Стырской котловины, направляясь на переправу черезъ р. Бугъ у Сокаль.

Сравнимъ теперь соотношеніе и группировокъ силъ обѣихъ сторонъ, которыя могли бы образоваться на 35-й и 40-й дни въ генеральномъ сраженіи, разыгрывающемся къ сѣверу отъ Таневскихъ лѣсовъ и на лѣвомъ берегу Вислы.

Къ этому дню фронтъ сражающихся принялъ бы видъ волнообразной линіи, проходящей къ югу отъ Ивангорода, Люблина, и далѣе по р. Бугу на югъ до Грубешова или до Сокаля.

У *Австро-Венгровъ* могли оказаться здѣсь силы въ 31-36 пѣх. дивизій[2]).

---

[1]) См. стр. 270.

[2]) Какъ указывалось выше, мы предполагаемъ, что наши враги съумѣютъ сосредоточить для выполненія своей главной задачи 3/4 своихъ силъ (изъ 42-47 пѣх. дивизій).

У насъ:	на 35-й день	на 40-й день.
Армія № 9	7 ½ пѣх. див.[1])	9 ½ пѣх. див.
Армія № 4	8 — пѣх. див.	8 — пѣх. див.
Армія № 5	11 — пѣх. див.	11 — пѣх. див.
Армія № 3	11 — пѣх. див.[2])	11 — пѣх. див.
	37 ½ пѣх. див.	39 ½ пѣх. див.

Какъ видно изъ этой таблицы, мы достигали на 35-й день равенства въ силахъ.

Въ тактическомъ отношеніи, группировка нашихъ силъ была болѣе благопріятной, нежели австро-венгерская. Нашъ охватъ праваго непріятельскаго фланга могъ легче развиваться, нежели охватъ врага нашего праваго фланга; кр. Ивангородъ, въ сочетаніи съ такой сильной водной преградой, какъ р. Висла, дѣлали возможность продвиженія здѣсь Австро-Венгровъ болѣе, нежели проблематичной.

Однако, если мы оцѣнимъ создавшееся положеніе со стратегической точки зрѣнія, мы должны признать, что наступленіе А.-В. въ направленіи на Сѣдлецъ срывало наше основное рѣшеніе: нанести рѣшительный ударъ нашимъ правымъ флангомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемая нами группировка отвѣчаетъ совершенно противоположному назначенію, а именно нанесенію рѣшительнаго удара нашимъ лѣвымъ флангомъ. Это же, какъ уже много разъ приходилось отмѣчать, не отвѣчало той основной стратегической идеѣ, только при наличіи которой наша рѣшительная первая операція въ Галиціи не противорѣчила бы союзнымъ интересамъ. Вѣдь только въ томъ случаѣ, когда наша побѣда надъ Австро-Венграми, отрѣзывала ихъ отъ Зап. Галиціи и ставила ихъ въ катастрофическое стратегическое положеніе, немедленная присылка германскихъ войскъ, снятыхъ съ французскаго фронта, становилась неизбѣжной.

Выправить неудачно для насъ сложившуюся стратегическую группировку можно было только усиленіемъ нашихъ 4-й и 9-й армій, за счетъ направленныхъ на Ю.-З. фронтъ лишнихъ корпусовъ.

Анализъ создавшейся уже къ 1912 г. политической обстановки позволялъ предусматривать ненужность оставленія противъ Румыніи VIII корпуса и, въ случаѣ направленія главныхъ силъ Германіей противъ Франціи, оставленія для охраны Балтійскаго побережья XVIII и XXII корпусовъ[3]). Эти корпуса могли прибыть въ раіонъ Ивангорода: VIII — на 20-й день, XVIII — на 30-й день, XXII — на 12-й день[4]). Отсюда слѣдуетъ, что 9-я армія могла на 35-й день перейти въ наступленіе, имѣя въ своемъ составѣ 5 корпусовъ (съ 10½ полевыми пѣх. дивизіями) и имѣя въ резервѣ высаживающіеся III Кавк. и XXII корпуса (2 пѣх. див. и 4 стр. бригады).

1) 75-я, второочередная, дивизія въ гарнизонѣ кр. Ивангородъ.

2) Свои 9 пѣх. див. плюсъ IX корпусъ, подошедшій изъ 8-й арміи.

3) Такъ и было въ августѣ 1914 г.

4) Въ авг. 1914 г. Ю.-З. фронтъ былъ усиленъ тремя корпусами: VIII, XVIII и Гвард.

Въ подобныхъ условіяхъ соотношеніе въ силахъ создавалось такое:

У Австро-Венгровъ: 31-36 пѣх. дивизій.

У насъ:	на 35-й день	на 40-й день.
9-я армія	10 ½ пѣх. див.	15 ½ пѣх. див.
4-я армія	8 — пѣх. див.	8 — пѣх. див.
5-я армія	11 — пѣх. див.	11 — пѣх. див.
3-я армія	11 — пѣх. див.	11 — пѣх. див.
	40 ½ пѣх. див.	45 ½ пѣх. див.

Если мы вдумаемся въ создавшуюся группировку, то мы увидимъ, что она вполнѣ создавала для насъ возможность выполненія въ предстоящемъ, послѣ нашего сосредоточенія, наступленіи того, *чего мы хотимъ,* т. е. закупорить А.-В. арміи въ Галиціи, отрѣзавъ ихъ отъ Кракова.

Отсюда мы видимъ, что силы, предназначенныя на Ю.-З. фронтъ, были достаточными для веденія сокрушительнаго сраженія съ Австро-Венграми, только въ томъ случаѣ, если главнокомандованіе послѣднихъ совершило бы стратегическую ошибку и повело бы свое наступленіе по Проскуровскому, или Дубно-Ровненскому или Бр.-Литовскому операціоннымъ направленіямъ. При отсутствіи же такой ошибки и наступленіи А.-В. главныхъ силъ въ Сѣдлецкомъ операціонномъ направленіи, силы нашего Ю.-З. фронта, для нанесенія рѣшительнаго пораженія лѣвому флангу А.-В. главныхъ силъ, были недостаточны.

Обратимъ вниманіе на то, что сдѣланные только что подсчеты показываютъ, что для этого въ разсматриваемомъ нами здѣсь случаѣ требовалось предназначеніе на нашъ Ю.-З. фронтъ 19 корпусовъ. Напомнимъ, что Записка ген. М. В. Алексѣева, составленная имъ 17-го февр. 1912 г., опредѣляла нужную Ю.-З. фронту силу въ 19-ть корпусовъ.

Закончивъ на этомъ наши предварительные оперативные разсчеты, разсмотримъ теперь, какую же окончательную форму долженъ былъ принять планъ операціи въ Галиціи, составленный въ духѣ «Милютинской стратегіи».

Основной идеей этой операціи должно было являться: переходъ нашего Ю.-З. фронта въ рѣшительное наступленіе, имѣющее цѣлью разбить А.-В. арміи, сосредоточенныя въ Галиціи, отрѣзавъ ихъ при этомъ отъ путей отступленія, проходящихъ черезъ Зап. Галицію. До окончанія нашего сосредоточенія (35-й день), Ю.-З. фронтъ долженъ занять выжидающее стратегическое положеніе, имѣющее своей цѣлью сохранить для себя наиболѣе выгодное исходное положеніе для задуманнаго предстоящаго наступленія.

Принявъ во вниманіе тѣ поправки за счетъ воли противника, о которыхъ мы говорили выше, составъ и задача каждой изъ армій должны были бы быть слѣдующіе:

Армія № 9.

Сосредотачивается въ раіонѣ Ивангорода.

Составъ: XVI, XX, XXIV корпуса; 2-я стр. бригада; 75-я второочередная пѣх. дивизія; 13-я и 14-я кав. див.; 3-я, 4-я, 5-я Донскія каз. дивизіи.

Задача:

На 35-й день перейти въ рѣшительное наступленіе по западному берегу

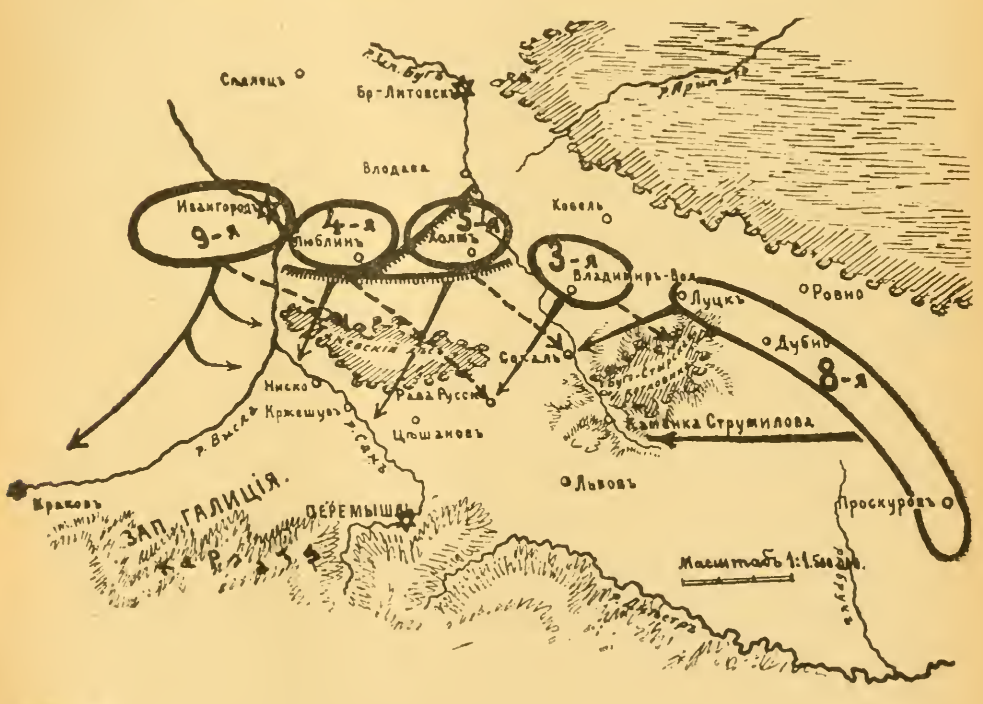
р. Вислы въ Краковскомъ операціонномъ направленіи, обезпечивъ себѣ возможность быстрой переправы на восточный берегъ р. Вислы во флангъ и тылъ А.-В. войскамъ, дерущимся противъ нашей 4-й арміи.

До 35-го дня 9-я армія занимаетъ выжидательное положеніе, имѣя цѣлью сохранить за собой выгодное исходное положеніе для охвата лѣваго А.-В. фланга. Укрѣпленный раіонъ кр. Ивангорода долженъ быть во что бы то ни стало удержанъ.

Имѣть въ виду, что въ случаѣ наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Дубно-Ровненскомъ или Проскуровскомъ направленіяхъ, Главнокомандующій можетъ приказать, начиная съ 22-го дня, переброску арміи на восточный берегъ р. Вислы съ задачей прикрытія со стороны Ниж. Сана маневра 4-й арміи въ направленіи на Рава-Русскую.

СХЕМА

Окончательной формы нашего проекта развертыванія Ю.-З. фронта.

Армія № 4.

Сосредоточеніе въ раіонѣ Люблина.

Составъ: XIV, Грен. и XXV корпуса; 70-я и 82-я второочередныя пѣх. дивизіи; отдѣльныя Гвард., 2-я и 3-я кав. бригады.

Задача:

На 35-й день перейти въ рѣшительное наступленіе съ цѣлью захвата Ниж. Сана, до Ниско включительно.

До 35-го дня армія занимаетъ выжидательное положеніе, причемъ раіонъ Люблина долженъ быть удержанъ во что бы то ни стало. Люблинская укрѣпленная позиція должна считаться главнымъ рубежомъ обороны.

Предвидѣть возможность приказа Главнокомандующаго, въ случаѣ наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Дубно-Ровненскомъ или Проскуровскомъ операціонныхъ направленіяхъ, перейти въ наступленіе на 25-й день мобилизаціи по операціонной линіи Люблинъ - Рава Русская.

Армія № 5.

Сосредотачивается въ раіонѣ Холма.

Составъ: V, XVII, XIX корпуса; 55, 61, 80, 81, 83 второочередныя пѣх. дивизіи; 1-я Донская каз. дивизія.

Задача:

Сосредоточиться въ раіонѣ Холма съ тѣмъ, чтобы на 35-й день мобилизаціи перейти въ рѣшительное наступленіе на фронтъ Кржешувъ-Цѣшанувъ.

До 35-го дня армія занимаетъ выжидательное положеніе, обороняясь на Холмской укрѣпленной позиціи. На этой позиціи должно быть оказано врагу упорное сопротивленіе,обращая особое вниманіе на прочную смычку съ лѣвымъ флангомъ 4-й арміи и готовность оказать послѣдней содѣйствіе. Въ случаѣ превосходства атакующихъ непріятельскихъ силъ, 5-я армія можетъ быть осажена на тыловую укрѣпленную позицію на линіи Люблинъ - Влодава. Но это осаживаніе можетъ быть произведено лишь съ разрѣшенія Главнокомандующаго.

Предвидѣть возможность приказа Главнокомандующаго, въ случаѣ наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Дубно-Ровненскомъ или Проскуровскомъ операціонныхъ направленіяхъ, перейти въ наступленіе на 25-й день по операціонной линіи Холмъ-Сокаль.

Армія № 3.

Сосредотачивается въ раіонѣ Владимира-Волынскаго.

Составъ: X, XII, XXI корпуса; 60, 65, 69 второочередныя пѣх. дивизіи; 7-я кав. и 3-я Кавк. каз. дивизіи.

Задача:

На 30-й день мобилизаціи перейти въ наступленіе въ операціонномъ направленіи на Рава-Русскую.

До 30-го дня армія не должна ввязываться въ отдѣльное рѣшительное армейское сраженіе. Поэтому, въ случаѣ наступленія противъ нея превосходныхъ силъ, она должна вести лишь задерживающіе и приковывающіе къ себѣ врага бои, осаживая на линію Влодава-Ковель. Главныя силы арміи должны быть сосредоточены на ея правомъ флангѣ, т. к. возможность ея оперативнаго взаимодѣйствія съ 5-й арміей имѣетъ первенствующее значеніе.

Имѣть въ виду возможность приказа Главнокомандующаго, въ случаѣ наступленія А.-В. главныхъ силъ въ Дубно-Ровненскомъ или Проскуровскомъ операціонныхъ направленіяхъ, перейти на 25-й день въ наступленіи на Дубно.

Армія № 8.

Сосредотачивается въ двухъ группахъ:

два корпуса въ Дубно-Ровненскомъ раіонѣ,

одинъ корпусъ въ Проскуровскомъ.

Составъ: VII, IX, XI корпуса; 3-я и 4-я стр. бригады; 58-я и 78-я второочередныя пѣх. дивизіи; 9, 10, 11, 12 кав. див.; 2 Сводная, 1-я Куб., 2-я Куб. и Терская каз. дивизіи.

Задача:

Въ случаѣ отсутствія или ухода А.-В. главныхъ силъ изъ Вост. Галиціи, арміи, на 23-й день перейти, по приказу Главнокомандующаго, въ наступленіе съ

цѣлью сбить оставленные въ Вост. Галиціи непріятельскіе заслоны и приковать къ себѣ возможно большія его силы. Оперативной осью этого наступленія должно являться направленія на Каменку Струмилову. При этомъ надлежитъ предвидѣть возможность приказа Главнокомандующаго двинуть корпусъ, сосредоточившійся у Луцка, въ направленіи на Сокаль для совмѣстныхъ дѣйствій съ лѣвымъ флангомъ 3-й арміи.

Въ случаѣ присутствія главныхъ силъ австро-венгровъ въ Вост. Галиціи, 8-я армія должна частичными наступленіями приковать къ себѣ вниманіе противника.

Въ случаѣ наступленія А.-В. главныхъ силъ въ Дубно-Ровненскомъ или Проскуровскомъ операціонныхъ направленіяхъ, армія должна сохранить въ нашихъ рукахъ раіонъ Ровненскаго желѣзнодорожнаго узла до 30-го дня мобилизаціи, дабы дать возможность закончить перевозки по сосредоточенію 3-й арміи. Оборонительныя дѣйствія 8-й арміи на Дубно-Ровненскомъ направленіи должны носить активный характеръ для того, чтобы приковать къ себѣ на возможно большій срокъ и возможно большее число непріятельскихъ дивизій съ цѣлью облегчить главный ударъ фронта, наносимый западнѣе Буга. Проскуровское направленіе должно быть прикрыто лишь упругой завѣсой, назначеніе которой не позволить проникновеніе непріятельской кавалеріи и передовыхъ частей, а также приковываніе къ Проскуровскому направленію вниманія противника.

Резервъ Главнокомандующаго фронтомъ: запаздывающіе прибытіемъ III Кавк. корпусъ и Уральская каз. дивизія оставляются временно въ распоряженіи Главнокомандующаго и перевозятся къ Ивангороду; по окончаніи перевозокъ Главнокомандующій предполагаетъ передать эти части въ составъ 9-й арміи.

Въ приводимой ниже таблицѣ подведены итоги силъ каждой изъ армій.

арміи:	число дивизій			
	пѣхотныя			конныя
	первоочеред.	второочеред.	всего	
армія № 9	6½	1	7½	5
— № 4	6	2	8	1½
— № 5	6	5	11	1
— № 3	6	3	9	2
— № 8	7	2	9	8
Резервъ Главноком. .	2	—	2	1
	33½	13	46½	18½

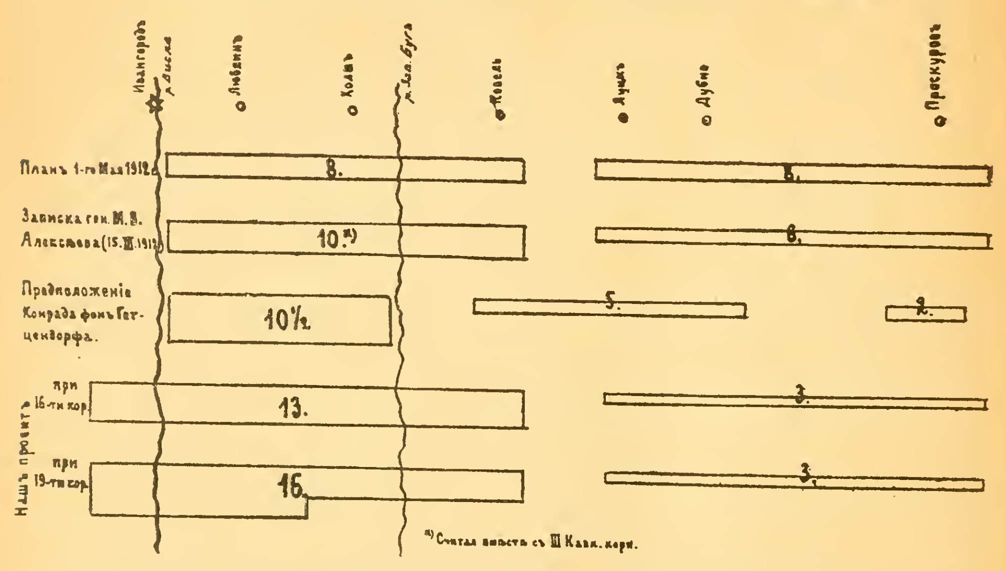
Въ случаѣ присылки на Юго-Западный фронтъ корпусовъ сверхъ предназначенныхъ уже шестнадцати, эти корпуса должны войти въ составъ 9-й и 4-й армій. Какъ я уже говорилъ въ предыдущихъ очеркахъ, въ августѣ 1914 г. Верховное Главнокомандованіе усилило Ю.-З. фронтъ тремя корпусами (Гвард., VII и XVIII).

Сравнимъ теперь предложенное нами стратегическое развертываніе Ю.-З. фронта съ развертываніемъ, проектированнымъ ген. М. В. Алексѣевымъ въ его запискѣ отъ 15-го марта[1]), а также съ тѣмъ нашимъ развертываніемъ, котораго опасался Конрадъ фонъ Гетцендорфъ. Это сравненіе мы сдѣлаемъ въ корпусахъ, т. к. ген. М. В. Алексѣевъ и Конрадъ фонъ Гетцендорфъ, при исчисленіи принимали во вниманіе только корпуса.

Нижеприводимая картограмма наглядно выражаетъ интересующее насъ сравненіе.

КАРТОГРАММА

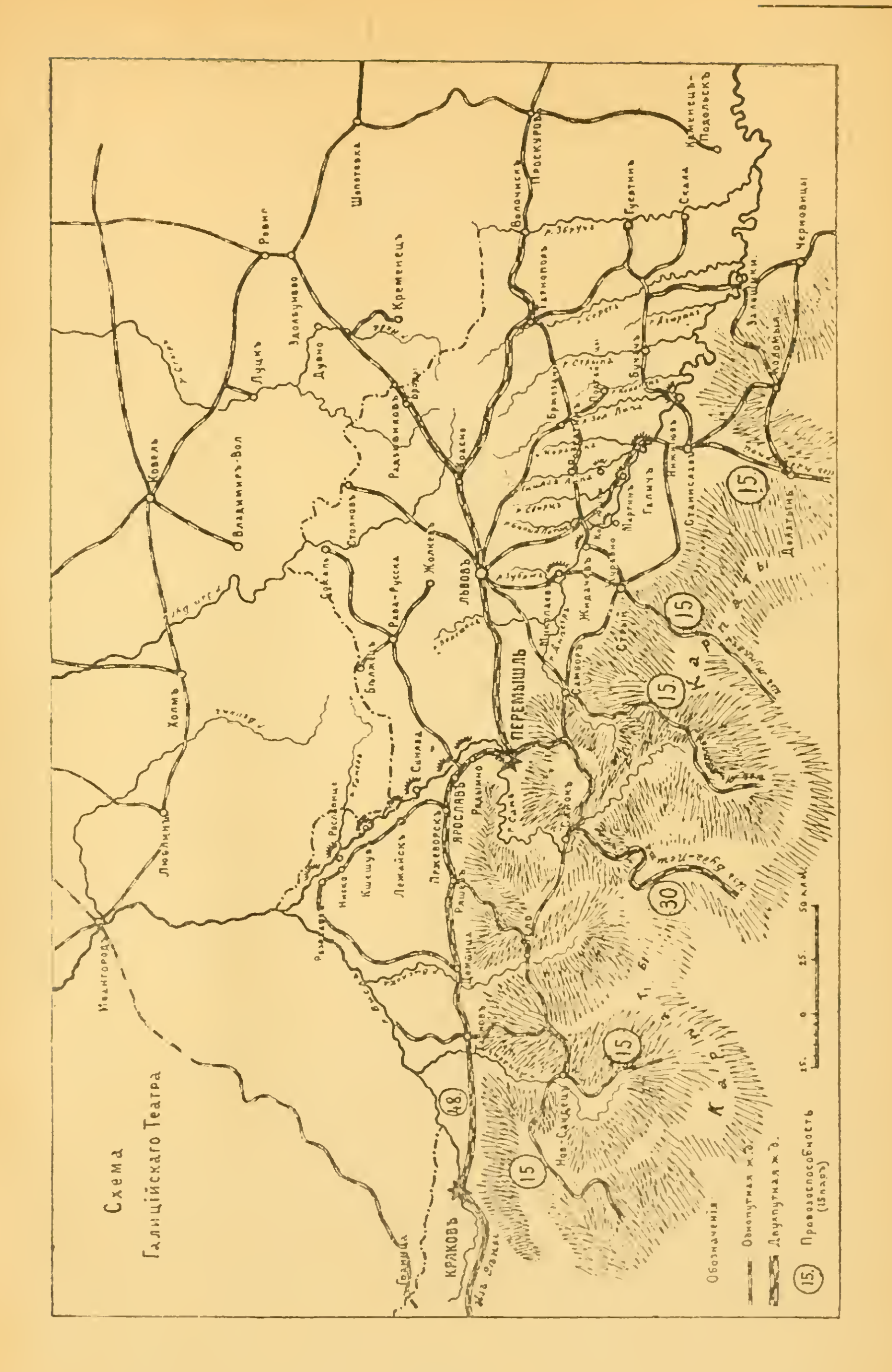
Сравненіе проектовъ стратегическаго развертыванія Ю.-З. фронта.

Въ заключеніе приведенныхъ въ этомъ очеркѣ оперативныхъ расчетовъ мы обратимъ вниманіе, что 22-й день представлялъ собою первый важный этапъ въ ходѣ намѣченныхъ операцій. Въ этотъ день, въ случаѣ наступленія главныхъ А.-В. силъ въ Дубно-Ровненскомъ или Проскуровскомъ операціонныхъ направленіяхъ, 9-я армія должна начать свою переправу на восточный берегъ р. Вислы; въ случаѣ же если А.-В. главныя силы поведутъ наступленіе въ Сѣдлецкомъ или Брестъ-Литовскомъ операціонныхъ направленіяхъ, въ этотъ день должна начать свое наступленіе въ операціонномъ направленіи на Каменку Струмилову 8-я армія. Слѣдовательно къ 20-му дню Штабъ фронта долженъ окончательно выяснить: остались ли вѣрными свѣдѣнія, добытыя тайной развѣдкой въ мирное время о стратегическомъ развертываніи А.-В. армій въ Вост. Галиціи или же въ этомъ отношеніи произведены какія либо измѣненія; особенное вниманіе должно быть при этомъ обращено на самое невыгодное для насъ измѣненіе, а именно переносъ стратегическаго развертыванія изъ Вост. Галиціи въ Зап. Галицію. Исходя изъ этого общаго вопроса, обращеннаго къ нашей развѣдкѣ, и должны были быть поставлены, въ приложенномъ къ плану операціи планѣ развѣдки, частные вопросы и задачи развѣдкамъ каждой изъ армій.

---

1) См. стр. 58-61.

Схема
Галиційскаго Театра
Ковель
Луцкъ
Ровно
Шепетовка
Проскуровъ
Волочискъ
Тарнополь
Кременецъ
Здолбуново
Дубно
Владиміръ-Вол
Холмъ
Люблинъ
Ивангородъ
Львовъ
Жолкевъ
Рава-Русска
Сокаль
ПЕРЕМЫШЛЬ
ЯРОСЛАВЪ
Радымно
Лежайскъ
Ниско
Ряшевъ
КРАКОВЪ
Нов-Сандецъ
Стрый
Галичъ
Станиславъ
Делятинъ
Коломыя
Залещики
Черновицы
Гусятинъ
Скала
Каменецъ-Подольскъ
15
30
48
Обозначенія
Одноколейная ж. д.
Двухпутная ж. д.
Провозоспособность (15 паръ)
25 0 25 50 клм.

ИСПРАВЛЕНІЕ.

На стр. 63 въ указаніи частной задачи **1-й арміи**, въ правомъ столбцѣ,

напечатано: Подготовка къ наступленію, **обративъ вниманіе** на обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера,

должно быть: Подготовка къ наступленію, **обративъ особое вниманіе** на обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe